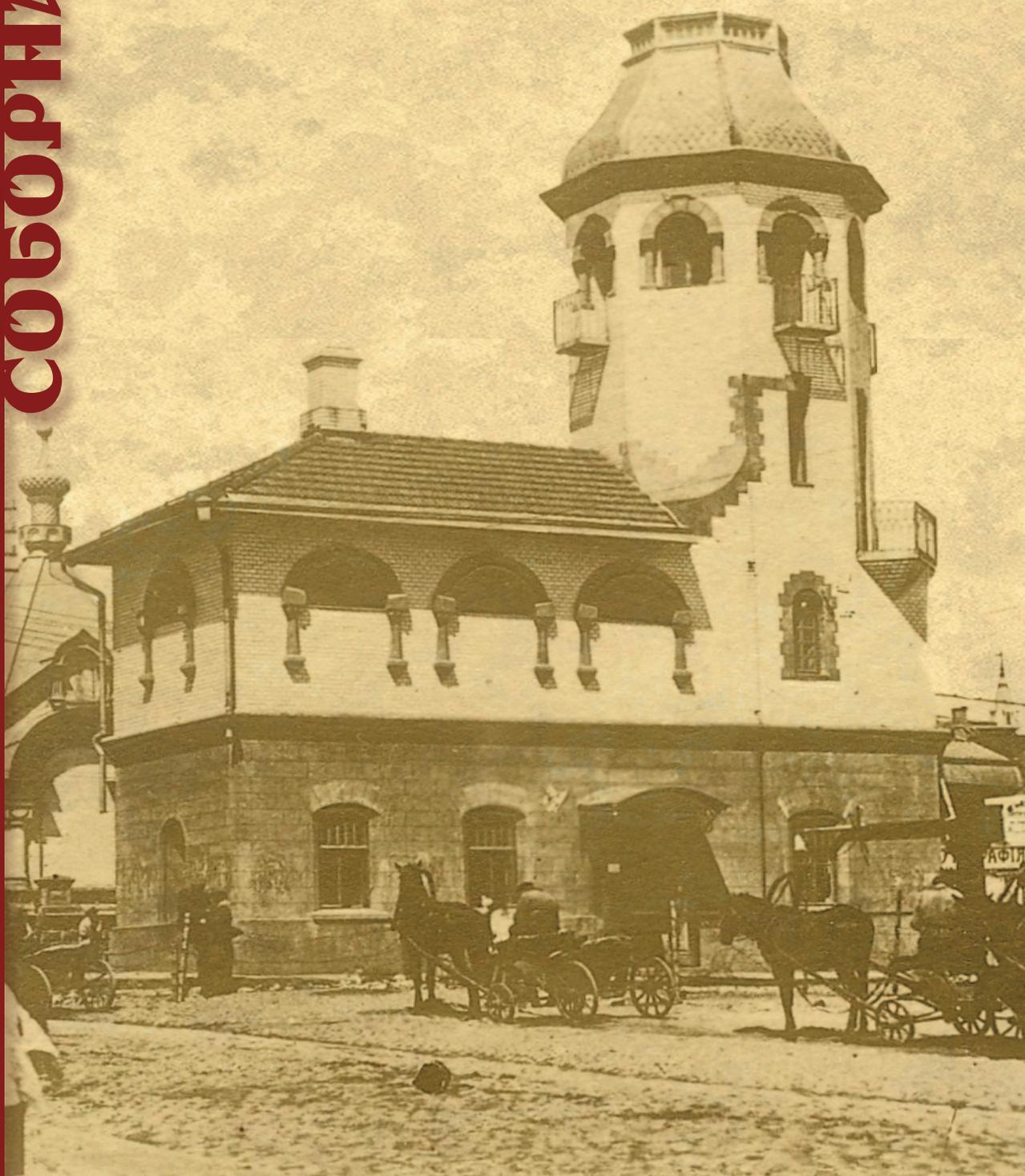

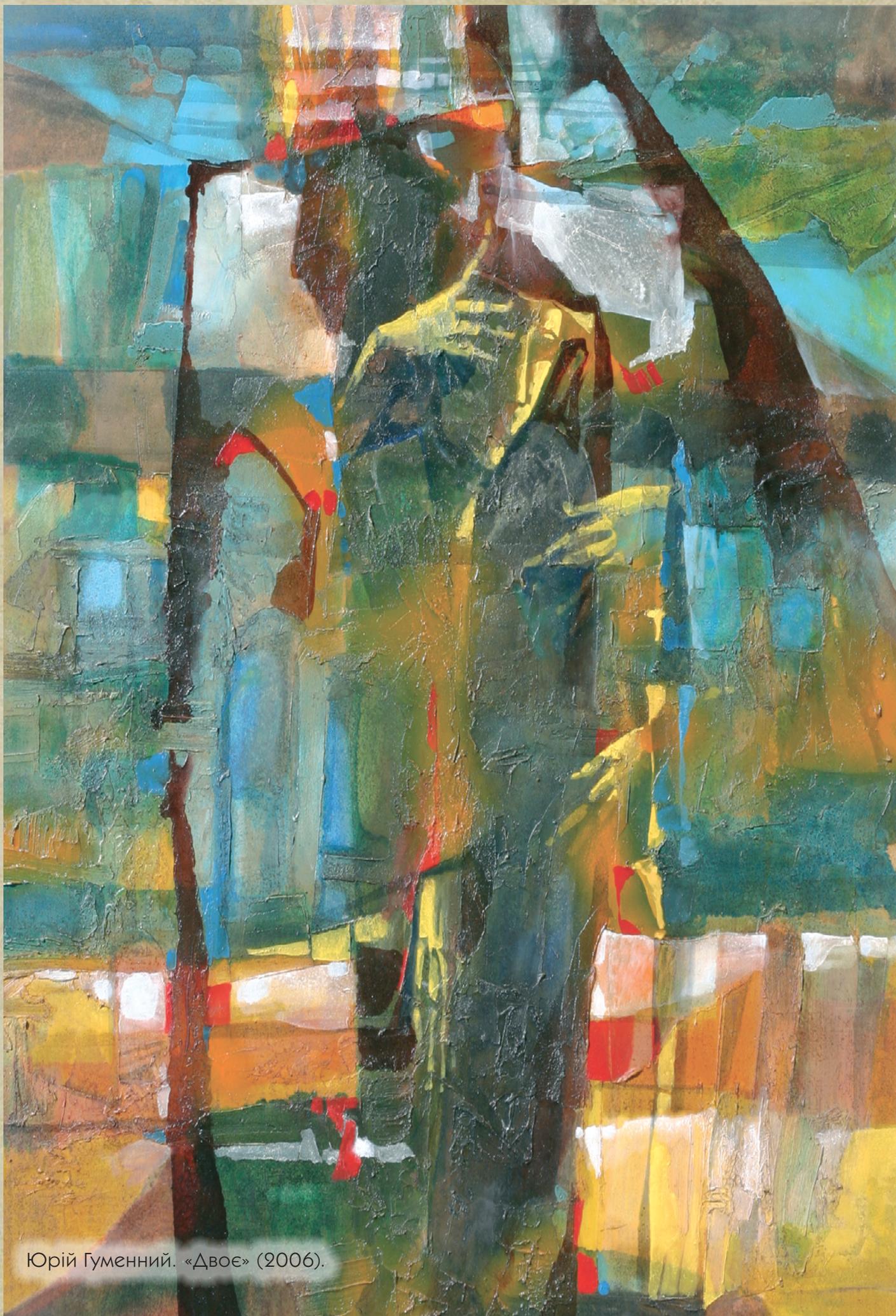
СОБОРНАЯ УЛИЦА СПИЖА ВУЛИЦА

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

1-2.2015

Юрій Гуменний. «Двое» (2006).

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»
№ 1-2 (8-9) 2015 р.**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(видавничий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Олена СИМОНЕНКО
Світлана СКИБА
Тетяна ФАБРИКОВА
Олександр ХАЄЦЬКИЙ

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: s-street.red@yandex.ru

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г.В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x841/8
Умовн. друк. арк. 20,93
Замовлення № 130-07
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книговидання,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2011-2015 роки**

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**1-2
2015**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Алексей ТОРХОВ: Гидропонное сознание.....	3
--	---

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

Анатолий КУЗНЕЦОВ: Ольвийские встречи – 2.....	4
Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Декабрь в Одессе.....	16

ПОЭЗИЯ

Арон КОПШТЕЙН: По рыбах сріблястих пливеш.....	24
Владимир ПУЧКОВ: Камуфляжная осень.....	29
Рефлексия щедрого поэта. <i>Сергей Гавролов</i>	35
Борис МОЗОЛЕВСЬКИЙ: Тінь коханої руки.....	65
Яков ТУБЛИН: Этот мелкий шрифт жизни.....	71
Валерий ГРОСМАН: Девочка проходит сквозь меня.....	84
«А думали – что нам терять...». <i>Владимир Пучков о Валерии Гросмане</i>	89
Олег ДОРОШ: Крихти хліба в долоні.....	91

ДРАМАТУРГИЯ

Анатолий МАЛЯРОВ: Анафема. Достовірна історія про Івана, Петра і Карла.....	37
--	----

ПРОЗА

Віра МАРУЩАК: Оповідання.....	76
Александр ФИНОГЕЕВ: Крутой вираж. «Одноклассники». <i>Рассказы</i>	95

ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей ПИЛИПЧУК: Василий Гречишников: «Иду на Берлин!».....	109
Валерий ЧЕРНЯВСКИЙ: Коллаборационисты или патриоты?.....	130
Дмитро КРЕМИНЬ: Звёздная карта поэта.....	135
Любов СПАНАТІЙ: Як подзвонює тронка.....	138

ВЫШЕ ВАТЕРЛИНИИ

«ВАТЕРЛИНИЯ – 2014»: Четвёртая. Виртуальная.....	142
---	-----

МАСТЕРСКАЯ

Сергій РОСЛЯКОВ: Самотній човен Юрія Гуменного.....	152
Марина ВАСИЛЬЕВА: «НОМО LUDENS» – территория взаимопонимания.....	156
Юрий ОДРОБИНСКИЙ: Дивоцветы. Батик Елены Тригуб.....	160

АРХИВ

Василий МАЛАГУША: «Это ошибка, мама...».....	163
Игорь ГАВРИЛОВ, Елена ПОНОМАРЁВА: Николаевская любовь Эдуарда Багрицкого.....	168

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Кожен номер – відкриття!	172
Ігор МАРЦІНКОВСЬКИЙ: Надрукована в Миколаєві у 1832 р.....	173
Евгений ГОРДЕЕВ: В. В. Верещагин в музейной коллекции.....	177

ЭКСЛИБРИС

Юрий ЛЮБАРОВ: «Конвертированный» Николаев.....	178
---	-----

ОБЛОЖКА

Алексей ТОРХОВ: Подстанция, кафе, банк.....	180
--	-----

ГИДРОПОННОЕ СОЗНАНИЕ

Есть такой способ выращивания растений – гидропоника. Суть его в том, что корневая система помещается не в землю, а в раствор минеральных солей, приготовленный по нуждам данного вида растений. Это эффективный способ выращивания сельскохозяйственных культур на искусственных средах без почвы. Например, в Израиле в настоящее время до 80% всех овощей, зелени и фруктов выращивается гидропонным способом... Факт сам по себе интересный, – скажете вы, – но зачем этот ликбез по агрохимии? И действительно, зачем? Для аналогии, – отвечу я, – для аналогии. Мне всё больше кажется, наоборот – до 80% всех людей сегодня выращивают как овощи, зелень и фрукты. И не в Израиле – у нас. А особо – по ту сторону нашей восточной границы. Выращивают всё тем же гидропонным способом. То есть без почвы. С одним лишь существенным отличием: вместо рабочей смеси с веществами для роста человека-растения вкладывают в него то, что нужно агрохимикам-кукловодам. И восходят на этих условных грядках так называемые пророссийские «ватники» и проукраинские «вышиватники».

Или же люди-овощи, сознание которых дозировано и эффективно регулируется извне. Но независимо от того, что капает в сознание по питающим трубкам, по каналам и волнам, бесспорно одно: Украина фактически находится в состоянии ограниченной войны с Россией. Или как её называют ещё – «гибридной» (ох уж эти агрономические термины!).

Украинское общество разделилось, и линия раздела пролегла решительно по всему: членам семей, бывшим друзьям и товарищам, недавним кумирам, вчерашним ценностям. Сегодня каждый делает мучительный выбор – «с кем он», даже если при этом делает вид, что его это не касается. Мы пережили уже один миф – «о нерушимом союзе республик свободных». Сегодня, по прихоти или же циничному расчёту «сами знаете кого», переживаем крушение другого мифа – «о русском мире». О мире, тяготеющем к войне.

Цивилизация, обгоняя время, спешит в XXII век. Нас же, уговаривая и угрожая, пытаются затщить назад – в век XX. Где всё та же мандельштамовская горечь («мы живём, под собою не чуя страны»). И тот же пастернаковский вопрос в открытую форточку («какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»)... Меняются лишь риторика и терминология. Столько лет было на слуху «русское зарубежье». И вот уже в среде литераторов появился экспансивный термин «русское безрубжье» (статья Веры Зубаревой в № 5/2015 журнала «Дружба народов»). И вот уже быть русскоязычным недостаточно, нужно обязательно – русским, т.е. желательно определиться. Потому я и обращаюсь, прежде всего, к русскоязычным согражданам из «гидропонной сотни». В мир опять ворвалась весна – «высадите себя» в грунт. Ощутите реальную почву под собой. Впитывайте энергию земли босыми ногами. Будьте с родной землёй во всём до конца. Ведь если отключиться от гидропонного ресурса, вещи и названия начнут опять соответствовать себе. И оккупанты, как водится, станут оккупантами. Даже если говорят на языке, до боли похожем на твой родной.

На самом деле идёт война просоветского с постсоветским. И «украинец» – уже не национально-этническая категория, а ценностная. И уже не имеют большого значения твоя национальность и родной язык. Силы и сущности, стоящие за ним, жаждут самоутверждения и танцуют в предвосхищении. Гораздо важнее осознать себя органичной частицей этой среды, этой страны, этого пространства-времени. А если и быть, в некотором роде, инородным телом, то только в качестве трансплантата, помогающего целому осуществиться здесь и сейчас.

На каждом из нас сегодня лежит ответственность за то, где мы будем жить завтра. В какой стране. В каком мире. Что выберем мы – возврат к старым историческим конструкциям или возможность новой страны?

Говорят, писать на злобу дня не совсем верно и даже неправильно. Вот и давайте писать, говорить и думать – «на доброту», ещё оставшуюся в наших днях. Говорить и думать самостоятельно, не с заёмного голоса. Давайте общаться о будущем – о трудном пути к общему празднику на нашей суверенной Соборной улице.

Алексей ТОРХОВ

Анатолий КУЗНЕЦОВ

ОЛЬВИЙСКИЕ ВСТРЕЧИ – 2

«Ойкист» из Бердянска

Согласно закону генеалогии, на столетие приходится деятельность трёх поколений людей. И это правило подходит не только к семье или роду. Оно, в частности, хорошо накладывается на генерации учёных, занимавшихся в XX веке археологическими исследованиями Ольвии. Сначала это были Б. В. Фармаковский с помощниками. Затем с 1936 года раскопки осуществляли Л. М. Славин, А. Н. Карасёв и Е. И. Леви со своими коллегами помоложе. От них в 1972 году исследовательскую эстафету принял коллектив Ольвийской экспедиции, возглавляемый С. Д. Крыжицким. Именно к этому поколению археологов принадлежит доцент Бердянского государственного педагогического университета Валентина Анатольевна Папанова. Бывая в заповеднике «Ольвия», я не раз слышал о ней, но встретиться и побеседовать всё никак не удавалось. Такая возможность предоставилась лишь около двух лет назад.

...Полевой сезон в Ольвии уже отмерил третью неделю, и я, следуя указаниям Аллы Буйских, недавно сменившей на посту начальника экспедиции тяжело заболевшую Валентину Крапивину, шагнул по городищу в южном направлении. Оставив позади Верхний город и цитадель, останавливаюсь на краю высокого плато. Сверху как на ладони видна Заячья балка. На выходе к Бугскому лиману она напоминает борозду, прорезанную в земле каким-то гигантским плугом. У подножия противоположного, правого, склона балки, где-то между деревьев, должны находиться палатки бердянского отряда «Арго». На тропинке, круто идущей вниз, сандалии утопают в горячей серой пыли. В летнем воздухе слышен горьковатый аромат полыни. Вот палатки волонтеров из Брянки, за ними – луганчан. Наконец, вижу мачту с флагом «Арго». Под навесом, за простым деревянным столом, ребята что-то едят и пьют. Машинально бросаю взгляд на часы. Они показывают лишь около одиннадцати дня. Удивляюсь вслух:

– Не рановато ли для обеда?

– Так ведь мы только завтракаем, – послышалось из полевой столовой.

– Неужели проспали?

И снова мой вопрос невпопад. Оказывается, отряд уже пришёл с раскопок античной усадьбы. Такие вот ранние пташки в «Арго». Это – не единственный интересный штрих к организации лагерной жизни бердянцев.

– Все в отряде знают, что в Ольвию мы приезжаем не прохладиться, – сказала Папанова, приглашая меня в спасительную тень тента. – Распорядок дня у нас такой, чтобы основной объём работ выполнять до наступления сильного солнцепёка. Поэтому подъём объявляется в четыре часа 20 минут, в пять утра отправляемся на исследуемый объект. Там ребята получают задание, справившись с которым, могут отдыхать.

Неловкость, часто присущая первым минутам знакомства, быстро исчезает. Внешность Валентины Анатольевны почему-то вызвала в моей памяти образ советской киноактрисы Янины Жеймо. Впрочем, может, это лишь показалось. По ходу беседы мои мысли бегут дальше в оценке собеседницы, её стиля жизни. Такое впечатление, что она лично предельно организована и не терпит расслабленности в других. В этом старый, как мир, принцип опытных людей: умеешь сам – научи молодых. Чему? В археологии – это плановость в работе, технология раскопок, привязка исследуемых объектов к местности, первичная обработка находок, их датировка. В итоге же – молодёжь учится серьёзному отношению к тому, на что поставлена жизнью, судьбой.

Общаясь с ребятами из «Арго», Папанова, вероятно, вспоминает себя в их годы. Такой же юной студенткой открыла для себя Ольвию. Сменив учёбу в Запорожском педагогическом институте на работу в Бердянске, не изменила прежней привычке – летом всё так же отправляться на исследова-

Реставратор Анна Шиянова

ния античного города над Бугским лиманом. Поначалу брала с собой школьников из археологического кружка, из класса с углублённым изучением истории, затем – учащихся Бердянского муниципального лицея и студентов университета. Сколько таких полевых сезонов за спиной, что уже не вспомнить, почему называли отряд «Арго». Для его участников Валентина Анатольевна что-то вроде ойкиста. Что за звание-должность? В Древней Греции так называли лидера, возглавлявшего коллектив эллинов, решивших отправиться в далёкие края, чтобы основать там колонию. Этот «староста» отвечал за организацию переезда и устройство всей жизни переселенцев на новом месте. Так и Папанова, подобно ойкисту, должна заранее определить состав отряда, позаботиться о том, за счёт каких средств и каким транспортом ребята доберутся в Парутино, где будет разбит лагерь, как в нём будут налажены труд, быт и отдых.

Где училась навыкам ойкиста? Наверное, и для неё кто-то был примером. Если говорить о профессии, то своей крёстной матерью Папанова считает Ю. И. Козуб. У неё получила первые уроки полевой археологии, испытала радость первых находок. Одной из них был уникальный римский стеклянный сосуд – ритон. Эту вещь, найденную в погребении юной ольвиополитки, студенты бережно, словно тончайший хрусталь, передавали из рук в руки. Сколько же воды с тех пор утекло в ручьях, журчащих с античного времени из подножий высоких бугских берегов! И сегодня уже она – крёстная мать для девушек и юношей, пробующих на ощупь будущую профессию.

– Сколько молодёжи прошло школу «Арго»?

Валентина Анатольевна прикинула в уме: «Почти две тысячи ребят». Разумеется, их опекала не только она. Вот уже много лет рядом с ней опытный археолог – киевлянка Светлана Ляшко. Покладист в деле Арсений Голик – лаборант учебной археологической лаборатории, которой Папанова заведует в Бердянском университете. Также помогают организовать жизнь отряда сотрудники муниципального лицея Виктор Димитров и Фёдор Каира, когда-то вкусившие прозу и поэзию будней «Арго».

Одна из черт бердянской полевой общины – доверительная атмосфера. Её свидетельством служит, например, «Доска впечатлений». Каждый может оставить на ней свой автограф о качестве лагерной жизни. По впечатлениям, которые уже обрели письменную форму, можно понять, что работа с лопатами и носилками не погасила их запал: «Ольвия – лучшее место на земле!», «Безумно нравится!», «Посиделки у костра – это здорово!» Пониже кто-то скорописью высказался о «низком»: «Кормят просто шикарно!»

Папанова, как бы упреждая мой вопрос о том, нет ли в отряде сказочной скатерти-самобранки, говорит, что хорошими завтраками, обедами и ужинами «аргонавты» обязаны спонсорам из Бердянска. А ещё ректору, который может «подбросить» командировочных. Плюс сами ребята и археологи делают приношения в общий «котёл». Но продукты – еще не всё. Не меньше значит кулинарное искусство. В «Арго» – на редкость точное попадание с кадрами для «пищеблока». Обязанности старшего повара седьмое лето исполняет Виктор Димитров. Ему дают в помощницы студентку, которой в этом полевом сезоне была Антонина Помиляйко. Так как готовить надо на тридцать и более ртов, то назначаются дежурные, которые и воды натаскают, и хвороста для кухни насобирают.

– Повара составляют меню так, чтобы оно не повторялось изо дня в день, – поясняет Папанова. – На завтрак это могут быть ватрушки или пирожки, каша на молоке, какао или чай; на обед – борщ или суп, тушёнка, которую иногда делаем сами, рыба, овощные блюда, компот. Сегодня на ужин ожидаются салат «мимоза», картофель с курятиной, чай. Всё готовится настолько вкусно, что многие из соседей считают за счастье столоваться у нас.

В том, как в «Арго» всё организовано, читается правило: налаженный быт облегчает жизнь в полевых условиях, позволяет сосредоточиться на исследованиях. И здесь наша беседа перешла к особенностям профессии.

О том, что удача сопутствует Папановой, говорят её книга «Урочище Сто могил (Некрополь Ольвии Понтийской)», десятки научных статей. Главный итог последнего десятилетия – сделанное вместе со Светланой Ляшко открытие, касающееся пространственного развития Ольвиополиса. В чём его суть?

Долгое время существовала точка зрения, что южнее Ольвии, за исключением ближайшего с этой стороны поселения Широкая Балка, не было отдельно стоящих античных усадеб. Считалось, что такого рода жилищно-хозяйственные структуры единоличного и коллективного пользования концентрировались лишь на север от столицы полиса – между Волошской косой и урочищем Дидова Хата. Их изучением занимались А. В. Бураков, В. В. Рубан, В. М. Отрешко и другие учёные. И вот тандем Папанова – Ляшко раскопал две усадьбы между Ольвией и Широкой Балкой, которые функционировали одновременно в V–IV веках до нашей эры.

А ведь ничто не предвещало подобного открытия. Тогда, в 2003 году, начальник экспедиции В. В. Крапивина обратилась к Папановой:

– Валентина Анатольевна, в археологическое межсезонье на дальнем участке некрополя похоронили грабители. Они всё перерыли, вывернули из земли много камней. Возможно, там есть подбойные могилы с закладами и склепы. Надо исследовать этот участок.

И «Арго» на шесть полевых сезонов «окопался» между Заячьей и Широкой балками. Сначала пошли каменные кладки сооружения с какими-то маленькими помещениями. Дальнейшие раскопки и находки помогли интерпретировать объект как усадьбу единоличного пользования. Её обитатели, очевидно, занимались животноводством. Удача сопутствовала бердянцам и дальше. Неподальёку от этой усадьбы Папанова и Ляшко открыли ещё один ойкос-домохозяйство. Находки говорили, что его жители тоже могли заниматься сельским хозяйством.

Полученные материалы позволили по-новому взглянуть на некоторые результаты раскопок прежних лет. В частности, на участок семейных захоронений конца V – начала III веков до нашей эры, открытый Папановой и Ляшко ещё в 1990-х годах. Тогда о его принадлежности были высказаны две точки зрения. Согласно первой, могилы относятся к Ольвии, второй – к поселению Широкая Балка. Теперь выяснилось, что участок располагается всего в 80 метрах от второй из усадеб. Её жители и могли оставить эти захоронения.

В целом же, проанализировав и обобщив материалы из двух домохозяйств, Папанова и Ляшко сделали вывод о том, что пространственное развитие Ольвии, занятия её жителей можно теперь рассматривать несколько по-иному, чем прежде. Оказывается, в V веке до нашей эры колонисты жили не только в самом городе, но и вблизи него на отдельно стоящих усадьбах, поставляя продукты своего труда в столицу полиса. На рыночный обмен указывают находки многих монет.

Рассказывая об исследованиях усадеб, Валентина Анатольевна «привязала» одну из них к 4-й южной дороге. Вот как! Раньше мне приходилось видеть в книгах схему грунтовок, расхившихся от Ольвии по некрополю. Но никогда не думал, что ещё остались какие-то их следы. Оказывается, сохранились. Карту ольвийских дорог в 1950-е годы составил известный археолог А. Н. Карасёв. В этом ему помогли планы античного города и его окрестностей, выполненные учёными ещё в XIX

столетии. На этих документах были показаны подозрительно ровные углубления. Ими оказались дороги. Через некрополь их пролегалo почти полтора десятка. Большинство – заканчивалось на выходе в степь. Дальше шли лишь несколько, наверное, к сельским поселениям города-государства.

Но как произошло второе открытие одной из них?

– В 1995 году мы занимались раскопками участка семейных захоронений, – рассказывает Папанова. – Где-то на глубине около полуметра пошла почва с интересной структурой: земля как бы шелушилась, её «чешуйки» наслаивались одна на другую. Узнав о необычной находке, взглянуть на неё пришла начальник экспедиции Валентина Крапивина. По общему мнению, здесь проходила дорога. Сверились со схемой Карасёва и увидели, что нашли продолжение 4-й южной.

– Можно взглянуть на неё? – спрашиваю собеседницу.

Валентина Анатольевна просит Арсения Голика и ещё троих ребят из «Арго» показать мне древнюю грунтовку и заодно насобирать хвороста для кухни. Ожидание встречи с древней дорогой облегчает мне подъём по склону Заячьей балки. Взойдя на плато, направляемся на юго-восток. Вскоре тропинка упирается в двухколейную грунтовку, не очень заметную среди серой полыни и других выгоревших трав. С волнением ступаю на древний путь. Из-за уклона местности он, вероятно, немного сместился. И всё же это ольвийская грунтовка. Возможно, по ней нижебугские греки гнали свой скот на выпас в район нынешнего Аджигола. По этому пути, наверное, следовали погребальные процессии, провожая умерших или погибших в царство Аида. Вероятно, эта укатанная полоска степи помнит топот лошадиных копыт македонского войска Зопириона и гетов Бурбисты, в разное время угрожавших городу. Позже по этой дороге турки могли вывозить на строительство своих крепостей камень из разобранных ими храмов и оборонительных стен Ольвии.

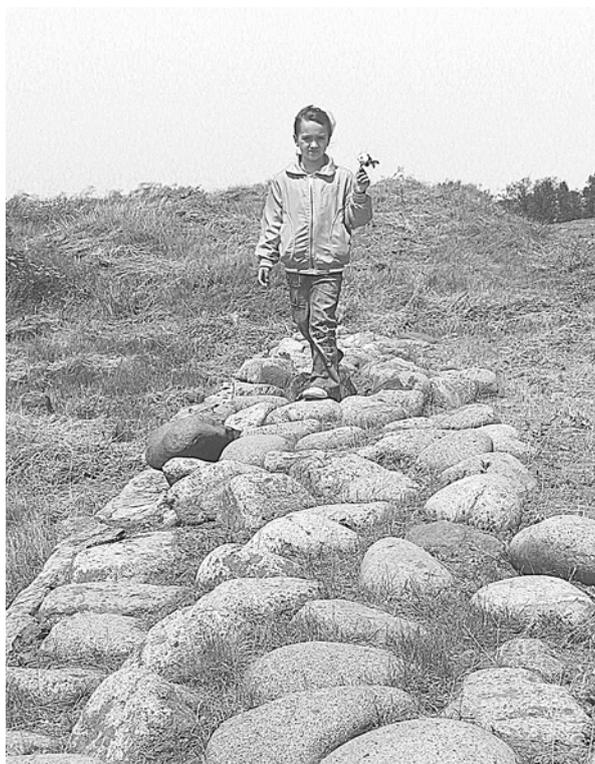
Впрочем, здесь я остановился в своих догадках, чтобы просто вслушаться во время, уснувшее в районе 4-й южной. Собственно, в эти минуты было особенно ясно, почему каждое лето Папанова приезжает в Ольвию. Она здесь отдыхает душой от таких благ цивилизации, как радио и телевидение, полностью сосредоточиваясь на любимом деле. И археология, которую она называет капризной дамой, похоже, благосклонна к бердянскому ойкисту.

Боги Анны Русяевой

Вот уже много лет на Покров Пресвятой Богородицы стараюсь выкроить время и съездить в Парутино. На этот церковный праздник зовёт меня к ольвийскому берегу память об археологе А. В. Буракове, которому минувшей осенью, будь он жив, исполнилось бы 95 лет.

Нынче, как и не раз прежде, его день рождения пришёлся на конец бабьего лета. В воздухе плыли последние серебристые паутинки, и мягкое тепло осеннего солнца и тишина вызывали на душе лёгкую грусть. Будут ли ещё такие мгновения? И кто придёт сюда через столетия?

...Вот и знакомая синяя деревянная калитка. Старшее поколение Бураковых – 90-летняя Нина Михайловна и её дочь Наталья – занимались дома по хозяйству. Мы обнялись и, слово за словом, стали вспоминать об Анатолии Виссарионовиче. Его искренне уважали коллеги, чему, наверное, служили и его тяжёлая фронтовая судьба, отмеченная, помимо других наград, двумя орденами солдатской Славы, и его верность Ольвии и её округе, где он полвека жил и работал, став известным учёным. Так же, как и мы в эти минуты 2014 года, за простым деревянным столом, что у летней

На древней дороге

кухни, в разное время общались с хозяевами многие исследователи. В частности, желанным гостем в доме Бураковых была Анна Станиславовна Русяева.

– Виссарионович уважал Асю за её ум, трудолюбие, настойчивость, порядочность, – с теплотой говорит Нина Михайловна. – Отец Русяевой погиб в Великую Отечественную войну, и мать одна растила дочь и сына. Именно такие солдатские вдовы поднимали тогда колхозы. Из глухого полесского села Ася уехала в Киев, окончила столичный университет. Одно время исследовала античные памятники вблизи Черноморки. Туда и назад добиралась на грузовике-полуторке. Я всегда переживала за Асю, глядя на то, как она, будучи уже беременной, бесстрашно, без чьей-либо помощи слезала из кузова автомобиля. Слава богу, всё обошлось. Когда Марыся, так мы ласково называли дочку Анны Станиславовны, подросла, она вместе с мамой приезжала летом в Ольвию. Девочка любила ходить по заповеднику с мольбертом, делая зарисовки городища и его окрестностей.

Рассказанное Н. М. Бураковой заставило меня вспомнить, что я когда-то встречался с Русяевой. Поэтому, возвратившись из Парутино в Николаев, принялся перебирать свой архив. К счастью, расшифровка диктофонной записи беседы с Анной Станиславовной сохранилась. Вся она была посвящена религии и культу жителям Ольвиополиса. Содержание пожелтевших страниц перенесло меня во вторую половину 1990-х годов.

О чём я думал тогда, готовясь к беседе с авторитетным археологом, доктором наук? Возможно, о том, что, как мельчайшая частица несёт в себе генный отпечаток целого организма, так и коллектив колонистов-основателей Ольвии с их скарбом в определённой мере являлся отпечатком социального, духовно-культурного и материального мира Древней Греции. Наверное, эллины прибыли в Нижнее Побужье со своими верой и традициями предков. А ещё я мог вопрошать: что простой читатель общеполитической газеты знает о богах, которым поклонялись переселенцы? И отвечал себе: наверное, в объёме содержания поэм Гомера и Гесиода, да ещё знакомых многим с детства «Легенд и мифов Древней Греции» Николая Куна. Но в каких богов верили в конкретной гражданской общине – ольвийской? Что включали в себя культы Ольвии? Что её жители дарили высшим покровителям ради получения их благосклонности во всех земных делах? Здесь Гомер, Гесиод и Николай Кун помочь не могли. Ответить на эти вопросы мог только учёный, которым для меня была Русяева, являвшаяся автором монографий о религии и культах античной Ольвии.

... Попасть на раскоп, где в тот день работала Анна Станиславовна, не составило труда. Он – в самом центре Верхнего города. Сегодняшняя дорога к нему совпадает с трассой древней Главной продольной улицы. Вот участок бульжной мостовой, выложенный ольвиополитами из крупной средиземноморской гальки, доставленной на берега Бугского лимана с балластом античных кораблей. По левую сторону виднеются главный алтарь и остатки кладок сооружений Восточного теменоса (священного участка), открытого в 1950-х годах А. Н. Карасёвым и Е. И. Леви, по правую – материальные свидетельства ещё одной сакральной зоны, названной исследователями Западной. Именно на её территории в одной из точек желтела свежая глиняная насыпь, возле которой работали люди.

– Добро пожаловать! – просто и доброжелательно произнесла Русяева и без паузы сделала для меня «вводную»: – Западный теменос исследуем уже почти три десятилетия. Он возник раньше Восточного и тоже был обнесён невысокой оградой, внутри которой располагались сакральная зона Аполлона Иетроса (Врача), а также святилища Матери богов, Гермеса и Афродиты, Диоскуров и, возможно, Диониса. Помогают мне московские школьники и луганские студенты. Возраст ребят – от девяти до 25 лет. Самые маленькие приходят на раскоп всего на два часа.

Видимо, увидев в моих глазах искренний интерес к теме, Анна Станиславовна начала с эпохи Великой греческой колонизации. В том большом порыве по освоению эллинами новых земель участвовали также города-государства Ионии, располагавшиеся в Малой Азии и прежде всего страдавшие от агрессивных соседей, в частности от персов. В одно не лучшее время часть жителей крупного полиса Милета остановила свой выбор на Нижнем Побужье и в середине VII века до нашей эры основала Борисфен на нынешнем острове Березань. Вскоре вблизи него по берегам лиманов возникли другие поселения, в их числе – Ольвия. Первопоселенцы, на греческом языке «апойки», прибыли с пантеоном своей родины, который насчитывал около полусотни богов и обожествлённых героев. Для мест их почитания, то есть теменосов и святилищ, по извечной традиции были выделены лучшие земли.

– Поначалу главным покровителем Борисфена и Ольвии был избран Аполлон Иетрос, – продолжала собеседница. – Для переселенцев он являлся богом со многими функциями, охватывавшими колонизацию, основание новых городов, контакты с местным населением, исцеление и другое.

Правда, временами Аполлон уступал верховенство Зевсу или Ахиллу. Но именно это трио богов играло основную роль почти на всём протяжении духовно-культурной жизни Ольвийского полиса.

Я узнал, что главные боги имели у ольвиополитов по несколько имён-эпиклез. Так, помимо Иетроса, Аполлон был известен также, как Простат (Защитник), Борей (Северный), Ликей (Волк), Новолунный, Дельфиний. Возвышение последней ипостаси таково. По мнению учёных, на рубеже VI–V веков до нашей эры в Ольвию прибыла партия вторичных колонистов – эпойков, численно превосходившая ранее обосновавшихся апойков. Новый контингент милетян считал своим главным покровителем Аполлона Дельфиния. Возможно, между старожилками и новосёлами развернулась борьба за политическое влияние. Чтобы остановить распрю, отправили посольство к оракулу храма Аполлона в Дидимах. Услышанное там прорицание, сделанное в завуалированной форме, истолковали так: мирное сосуществование граждан в Ольвиополисе станет возможным под защитой Дельфиния. И эта ипостась верховного покровителя стала для нижнебугских греков главной. Впрочем, это не означало, что Иетрос был навсегда вытеснен и забыт. Ему и дальше делали посвящения и приносили дары, но государственным всё же стал культ Дельфиния. Ему на Восточном теменосе возвели жилище – храм. Его атрибут (дельфин) дал форму бронзовым литым монетам Ольвии, затем вместе с символом Зевса – орлом – составил эмблему государства.

По возможности полное представление о духовной жизни ольвиополитов помогли составить Русыевой многочисленные находки. В их числе – и строительные остатки храма Иетроса, и более двух десятков алтарей разных типов, и подношения терракотовых фигурок богов и богинь, светильников, амфор, и граффити – нацарапанные на керамике надписи, и кости жертвенных животных – овец, коз, быков, свиней, а также осетров и других рыб. Как могло выглядеть публичное почитание высших благодетелей?

На праздники, посвящённые божествам, по широкой, вымощенной черепками и мелким камнем, Главной продольной улице двигалась торжественная процессия с участием большинства граждан Ольвии. Вели жертвенных животных, рога которых были украшены венками, лентами и гирляндами. Возле теменоса шествие сворачивало к пропилям – монументальному, архитектурно оформленному входу в сакральную зону. Ритуалом руководил жрец. Он поднимался на ступени алтаря, стоявшего перед храмом, произносил хвалу богу и выполнял возлияние – выливал вино или молоко с мёдом. Их аромат вдыхал невидимый для смертных, но присутствующий на торжестве покровитель. На соседнем алтаре сжигали половину жертвы, и бог насыщался запахом жареного мяса. Звучали гимны. Проходили музыкальные и атлетические состязания. Культ включал в себя также трапезу, для которой использовали вторую половину туш жертвенных животных. Кости и другие отходы, а также разбитые или отслужившие свой срок священные сосуды сбрасывали в ботросы – ямы, дающие сегодня бесценный археологический материал. Кстати, у эллинов теменос считался неприкосновенным и мог служить убежищем и защитой от насилия для любого, кто входил на его территорию.

Отроки Зевса – братья-герои Диоскуры – почитались у нижнебугских греков прежде всего покровителями мореплавания, спасителями на море. Следы их святилища были обнаружены в юго-восточной части Западного теменоса.

– Этим божествам часто дарили амфоры, которые, как керамическая тара, всегда имелись на кораблях, приплывавших в Ольвию, – рассказала Анна Станиславовна. – Нередко подношениями Диоскурам служили якоря. Причём некоторые из них, доставленные из Эллады, даже не побывали в деле. Кроме привозных, обнаружены и местные известняковые якоря V века до нашей эры. Как они выглядят? Это – не совсем обработанные камни, на которых сохранились глубокие следы от трения верёвки. Разбитые якоря также использовали – в качестве плит, которые были уложены возле жертвенника. Столь большое внимание к божествам-близнецам объясняется тем, что многие нижнебугские греки являлись рыбаками и мореплавателями. Навстречу вину, оливковому маслу и другим товарам из Греции они могли везти свой хлеб в Афины, малоазийские города. По Геродоту, эллины очень ценили рыбу из Борисфена (Днепр) и Понта (Черное море). Перед отправкой улов солили и вялили. Известно даже стихотворение одного греческого поэта, прославляющее рыбу, доставленную из Северного Причерноморья.

Столь большое значение рыбного промысла, очевидно, способствовало учреждению ольвиополитами местного культа божества Борисфен, которое, по мнению некоторых исследователей, персонифицировало собой одновременно реки Борисфен и Гипанис (Южный Буг).

От Русяевой я также узнал о том, что, кроме Восточного и Западного теменосов, священные участки могли находиться также в припортовом районе и южной части Ольвии. Общая площадь сакральных зон не имела аналогов в других полисах Понта. Отправление культов возглавляли жрецы, чаще всего представлявшие знатные роды. Эти служители могли избираться, определяться по жребью или вступать в должность через её... покупку. Претендентом мог быть человек образованный, знающий отчие обычаи, организацию праздников. Срок исполнения жреческой должности обычно составлял один год. После этого можно было отслужить другому покровителю. В знатных ольвийских родах, в частности Евресибиадов и Дионисиев, функции жреца передавались по наследству. И такой интересный факт: оставляя должность, её исполнитель по традиции устанавливал статую или оставлял другой памятник своему божеству.

Жители Ольвиополиса могли поклоняться своим покровителям не только в общественных сакральных зонах, но и у себя дома. Для этого почти в каждом жилище имелись терракотовые алтарики, в стенах построек – ниши для статуэток и рельефов патронов. Сначала эти вотивы привозились из Милета, затем их стали изготавливать на месте. Чаще всего керамические фигурки изображали Кибелу, Аполлона, Афину и Афродиту. Сельское же население нижнебугского полиса особенно почитало богиню плодородия Деметру.

Чему ещё, помимо успеха в личных делах ольвиополитов, могла служить религия? Её важной задачей, отметила А. С. Русяева, являлось сохранение единства общины, способности противостоять внешним опасностям на окраине эллинской ойкумены. Этому, в частности, служило особое почитание Ахилла практически на протяжении всей почти тысячелетней истории Ольвийского государства. Обожествление этого героя учёные во многом объясняют популярностью среди колонистов гомеровской «Илиады». Одно время Ахилл был даже возведён в ранг главного покровителя нижнебугских греков, получив эпитет Понтарх, то есть Владыка Понта. Нацарапанные на черепках посвящения этому герою-богу содержали фразы: «за обилие плодов», «за благосостояние города», «за обилие питьевой воды».

Главным местом почитания Ахилла стал остров Левка (Змеиный). Сюда приносили свои дары мореходы. Со временем в храме накопились большие ценности, которым не давали покоя грабители. Ольвия долго защищала это священное место. В рамках почитания Ахилла его святилище было устроено также на Тендровской косе. Почему именно на этой узкой полоске суши? По мифу, герой, празднуя здесь одну из своих побед, устроил состязания в беге. Отсюда и название Ахиллов Дром, на котором с интервалом в два или четыре года проводились ахиллеи. На эти игры приезжали участники даже из городов Средиземноморья. Награды в беге, прыжках и метаниях, отметила Русяева, оспаривали не только юноши простого происхождения, но и правительственные магистраты – архонты, стратеги, не раз становившиеся победителями.

И ещё об одном интересном факте. В религиозную атрибутику ольвиополитов входили так называемые пограничные святилища. Их создавали с самого начала освоения Нижнего Побужья, обозначая таким образом границы земель государства. Так, с южной стороны – на Кинбурнской косе – находилось святилище Гекаты со священной рощей, под сенью которой стоял круглый алтарь Ахиллу. На его гранях учёные прочли о том, что кто-то посадил кедр, посвятив его божеству. На запад от Ольвии было устроено святилище на мысе Бейкуш, где археологами выявлены ямы-ботросы, алтари, жертвенники, керамические и другие вотивные предметы. Это сакральное место функционировало в VI – первой трети V века до нашей эры, являясь одним из наиболее почитаемых в культе Ахилла. Наконец, пограничные святилища имелись на север от Ольвии. Их остатки открыты возле Старой Богдановки и Козырки. Считается, что они были связаны с почитанием Аполлона Северного (Борея), который, по верованиям колонистов, защищал их земли от холодных ветров.

В журналистской практике бывает, что, общаясь с человеком, видишь: он знает намного больше, чем ты обозначил своими вопросами, что его буквально распирают знания, идеи. Что-то подобное почувствовалось и в беседе с А. С. Русяевой. Я поинтересовался, над какими рукописями она работает. Выяснилось, что закончила книгу о культуре Ольвии – языке, образовании, литературе, театре, музыке, изобразительном и прикладном искусстве. Правда, когда этот труд увидит свет, не было известно. Проблема в отсутствии денег у Института археологии на издательские цели. Оставалось надеяться на спонсоров. Или на сотрудничество с зарубежными коллегами, бюджеты которых богаче. Упомянув об этом, Анна Станиславовна сообщила, что Немецкий институт археологии взялся напечатать все материалы Западного теменоса отдельной книгой. Её проспект уже получил положительную оценку.

– Издание должно увидеть свет в 1999 году, – поделилась Русяева. – Оно охватит строительные остатки святилищ, реконструкции храмов и алтарей, оград, портиков, культовый инвентарь и другое. К проекту привлекаются известные отечественные специалисты по античной архитектуре, керамике, клеймам амфор, монетам, стеклянным и костяным изделиям. В числе авторов статей – Сергей Крыжицкий, Алла Буйских и другие учёные. Глубокое изучение и обобщение находок Западного теменоса позволит, в частности, лучше проследить связи Ольвии с её метрополией – Милетом, со скифами, с протославянами Лесостепи. Кстати, видимо, представителю последних принадлежит уникальная почитательная надпись на венчике амфоры, рассказывающая о приношении Аполлону Борею сосуда с отеческим мёдом неким Анагерром, сыном Анахирса.

...Переворачиваю последнюю страницу беседы и риторически спрашиваю себя: сколько же с тех пор воды в Южном Буге утекло? Все эти годы я, по возможности, следил за тем, что нового выходило из-под пера исследовательницы. Так в моей библиотеке появилась капитальная, почти 700-страничная коллективная монография «Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье», в которой главы о быте, обычаях и нравах, верованиях ольвиополитов принадлежат Анне Станиславовне. Вместе с дочерью она также издала исторический очерк «Ольвия Понтийская. Город счастья и печали», написанный популярно – для широкого круга читателей. Но, наверное, самый важный её труд последних лет – «Граффити Ольвии Понтийской». В этой монографии, включающей комментарии к более 800 надписей, нацарапанных на керамике и костяных пластинках, особое внимание уделено главной для Русяевой теме. О ней мы беседовали в середине 1990-х, – религии и культах нижнебугских греков. Короткие надписи на сосудах стали для исследовательницы бесспорными свидетельствами того, что Западный теменос начал функционировать ещё в период становления и формирования полиса, не позже второй четверти VI века до нашей эры. Граффити также подтвердили, что верховным покровителем апойков, то есть первопоселенцев, был именно Аполлон Иетрос, но не Зевс и не Дельфиний, как долгое время считали учёные.

Видимо, А. С. Русяевой уже никогда не расстаться с богами Ольвии. И вот что интересно: они у неё какие-то миролюбивые, добрые – не мечут громы и молнии, их «общине» не присущи распри и зависть. В самом деле, Зевса ольвиополиты почитали в ипостасях Сотера (Спасителя), Элевтерия (Освободителя), Полиэя (Владыки города). Аполлон же у них и врачеватель, и защитник, и победитель северного ветра. Даже в ипостаси Ликея (Волка) этот бог у эллинов Нижнего Побужья выступал покровителем и хранителем общинных стад...

Хозяин с Геродотовой улицы

К запланированным событиям часто готовят сюрпризы. Они больше запоминаются, поднимают настроение, вносят оживление. В 1994 году была организована международная конференция, посвящённая 200-летию археологического открытия руин Ольвии. Приехавшие не неё учёные были приятно удивлены, когда вместе со сборниками докладов и сообщений им вручили памятную медаль, на аверсе которой было помещено изображение богини Деметры, на реверсе – ольвийский герб: орёл с дельфином и надписью «ОЛВИН». Этот вечный, отлитый из металла, подарок гостям сделал краевед – кандидат технических наук Николай Николаев. Что же касается второго сюрприза, то его преподнесло парутинское коллективное сельхозпредприятие «Ольвия». Его председатель – Фёдор Антонович Иванов – от местных аграриев передал участникам конференции эксклюзивную партию вина в бутылках, на этикетках которых сообщалось название напитка Диониса и время его производства: «Ольвийское. V века до нашей эры». Последнее – шутка, но имеющая самое прямое отношение к истории парутинской земли.

У входа в Ольвию

*С высоты птичьего полёта**Ф. Иванов на хлебном поле*

Впрочем, в середине 1990-х годов приятных минут у исследователей античной Ольвии становилось меньше и меньше. Государство всё чаще стало забывать об экспедиции. Оно как бы исчерпывало свои возможности и запасы воли по поддержке заповедника «Ольвия» и приостановленных на его территории реставрационных работ. То было время всевластия толстых кошельков и господства правила: что не запрещено законом, то разрешено. Под «не запрещено» попало и кладоискательство, востребованное коллекционерами, не особо интересовавшимися, каким образом у продавца оказались расписная керамика, амфоры, монеты, архитектурные детали древних храмов. Учёные даже высказывали опасение, как бы над легальной археологией не взяла верх «чёрная археология». Последнее словосочетание очень не любила Валентина Крапивина. Для определения разрушителей древних памятников она и её коллеги использовали слова «грабители», «вандалы», «варвары».

Но даже в условиях всеобщего упадка, когда даже зарплата выдавалась не полностью, археологи задумывали и осуществляли интересные темы и проекты. Скажем, одно из исследований ставило целью изучение экологии Ольвии на протяжении всей её многовековой истории, в том числе такой вопрос, как накопление вредных веществ в древнем грунте, в костях людей и домашних животных. Параллельно с решением задач по исторической экологии было затеяно исследование состава шлаков, бронзовых изделий и отходов из плавильных горнов для того, чтобы установить места, откуда могло поступать металлургическое сырьё в Ольвию, и заодно получить новые данные о торговых путях между Нижним Побужьем, Малой Азией и Эгейдой.

Испытываемые безденежьем, руководители Ольвийской экспедиции были рады любому спонсору и меценату. И первым, на кого они надеялись, был тот, кто находился совсем рядом, кто жил и трудился на древней земле.

– Спасибо Фёдору Антоновичу Иванову! – эти слова в адрес председателя парутинского сельхозпредприятия «Ольвия» я не раз слышал от В. В. Крапивиной. По мере возможностей, этот аграрий помогал экспедиции картошкой, помидорами, растительным маслом, транспортом, дизельным топливом.

Когда же мы с ним познакомились? И где это было? В областном совете, депутатом которого он избирался много лет? В дирекции корпорации «Николаевсадвинпром», в которую, не теряя самостоятельности, входило сельхозпредприятие «Ольвия»? Во время его коротких встреч с руководителями экспедиции? Честно говоря, уже не припомню. Но так ли это важно. Уважение к нему пришло как-то само собой. Подкупали его неспешные, всегда взвешенные оценки и высказывания, за которыми не чувствовалось ни малейшего превосходства или хвастовства хозяина. Видимо, чем-то запомнился ему и я. Со временем, помимо встреч на сессиях областного совета и в правлении сельхозпредприятия, у нас с ним сложился своеобразный способ общения. Обычно выезжая из Николаева первым автобусом в пять утра, я через час уже находился в Парутино. По свежему воздуху бодро

отмерял землю в направлении заповедника, чтобы, как всегда, сначала проведать Бураковых и затем отправиться за материалами в экспедицию. Именно в это раннее время навстречу мне попался зелёный УАЗик Иванова. Фёдор Антонович, спешивший по хозяйственным делам, приветствовал меня из кабины взмахом руки, что подтверждалось короткими сигналами автомобильного гудка.

В этом человеке угадывался истинный, не показной патриот нижебугской земли. Скупой на плодородный гумус, но своей, родной, воздающей сторицей при её бережливом и умелом использовании. Однажды в минуты откровенности Иванов произнёс доверительно:

– Мы постоянно помним, что в районе Парутино ещё два с лишним тысячелетия назад возделывали пшеницу и ячмень, фруктовые деревья, а чуть ближе к нам – и виноградную лозу. Это обязывает держать марку. Соседство с Ольвией – это ещё и реклама для нас.

В годы почти всеобщей рыночной разрухи в Парутино строили новые социально-культурные объекты. Самый-самый из них – Дворец культуры. Фёдор Антонович любил бывать в этом храме. Слушать пение ребячьих голосов, звуки детского духового оркестра. В холле второго этажа иногда останавливался перед фресками на ольвийские мотивы, написанными современными художниками. Где парутинцы брали деньги на социалку? Конечно, чем-то помогало государство, но и сами зарабатывали. С середины 1980-х годов, когда Иванов возглавил местное хозяйство, оно стало прибыльным. И все последующие годы баланс расходов и доходов неизменно выходил на положительное сальдо.

Секреты его хозяйства не были какими-то особенными. Они определялись теми ресурсами, что производились на месте. Так, «Ольвия», как и многие, выращивала арбузы. Но это – лишь полдела. Используя собственные грузовики, здесь могли быстро отправить сахаристые плоды туда, где на них большой спрос. Или такое: на календаре – конец мая, сушь, вызывающая тревогу за посевы, на парутинских же полях бодро растёт яровой ячмень. Ступая по полю, чувствуешь под ногами не затвердевшую – мягкую живую почву, в которой хлебу легко дышать и расти. Приходилось слышать, что в плохие по погодным условиям годы коллеги-аграрии, особенно из южных районов, смотрели на то, что и как будут делать в «Ольвии». В частности, многих заинтересовала работа Иванова с такой культурой, как кукуруза. Он сеял её очень поздно, под угадываемые им июньские дожди. Правда, потом порой приходилось собирать початки до поздней осени. Но главное ведь в том, чтобы было что собирать. В Парутино хорошо родили и другие культуры. К весне здесь всегда имелся солидный переходящий запас зерна и подсолнечника, тогда как у многих уже было пусто в амбарах. На этой собственной практике была построена его кандидатская диссертация.

В голосе Иванова слышалась гордость, когда он говорил о виноградарстве и виноделии. Ещё бы! Парутинский завод первичного виноделия – самый крупный. Его продукцию, в том числе для производства шампанских и коньяков, охотно брали известные в Украине брэнды Артёмовска, Одессы и Ужгорода. Планировал наладить собственное бутилирование напитков Диониса.

Обычно немногословный, Фёдор Антонович находил какие-то особенные слова для этой подотрасли хозяйства. Скажем, он был уверен, что Очаковская зона виноградарства лучше крымской подходит для производства шампанских вин. Помнится, что, кроме каберне, рислинга и многих других сортов, в «Ольвии» также приготавливали вино с названием «иршаи оливер». Однако оно не доходило до прилавков магазинов. Когда я однажды поинтересовался, почему так, Фёдор Антонович ответил:

– Из белых сухих вин – иршаи оливер самое приятное. Народ его любит. Я не раз говорил нашим специалистам: «Оформляйте необходимые документы, чтобы официально утвердить сорт». Но всё никак не получается. И знаете почему? Приготовим партию иршаи оливер, но затем, не выдержав его три года, как требует инструкция, продаём его, настолько оно хорошее.

В 1990-е годы усиливалось пренебрежение к хозяйствованию на основе государственной и коллективной собственности, что вкупе с галопирующей инфляцией, отсутствием паритета цен на продукцию города и села поставило аграрный сектор на грань банкротства. Да, тогда многое было против селян, но Иванову порой, похоже, было стыдно за многих руководителей хозяйств. Переживая за их плачевные дела, он как-то сказал с трибуны совещания:

– Ведь даже если просто бросить семена в землю и больше ничего не делать на поле, всё равно поле уродит. А здесь вроде бы работают, тратят ресурсы, но пожинают убытки.

Справедливости ради следует признать, что постсоветские реформы были скорее экспромтом, чем продуманным планом действий. С началом второго срока президентства Л. Д. Кучмы во власт-

ных коридорах возобладало мнение, что необходимо ускорение реформирования аграрного сектора экономики, прежде всего – срочный перевод коллективных хозяйств в частные рыночные структуры. Тем, кто не принимал такой спешки, наклеивали ярлыки: «аграрный барон», «красный председатель». Ускорения по деколлективизации ожидали и от Иванова. Но он, то ли в шутку, то ли всерьёз, какое-то время говорил, что Парутино ещё не готово к реорганизации. И пояснял свою позицию:

– Всё должно быть просчитано, экономически обосновано, с пользой для людей, чтобы в пылу реформирования сельхозпредприятия не растерять то, что создавалось и накапливалось десятилетиями.

Сегодня хорошо видно, что ответственность за ускорение с реформами в аграрном секторе, плату за тот «большой скачок» из коллективного хозяйствования в частнособственническое власть переложила на плечи селян. Мол, не сможете сами хозяйствовать в новых организационно-правовых формах, идите под крыло инвесторов, коммерсантов и предпринимателей. Именно тогда, кроме разного другого негатива, было положено начало появлению современных латифундий – огромных, в десятки тысяч гектаров землепользований, ориентированных на две-три «валютные» культуры, истощающие плодородие почв. Большинству живущих в городах новоиспечённых «аграриев» не было дела до развития сельских территорий, сохранения рабочих мест в сельхозпредприятиях. Достаточно вспомнить об остовах многих брошенных животноводческих ферм на окраинах сёл.

Впрочем, Парутино всё же пошло на приватизацию-реорганизацию. Но здесь старались всё делать осознанно, с возможно меньшими негативными последствиями для сельского социума. Выбрали не форму пресловутого ООО или частного предприятия с узким кругом владельцев. Создали закрытое акционерное общество. Здесь хотели сами быть и собственниками, и работниками. Что-то вроде народного предприятия, о которых ещё в годы советской перестройки поговорили и... забыли. Такая вот неспешная реорганизация не привела к деградации производства, тогда как рядом всё было сплошь наоборот.

Мыслящий аграрий, Иванов удивлялся вслух странности земельного передела. Буквально через дорогу – два хозяйства, их почвы по качеству ничем не разнятся, но в одном из них средний размер земельного пая составил два гектара, в другом – 30?! И резюмировал этот факт вопросом: «Какой же это равный старт в капитализм?»

Но кому нужны были эти сомнения? Общество, словно жертвенный бык на заклатие, бежало к рынку, не считаясь с возможными социальными и экономическими потерями. Главное: вперёд – к частному, индивидуальному. И вот что удивительно. Когда вокруг всё рушилось, в Парутино сохранили хорошие старые и родили новые гуманные традиции. Меня, например, удивляло то, что, когда многие николаевцы жили впроголодь, обеды в столовой «Ольвии» для её работников стоили считанные копейки. Вкусных же пирожков можно было есть столько, сколько осилишь.

Кажется, в 1990-м археолог В. В. Рубан предложил властям Парутина назвать одну из местных улиц именем Геродота. Этот древнегреческий историк и путешественник в середине V века до нашей эры побывал в Нижнем Побужье и Ольвии. Сельсовет дал «добро», хотя таблички на домах так и не поменяли. Прошло время, и однажды у моего коллеги А. И. Сироша возникла не менее интересная идея: установить в селе памятный знак или стелу в честь Геродота. Мы поехали к Иванову. Услышав о необычном предложении, Фёдор Антонович заинтересовался:

– Если будет инициатива от скульпторов, мы поможем столько, сколько потребуется. Проект должен быть выполнен скромно и со вкусом. Чтобы пришёл человек к композиции, взглянул на неё и обязательно остановился, увидел историю парутинской земли от древности до наших дней. Какое место для этого было бы самым лучшим? Думается, в начале улицы, на которой строим новый детский сад «Ласточка».

Вскоре николаевский скульптор Иван Булавицкий, которому мы сообщили об этом разговоре с руководителем «Ольвии», побывал в Парутино, сделал наброски памятного знака. К сожалению, замысел не был реализован. Уже не помню, что помешало. Скорее всего, не оказалось свободных денег, потом всё закружилось-завертелось...

По моему мнению, Фёдор Антонович был скромным человеком. Остался в памяти такой эпизод. В Парутино состоялось заседание областного пресс-клуба рыночных реформ, организованное главным редактором газеты «Южная правда» А. И. Самойленко. Журналисты на примере сельхозпредприятия «Ольвия» увидели, что даже в самые сложные времена можно успешно вести агробизнес.

Юный археолог

Ольвийские каменные кладки

Когда настало время вопросов, кто-то из коллег поинтересовался, почему парутинский лидер не последовал моде и, как многие распорядители ресурсов, не построил себе красивый коттедж. Иванов ответил, что его устраивает имеющийся у него дом, который он определил, как «сухая и тёплая хата». Причём последнюю фразу он произнёс дважды. Видимо, чтобы объяснение, почему он не возвёл личные хоромы, выглядело более убедительным.

Окидывая сегодня взглядом жизнь и деятельность Иванова, прихожу к мысли, что последние полтора десятилетия он доказывал возможность успешного коллективного крупнотоварного аграрного бизнеса на самом юге степной зоны с её скухими на гумус землями и недостаточными осадками. По странному стечению обстоятельств, почти одновременно с его уходом из жизни ряд виноградарских и виноградарско-винодельческих хозяйств Николаевщины из-под контроля их акционеров – работников и пенсионеров – перешёл в управление или собственность частных фирм или отдельных лиц. Поговаривали, что одно из таких сельхозпредприятий буквально за ночь сменило своих владельцев. Приезжие пошли по сельским хатам с чемоданом денег и скупили акции или права на них. Суммы «зелёных», предлагавшиеся взамен доли в хозяйственном комплексе, казались многим сельчанам большим богатством, и будущее выглядело, видимо, не совсем мрачным. Но смогут ли новые владельцы этих хозяйств умножить то, что было достигнуто их предшественниками в условиях коллективного хозяйствования, какую социальную роль – совладельцев или батраков – они отвели тем, у кого приобрели собственность, не известно.

В наших с Ивановым отношениях не было никакого панибратства, они были исключительно деловыми, с известной дистанцией. Но от этого моё уважение к нему не становилось меньшим. Ведь он был Личностью! Той, которую заметит всякий, кто сам идёт по жизни честно, не кривя душой, без камня за пазухой. Когда не стало этого хозяина с Геродотовой улицы, которой можно считать всё Парутино, в душе появилось чувство утраты чего-то важного, того, что присутствовало в твоём сознании, влияло на твои мысли и поступки, восприятие окружающего мира. Думается, что-то подобное испытали и многие другие, кто его знал.

В 2006 году Герою Украины Ф. А. Иванову установили бюст в центре села, у мемориала односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Запечатлённый в долговечном материале, он как бы оценивающе смотрит на то, что создано его усилиями. Пытаюсь взглянуть на сегодняшнее село его глазами и не могу отогнать мысль: Парутино без Иванова как-то сжалось, потускнело, но ему уже не дано изменить что-то к лучшему...

Кузнецов Анатолий Акимович. Заслуженный журналист Украины. Родился в 1940 году. Окончил факультет журналистики Киевского университета им. Т. Шевченко (1971). Около тридцати пяти лет трудился в региональных средствах массовой информации, корреспондентом РАТАУ-Укринформ. Автор книги «Долгий путь в рынок» (2008), автобиографической документальной повести «Возвращение родословной» (2010), многочисленных публикаций.

Евгений МИРОШНИЧЕНКО

ДЕКАБРЬ В ОДЕССЕ

При необходимости указать круг творческих интересов я пишу: литературная регионалистика – благодатная тема, особенно если учесть, что мы живём в Степном Причерноморье рядом с легендарной Одессой. Мог ли отказаться от заманчивого предложения пожить в Одессе в канун Рождества. Сейчас думаю: чем было моё путешествие в Одессу? Начинать вояж с надеждой встретить студенческую юность, а может быть, почувствовать себя другим. Возможно, для того, чтобы найти некий иной текст, отличный от тех краеведческих историй, которые писал ранее.

Программа «Одесса-мама»

Комплекс санаториев «Аркадия» – дом отдыха «Пограничник», бывшая база ведомства пограничных войск СССР. Как всегда, в последний момент накануне события, Зоя Ивановна Шаталова, председатель общественной организации, объявляет:

– Срочно нужна ваша характеристика. Буду рекомендовать включить вас в общий список ветеранов, которым предоставляют бесплатную путёвку в санаторий.

Так за двадцать дней до нового 2014 года я попал на берег Чёрного моря. В пору учёбы в Одесском университете хорошо знал этот район. Дело в том, что учебный корпус филологического факультета университета расположен на Французском бульваре, рядом множество санаториев, примыкающих к давно обустроенному берегу, спасительным в летний зной одесским пляжам. На этот раз был поражён: вся довольно узкая прибрежная полоса была застроена огромными корпусами, в том числе и 20-этажными с вычурными под классику украшениями. Одесситы сетуют: здания закрыли вид на море... Высотки с набережной Сан-Франциско переместились в Одессу. Район называется Гагаринское плато – терема с элитными квартирами, концертными залами, фестивальными холлами. Отличие только в том, что сползающий к морю берег неестественно загромождён какими-то бетонными сфинксами и кентаврами. Торжествует приватная инфраструктура с дымными шашлычными, соляриями, бассейнами у воды, в общем – сплошной парадиз. Узкая пляжная полоса тоже перегорожена, перекрыта и поделена, хотя встречал табличку «Пляж свободен для доступа».

Через три часа маршрутного путешествия Николаев – Одесса уже был на Французском бульваре, ещё через 15 минут получил пропуск в санаторий «Пограничник». Он действительно отвечает своему названию – рядом в тени лежала большая овчарка, внимательно наблюдая за проходящими.

– Да вы не бойтесь её, – услужливо предупредил дежурный в камуфляжной форме. – Она скоро вас будет узнавать...

Очень скоро четвероногий друг не обращал на меня никакого внимания, собственно, как и на всех проходящих мимо.

После медицинского осмотра (измерили артериальное давление) мне определили профилактические процедуры: механический массаж на топчане, комплекс упражнений в спортзале и кислородная пенка. Примечательным было первое. Мне предстояло принять десять сеансов массажа. Каждое утро по строго назначенному времени я приходил в соответствующий кабинет, укладывался и в течение 30 минут с удовлетворением замирал, ощущая под спиной движение тёплого валика. Но не это пробуждало и включало моё воображение, а висящий на стене, прямо над головой, радиоприёмник. Лечебная процедура совпадала по времени с ежедневной радиопрограммой «Одесса-мама». Голосом ведущих, а главное – музыкальным содержанием, она переносила в романтическую Одессу, которую я тоже хорошо знаю и люблю; переносила в пору студенческой учёбы, безоглядной одесской вольницы. Главным в радиопрограмме был современный шансон. Дикторы выполняли заявки слушателей и без конца крутили песни о любимой Одессе. Казалось, у микрофона собрались

все таланты этого обожаемого города. Я напрасно ждал традиционные «Шаланды, полные кефали» или «Ах, Одесса, ты много знала горя...», без сомнения – классику... За десять массажных дней я не услышал ни одной знакомой мелодии о городе с «уникальной культурой и самобытным одесским характером». Уникальным было само содержание радиопередачи, где, как мнилось мне, поселились бывалые мореманы с голосом Владимира Высоцкого и весельчаки-блудницы, знающие бесконечное количество занимательных историй, анекдотов о старой и новой Одессе. Более всего меня поразили слова песни, которая прозвучала 18 декабря:

*От генсеков, господ и воров –
Все мы вышли из этих дворов.*

«А ведь это действительно так, – думал я. – И члены, секретари ЦК компартии (генсеков не знаю), и нынешние банкиры с улицы «Крашенных барышень» (Haight), обитатели викторианских домов в Сан-Франциско, одесситы старого и нового времени – все берегут память о «жемчужине у моря». Имен легендарных воров, начиная от мадам Блювштейн (Соньки Золотой Ручки) и бабелевского Бени Крика я уже не упоминаю. «Всё лучшее мы оставили в Одессе», – признаётся бывший инженер института «Укрюжгипрокоммунстрой» Полина Смотрич-Тарган, ныне жительница Сан-Франциско, автор книги «Город моего сердца». Ныне у Полины два города сердца, понятно каких.

Теперь каждое утро я терпеливо ждал очереди в кабинет, размещал своё брненное тело на лежанке и ловил откровения весёлых ведущих радиопередачи. Только по программе «Одесса-мама» можно написать занимательное эссе или оригинальный реферат по вузовскому курсу «жанры современной радиожурналистики».

Завершив процедуру, бежал в столовую уже без всякой надежды на новые впечатления. Санаторный завтрак был пустым, быть может лечебным, но в нём исключались овсянка, творог, яйца, сметана, бекон, кофе. Чем же тогда подпитывать свой мозг? Как и во времена Бунина, Куприна, на одесском столе была рыба. Но не «превосходная кефаль с белым вином» (Бунин), на столе был «любимец публики» хек и много хлеба. Очень скоро мы с соседом по номеру загрузили свой корпоративный холодильник украинским салом из супермаркета. Кстати, соседом оказался 85-летний Иван Фёдорович с драматичной биографией: ещё подростком ему пришлось познать нужду, репатриацию, работать у фермера в Румынии. Сейчас в его удостоверении значится графа – «участник боевых действий». На мои замечания по поводу однообразия столовской пищи Иван Фёдорович с недоумением повторял: «Нормальная еда!»

«Не хлебом единым жив человек», – вспоминал я Ф. Достоевского. «Если превращу камни в хлебы, – писал он, – и накормлю всё человечество, человек тотчас спросит: «Ну, вот я наелся; теперь что же делать?» Я-то знал что. Уже на второй день пребывания у моря освоил городской маршрут в сторону центра, литературного музея и его величества Театра. Благо, что они расположены рядом с памятником легендарному отцу-основателю адмиралу де Рибасу.

Литературный музей

Следуя в трамвае мимо Дома профсоюзов, Куликового поля, я доезжал до железнодорожного вокзала, выходил и сворачивал на Пушкинскую улицу. Под величественными платанами начинался мой пешеходный маршрут, рядом располагался книжный магазин, где торговали литературой местных изданий. Должен сказать, что только от одних названий – Ришельевская, Ланжероновская, Дерибасовская, Греческая, Большая Арнаутская, Карантинная, Маразлиевская – улиц, примыкающих к морю, самого памятника Пушкину у меня шла кругом голова, как будто наелся пахучих розовых креветок с Привоза. В магазине я положил глаз сразу на полдюжину книг, но загрузил в пакет всего лишь четыре: переизданный путеводитель по городу, сборник местных анекдотов, две замечательные книжки – перевод с голландского очерков о литературной Одессе Ян Паула Хинрихса и антологический сборник «Одесса в русской поэзии», изданный в Москве. Теперь я был вооружён и легко воспринимал все «тяготы» санаторного отдыха. Они, собственно, исчезли, ибо теперь со мной и днём и ночью были рядом Бунин и Бабель, Валентин Катаев, Ахматова, Булат Окуджава, Иосиф Бродский, со мной жила легендарная Одесса, одесский миф, и я сам становился его частью.

После походов по памятным местам (о них стоит рассказать подробнее), в музей и филармонию, конечно, в театр, быт просто перестал меня интересовать: по утрам спешил только на сеанс шансона да в физкультурный зал. Заключая эту тему, скажу, что на санаторных ступеньках к морю меня уку-

Памятник Исааку Бабелю в Одессе

сила бродячая собака, обругала медсестра (пожаловался на низкую температуру в спальном номере), от меня шарахались курортные дамы, но уже ничто не могло испортить настроения. Я осваивал другие объекты Одессы, кормящий и предоставляющий ночлег «Пограничник» был среди них на последнем месте.

Знакомый ещё по студенческим годам литературный музей напомнил о себе, словно мелодия старой песни. Уже будучи преподавателем пединститута, я возил группы на Приморский бульвар, у бронзовой головы Пушкина цитировал «Итак, я жил тогда в Одессе...», вёл студентов мимо театра оперы и балета к Дюку, на Потемкинскую лестницу... Наша экскурсия называлась «Одесский литературный музей», мы подымались по мраморным ступеням в Золотой зал. Хорошо помню его ещё по публикациям Никиты Брыгина, страстного знатока истории культуры Одессы, собственно, он и создавал здесь государственный литературный музей, о чём свидетельствует мемориальная доска.

В советскую пору сотрудники музея мастерски разводили многочисленные группы посетителей, чтобы показать все 24 зала бывшего дворца князей Гагариных. На этот раз я сразу проследовал к экспозициям 20-х годов. Во второй половине дня здесь было пусто, сопровождавшая меня девушка, соблюдая режим экономии, включала и выключала в зале свет. За стеклом – книги с автографами, рукописи, фотографии, вещи, как говорится, хранящие память. Признаюсь, мне хотелось перенестись в иррациональное время, почувствовать присутствие Э. Багрицкого, Ильфа, Петрова, Паустовского с персонажами его одесских рассказов. В последние годы я увлёкся Бабелем, разыскал тексты его новелл в николаевском литературном журнале «Бурав», выступил на научной конференции, посвящённой дню рождения писателя, – Бабелевских чтениях (1989) в Одесском университете; подготовил и напечатал путеводитель «Литературный Николаев» с очерком о двух «николаевских» рассказах Бабеля, прозу его читал исключительно по публикациям 20-х годов, ибо в поздних переизданиях почти всегда обнаруживал разночтения, следы цензуры, вмешательства редакторов. Более 70 лет мы читаем изуродованные тексты знаменитого одессита, признанного классика русской прозы советской эпохи...

Наконец я увидел очки И. Бабеля, те самые, о которых Илья Эренбург сочинил запоздалые строки:

*Средь ружей ругани и плеска сабель,
Под облаками вспоротых перин
Записывал в тетрадку юный Бабель*

*Агонии и страсти строгий чин,
И от сверла настойчивого глаза
Не скрылось то, что видеть не дано:
Ссыхались корни векового вяза,
Взрывалось изумлённое зерно.
Его ругали – это был очкастый,
Что вместо девки на ночь брал тетрадь,
И петь не пел, а размышлял и часто
Не знал, что значит вовремя смолчать.
Кто скажет, сколько пятниц на неделе?
Все чешутся средь зуда той тоски.
Убили Бабеля, чтоб не глядели
Разбитые, но страшные очки.*

Я увидел фотографии 20-х годов, копии страниц рукописей... Витрины за стеклом, пожелтевшие листы оформительской бумаги вкупе с театральными афишами, старые экспликации (музей открыт в 1984 г.) – законсервированное символическое пространство. Сказано: живут – во времени. Ощущения бабелевского времени здесь не возникало, оно не вмещалось в старые стены с трещинами и водяными подтёками, очень схожими с забытой на берегу баржой. Мне не хватало свидетельств самого Бабеля, того, что писатель называл «человеческим документом». Я искал ответы на свои вопросы: с кем общался, дружил писатель, каков круг его чтения, как отдыхал? Кем были те «семь молодых одесситов» – начинающие авторы, которых он упомянул в предисловии к неизданному сборнику 1923 года? Как часто возвращался в родной город после переезда в Москву? Почему отказывался от написанного («Конармия» мне не нравится)?

Конечно, лучше о себе самом он говорит в дневнике, автобиографических новеллах, больше могли бы рассказать члены семьи, друзья. Штрихи к биографии содержат переписка, личный архив. Но сохранились ли они?

Год назад на интернетовском сайте я обнаружил письмо нидерландского слависта и писателя Яна Хинрихса в редакцию газеты «Одесский обозреватель». Привожу его почти полностью:

Уважаемый г-н редактор.

Я обращаюсь к Вам с просьбой опубликовать в Вашем издании следующее сообщение. Я – нидерландский славист и писатель, работающий в Лейденском университете. Мои книги были дважды изданы украинскими издательствами «Дух и литера» и «Жупанский». Это был очень положительный опыт: мои авторские права были полностью сохранены. К сожалению, я не могу то же самое сказать об одесском издательстве «Оптимум», которое только что издало мою книгу «Миф Одессы». Это издание содержит так много ошибок, неточностей и отклонений от текста, что я не могу признать его моей авторской работой. Даже моя фамилия (Хинрихс) на обложке и на титульном листе искажена («Хинрик»), и в другом месте этой книги я назван «Хиггинсом»...

Я настоятельно дал знать переводчику и издателю, что в таком виде книга не может быть выпущена. Издание не только противоречит пунктам нашего договора, но также соглашению о том, что будет издан только перевод, полученный от автора. Тот факт, что издатель мне не предоставил ни одного экземпляра моей книги, только подтверждает его безответственность.

Русский перевод моей книги «Миф Одессы» не только вредит мне как автору, но и образу Одессы и Украины в целом. Мои авторские права были грубо нарушены. В письме от 29.05.2012 г. я потребовал от издательства «Оптимум», чтобы весь тираж книги немедленно был снят с продажи и уничтожен.

*С уважением, Ян Паул Хинрихс
(Jan Paul Hinrichs), Нидерланды*

Издание, о котором идёт речь в письме Хинрихса, я купил в книжном магазине на улице Еврейской 20 декабря 2013-го. Героями книги были всё те же современники Бабеля, «молодые одесситы» Багрицкий, Ильф, Катаев, Олеша. Переведённые с голландского, очерки Хинрихса читаются живо, хорошо знакомое здесь оборачивается новой малоизвестной стороной, любовь автора к Одессе и его легендарным персонажам увлекает, будит сознание. Меня сразу заинтересовали «заграничные» письма Бабеля родственникам – послания матери, сестре в Бельгию: для исследователя порой они могут сказать больше, чем автобиографические признания автора.

Скажу ещё несколько слов «за Одессу». Я ни в чём не разочаровался. Южная Пальмира, как и в студенческие годы, будоражила память, просвещала, дарила сюжеты и откровения. С упоением стал развлекаться: купил лишний билетик на юбилейный концерт Национального симфонического оркестра Одесской филармонии, попал даже на концертное исполнение оперы «Евгений Онегин». Это была всё та же филармония. Какие голоса звучали! Местные ревнители культуры организуют девять просветительских абонементов для школьников: хореографический, этнографический, литературный, джазовой музыки, вокального мастерства... Это значит – молодёжь может получать систематические знания по искусству. Когда-то у меня тоже был абонемент в областную филармонию. Сегодня в Николаеве даже нет его помещения: старое разрушили, а на строительство нового нет средств.

Показал в кассе национальной оперы билет члена Союза журналистов и тут же получил льготное приглашение на «Дон Жуана». Сидел в третьем ряду партера и ловил си-бемоль Зуенко – Донны Анны, разглядывал костюм Командора, наслаждался классикой. Поставил Моцарта народный артист России Юрий Александров. Я обратил внимание на афишу: за множеством одесских культурных проектов стоят мастера из Москвы, Риги, Кишинёва, причём они выступают и в роли постановщиков, художников-оформителей, сценографов, дирижёров. Как говорится, искусство обходится без таможен. Обратил внимание и на то, что в середине недели кресла в партере заняты наполовину, лишь в перерывах досужие театралы с верхних ярусов устремляются в первые ряды. Декабрьская Одесса дарила незабываемые впечатления. А мне вспоминалась студенческая пора, лекции на улице Петра Великого – в главном корпусе Одесского университета. Летом в знойную пору в его открытые окна врывается солёный морской бриз...

Был бы несправедлив, если бы умолчал и о неких примитивных сторонах одесского культурного ландшафта, который всякий раз вносит разлад в пожизненное состояние влюблённости в этот город-судьбу, город-подарок. Так его и представляют сегодня одесские билборды.

Плохи дороги в центре Одессы, десятилетиями закрыты строительной сеткой отваливающиеся балконы на старых, богато декорированных купеческих домах. Поражает обилие рекламных щитов, которые частично заслоняют и Воронцовский дворец, и неказистые внутренние дворы на Молдаванке, и тенистую Старопортофранковскую улицу, на которой родился Ильф. Бессмысленные граффити нарушают атмосферу узнаваемости дома на Ришельевской, где обитала семья Бабеля после переезда из Николаева. Откровенно говоря, у меня был повод вспомнить строки из письма И. Бабеля 1936 года своему товарищу по Одесскому коммерческому училищу, преданному другу И. Л. Лившицу: «Одесса бедна, нища, не отремонтирована, обшарпана – и прекрасна по-прежнему». Последнее замечание выражало идеализированную и безответную любовь писателя к родному городу, в ней, как всегда, присутствовали ностальгические нотки. В машинописном варианте рассказа Бабеля «Улица Данте» есть отрывок, который не вошёл в окончательный текст. После слов «С этой мыслью я уехал в Марсель» читаем: «Там увидел я родину свою – Одессу, какою она стала бы через двадцать лет, если бы ей не преградили прежние пути, увидел неосуществившееся будущее наших улиц, набережных и кораблей».

В Рождественские дни вся Дерибасовская, как и витрины магазинов французской, итальянской моды, стекла норвежского и шведского пабов сверкали неоновыми огнями, а в центре на ярмарке международной кухни слышалась многоязыкая речь. Угощали узбекским пловом и немецкими колбасками, чешским пивом, глинтвейном и горячим чаем из огромного самовара с костяными ручками. «Нет одиночества безвыходнее, чем одиночество в Париже», – снова вспоминал я Бабеля. Трудно представить одиночество в Одессе. Если ты не сноб и склонен к общению, это благодатная среда обитания.

По-своему обнажил этот город Ефим Ярошевский, поэт и прозаик, живущий ныне в Германии. В антологии напечатан его «Экологический этюд», посвящённый одесскому лету. Цитирую несколько строк из его нерифмованного дискурса:

*Восхитительный запах дерьма и отечества!
Где сливочный амфир и классическое барокко,
цветной торт лепных карнизов
и ломкий бисквит известняка,
дворовые сортиры,*

*дождик на станции Сортировочная,
мокрые рельсы и тоска переездов.
Где по утрам над Отрадой встаёт высокое свежее море,
которое пахнет степью и неубитой рыбой...*

В первые майские дни 2014-го эхо Киевского евромайдана, борьбы за власть докатилось до Одессы, разразились события, которые всколыхнули буквально весь мир. Журналисты назвали эти события Одесской Хатынью, припомнив драму одноимённого белорусского села, сожжённого в 1943 году специальным 118-м батальоном украинских полицаев-националистов во главе с выходцем из Черкасской области Васюрой (149 человеческих жертв, преимущественно женщин и детей). Кстати, этот батальон участвовал и в массовом уничтожении евреев в Бабьем Яру. Материалы преступлений националистов надолго закрыла цензура – киевское Управление по охране военных и государственных тайн в печати. Рекомендации на этот счёт следовали из идеологического отдела ЦК компартии Украины, самого секретаря Щербицкого.

Да, это была Хатынь нового XXI века. Центром оппозиционного противостояния менявшейся центральной власти стала Одесса, горел, пылал подожжённый бутылками с горючей смесью Дворец профсоюзов, внутри него оказались группы участников события. Жертвами драмы стали около 80 человек, причём опознаны более 50 обожжённых, зверски задушенных и забитых палками мужчин и женщин. Сегодня, 1 августа, на юго-востоке страны украинцы национальной гвардии обстреливают из пушек украинцев ополчения в Луганской и Донецкой областях, идёт война. Только недавно прочитал сообщение: начато международное судебное расследование событий 2 мая в Одессе...

Исторические аналогии. Да, существуют примеры взрывов, выбросов массового насилия. Влас Дорошевич, репортёр из «Одесского листка», описал случай грабежей и беспорядков в дни православных пасхальных праздников 1899 года в Николаеве. На почве межэтнической и религиозной неприязни, распространяемых слухов – «евреев бьют и евреев бить позволено» – были ограблены торговые заведения, варварски разрушены надгробья на кладбище, убит житель города. В 1919-м, в разгар гражданской войны, Иван Бунин в записях одесского дневника сообщал о всеобщей разрухе, расстрелах, грабежах библиотек, случае погрома на Большом Фонтане. 11 мая записал: «Говорят, в Николаеве идёт еврейский погром... Елизаветград от тёмных масс пострадал страшно. Убытки исчисляются миллионами. Магазины, частные квартиры, лавочки и даже буфетики снесены до основания». Вторая мировая война дала пример ненависти национального масштаба – белорусской Хатыни. Спустя семьдесят лет – новый акт коллективного помешательства. После 2 мая 2014 года Одесса стала иной, беззаботного веселья в ней поубавилось.

Меня сейчас занимает поведение человека из массы: где опыт культуры двадцати веков, культ разума Просвещения? Человек – «мыслящий тростник», вместилище противоречий, химера, чудо, судья вещей, обладатель истины? Где причина его «блеска и нищеты»? Почему забываются события близкой истории? Что ещё ждать от гомо сапиенс в эпоху катастроф, культа свободы и разгула национализма?

Наверное, не я один в те дни припомнил пронизательные слова автора «Архипелага ГУЛАГ». Мы, аспиранты МГУ, поодиночке, тайно читали Солженицына, а потом вместе удивлялись его смелости. Более пятидесяти лет назад великий борец с тоталитаризмом высказал то, что стало совершенно очевидным, в чём мы до сих пор боимся себе признаться. Слова его будто написаны сегодня!

«С Украиной будет чрезвычайно больно... Раз не уладилось за века – значит, выпало проявить благоразумие нам. Мы обязаны отдать решение им самим – федералистам или сепаратистам, кто из них кого убедит. Не уступить – безумие и жестокость. И чем мягче, чем терпимее, чем разъяснительнее мы будем сейчас, тем больше надежды восстановить единство в будущем. Пусть поживут, попробуют. Они быстро ощутят, что не все проблемы решаются отделением».

А в конце главы наблюдение, вывод литератора-историка, исследователя и радателя за обустройство земли российской: «Из-за того, что в разных областях Украины – разное соотношение тех, кто считает себя русским и кто – украинцем, и кто – никем не считает, – тут будет много сложностей. Может быть, по каждой области понадобится свой плебисцит и потом льготное и бережное отношение ко всем, желающим переехать. Не вся Украина в её сегодняшних формальных советских границах есть действительно Украина. Какие-то левобережные области, безусловно, тяготеют к России».

«Восстановить единство в будущем» – вот в чём надежда. В условиях советского объединения прозаик мыслил совершенно актуально. По Солженицыну «плебисцит» и «бережное отношение ко всем» – краеугольные камни, фундамент строительства будущей и России, и Украины. Кто в 90-е прислушивался к голосу писателя-маргинала?

Из головы не уходят впечатления, поездка на тот же черноморский берег, который находится в устье Днепро-Бугского лимана и административно принадлежит Николаевской области, это традиционная зона летнего отдыха николаевцев и одесситов, здесь всегда можно встретить людей со всей Украины. Благодатный берег, где сходятся горизонты моря и лимана, не может миновать путник, следующий с севера на юг к тёплому морю. Помня семейные предания о прадедах-моряхах, несколько маршрутов по Степному Причерноморью совершил А. С. Пушкин, в 1821 году ему удалось встретить стариков, помнивших родного деда Ивана Абрамовича, героя морских сражений и строителя Херсона. В 1837 году здесь проезжал В. А. Жуковский вместе с великим князем Александром Николаевичем, будущим российским императором, поезд из 11 экипажей следовал на окраину империи в город Вознесенск, где состоялся грандиозный смотр кавалерии и пехоты. Эти места хорошо знал будущий писатель Алексей Пешков, оставивший свои художественные впечатления в очерках и рассказах «На соли», «Емельян Пиляй», «Мой спутник», «Вывод», «Челкаш». Я нашёл упоминание территории бывшей Новороссии даже у Жюль Верна в приключенческом романе «Упрямец Керабан» (1883). Исторические неточности романа – не в счёт, их исправляют издатели. А вот главный персонаж, богатый негоциант из Галаты, интересен. Он не желает платить пошлину за переезд на противоположный берег Босфора, отправляется домой вокруг Чёрного моря. В Херсонской губернии путешественники видят пустынную местность, бесчисленные курганы, удручающую картину огромного кладбища. «Это были могилы, которые кладоискатели перекопали на всю глубину», – поясняет автор романа. Направляясь из Крыма в Одессу, Керабан не минует нынешние села Новую Дофиновку, Коблево, ночью пересекает Южный Буг у города Николаева. В сетевой редакции с любопытством прочитал строки современного почитателя творчества Жюль Верна. «Знаете, за что я люблю эту книгу? – пишет автор. – В ней упоминается мой город – Килия. Недалеко от Килии на карету Керабана напали кабаны. Ну, сейчас кабанов там нет, но дороги по-прежнему просто ужасные».

Как это ни странно, должен подтвердить свидетельство современника. И речь нужно вести не только о состоянии дорог, но всеобщем устройстве нашего бытия. Я хорошо знаю этот берег ещё по старым временам, приезжал сюда в спортивный студенческий лагерь. Напротив острова Березань находится село Рыбаковка, которое в летнюю пору становится объектом паломничества отдыхающих. В 90-е годы здесь находился уютный торговый центр, почтовое отделение, кинотеатр, несколько кафетериев, ресторан. Десятки лет администрация сельского совета Рыбаковки решала трудные вопросы энергообеспечения баз отдыха, вывоза отходов, состояния дорог, пляжей. Я был поражён увиденным, не узнавал прежние места, лишь всепроникающий солёный запах сушёной рыбы на разросшемся рынке напоминал прошлое. Я увидел фундаменты, то, что осталось от разрушенного летнего кинотеатра, хаотично занятую торговыми будками площадь, заколоченное помещение почтового отделения, территорию, настиганную использованными полиэтиленовыми пакетами и пластиковыми бутылками. Почти тридцать лет назад я был здесь. В диспетчерской будке автобусной остановки по-прежнему исправно собирают деньги за проезд в маршрутном такси «Николаев – Рыбаковка» и по-прежнему рядом, в трёх метрах, находится общественный туалет – «всасывающая яма», так именуется она в местном реестре жилищно-коммунального сектора. Сотни отдыхающих пребывают здесь за день, но пользоваться этим полевым приспособлением не решается никто, ни женщины, ни дети не рискнут подойти к яме с фекалиями.

– Можно ли всё это терпеть рядом? – заговорил я с диспетчером автобусной остановки.

– Это не наш участок, – угрюмо отвечал диспетчер, – это территория рынка. Мы арендуем только помещение.

Три десятка лет люди делят между собой обязанности, они приватизировали зону отдыха, живут за счёт плательщиков дорожных сборов, туристских налогов. И готовы жить в грязи. Тридцать лет не существует власти, способной привести в порядок черноморский берег. «Есть что-то испорченное в Датском королевстве», – говорил известный персонаж. Только ли в Датском?

* * *

В 1916 году неизвестный литератор Баб-Эль опубликовал «Листки об Одессе» – эссе о родном городе, где вместо «большая разница» говорят «две большие разницы», восторженно поведал о «сладостных и томительных» южных вечерах, сверкающем солнце, пахнущем море, той «художественной»

жественно выраженной радости», которую дарит Одесса своим сплошь гениальным писателям. «Литературный Мессия, – писал Бабель, – придёт оттуда – из солнечных степей, обтекаемых морем».

Автор знаменитых «Одесских рассказов» и «Конармии», цикла очерков «Петербургский дневник», незавершённой автобиографической книги «История моей голубятни», ещё одной задуманной книги об украинском селе – «Колывушка», оригинальных дневниковых записей, пьесы «Мария» и драмы «Закат», киносценариев «Беня Крик», «Китайская мельница», «Блуждающие звёзды», «Старая площадь, 4» был пророчески проницателен. Время наградило своего вынужденно замолчавшего певца репутацией классика.

В августе 2013-го я поставил себе на полку новое, изящно изданное и прокомментированное Собрание сочинений И. Бабеля в трёх томах, куда вошли практически все художественные произведения писателя. Очень важно – в нём восстановлены канонические страницы бабелевской прозы. Составителем нового издания, автором вступительной статьи, комментариев и примечаний стал доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета И. Н. Сухих, известный пропагандист русской литературы. Сразу обратил внимание: в отличие от большинства прежних переизданий, бабелевские произведения в структуре трёхтомника печатаются даже не в хронологической последовательности, а преимущественно по циклам и тематике. Новая концепция издания позволяет совершить своеобразную реконструкцию «контуров недописанных и погибших книг» Бабеля. Она содержит внутренний сюжет и раскрывает эволюцию героя-повествователя на фоне бурных событий начала революционного века. Художественное наследие в таком виде открывается заново и сулит множество открытий.

Я приветствовал Игоря Николаевича из Украины и поздравил с хорошо сделанной работой, отправил в Санкт-Петербург послание, где с гордостью сообщал, что являюсь теперь единственным обладателем нового трёхтомника И. Бабеля на миллион потенциальных читателей региона, ибо ни областная научная библиотека, ни высшие учебные заведения последние годы не пополняют свои фонды российскими изданиями... Я радовался тому обстоятельству, что питерцы подхватили эстафету изучения наследия знаменитого одессита. К сожалению, после Бабелевских чтений в Одесском университете дальше дело не пошло. Литературный одесский миф уходит в прошлое, хотя до сих пор активно используется в качестве городской рекламы. Я сетовал лишь по одному поводу – отсутствия в Собрании сочинений переписки И. Бабеля. Очень скоро получил из Питера ответное послание И. Н. Сухих:

«Добрый вечер, Евгений Гордеевич!

Приятно, что твою работу замечают и незнакомые люди...

А я в Одессе, увы, не бывал. Так что И. Бабель, как и другие, – предмет бескорыстного и дистанционного интереса.

Трёхтомник, обладателем которого Вы являетесь, – сокращённый вариант другого издания, четырёхтомного СС в издательстве «Время» (М., 2006). Вот там, в четвёртом томе, есть и подборка писем плюс первая русская публикация книги А. Н. Пирожковой (вдовы писателя. – Е. М.). Сейчас и воспоминания появились в более полном варианте, и эпистолярный дополнен томиком посланий к Лившицу. Но всё равно я горжусь, что подготовил самого большого Бабеля в мире, как и аналогичного Зоценко (во «Времени» выходил семитомник прозы)...

Всего Вам самого доброго. С наступающим новым годом (Мы ведь допетровские, сентябрьские люди).

26 августа 2014 г.

И. С.»

Мирошниченко Евгений Гордеевич. Литературный критик, историк литературы, журналист. Родился 23 февраля 1939 года в Витебске, Белоруссия. Окончил Одесский госуниверситет (1970) и аспирантуру МГУ (1980). Доцент Николаевского межрегионального института Киевского университета «Украина». Кандидат филологических наук, член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения. Автор историко-литературных и культурологических очерков, рецензий, интервью, опубликованных в газетной и журнальной периодике, книг: «Я зачем-то съездил в Николаев...», «Чайка над лиманом», «Время и бремя культуры», «Город и миф», «Живущие на перекрёстке», «Литературный Николаев». Дипломант Международной литературной премии им. Великого князя Юрия Долгорукого (2005). Член редколлегии литературно-художественного журнала «Соборная улица».

Копштейн Арон Йосипович. Народився 18.03.1915 р. в родині шкільного вчителя в м. Очакові. У п'ятирічному віці залишився сиротою, став вихованцем дитбудинку, спочатку херсонського, а потім у Будах поблизу Харкова. Закінчив ремісниче училище, працював на заводі ім. Петровського учнем токаря, гартівником у ремонтно-інструментальному цеху, робкором у заводській багатотиражці. У підліткові роки почав писати, брав участь у підготовці й створенні рукописного часопису «Горн», друкував вірші у заводській газеті. 1931 року, коли А. Копштейну було шістнадцять, він переїжджає до столиці України – Харкова, де активно включається у літературний процес. У 1937 році був призваний в армію. Служив у танковому дивізіоні на Далекому Сході. Восени 1939 року вступив до Літературного інституту імені О. М. Горького. В 1940-му, навчаючись на першому курсі, він, як і багато інших студентів, пішов у складі комсомольського лижного батальйону добровольцем на фінський фронт. Загинув 4 березня 1940 року в районі Суоярві Петрозаводського напрямку, рятуючи пораненого друга, поета Миколу Отраду. Обидва були вбиті снайпером. Автор поетичних збірок: «Хочемо, прагнемо, можемо» (1933), «Розмова» (1934), «Зростання» (1935), «Вулиця Щорса» (1936), «Джерело» (1937), «Держава сонця» (1938), «Радостный берег» (1939, у російському перекладі). Перекладав твори поетів Грузії, Білорусі та з єврейської мови на українську. Член СП СРСР з 1934 року.

Арон КОПШТЕЙН

ПО РИБАХ СРІБЛЯСТИХ ПЛИВЕШ

ТИСЯЧА ДЕВ'ЯТСОТ ВІСІМНАДЦЯТИЙ РІК

I

Чорна тінь бомбовоза
впала погнутим хрестом.
Вершники скачуть.
Курява по дорогах...

II

Біля самого Чорного моря скупчився город Херсон.
Відомий, до речі, центральним острогом.
Я народився в Херсоні. Що я запам'ятав?
Сіру воду Дніпра. Товсті очерети плавнів.
Похитування простріляних пароплавів.
Кров, яку ґрунт прибережний всмоктав.
Що я забув? Ніжного ліжка тепло,
колискові пісні, пухові подушки,
любовно подані пиріжки...
Тільки, може, цього не було?
Так, напевно, я правильно запам'ятав
губи в заїдах, ноги в «ципках»,
грязюку, що розплескалась липко,
по якій достопам'ятних днів я гасав.
Над містом похмурим зібралися хмари густі.
На відстані трьох п'ятиріч вони здаються стальними.
Ось починається перший спогад в житті:
важко тупочуть солдати. Діти біжать за ними.
Драстуй, дитинство моє! Що ти скажеш мені?
Що мені ти покажеш? Навіщо? Не треба!
Чорні багнети, шоломи крижані
проколюють небо.
Це я пригадую, ніби в смутному чаду.
Сморідне місто – наче покинутий вулик.
Солдати йдуть. Невідворотно йдуть.
У підворотнях собаки брехати забули.

III

Цього не знаючи, я не можу згадати,
але я впевнений: так воно й сталося.
Говорить один солдат,
слухає другий солдат:
– Товаришу, що нам дісталось?

Ночі холодні. Розстріли мовчазні
 на світанку. Вантаження цукру в вагони.
 (На сході місячний серп невідомо десь зник,
 з заходу хмари гонить.
 По даху б'є одноманітно вода,
 чітко вирізняється крапля кожна).
 Говорить другий солдат,
 слухає перший солдат:
 – Товаришу! Далі не можна.
 Іржавіють наші багнети –
 хоч чисть, хоч не чисть –
 від крові густої. Я перетворився на ката.
 Я більше не можу. Товаришу!.. Я ж металіст,
 я вмю фрезерувати, точити, стругати.
 Я сину зробив із бляшанок автомобіль,
 і всі дивувались. Я вмів набивати опоки.
 Куди ж я подіну великий тамований біль?
 (В казармі – тиша і спокій.
 Солдати поснули – сто десять голів
 однакових – стрижених, бритих, квадратних.
 В густому повітрі гніт зачадів, зотлів).
 Каже до ратника ратник.
 Шепіт уже не плазує, мов комашня по траві.
 Він твердішає, більшає, наче навала.
 У шепоті чути слова нові –
 підсудні військовому трибуналу...
 Днювальний суворо запитує:
 – Що за розмови? –
 Солдати змовкають,
 починають ізнову.

IV

І другий спогад в моєму житті:
 солдати виходять з міста, приходять червоноармійці.
 Вони без шоломів. Чоботи в них прості –
 нековані. Та, здається,
 сонцю скажеш: «Засмійся» –
 й воно засміється.
 Скажеш Дніпрові: «Розлийся» –
 й він розіллється...
 Червоноармійці пішли. З ними пішов мій брат.
 Товариші проводжали. Плакала мама.
 Усміхнений парубок – він не прийшов назад.
 Він бився за нашу Вітчизну, поліг за Країну Рад...
 Та й ми б зробили так само.
 Із млина він приходив у білій муці
 і мене підкидав на гарячій руці, на гарячій руці...
 Жовніри польські вбили його. Він лежав без труни.
 На зеленій землі він лежав, не заплющивши очі.
 Я вже виріс. Рідко я бачу дитячі сни,
 та забути його – я не можу, не хочу.

ЕЛЕГІЯ

Снайпери кулю вганяють у кулю,
вітер підмерзлі калюжі розбив.
– Гулю-голубоньки, гуленьки-гулю, –
кличе хлопчисько своїх голубів.
Сонце заходить. Ясна позолота
криє каштани, калюжі, хати.
Юність моя, голубина охота!
Чому схвильовано дивишся ти?
Гулю-голубоньки! От ми й дорослі,
От голуб'ятні уже не про нас.
Роки достиглі згинаються бростю,
через рамено висить протигаз.
А голуби розлітаються врозтіч...
Гулю-голубоньки! Сизим туманом
ви пропливете без краю, без меж,
ви розлетітесь понад домами –
аеропланом не здоженеш.
Все це чудесне. І що я утрачу
в затишку сонця, в шумі вітрів?
Гулю-голубоньки! Пісня дитяча,
птиця в повітрі, дим по зорі.
Тільки я знаю, що марно
я голубину охоту любив.
Бачиш – вони закільцьовані ревно,
сизі, міцні поштарі-голуби.
Як закільцьований голуб? Відерцем
кормом, гніздечком, вузеньким кільцем.
Як закільцьована юність? Всім серцем,
прагненням бути найкращим бійцем.
Як поєднати, йдучи у далекість,
відданість, відданість до кінця,
снайпера влучність і голуба леткість,
серце дитяче і мужність бійця?
Снайпери кулю вганяють у кулю –
снайпером буду.
Гулю-голубоньки! Гуленьки-гулю!
Голубом буду.
Буду влучати – не помилятись,
буду літати – і повертатись.
Десь марширує на стрільбище рота –
високо-високо тягнеться спів...
Юність моя, голубина охота,
Скільки у наших руках голубів!

ТЕНДРА**I**

У морі медузи, у небі хмарини.
Нечутно, як птиці, злітають хвилини,
і сонце на захід продовжує путь.
З Херсона рибальські баркаси пливуть.
У море вливаються води лиману,
і море прозоре – як слід, без обману,
побачиш усе до найглибшого глибу.
До острова Тендри рибалки по рибу
пливуть. І назустріч рибалкам плыве
підводне багатство, строкате й живе.
Сховалась на дні камбала однобока.
Її течія придавила глибока.
Її не цікавить: чи сонце, чи ні, –
лежить камбала на піщаному дні.
Підводна трава запливає у невід...
У небі спливають світанки серпневі
і падають в море, і в морі вода
прозора і чиста, неначе слюда.

II

Немає на Тендрі дерев і трави.
Гуляють на тендрі сини вітрові:
лихий горішняк і низівка із Криму
пригнали до Тендри скарбницю незриму.
Усе Чорномор'я, усе Придніпров'я
прислало рибалок з гарячою кров'ю,
що можуть не спати, не знати спочину,
бо треба як слід завершити путину,
не знати сніданку, не їсти обіду,
зустріти з турецьких країв паламіду.

Пливе паламіда лиха, вирлоока,
під нею вода закипає глибока –
не вдариш веслом, не закинеш мереж –
по рибах сріблястих пливеш і пливеш.
І от скумбрія по баркасах, і можна
відчути, що серце наповнене кожне
високою радістю перемоги;
що в морі відкриті широкі дороги,
щастя у путі вам, рибальські артілі!
Повільно пливуть кораблі обважнілі.

САДОВЕ

Дерева йшли до річки. Перше з них,
згинаючи своє високе тіло,
заглибилось у воду, мов хотіло
довідатись, чи лід востаннє зник.
Вже зацвіло в степу циганське мило
і пролісок скінчив короткий вік.
Вночі виходив з хати садівник
зростання слухати. Воно дзвеніло.
В цвітінні відчуваючи плоди,
ішли до повнощедрої води
рибалки із новими неводами.
Весна – весела, сонячна пора,
безлистий сад на березі Дніпра, –
навіки я породичався з вами.

НАПИС НА КНИЖЦІ

Хочеш – я зумію все згадати
аж від тої давньої пори,
як ішли по вулиці солдати
і здригались чорні крейсери.
Хочеш – пригадаю тут охоче
спеку давніх вигорілих днів,
вогкі ранки, приморозні ночі,
наче все тоді я розумів.
Одбігають роки, наче хвилі...
Ти ввійди в рядки моїх поем.
Будеш боса у кофтинці білій
ізо мною мерзнуть під дощем.
Будеш їсти залюбки макуху
і смоктати кислий молочай,
будеш слухать, як снаряди глухо
приголомшують дніпровський край.
Будеш в льосі темному дрімати,
бачити гармати уві сні,
і тобі моя постелить мати
ізо мною поруч на рядні.
А якби в дитинстві знав я спокій,
світлу воду, зелень тихих трав
і однакові, неквапні роки, –
я б тоді і віршів не писав.

Владимир ПУЧКОВ

КАМУФЛЯЖНАЯ ОСЕНЬ

СЮЖЕТ

Томлюсь, застряв, как лифт, не дотянув полшага до уровня земли – до эпоса, точней...

Сюжет. Модель. Конфликт: художник и делега. Что может быть тошней!

Казалось бы, своей – позорной иль победной – ступай тропой, своё – носи добро иль зло...

Зачем же их – вдвоём! – на кромке заповедной, как судорогой, свело?

Земля цвела – ничья. Как влажный подорожник, она снимала боль. Горчил сухой чабрец, захватывая дух... «Люблю», – вздохнул художник. «Куплю», – решил делец.

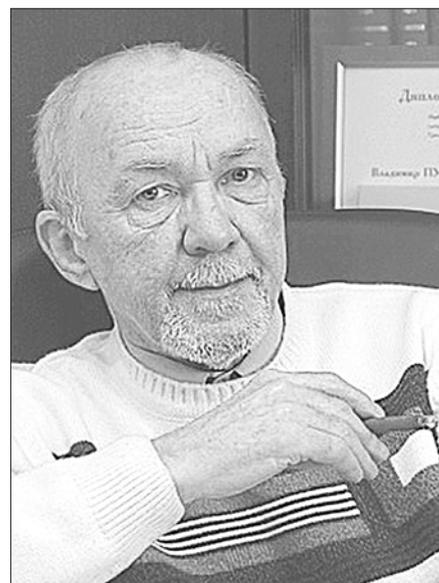
Средь камышовых крыш, лоснясь лимитным цинком, меж диких терновищ и огородных благ – уверенно пророс вскормлённый чёрным рынком кирпичный мухомор, нахальный особняк.

Хозяин приплывал по выходным. «На ранчо», – степенно он шутил, ступая на причал. Художник делал вид, что всё идёт как раньше, – терпел, не замечал.

Вчерашним днём живя, он пребывал в надежде, что завтра сам собой расчислится пейзаж. Здесь – правил особняк. Но на холстах – как прежде, сияли хутора!.. «Куплю», – решил торгаш.

Художник был брезглив. Но гость сулил немало. Картина удалась. Украсила жильё. Однажды меценат продрог без одеяла: сквозило от стены, почудилось – жульё...

Вскочил – оторопел! На полотне зияла прореха – прорастал терновник сквозь неё.

Пучков Владимир Юрьевич. Родился в Славянске Донецкой области 15.03.50 г. Живёт в Николаеве. Окончил филфак Николаевского пединститута и отделение журналистики Высшей партийной школы в Киеве. С 1994 – главный редактор городской газеты «Вечерний Николаев». Глава благотворительного фонда «Николаев-2000». Автор поэтических сборников: «Азбука музыки» (1984), «Парусный цех» (1988), «Видимо-невидимо» (1989), «Вечерний чай» (1998), «Штрафная роща» (2005), «Два берега/ Два берега/ Two Banks» (книга взаимопереводов В. Пучкова и Д. Кремина, 2008), «На стыке моря и лимана» (2009), «Год бычка» (2015). Лауреат Всеукраинской литературной премии имени Николая Ушакова (2005), премии «Планета поэта» имени Л. Вышеславского (2009), Международной премии имени Арсения и Андрея Тарковских (2009). Один из основателей и глава жюри Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния» (Николаев, 2011–2014). Член Союза писателей Украины (1987). Заслуженный журналист Украины (1999). Лауреат VI Международного Волошинского фестиваля в Коктебеле (2008). Признан «Королём поэтов» на Всеукраинском турнире «Пушкинская осень в Одессе – 2009». Награждён золотой медалью американского Фонда «Андерсон Хаус» за лучшую поэтическую книгу года (2010); отмечен церковным орденом преподобного Нестора Летописца третьей степени (2010).

ВОСПОМИНАНИЕ О ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРАКТИКЕ

Поднимая глаза к реактивному росчерку,
рассуждала студентка в купальничке бежевом:
«Говорят, здесь видали крылатую ящерку,
да о трёх головах – представляете? Я же вам
заявляю: всё это – одна трепология.
Темнота! – хоть бы хвост достоверного фактика...»

Ускользала, как ящерица трёхголовая,
от неё, длинноногой, фольклорная практика.

Я шутил – и она собиралась, обижена,
на закате сутулилась синяя «мастерка».
Затихала моя камышовая хижина...
А потом – появлялась крылатая ящерка.

Немигающе дышит, войти не решается.
Хвост чешуйчат, кольчужка искристая погнута.
Видно, дамбу ведя, земснаряд покушается
на её обмелевшую «терра инкогнита».

Киммерийский сквозняк разьерошил фантастику,
землеройки увязли в песке перепорченном!..
Я привстал. И она зашуршала по пластику
ископаемым боком своим перепончатым.

«Ты не зван, человек,
что ж, и я не по вызову...
Не летаю, намаялась, по миру ходючи...
На карачки вернусь – может, думала, выживу!..
Всё равно – не признали кинбурнские родичи».

Я травы настелил ей в посылочном ящике.
Дал воды в черепушке, столетьями выжженной.
Умирающий миф о летающей ящерке
грел за пазухой под камышовой хижинкой.

И ночами, когда небеса отутюжатся,
видел вещей прищур немигающей пращурки –
лёгкий хвост потеряв от восторга и ужаса,
от Земли улетало созвездие Ящерики!..

Кучугуры песчаные. Тени пологие.
Как настой зверобоя, остывает галактика.
Ты лепечешь и плачешь: «Опять трепология! –
не любовь, а сплошная фольклорная практика...»

ПЕРЕД СВЕТОМ

В темноте проступает ограда.
Я не сплю:
я откину брезент –
и в тиши осторожного сада
различу говорок винограда
и акации южный акцент,
хлопотливой петунии лепет,
босоножек по гравию скрип,
всхлипы шлюпок,
и звяканье цепи,
и бессонное шлёпанье рыб.
Сквозь живую беседку увижу
невесомое тело луны,
и тумана молочную жижу,
и лимана глубокие сны.
И в ночной огородной пустыне,
где, светясь, разрезается дым, –
инфракрасное марево дыни,
перечёркнутой стеблем сухим.

НА СТЫКЕ МОРЯ И ЛИМАНА

Давно хочу дойти до сути,
отведать соли океана,
но всё топчу полоску суши
на стыке моря и лимана.

Зовя в моря, трубят турбины!
Но как ни рвут они поводья –
темны и сумрачны глубины...
Кипит живое мелководье!

Итак, проста моя планида:
гребу на зорьке, утром рано,
туда, где плещется ставрида
на стыке моря и лимана.

Не дачи, не добычи лёгкой!..
Судьба, храни такую малость,
чтоб над моей смолёной лодкой
звезда намокшая смеялась!

Чтобы душа зашла от боли
в мешке молочного тумана,
на грани счастья и неволи –
на стыке моря и лимана.

ВЫПУСКНОЙ 41-ГО ГОДА

Юный лётчик в кожаночке новой
был застенчив и много курил,
проводя тебя с выпускного,
всё про небо своё говорил,
а потом он вскочил на подножку,
а потом он к окошку прилип...

Он погиб на вокзале в бомбёжку.
Не доехал до неба.
Погиб.

АВГУСТ В ЧЕРНОМОРКЕ

Памяти Ивана Григурко

Зашуршал – и потянул на выход
сквознячок прощания... Прости,
этот август – бесконечный выдох,
мне дыханья не перевести!

Может, побережься не мешает –
экономить силы и тепло?

Но над побережьем нависает
космоса суровое крыло –
и одна звезда зажглась в тумане,
и, не принимая тишины,
мечутся на стынущем лимане
сорванные с неба мартыны!

НОЧНОЙ МОТОЦИКЛИСТ

Дороги скоростью светились,
во мраке две звезды дрожали:
они с небес ко мне скатились,
и обе – за руки держали.

А я летел, не зная знаков!..
Когда шоссе меня стряхнуло,
одна – отпрянула, заплакав,
другая – в ужасе прильнула.

В больнице пахла матиола,
горели нити вполнакала...
Одна – укорами колола,
другая – руки целовала
и покрывалась белизною,
со мною вместе угасая...

Одна была моей женою,
моей звездой была другая.

ОТМЕЛЬ

Утром лежишь, золотая от сна,
 свежая, нежная...
 Ты мне насквозь, до песчинки, ясна,
 отмель прибрежная.
 Илом летучим вспучают следы,
 стайка щекочется.
 Завтра достигну глубокой воды,
 нынче не хочется.

Брызнет пунктиром по глади голыш...
 Хоть бы не отняли
 чуткую пустошь, слепящую тишь
 утренней отмели!..

СТАРЫЙ БЛОКНОТ

Я собирал свои чувства в копилку:
 думалось – впрок,
 выпало – в прах.
 Даже тебя создавал под копирку:
 думалось – друг,
 выпало – враг.
 Я собирал свои чувства в блокноты,
 прочерки ставя
 там, где слова.
 Даже тебя сокращал, как длинноты.
 Где ты теперь,
 чем ты жива?
 Цифры царапнутся – чей это номер?
 Звякнет в копилке
 ломаный грош...
 Господи, как я себя экономил!
 Всё отдаю –
 ты не берёшь.

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Сегодня ты поймёшь, откуда так знакома
 рука, что, исчерпав простой любовный код,
 черкнула наискось в кабине таксофона:
 «Я буду ждать тебя у Золотых Ворот».

На перекрёстке трёхминутном, двухгрошовом,
 где стёкла выбиты и ветер ворот рвёт,
 крошись, цветной мелок, заговорённым словом:
 «Я буду ждать тебя у Золотых Ворот».

Напрасно не звони и никого не мучай,
 любви своя пора, разлуке свой черёд.
 За сахарной горой, за аспидною тучей
 я буду ждать тебя у Золотых Ворот.

НА ЗАВОДЕ «ОКЕАН»

Катится книзу, как обруч с откоса,
солнечный диск по небесным проталинам,
кружится чайка над краном порталным...
А крановщица – русоволоса,

плечи у девочки – широковаты,
губы у девочки – шероховаты,
и для неё – как соседи, родные
чайки морские и птахи степные.

Ей не досталось судьбы карамельной,
но одарили сладостью воли
ставший отцом ей завод корабельный
и золотое мамино поле.

...Стынет, краснея, солнечный кратер.
Смену окончив, прыгнешь на катер –
тонет в вишнёвом талом снегу
мамина хата на том берегу.

Звёзды, как рыбы, ходят кругами,
теплится бакен, как уголёк,
между родными навек берегами,
где океанский фарватер пролёт.

* * *

На неторной тропе, на безлюдной опушке грибной –
камуфляжная осень стоит у меня за спиной.
Чует бритый затылок прицельного ока сверло,
от которого речь в травматический узел свело.

Мимолётная роща, да что ж это стало с тобой!..
Битой пиксельной рябью рванёт небеса листвоной!
Сыпанёт по глазам, что и так от печали мокры, –
то ли горсть снегирей, то ли жменю махновской махры!..

РЕФЛЕКСИЯ ЩЕДРОГО ПОЭТА

Недавно прочитал вот такое:

«...Современный украинский поэт вынужден жить и творить в условиях тотального конформизма и потакания эстетическому вкусу людей, что выросли в теплицах удобного литературного продукта... Высокая гражданская лирика отцов и дедов отправлена сегодня в утиль, она никогда не будет востребована. Гражданственность поэта и либеральная рефлексия жизни – это нравственные антиподы...».

Историк Наталья Полонская-Василенко в письме своему другу Владимиру Винниченко – председателю Директории Украинской Народной Республики – жалуется на упадок нравов в обществе. В стране идёт гражданская война, а потребители поэзии (читатели?) не хотят воспринимать героическую лирику Тараса Шевченко, норовят больше слушать романсы на стихи Бальмонта и Северянина. В общем, никакого патриотизма... Бардак!

Письмо написано 11 января 1919 года, но выглядит на фоне современной реальности очень свежо. Сегодня в стране опять гражданская война, а потребители вновь не хотят читать «Кобзаря», они предпочитают слушать вольный перевод «вражеских» текстов от группы «ТІК».

О-ох, вселенская печаль... Где взять столько замполитов, чтоб заставить пацанов в АТО читать Шевченко?

...Николаев – город поэтических презентаций. Только за прошлый год в библиотеках областного и районных центров стихи читали 37 поэтов. В большинстве люди талантливые и равнодушные. Аудитория сурового корабельного края не прощает фальши.

Чтобы собрать себя в кучу и выйти на публику со своими стихами, – надо быть отважным человеком или, по крайней мере, уверенным в качестве своего «продукта». Не все обладают храбростью. Потому новые авторы робко пробуют себя в Сети на страницах маргинальных сайтов. Большинство там и «умирают», оставаясь для посетителей в образе аватара.

Читать гражданскую лирику в живой аудитории для начинающего поэта опасно. Здесь не катит лобовой патриотизм – «Слава Украине! – Героям слава!» Не катит по третьему закону Ньютона: чем сильнее давишь на тело, тем оно сильнее давит на тебя. Тут нужно активировать ассоциативный ряд, который заставляет людей совершать нравственную работу.

Ассоциативный ряд – тонкая материя, руками нельзя потрогать. Он неповторим. Это отпечатки пальцев художника. Все настоящие поэты – волшебники, они умеют строить ассоциативные ряды, которые остаются, «как на камне»:

*Пахнут ночи дымом и черешней,
вздрагивают тёплые мостки,
плавают в лимане почерневшем
фонарей размытые желтки.
Тополя покрыты именами
перекрёстков наших и годов,
здесь на память связаны над нами
узелки трамвайных проводов.*

*Я не стану делать путь короче –
торопиться надо было днём...
Ах, какие медленные ночи
в пыльном Николаеве моём!
Заспешил автобус на ночёвку,
на Слободке вздрогнули сады –
и звезда упала за Терновку,
никому не причинив беды.*

Это стихотворение написано Владимиром Пучковым ещё в конце 70-х, опубликовано в сборнике «Азбука музыки» (1984). Не надо закрывать глаза и представлять картинку. Читай и отдыхай. Поэт за тебя совершил работу.

Ассоциативный ряд в гражданской лирике – высший пилотаж. Здесь нужно делать всё до наоборот. Читатель обязан трудиться. В николаевской городской общине сейчас мало людей, способных вызвать мыслительную работу обывателя вне парадигмы «ротовая полость – пищевод – прямая кишка».

Полвека назад социопсихологи определили любопытную закономерность, которую никто сегодня не опровергает. Её можно сформулировать так: первыми чувствуют перемены в обществе поэты (что-то витает в воздухе), за ними идут музыканты, потом живописцы, затем театр, кинематограф, балет и писатели-прозаики, далее тащатся литературные/театральные критики и... в конце этой очереди социальной рецепции – журналисты, которые фиксируют события (типа «попал под лошадь»).

Те люди, которые создают настоящую поэзию, – провидцы, в отличие от астрологов. Они не угадывают будущее, а живут в нём.

В 2008 году два николаевских поэта: лауреат Шевченковской премии Дмитрий Креминь и обладатель премий Николая Ушакова, Леонида Вышеславского, кавалер золотой медали «Андерсон Хаус» и носитель титула «король поэтов» Владимир Пучков – собрались вместе и... совершили поступок.

Они издали поэтический сборник «Два берега». Украиноязычный Креминь перевёл стихотворения Пучкова на рідну мову, а последний сделал поэтический перевод своего товарища на русский язык. Друзья «напрягли» квалифицированных литераторов, и... в одном переплёте сделали английский вариант совместного сборника.

В Киеве «патриотическое» руководство Союза писателей поморщилось и «раскрутку» книге не дало. Однако... проект состоялся – за счёт своих денег и средств меценатов. Гражданственность николаевских поэтов обогнала своё время. Здесь дело даже не в поэтическом продукте, а в ритуальном жесте.

*В Европе нынче ранняя зима.
Ещё вчера листва дышала, пела –
а поутру молчит остекленело...
Застыли нахлобучено дома.
В Европе нынче ранняя зима.
Я был разбужен – добрая рука мне
на плечи плед накинула... И вдруг
я в тишине услышал дикий звук –
там гусеницы лязгали на камне!*

*Знобило... Осторожный человек
сказал: «Наверно, расчищают снег».
А снег валил, скрывая горизонт,
нежнее сна, бесчувственной опилок!..
Он миг покрыл подстриженный газон,
как новобранца мёртвого затылок.
Вжимались в стены Прага, Будапешт
перед бедою, в немоту вознавшей.
Ушла весна сомнений и надежд –
надвинулась зима тревоги нашей.*

Если бы таких Пучковых было два миллиона, у нас бы не образовалась ментальная пропасть между Востоком и Западом, не существовало бы «острова Крыма», сепаратистов Донецка и Луганска. За двадцать четыре года можно было бы легко создать единый народ, с общим прошлым и перспективой будущего бытия.

Нам повезло. В николаевской городской общине несколько поэтов. Они духовно цементируют корабельный народ и помогают обрести стойкость в трудные времена.

Владимир Пучков – «скупой» поэт. Всего-то восемь поэтических книг... Молодые дарования переплюнули мэтра и сегодня бодро выпускают собрания сочинений для публики. Зато он... щедрый человек.

В прошлом году исполнилось ровно двадцать лет, как Пучков стал редактором «Вечернего Николаева». Газета для него – психотронное оружие. Поэт свою рефлексию мира доносит бывшим корабелям через стойкую уверенность: «Жизнь наладится, расцветут сады и родятся дети. Не бойтесь...» Городская газета в его исполнении – хорошая таблетка. Она помогает нам и делает лучше.

15 марта 2015 года Владимир Юрьевич отметил «промежуточный юбилей». Ему исполнилось 65 лет. Пожелаем хорошему человеку тяжёлой работы. Это важно для нас.

Сергей Гаврилов

Анатолій МАЛЯРОВ

АНАФЕМА

Достовірна історія про Івана, Петра і Карла

У партері: дубовий турнікет, столи – місця судді, прокурора, адвоката.

На сцені: великий майдан з деталями симультанної декорації.

На помості: малий майданчик для дії.

Під колосниками приховані: полог, багаття для тортур, диби, дзвони, муляжі людей і коней та інше.

* * *

Із залу виходять три жінки; по краях турнікета служки накидають на них мантиї: судді, прокурора, адвоката. Подають їм у руки теки зі «Справами». Суд займає місце. Суддя стукає дерев'яним молотком.

С У Д Д Я (*сухо, нейтрально*). Шановна публіко, прошу вашої глибокої уваги! Вже триста років цілі покоління, я б сказала – цілі династії суддів, поетів, мудреців і обивателів, в юриспруденції, творчості і в плітках – розглядають справу про діяння непересічної особи слов'янської історії... Прийшла і наша черга судити без упереджень і емоцій, спираючись лише на факти і свідчення. (*Піднімає руку, немов кладе її на біблію.*) Правда, одна тільки правда, нічого, крім правди!

ПРОКУРОР (*надміру гаряче*). Ми розбираємо справу про найбільшу зраду, яку пізнало людство, про відступництво, що спричинило різночитання нашої історії і смуту в душах народів, про зраду, що була піддана анафемі з амвонів православної церкви! Корпус делікти! Тобто: підстав достатньо!

АДВОКАТ (*глибоко, зворушливо*). На ваш суд, поважні пані і панове, подається найяскравіша, загадкова історична особистість, її запізнілий, ризикований і марний подвиг. І ви будете свідками глузування, гримаси долі – відходу з арени історії особи, воїнства, вольності, можливо, цілого народу. На скрижалях історії, в поемах і драмах класиків, у легендах і пересудах людей – і нині живе гетьман Іван Степанович Мазепа. Одні його паплюжать, інші – підносять. З'ясуємо: ку боно? Тобто: кому вигідно? (*Кланяється судді.*) Ваша честь, прошу!

С У Д Д Я. Перші епісотії з часу полюбовних стосунків царя Петра першого і гетьмана Івана Мазепа.

Маляров Анатолий Андреевич. Режиссёр, драматург, писатель. Родился 21.04.1933 года в посёлке им. Т. Г. Шевченко Березовского района Одесской области. Окончил Киевский театральный институт им. И. Карпенко-Карого (1958). Работал главным режиссёром Николаевской телестудии (1960–69 гг.; 1973–88 гг.), режиссёром и заместителем художественного руководителя Николаевского русского художественного театра (1969–1973; 1989–1993 гг.). Автор многочисленных повестей, телесценариев, пьес, рассказов и очерков. Пишет на украинском и русском языках. Член Национального союза писателей Украины (1983).

На помості димлять голландські люльки – Петро і Меншиков учаться курити, кашляють, жартують. У Меншикова в руці папір.

Князь Олександр Меншиков

МЕНШИКОВ. Мін херц, здаля ти схожий на голландського шкіпера. А ось люльку тримаєш крадькома, як чухонський колодник.

ПЕТРО І. Данилич! Ти давно по шії не діставав? Що в тебе за цідула?

МЕНШИКОВ. Деша з Батурина. Тобі, ваша величносте.

ПЕТРО І. Від вірного старця, від гетьмана Івана Степановича? Читай.

МЕНШИКОВ. «Ваша пресвітла величність, государ Петро Олексійович, запорожці з отаманом Щербинюю во врем'я оно наробили нових клопотів своїм своєвольством. Натоп січовиків напав на грецький караван, який мав шлях через Чигирин на Москву. Відвезли пограбований крам на Січ, розрізали тюки і гарари і поділили скарби, в числі яких перебували дорогоцінні камені і перли ціною в тисячі талерів»...

Петро сміється, захлинаючись димом.

МЕНШИКОВ. Мін херц, що смішного ти узрів у депеші гетьмана?

ПЕТРО І. А ти що думаєш про дві сили в одній Україні?

МЕНШИКОВ. Що дві сили в Україні гризуться, нам до вигоди: при затяжній війні з Карлом немає коли Московії тримати там третю силу для приборкання козаків да посполитих. Великий політес у дикому краї...

ПЕТРО І. А про перли та коштовності що глаголиш?

МЕНШИКОВ. Тут я суто думаю: яка ж частка з пограбованого січовиками дісталася самому донощику, ясновельможному гетьманові Івану. Звідки бисть у нього і палац у Батурині чистіший твого Петербурзького, і прийоми пишніші наших всеп'янющих асамблей, і шати на старшині, і зброя на конях – уся його розкіш перевершує нашу, москальську! А храми да школи з його рук за рахунок скарбниці? А вся державна скарбниця – у гетьмана в кишені жупана! Спритний правити світом старий пройдисвіт!

ПЕТРО І. Там, Данилович, і скарбниця зело пухка, і військо малим менше нашого та при дамаській зброї...

МЕНШИКОВ. Дак якого ж біса, твоя світла величність, ти терпиш таку собі шишку в себе на м'якому місці?!

ПЕТРО І. З вищесказаних причин і терплю, Данилович. Хліб да золотце течуть з півдня, козаки за нашим велінням служать і в Польщі, і в Курляндії, і на кордоні з татариним та турком. Зніми голову Мазепі, де іншу таку знайдеш? Старий лис, грамота його не нашої міри, від самого Яна Казимира польського да від німецьких-італійських університетів, мовами несказанно володіє, походів виграв більше Македонського. Під Очаковом я йому на всеп'янющій асамблеї позаздрив – за вуса згріб, так він за шаблю ухопився... знаю, до сьогодні не пробачив мене старий... Чи не ти, князь-пиріжник, заміниш його в привільному бедламі України, де при двох козаках до Івана було завжди три гетьмани, а шкуру і понині перстами розривають на живому ведмеді?

МЕНШИКОВ. А ти, мін херц... Пом'янеш мої словеса: хоч я і сьорбаю юшку постолом, а ти ще поставиш мене в Україні государем-намісником, через підступи да битви вимушено поставиш мене, государ!

Меншиков робить затяжку, кашляє, то ж і Петро.

Мало я тобі читав доносів! Та не від гетьмана, але на самого ясновельможного Івана Степановича? Здурів до старості шляхтич!.. Зводить юну дочку свого власного генерального судді. І ще біль-

ший гріх – вона ж його власна хрещениця, а він її дере, аки іссидорову лань! Не віриш Олексащці, цар, будуть у тебе свідки чистіше мого!

2

Вдалині звучить задумлива елегія:

*Місяць на небі, ніч наступає,
Тихо по морю човен пливе.
В човні дівчина пісню співає,
А козак чує – серденько мре... і т.д.*

Чути тупіт копит. Зістрибнув Мазепа, старий козак у білій бурці, виходить під дерево. Тут же стукують копита іншого коня. Легкий стрибок – на галявину вибігає вісімнадцятилітня Мотря. На ній розкішний костюм юного підлітка-княжича, в руці батіг, коса вибивається з-під шапки-бирки. Закохані кидаються один до одного. Стоячи закутуються в непомірну бурку, валяться на траву. Гойдаються, вигукують.

МОТРЯ. Ваша ясновельможність! Пане Іване! Батьку, це ви?!

МАЗЕПА. Ясна панночко! Мотренько, чи тебе я бачу?!

Вкотилися в промінь, продираються з бурки. Вона плаче.

МАЗЕПА. Що ж ти плачеш, моя ясна зіронько?

МОТРЯ. Я коли думаю про вас, коли бачу вас, сльози самі падають...

МАЗЕПА. Так дурно виглядає старий гетьман?

МОТРЯ. О, ви – рейтер, козак! Це я занадто пізно вродилася. Батько-мати проклинають, свята церква відвернулася... І ваша і моя доленька – гіркі...

МАЗЕПА. Ти – свята діва, у тебе попереду зелена долина і маки, маки! Коли я бачу тебе, мені хочеться висповідатися у всіх великих і малих моїх гріхах. Мені хочеться останнім своїм діянням зробити таку юну і світлу панночку царівною, а за нею і всіх-всіх парубків і дівчат в Україні – щасливими. Хочеться, але чи встигну... і чи посмію! Чекаю і чекаю години, дні, роки... Перед кончиною, чи що, зважуся?

МОТРЯ. Я за вас молюсь, ясновельможний мій лицарю. Ви безгрішні...

МАЗЕПА (*сміється*). Грішний, моя ясочко, вельми грішний. Тому й обкладений турками да татарами, ляхами да москалями з усіх чотирьох сторін. Тому й старшина ревнує до крові, а посполиті дітей малих на ніч лякають Мазепою. Шепочуть: «Спи, малятко, а то Мазепа он іде!»

МОТРЯ. Від того, що ви високо-високо стоїте, краще всім, ви єдиний, ваші думи і діяння недоступні смердові і рабу, земляку і прибудцю, татарину і москалеві...

МАЗЕПА. О, славна моя Мотренько, вищі москалі розуміють мене алчно. Серед них уродився жадібний звитяжник із задумами, злішими від моїх. Йому потрібна не просто держава, але держава всесильна, світська, володарка над сушею і морем. І це-то по його справедливо... Але я теж хочу – свою державу, і теж всесильну, православну і світську, володарку хоча б над своїм бунтівним і сумирним, розбійним і ніжним людом.

МОТРЯ. Що буде з вами, ваша милість? Що буде з усіма нами?!

Проникливо і гірко, дуєтом, закохані заспівають пісню Мазепа:

*Ой горе ж тій чайці, горе ж тій небозі,
Що вивела часняток при битій дорозі.
Чумаки їхали, часчку зігнали,
Маленькій чаєнятка з собою забрали... і т.д.*

Із глибини, з напівтемряви виходять і виходять селянки у вінках і запасках, косарі у вишиванках і брилях і з косами, козаки при шаблях і списах, виникають на заднику фури з чумаками. Звучить могутній хор на слова і мелодію Мазепа – «Чайка».

*Не вернемо, чайко, не вернемо, наша...
Поварили чаєняток – добра була каша!..*

Раптом зверху лунає дзвін, все посилюючись. Із колосників спускається церковний дзвін. Весь натопв забігав, заметушився, незабаром зникає. Мазепа і Мотря збігли до краю галявини.

МАЗЕПА *(кличе)*. Джура!

Вбігає молодий козак.

МАЗЕПА. Дізнайся, що там: пожежа, розбій?..

ДЖУРА. Слухаю, ваша милість!

Джура зникає. Мотря раптом нервово, потім істерично сміється.

МАЗЕПА. Що з тобою, серденько?

МОТРЯ. Це батько мій, Василь Леонтійович Кочубей, дзвонить! Мати, Любов Федорівна, звеліла... якщо я втечу до гетьмана, бити в усі дзвони!..

МАЗЕПА. Ох ця Любов Федорівна! Недарма люди кажуть: не будь на світі Івана Мазепа, вона б звела булаву над Україною! Гетьманша!!

Сцена раптом гасне. Дзвін замовкає. В партері напружені судді.

* * *

ПРОКУРОР. Ваша честь! Ваша честь, пане суддя, я заявляю протест. Пані адвокат навмисне подає епістотії, що не відносяться до історії, до суті зради. Ці епістолярні да любовні кури нецікаві сьогоденню.

АДВОКАТ. Такі були факти! Таким є витік усіх подальших перипетій!

СУДДЯ *(стукнув молотком)*. Апропо! Я слабо розумію: чому історію цікавлять тільки колонізація, війни, зради? І не мають значення: облаштування житла, хліборобство, бортництво, любов! Герої історії – суть агресори, переможці, і жодного пам'ятника не стоїть переможеному. Хіба що безіменні кургани в голому степу... *(Ще раз стукає молотком.)* Ваша версія, пане обвинувач!

3

На помості висвітлений кабінет Петра І. Петро і ад'ютант.

АД'ЮТАНТ. Ваша величносте, пресвітлий царю. Ви дозволите увійти генеральному судді війська Запорозького Василю Леонтійовичу Кочубею.

ПЕТРО І. Як, як звати? Кочубей? Василь? Чому забув такого? За власним, глаголиш, бажанням прибув? Впусти. І нехай нас залишать одних.

АД'ЮТАНТ. А князь Олександр Данилович?

ПЕТРО І. І князь не виняток, і граф Гаврило Головкін!

Ад'ютант іде. Входить Кочубей, при параді, з коштовною шаблею в руках. Цар неприродно ласкавий з ним.

КОЧУБЕЙ *(низько вклонючись)*. Прийми, пресвітлий царю Петре Олексійовичу, в дар малий табун черкеських скакунів, благодать полів України, і сей меч дамаської сталі.

Простягає зброю в інкрустованих піхвах.

ПЕТРО І. Проходь, сідай, козак, гостем будеш. Давно не провідував.

КОЧУБЕЙ. Навіщо ж турбувати государя без потреби!

ПЕТРО І *(нетерпляче)*. Нині така потреба з'явилася? Викладай з порога.

КОЧУБЕЙ *(вагомо, гордо)*. Ваша величність, московські лазутчики знають про кумівство гетьмана Івана Мазепа з якоюсь знатною лясською вдовою, княгинею Ганною Дольською. Відомо також, що ся ясновельможна є зв'язковою яко польського короля Станіслава Лещинського, тако і шведського королівського штабу. Завчора в Батурин від неї прийшов лист до нашого ясновельможного гетьмана. В ньому слова... *(З рукава дістає аркуш, підглядає.)* Писано цифровою азбукою, з якою ми знайомі. Ось: «Почати загаданий шлях»... Обіцянка незабаром прислати «ассекурацію» Станіслава і «гваранцію» шведського короля Карла Дванадцятого.

Цар підхоплюється, ходить, вихоплює аркуш із рук гостя, дивиться.

КОЧУБЕЙ. Доношу вам, ваша величність, не з яких-небудь вигод, але єдино шануючи пре-високу гідність великого государя. Ось пункти: У білій Криниці наодинці гетьман передавав мені слова Дольської: Станіслав польський хоче вчинити гетьмана князем чернігівським, а війську запо-різькому дарувати бажану вольність... Десятого травня цього року Мазепа радів з того, що поляки побили царських ратних людей... В один з наступних днів гетьман говорив: «Шведський король хоче йти на Москву і вчинити там іншого царя, а на Київ піде Станіслав з польським військом... Коли я просив дозволу видати мою дочку за Чуйкевича, Мазепа велів почекати, «доки малоросіяни з'єднаються з ляхами»...

Кабінет огортає тремтяча хмарина. Голос Кочубея звучить луною.

Двадцятого вересня... був у гетьмана в Печерському ксьондз Зеленський... швед готується не на Україну, а на Москву!.. Десятого жовтня в Печерському монастирі Мазепа вивчав Гадяцьку угоду Виговського!.. У подальшому травні, у мене, підгулявши, і на слова про велику вашу милість до нього, гетьмана, Мазепа відмахнувся зле: «Яка мені втіха, коли я завжди чекаю небезпеки, як віл обуха!» На Коломацькій раді вами, царю, великодушно постановлено: одружуватися великоросам із малоросіянками заради змішання крові, а гетьман всіляко перешкоджає тому... Ви, государю, заборонили людям переселятися з лівого берега Дніпра на правий, а гетьман таке переселення заохочує! Гетьман попередив запорожців, що государ російський хоче їх знищити. Гетьман вільно розпоряджається військовою казною... завів собі двадцять маєтків!.. Я вважаю, що індуктний збір можна б завернути в царську казну!! Ще доповім: гетьман вигадує сумні пісні, їх співають козаки і посполиті, оплакуючи підневільну Україну:

*Ой горе ж тій чайці, горе ж тій небозі,
Що вивела чаєняток при битій дорозі...*

А ще крамольного вірша свого поширює:

*Жалься, Боже України,
Що не вкупі має сини!
Єден живе та з погани,
Кличе: «сюди, отамане!
Ідем матку рятувати,
Чи не дам їй погибати!...»*

Вгасання і спалах світла. Цар бореться з собою.

ПЕТРО І. І, за твоєю казкою, гетьман ненадійний? Хто в таке повірить? Що ще?!

КОЧУБЕЙ. Ще в Батурині гетьмана відвідував якийсь шляхтич Ян Окраса – лазутчик і зв'язковий Лещинського, а через нього – очі і вуха шведів. Зло в тому, що ясновельможний приховав той візит навіть від старшини...

ПЕТРО І. Ти то як вивідав, суддя?

КОЧУБЕЙ. Зело стежу за його світлістю... Є сугубі причини... А ще є повний непослух наказів вашої величності, які, через князя Олександра Даниловича, дані були компанійському полковникові Танському виступити на ляха. Аби не дати виступити тому Танському з полком у похід на Польщу, гетьман Мазепа не велів видавати козакам вперед на півроку платню і провіант. До того ж його моць яро засуджував команду князя, бо, мовляв, така була дана через його, гетьмана, голову!

ПЕТРО І. Є про те списані аркуші?

КОЧУБЕЙ. Моя пам'ять тому свідок. (*Простягає папери.*) А ось свідчення повної зради. Перехоплено від єзуїта Залеського – лист ставленика Карла короля Станіслава Лещинського.

ПЕТРО І (*кричить через голову співрозмовника*). Шафіров! Шафірова до мене!

Входить Шафіров і ад'ютант. Цар киває, ад'ютант виводить Кочубея.

ПЕТРО І. Послухай, Шафіров, у цього судді цілий рукав свідоцтв про зраду гетьмана Мазе-пи. Повний корпус делікте, як кажуть латиняни... Але я вважаю, козиряти ними рано. Поруч з Пів-нічною да Західною війнами та з підером Булавіним... нам ще не вистачало великої козацької смуги. Приголуб цього доброзичливця. Закрий йому рота та відкрий так, як завгодно нам.

Висвічується сцена. Сходами ад'ютант веде Кочубея в катівню. Спускається диба, спалахує багаття. Два напівголих ката гриють кліщі.

КОЧУБЕЙ *(Шафірову)*. Ваше превосходительство, що це?

ШАФІРОВ. Німці кажуть: проформа!

КОЧУБЕЙ. Я зі службовим листом... Я до його величності!..

ШАФІРОВ. Підготуємо і повернемо вас до його величності.

Кайдани вже на руках і ногах.

Під дикий скрип розтяжок Кочубея тягнуть за руки до стелі, а ноги обтяжують величезні грузила.

КОЧУБЕЙ. Я – генеральний суддя! Я до самого государя!.. Ой! Тяжко! *(Стогін.)*

ШАФІРОВ. Підперезати ремінцями!

Кати січуть тіло судді батогами.

З чим тебе, ваше благородіє, прислав до государя ясновельможний гетьман? *(Удар канчука.)* Що за сугубі причини лазутничати за гетьманом його величності Мазепою?!

Ще крутіше удар батога. Інший кат підходить з розпеченими кліщами, дістає ягодиць і талії Кочубея. Крик стоїть жохливий. Гуркіт і лайка...

* * *

У партері рух. Трійця суддів розбіглася і знову зійшлася.

СУДДЯ. Припинити негайно! Стоп!! Фу, гидота!

На підмостках світло гасне, там немає нікого.

Ну от, пані прокурор, ваші епісотії! Це ж шкуродерство, смертовбивство!

ПРОКУРОР. Я не хотіла тортур. Екзекуції цілком на совісті царя Петра, це здавна в звичаях азіатів. Я тільки хотіла навести документальні свідчення соратника і найближчого помічника гетьмана, самого Кочубея, – Мазепа зрадник! Чотири рази зрадив! Ляський король Ян Казимир його вивчив, узяв у придворні – милий паж Іван утік з Варшавського двору. Гетьман Дорошенко підпустив його до своїх державних тасмниць, посланником зробив – цей «надійний дуаєн» пішов з Правобережжя, від патріота Дорошенка. Гетьман Лівобережжя Самойлович душі в ньому не чув, дітей своїх доручив виховувати такому шахраю! Потім Мазепа царю Петру був відданий. І от – самого Петра зрадив! «Відданий» – «зрадив» – для Івана Мазепи це гра слів, забава!

СУДДЯ *(філософськи)*. Гетьман зраджує царя, суддя зраджує гетьмана, хто там наступний у ваших перипетіях? Гарненькі звичаї пішли від наших предків!

ПРОКУРОР. Я думаю, сказаного досить!

АДВОКАТ. О, ні-ні, ваша честь! Нехай пані прокурор продовжить свою притчу. Ми побачимо не тільки, кого зраджують, але і хто зраджує. Іван Степанович – освічений, європейського масштабу діяч, а в сюзерени йому діставалися як не дрібний шляхтич із хамськими замашками, парвеню – поляк Казимир, то славний вояка, але людина без свого берега, істинний козак-розбійник – Дорошенко, то безвольний приспішник царівни Софії – Самойлович, то тиран і п'яниця Петро, то...

4

Розчавленого фізично і морально Кочубея супроводжують до Петра I.

ПЕТРО I *(привітно подає келих з вином)*. Ваше благородіє, пан генеральний суддя! Добре, що не виїхали додому, не попросившись. Пригощайтесь, сідайте.

КОЧУБЕЙ *(глухо)*. Спаси вас Боже, ваша величність.

ПЕТРО I. Люльку курите? О, козаки майстри курити люльку! Пригощайтесь. *(Подає люльку.)* Повернетесь до Батурина, передайте мої побажання старому і надійному другу моєму Івану Степановичу Мазепі... Як він там облаштовує храми Божі?

КОЧУБЕЙ *(принижено підлецується)*. Так, так, навколо Печерського монастиря вал зовсім занепав. Його ясновельможність спорядив майстрів і охочих козаків – ладнає. Добре...

ПЕТРО I. А що там грамотії з Могілянської академії? Чи скоро перебираються до нової моєї столиці, до Пітера?

КОЧУБЕЙ. Скоро, скоро. Ясновельможний гетьман споряджає обоз... тільки кращі уми для вас відбираються. Та з книгами всіх знань... церковні і світські, все готує вам у подарунок його моць гетьман.

ПЕТРО І. А що з Донськими розбійниками, котрі не проти ночі будь згадані? Що про злодія Булавіна знаєте?

КОЧУБЕЙ. Полтавський полк і полковника Левенця гетьман послав з князем Василем Долгоруковим. І ще за свої талери наймав охочих...

ПЕТРО І. Недбайливі лазутчики плели кляузи, ніби гетьман гарненько знайомий був із самим Булавіним ще в часи Кримського походу.

КОЧУБЕЙ. Брешуть окаянні, ваша царська величність, брешуть!

ПЕТРО І. І не затримувався з посилкою полтавців гетьман?

КОЧУБЕЙ. Ні, ні, в перших рядах відправив.

ПЕТРО І. І не повідомив Булавіна про ненадійність українського полку?

КОЧУБЕЙ. Грішать брехнею лазутчики! Чистий гетьман перед вами, ваша величність.

ПЕТРО І. А підметні листи... Яном учинені да єзуїтом Залеським доставлені?

КОЧУБЕЙ. Всі листи з наміром відірвати Лівобережжя... зманити гетьмана... Іван Степанович тут же переправляє до канцелярії вірного вам Гаврила Головкина.

ПЕТРО І (з явним глузуванням). І останнє, від єзуїта?

КОЧУБЕЙ. Я його вам доставив.

ПЕТРО І. Радий. Вельми радий твоєму візиту, ваше благородіє. І за косяк коней прийми подяку. У північній війні ой як потрібні скакуни!

Цар плескає в долоні. Входить ад'ютант.

ПЕТРО І. Проведи його благородіє з почестями. Прощай, Василю Леонтійовичу!

КОЧУБЕЙ. Низький уклін вам, ваша величносте, за доброту і справедливість.

Двоє йдуть. Входить Шафіров.

ПЕТРО І (суворо). Який мерзотник цей генеральний суддя! Пропиши гетьману Івану Степановичу, що передаю цього слимака разом з його доносами на суд і розправу гетьмана.

ШАФІРОВ. Слухаюсь, ваша величносте!

* * *

У партері всі стоять. Суддя походжає за спинами.

СУДДЯ. Цікаво, а бунтаря Булавіна Мазепа таки попередив?

ПРОКУРОР. Попередив, а потім допоміг Василю Долгорукову розбити його. Лиходій і є злодій.

АДВОКАТ. Велика політика. Заради своїх задумів і попередив і розбив, а після плакав у храмі перед іконою, на колінах перед своєю дев'яносторічною матір'ю, інокинею...

ПРОКУРОР. Сльози крокодила. Губити та оплакувати – ось канони великого трагіка Івана Мазепи! Кращими поетами розвінчано його лицемірство. Самим Пушкіним досліджений його вердикт над батьком коханої і юної жінки!

5.

На сцені строкатий, квітучий луг – альков під місяцем. У білому пишному вбранні з розпущеним волоссям Мотря. В розхристаній блакитній сорочці Мазепа.

МОТРЯ. Вашмоць, ви відлюдні сьогодні. Таким ви мене лякаєте. Справи казни або війська?.. А може, гостя вчорашня ваша? (Пауза.) Про вас козаки знають: своїх слів ви на вітер не кидаєте. Де ж ваші обіцянки жаліти мене до останніх днів? (Пауза.) Ви нездорові? Або про мене подумали недобре? Наклепи мене не чіпають. Я тікала і ще втечу від своєї сім'ї заради вас, великий гетьмане... Вчора ви пили здоров'я якоїсь пані Дульської. Вдовиця з польської знаті...

МАЗЕПА. Дитя мос, облиш наклепи. Підозри тільки серце гублять. Чи можу я зустріти ангела, чистішого від тебе? Для мене ти вище слави, вище влади....

МОТРЯ. Не кажіть так, батьку мій! Без влади і без слави ви не князь римський і не гетьман України. Ви не ви. І я розумію, що мучать вас справи державні. Я тільки хочу, аби вони не зовсім заповняли вашу душу, щоб у ній знайшовся куточок і для маленької Мотрі. Можете пити здоров'я пані Дульської, можете купатися в державних озерах... зустрічайтеся таємно з езуїтом, пишть і отримуйте листи від чужоземних королів... тільки до ночі, хоч на годину виринайте до мене. Покажіться, чи живі, в силі і здоров'ї чи що? Більшого мені не потрібно...

МАЗЕПА. Мила Мотре, вірне дитя моє, я чекав від тебе сих слів. Але більше хочу твого суду...

МОТРЯ. Мого суду? Над ким і чим?

МАЗЕПА. Над ким?.. Над чим?.. Над доленькою України...

МОТРЯ. Чи мені судити цілу землю, цілий козацький рід?

МАЗЕПА. Тобі, Мотре. Сьогодні тобі. І поки я зважився, відповідай мені на такі слова. Хто тобі дорожчий... батько, а чи чоловік?

МОТРЯ *(спочатку злякалася, потім розсміялася)*. Таке тільки в казках почуєш. Грастесь зі мною, гетьмане?

МАЗЕПА. Ніколи я не був таким серйозним. Говори, поки не охолола.

МОТРЯ *(кидаючись до нього)*. Ви, ви мій батько, мій улюблений, мій повелитель!

МАЗЕПА. Низько вклоняюся тобі, дочко моя і любов моя. У найважчий для мене час ти розв'язала мої руки. Завжди пам'ятай те, що ти сказала мені тепер.

Напливає урочиста музика. На сцені освітлення гасне, на помості воно червоним променем спалахує. На краю – плаха, з неї спадає жмут кривавої тканини. Сходами до плахи ведуть Кочубея. Ось він встав, готовий до страти, вимовив останні слова.

КОЧУБЕЙ. Не кара страшна, гетьмане. Страшна твоя немилість, гетьмане... Бог тебе засудить! Ім'я твоє приречене мучитися в сорока сороків поколіннях! Ти станеш знаком підступності. Чорну зраду назвуть ім'ям Мазепи!..

В одну мить гасне світло і стукає сокира.

* * *

Висвічується партер. Суд в сум'ятті.

АДВОКАТ. Це література. Поети тисячоліттями бентежать нас своїм вимислом! Пушкін і доброго Сальєрі зробив убивцею Йоганна Амадея Моцарта!

ПРОКУРОР. А що, Сальєрі не отруював?..

АДВОКАТ *(вибігши на сцену)*.

*Він не отруював. Ридав він,
Коли під реквієм пурги
Безсмертя Вольфганга впрягли
У воза з чорним покривалом.
Він не отруював, він сліпнув
Від часу, що запряг навік
Його в легенду і навіт
На чортових колесах плітки!
В брехні плевела, не колосся,
Отруїть душу пана й пані,
Вона впивається цькуванням,
І глухне світ від поголосу.
І в землю б'є брехня, як молот,
А він в землі, із-під плити,
Лиш правди, а не доброти
У кожного століття молит'!..*

ПРОКУРОР. Поезія і правда життя – у вас в одне. Та одна справа – краса і зовсім інша – правда...

СУДДЯ. Переконливо люди говорять тільки неправду. А про життя взагалі можна говорити тільки жартома, за великим рахунком про нього ніхто нічого не знає.

АДВОКАТ. Так, бувальщина проста до того, що сама себе пояснити не може. Звідси загадка і Мазепи та його часу...

СУДДЯ. Ваш приклад такої загадки, пані захисник!?

АДВОКАТ. Та ось... чутки, наклепи гетьмана на самого себе... загадка для сорока сороків поколінь.

6

На сцені – корчма. Кілька старих козаків сперечаються по суті пережитого.

ПЕРШИЙ. І козацтву і вольниці приходить кінець... в Україні палицею кинь – у москаля потрапиш. Воевод цар Петро шле до нас на прокорм, і вони правлять козацьким світом. На ярмарок без них не ступиш!

ДРУГИЙ. Пан гетьман довів нас до того, що вільні козаки за своєю волею переходять у селяни, тільки б не служити Москві. Легше дводенна панщина, ніж сім днів місити болото на Неві, в твані і туні царю столицю будувати... А все наше смирення тому провиною...

ТРЕТІЙ. Перед ким смиренність? Перед ратним москалем? Та ні за які гріхи! Що той рекрут проти козака!

ДРУГИЙ. А давно тебе, козака Терешка, канчуком причащали служиві? А наша правда мовчить, гетьман води в рот набрав... Тільки тіло Мазепи в Україні, а душа його в Москві. А то і Пітер сама буде!

ПЕРШИЙ. І землею тепер все більше володіють не селяни, а монастирі!

Входять два петровських солдати, прилаштовуються до корчмаря, п'ють.

Старі козаки тут же міняють личину – заспівають веселу пісню.

Ой на горі калина, ой на горі калина.

Калина-калина, чубарики-чубчики, калина!..

Жвава пісня з пританцьовуванням тягнеться, поки не йдуть москалі геть. Після цього співрозмовники сходяться і продовжують своє.

ПЕРШИЙ. Так я говорю, куме, козацтво губить себе.

ТРЕТІЙ. Та не самі себе! Не самі, старшина наша продалася москалям...

ДРУГИЙ. І гетьман у першому ряду. Хто запустив московські залоги в наші міста? Чому бородаті воеводи допущені до повної влади?!

ТРЕТІЙ. Я гетьмана б не чіпав...

ДРУГИЙ. А чом то не чіпати? У кого влада італери? У Мазепи. Без чієї згоди на постій не пустять жодного загону кінного та пішого, якщо він не козацький?

ПЕРШИЙ. Куме, прикусив би язика. Стіни нагострили вуха.

Входять, в іншого кольору мундирах, москалі. Козаки співають і танцюють.

Ой ходила дівчина бережком,

Ой ходила дівчина бережком...

Підганяла селезня батіжком,

Підганяла селезня батіжком!..

Солдати виходять, козаки невинно регочуть, ховаючи конфуз.

ТРЕТІЙ. Як ми їх дуримо!

ДРУГИЙ (*поступово хмеліючи*). А ти, куме, кажеш: гине козацтво!

ПЕРШИЙ. А що я можу? У мене двох ребер немає і клуби вивихнуті на царській службі. Я роками не шаблею розмахував, а кайлом да лопатою в болотах на Неві... Місто йому заклади...

ТРЕТІЙ. І я копав да шитики конопатив під Петербургом...

ДРУГИЙ. Гетьман одної співає з царем. Уже не отаман наш, а джура, пахолок у Петра московського наш ясновельможний пан...

ПЕРШИЙ. Ой, побійся Бога, куме!..

ДРУГИЙ *(захмелівши)*. А я говорю: Чорна Рада потрібна. Нового гетьмана обрати, щоб не вдовився з москалями! Мазепа все в Пітер... все вивозить: і зерно, і худобу, і карбованці... Він заодно...

Входять два реєстрових козаки – хапають ДРУГОГО.

ПЕРШИЙ *(до реєстрового)*. Цей пащикуватий губу розпустив?

ДРУГИЙ *(до реєстрового)*. Цей. Беремо!

ДРУГИЙ КОЗАК. Хлопці, та побійтеся Бога! Шо я таке сказав? Я ж нічого не сказав!

ПЕРШИЙ *(до реєстрового)*. До сотника! У сотника під гарапником...

Входить сотник. Всі витягуються в струнку.

СОТНИК. Козаки! Хто посмів у шинку бешкетувати?

ПЕРШИЙ *(до реєстрового)*. Вашмоць! Цей відставний козак смуту розводив. На гетьмана наклепи складав.

ДРУГИЙ КОЗАК. Та я... та ні матусі!.. Я і слова зв'язати не вмію!

СОТНИК. Усім вийти геть! *(Вказуючи на базіку)*. Тільки ти залишаєшся. Поговоримо.

Залишаються Сотник та Другий козак. Мирно сідають до столу.

СОТНИК. Що, Грицько, попався?

ДРУГИЙ. Так ви ж веліли так таємно клепати на гетьмана, щоб і наші і москалі розуміли: народ незадоволений гетьманом Мазепою, мовляв, дуже цареві відданий.

СОТНИК. Не я велів, а сам його ясновельможність Іван Степанович.

ДРУГИЙ. Ось я і намагаюся... Тільки скажіть мені на милість, пане сотнику, навіщо це поводирю нашому, пану гетьману, треба, щоб про нього погані чутки ходили? «З Петром заодно, москалів шанує!» Проти нього ж думати будемо.

СОТНИК. Політика – чорна справа, старче. Царських вивідувачів з пантелику збиває, довіру самого царя на обмані тримає... А збиваючи і обманюючи тих, збиває і обманює, на жаль, своїх. Подався на всіх, нехай ненавидять його ясновельможність, тільки б заодно ненавиділи Петра і його розбійників. Боюся я тільки, щоб сам себе хитрий лис гетьман не перехитрив. Тут задуми, козаче, високі, що не нашого розуму сила!

* * *

ПРОКУРОР. Старий лис, петляє і пишним хвостом власний слід замітає. На триста років уперед замів – відбитки його задумів і діянь де тільки не знайдеш!..

СУДДЯ. Кожен, хто жив на землі, залишає слід. *(Розкриває фоліант.)* А вже виняткові особистості тим паче. Ось на скрижальях відображена фатальна ніч для двох: для гетьмана Івана Мазепи і для генерального писаря Пилипа Орлика.

7

У глибині – ложе, на першому плані горять дві свічки в зріст людини, між ними підвісний столик, на ньому аркуші паперу. Мазепа і Орлик.

МАЗЕПА *(нервово)*. Що ж ти не читаєш, Орлику? Ключ до цифрових листів у тебе в голові.

ОРЛИК. Тут не тільки лист княгині Дольської. Тут і від короля Станіслава Лещинського послання.

МАЗЕПА. Від Лещинського? Це неможливо!

ОРЛИК. Можливо. Тут і підпис його і печатка.

МАЗЕПА. Дай сюди...

Гетьман вихоплює листа. Роблячи круги, читає мовчки, лається.

О, проклята баба! Обплела, вона погубить мене. *(Замислюється, сідає.)* Що мені робити з цими листами? Прийшли в саму переломну ніч. Посилати царській величності, а чи утримати в себе?

ОРЛИК. Ваша вельможність, самі zvolите розсудити своїм високим розумом, що з двох послань слід переправити царю, а що ні. Цим самим і вірність свою неколебимую явити, велику ми-

лість у величності стягти і... Ваша милість, із цим вістовим жебраком, точніше, ксьондзом тринітаріїв, ви бачилися по дорозі з Жовкви? Там же ви плекали загальні задуми. Тепер – тривають вони...

МАЗЕПА. Спали переді мною другого листа!

Орлик на свічці спалює листа.

З розумом борюся, посилати Другим до Царської величності, а чи не посилати... Порадимося уранці. Іди до себе і гарненько молись Богу. Да, яко же хочет влаштувати поклон Всевишньому, твоя молитва приємніша, аніж моя. Ти по-християнськи живеш, а я?.. Але Бог баче, що я не для себе чиню, а для вас усіх, для дружин і дітей ваших!

ОРЛИК. Ваша світлість, я вдень і вночі молюся за справи ваші. Тієї ночі взяв два рублі грошей і пішов роздавати жебракам і жебрачкам, які лежали в куцах на вулиці і при монастирі. «Так звільни мя, Боже, від обстоять бід і відверни серце його вашмоці від лукавого наклепу!» Край Печерського монастиря жебраки ледь не побили мене. Боялися – чи не красти я прийшов. Так-то старшині в людях без охорони. Не добра чекають від нас, а крадіжки! Прощавайте, ваше...

МАЗЕПА. Стривай! Сядь. До цих пір я не смів перш оголошувати тобі свого задуму. Та таємниця ось відкрилась тобі випадком. Знаю, ти не заплатиш мені невдячністю за всю до тебе милість. Боюся, щоб у бесідах із великоросами не прокралось в слові... Та гаразд. Закликаю Всемогутнього у свідки і зізнаюся ось у чому. Ой, не для приватної моєї користі, не для інших забаганок, але для всіх, що складаються під власттю моєю, заради добра бідної матері нашої України, для користі Війська Запорозького і народу малоросійського хочу я за допомогою Божою, для піднесення і розширення вольностей і прав наших так лагодити, щоб ви з дітьми вашими і вітчизна з Військом Запорозьким не загинули як від московської, так і від шведської сторони. *(Впавши на коліна.)* Якщо ж би я заради яких-небудь моїх приватних примх дерзав так чинити, то нехай поб'є мене і на душі і на тілі Бог у Трійці Святій Єдиній і безневинні страсті Христові! *(Зриває хрест зі своїх грудей.)* Ось хрест на живлющому дереві. Заприсягнися, що будеш вірний мені і не відкриєш нікому секрету!

Орлик встав поруч на коліна. Ревно моляться. Звучить реквієм.

ОРЛИК. Перед Богом клянусь. І раз, і двічі, і тричі! Несповідимі долі наші в руках Божих. Яка межа покладена сушій війні, і чия буде вікторія?.. Якщо за шведами, вельможність наша і ми всі будемо щасливі, але якщо за царською величністю, тоді ми всі пропадемо і народ погубимо в рабстві...

МАЗЕПА. Якщо Карл і Станіслав розділяться і підуть – перший на державу Московську, а другий на Україну, то ми не зможемо оборонятися від шведського і польського війська. Ми підірвані й розпилені від частих походів і битв. Тому першого часу я не наважуся відступити від царя. Ось побачу, що царська величність не в силах буде захищати не тільки Україну, а й усю свою державу від шведської потенції, тоді!.. Вірний Орлику, відпиши королю польському, що його веління ми не можемо здійснити: Київ і всі гради наші наповнені численними московськими гарнізонами. Під ними козаки, як перепелиця під яструбом, не можуть голови підняти... І я сам сугобо оточений, мовляв, для охорони великим регулярним військом москалів. Душно... стежать за всяким моїм кроком. У нас, в Україні, і посполиті і підначальні, і духовні і мирські особи, немов різні колеса, не в один розум згодні: ті прихильні до протекції московської, інші до турецької, третім за смаком побратимство з татарами з уродженою антипатією до руських та поляків. Заради цього треба усіх привести до одностайності. Військо і весь народ на обох сторонах Дніпра. А тут сама Річ Посполита тепер роздвоєна і сама з собою не в злагоді. Нехай Станіслав перш приведе до згоди Річ Посполиту. Увесь світ – істинна жаровня, і ми на ній горимо...

* * *

Судді стоять спинами до залу. Повертаються разом.

ПРОКУРОР. Копії цих листів знайдені в Печерському монастирі. Орлик передав їх старенькій матері Мазепи, ігумені Марії-Магдалині, щоб та, через внучатого племінника, лицаря і полковника Андрія Войнаровського відправила їх до адресатів.

СУДДЯ. Мати... Був ще живий і нещасливий свідок – мати Івана Мазепи, ігумена Печерського монастиря...

ПРОКУРОР. Мати старечим дев'яносторічним розумом спіткала останню в незлічимому ряду оману сина...

А ДВОКАТ. Мати змирилася. Вона ж бо бачила страждання вільних людей, у котрих забирали волю!

ПРОКУРОР. Історики і поети свідчать про неприйняття старою Марією-Магдалиною відступництва Івана Мазепи!

8

Склепіння храму. Мати Марія-Магдалина з палицею і син Іван.

Гетьман Іван Мазепа

МАРІЯ. Що, Івасю? Що з тобою, сину?

МАЗЕПА. Матінко, благословіть мене на добру справу!

МАРІЯ. На добру справу я завжди благословляю. Яка ж то справа?

МАЗЕПА. Я хочу в малжонство вступити... одружитися.

МАРІЯ. В твої-бо роки! Скільки ж це тобі? Чи не пізенько, синку?

МАЗЕПА. Не в літах, матінко, справа. А ще в силах, говорить святе Письмо: могій вмістити нехай вмістить!

МАРІЯ. Так-то так. Ти не мала дитина, обдумав, мабуть. А кого надумав узяти?

МАЗЕПА. Кочубеївну...

Мати відкинулася. Тричі поспішно перехрестилася.

МАРІЯ. Кочубеївну? Дочка Василя Кочубея? Та він сам тобі в діти годиться!

МАЗЕПА. А хоч би й в онуки. Моя воля.

Сум'яття переповнює храм.

МАРІЯ. Яку це з двох його дочок?

МАЗЕПА. Мотроню.

МАРІЯ. Та ти – Лот, чи що?!

МАЗЕПА. Може, не Лот, мамо. То святий, а я – грішник.

МАРІЯ. Дочку свою, хрещену тобою, брати в дружини! Гріх-то – вона твоя духовна дочка! (Погойдується, не знає, на який образ хреститися.) Святий Боже, і коли помре в ньому ця чорна хіть? У дитинстві покоївкам не давав проходу, у короля фрейлін зводив, з пані Фальбовською злигався... Милостивий був воєвода, що не до хвоста коня прив'язав тебе, а на хребет посадив, хоч і до хвоста очима!..

МАЗЕПА. Не піднімайте людей з могил, мамо...

МАРІЯ. Отця б твого підняти з могили. Хай би помилувався на сина свого!

МАЗЕПА. Помилувався б. Хто з нашого роду тримав булаву двадцять років і повсякчас утримає? Хто водився з царями, королями – великими владиками? Ім'я наше... і твоє, матінко-чернице, літописці по мені згадуватимуть на скрижалях! А жага слави і любові – від тебе у мене, мамо! Усе молоде і зріле життя я поклав, щоб набратися сили, випрямитися – отримати від життя гідну плату. Для себе і для свого нерозумного люду! І ось перед кінцем я не можу втрачати ні дня: разом візьму собі догідно і дам людям те, що їм належить. Заради того я прирік себе на нелюбов цілого краю, козаків і жінок. І ось мій час настав! І прийшла одна, і полюбила на крові... Я до патріарха Вселенського дійду, він дасть благословення...

МАРІЯ (в трансі). Патріарх дасть – я не дам! Свого, материнського, не дам!

МАЗЕПА. Мамо... Не треба мені твого благословення...

МАРІЯ (хитаючись і тремтячи, йде на сина). Не потрібно?... Так ось же тобі!

Мати змахнула посохом. Ударила сина.

МАЗЕПА. Мамо!..

МАРІЯ. Геть, геть! Проклятий, згинь з очей моїх!..

* * *

Змінюється освітлення, прокурор і адвокат у півнячих позах.

ПРОКУРОР (*тріумфуючи*). Що міг – я довів! Нехай інший доведе краще!

АДВОКАТ. Це не докази! Це пустопорожні вигадки присяжного пачкуна, якому заплатили!

ПРОКУРОР. Я корпус делікте зробив. Хто може, нехай зробить краще!

АДВОКАТ. Є кращі, достовірніші свідoctва! Та ж сцена, але очима щирого, вільного споглядальника, монаха-літописця!

* * *

Знову склепіння храму. Марія-Магдалина і Мазепа.

МАЗЕПА (*цілує руку матері*). Благословення прошу...

МАРІЯ. Бог благословить... віднині і до всіх днів твоїх, сину.

МАЗЕПА. Чи не докоряєте мені за такі рідкі відвідування? Турботи і клопоти, великі і малі, забирають усе дозвілля...

МАРІЯ. Ох, знаю твої турботи – в голові тісно, і поділитися ні з ким.

МАЗЕПА. Як думаєте, мамо, так воно і є.

МАРІЯ. Ти втомився. Може, у тебе болить що? У нас хороша лікарка...

МАЗЕПА. О, ні, мамо, тілом я – слава Богу! Душа натружена, а від неї ліків нема.

МАРІЯ. Що за печаль тебе гнітить, Іване? Ти мені снився на білому коні і з хрестом у руці. Гріх вірити в сни, але мудрий каже: мій сон або до великої радості глаголить, або до безголів'я. Моли Господа, не дав би ні того, ні іншого. Ти все маєш.

МАЗЕПА. І ви, мамо, як простолюдини. Невже цей орден святого Андрія і ця корона Князя Римської імперії, яку мені пророкують, – чи це честь та вікторія велика?

МАРІЯ. Слухаю тебе, сину, і боюся за тебе...

МАЗЕПА. Так, так, я хочу, щоб після мене сказали: Мазепа звільнив Україну.

МАРІЯ. Блага і непосильна дума вселилася в тебе, сину Іване! Матір Божа, наша заступниця, хай допоможе тобі... Але чи гідний ти честі такої, Іване?.. (*Пауза.*) Мовчиш?

МАЗЕПА. Вам чи можу щось додати... коли ви знаєте мене, як шинкар знає стертий п'ятак!

МАРІЯ. Ой, знаю, сину, і не завжди з кращого боку. Як грішника нерозкаяного – теж знаю.

МАЗЕПА. І знову, матушко Магдалино, ви про жінок?

МАРІЯ. Чи не час тобі сказати: межа?

МАЗЕПА. Справжня краса вражає мене, начебто новий дух вступає в тіло. З нею я можу битися і перемагати!

МАРІЯ. Се і є твій гріх. Хіть плотська жене тебе на бій. А тільки те, що з духу виходить, безсмертне є. А тіло – тлін.

МАЗЕПА. Нехай на білому світі буде один, кого тлінне тіло обезсмертить!

МАРІЯ. Ох, весь ти в батька свого. Палахкотів козак і земною любовію, і за неньку Україну під булавою Виговського душу віддав.

МАЗЕПА. Тож благословіть і мене, мамо!

МАРІЯ. Я знаю, знаю усе, що сказане тобою, а ще більше знаю, чого ти не сказав. Іди... з Богом. Може, не побачимося більше... (*До ікони.*) Господи наш, Ісусе Христе, що страждав за нас, помилуй цього одержимого козака! (*Івану.*) Іди, сину, і дій так, як єство твоє жадає! Тримай булаву високо! Чує моє серце...

МАЗЕПА. Господь наш та матінка моя тільки знають, яка важка ся булава!

МАРІЯ (*з риданням*). Неси свій хрест, сину, неси! А я помолюся...

* * *

За судейським столом несподіваний регіт. Прокурор гортає «Дело».

ПРОКУРОР. Шахраю і чорт дітей колише! В той же день, коли Мазепа дозрів для зради, його царська величність Петро велів нагородити його вищим орденом московського царства!

А ДВОКАТ. Може, не вільно вирішив, а змушене інтригував, щоб користь велику стяжати. І не просто нагородив, але зробив це з помпою, щоб задобрити. І доручив торжества і дипломатію самому Олександрові Даниловичу Меншикову!

9

На помості скупчилися козацькі старшини і делегація від царя. Невидимий хор співає величальну. «А ми гетьмана величаємо! Величаємо в душі, величаємо...» Сам Олександр Данилович прикріплює до грудей Мазепи орден.

МЕНШИКОВ. Вінчається його ясновельможність пан гетьман Іван Степанович вищою нагородою царства – орденом Андрія Первозванного зі стрічкою. А на стрічці напис по велінню самого його величності Петра Олексійовича першого: «За віру та вірність!» Його царська величність зело милостивий до вашої милості, ясновельможний наш друже, і шанує цар не мене, а вас – другою людиною в царстві!

ГОЛОСИ. Ще не було гетьмана корисніше і вигідніше, ніж пан Іван Степанович! Цар скоріше не повірить ангелові, аніж Мазепі!

А вельможі нагорі чокаються, кричать: «Віват!» П'ють. Знову гримить величальна.
Меншиков під руку веде Мазепу по шаблях донизу.

МЕНШИКОВ. Щодо вірності ясновельможного Івана Степановича у Великого Петра і сумнівів бути не може. Я від себе натякну тільки на старшину вашу. Вже дуже в пух і перо вбилась вона і поривається високо літати. Кожному з них гадається: у своєму полку він повний суверен. І немає серед них такого, який і Асматееві самому не продався б, тільки б дістати булаву. А ще синові своєму її передати. Чутки повторюють: у пана Мазепи, мовляв, немає синів. *(Начебто інтимно, однак так говорить, щоб насторожені вуха чули.)* Ох, пора вам, гетьмане Іване Степановичу, приборкати недоброзичливців ваших, та й наших орудників. Пора показати свою силу і владу над ними!

МАЗЕПА. Того я не можу вдіяти. Не можу і не хочу.

МЕНШИКОВ. Що чую я! Поясніть, ваша милість.

МАЗЕПА. Бо не час. Маючи лютого ворога закордонного, котрого не подужали, до цього ще викликати на поєдинок домашніх ворогів... не пора починати гіршу з воєн – домашню.

За спинами голос:

«Ваше сіятельство Олександр Даниловичу! Екіпаж подано! Його величність веліли – до нього, в полк!»

МЕНШИКОВ. Ой, міцний у тебе загривок, ваша милість Іване Степановичу, ой, не для ярма. Проте всі ми під волею його величності, а цар наказав тобі: «Слухай, що скаже Данилович!» Думай. Однак-бо до царської думки прийдемо за останнім словом. І останнє слово буде його...

Меншиков козирає, киває ад'ютантові – обидва йдуть. Старшина сходиться в гурток до гетьмана.
Тут Апостол, Ломиковський, Орлик, Зеленський та інші полковники.

МАЗЕПА. Чули, панове старшина?

СТАРШИНА. Чули, ваша милість! Кожне слово зрозуміли, ваша ясновельможність!

МАЗЕПА. Ну? А ваше слово яке буде у відповідь, полковники? І ти, обозний, і ти, писарю?

Освітлення переноситься на стіл суддів.

ПРОКУРОР. Ваша честь, пані суддя, прошу занести в справу лисячу хитрість гетьмана Мазепи. Недаремно його ще при дворі Яна Казимира називали лисом, а в роки гетьманства і в Московії і в Речі Посполитій так і величали – Старий Лис! А все тому, що Мазепа свої давно дозрілі рішення підло перекладав на інших. Накоїть і – умисе руки. Пілат!

АДВОКАТ. Прошу, ваша честь, помітити, що всі негативні прізвиська його ясновельможності пану Івану Мазепі приписували вже постфактум, тобто після його переходу на бік Карла дванадцятото, щоб принизити великого дипломата і державного діяча!

СУДДЯ. Прошу не заважати ходу справи!

Суддя стукає молотком. Висвічується сцена у гетьмана.
Старшина обурено вимагає того, чого і хоче Мазепа.

МАЗЕПА. Вскую мя залишив еси, Господи!

А ПОСТОЛ . Бог не залишить і я не залишу тебе, ясновельможний мій гетьмане! На краю прір-
ви я не залишу тебе, Іване Степановичу!

ГОРЛЕНКО . Прилуцький полк з ясновельможним паном гетьманом навічно!

ЗЕЛЕНСЬКИЙ . Веди, ваш моць, Лубенський полк під своєю хоругвою!

ЛОМИКОВСЬКИЙ . Обозний Ломиковський і його гармаші готові на тирана!

МАЗЕПА *(обозному)*. А ти все продумав, мій вірний лисий чорт і біс, гармаш Ломиковський?

ЛОМИКОВСЬКИЙ . Не йти ж нам до Петровського генерала Інфлянти, який уже зовсім
запанував у Києві! Він же облуднює вашу світлість, щоб прибрати до рук своїх.

ГОЛОСИ . Ні, ні і ще раз ні!

А ПОСТОЛ . Ти оголоси нам, гетьмане, чого маємо робити з цілою Україною і Військом Запо-
розьким і на якому фундаменті ти ту махину заклав?

МАЗЕПА . Для чого вам про те перш часу знати? Покладайтесь ви на мою старечу совість і на
моє підле разумішко, на якому ви не заблукаєте більше. З волі Божої маю розуміння, аки ви всі разом
маєте. *(Ломиковському.)* Ти вже свій розум вистарів. *(Орликові.)* У тебе ще розум молодий, дитячий.
Думайте. Кожен з вас має сім'ю, маєтності, у багатьох за плечима немалі роки. Ти, полковнику Апо-
столе, ходив із царськими ратниками під Нарву, рубався в Лівонії і Курляндії. Тобі чи повертати коня
проти соратників?

А ПОСТОЛ . Ненька Україна слізю просить.

МАЗЕПА . А ти, Прилуцький полковнику Горленко, гарячий і швидкий на руку, ти не покаєш-
ся при негараздах і втратах?

ГОРЛЕНКО . Не смій сумніватися, наш княже і поводитир!

МАЗЕПА . В Орлика я вірю, в Зеленського, Скоропадського – теж, хоч останнього і немає сьо-
годні серед нас...

А ПОСТОЛ . Буде, ваш моць, буде він завтра ж.

МАЗЕПА . Ось до завтра і подумайте. Напишіть Універсал самі, як знаєте, А я буду вчиняти,
як спільна воля потребує.

А ПОСТОЛ . Ох, пане гетьмане, час не чекає. Москальські полки заповнили не тільки Київ,
Лубни, Полтаву, а й у тебе, в Батурині, – тебе охороняють цілою сотнею на ганьбу козакам!

МАЗЕПА . Мене пригнічує царська турбота. Каже його величність, що своїми москалями він
мене від вас береже.

ЗАГАЛЬНИЙ ГОЛОС . Ганьба! Наруга! Дурнів з нас робить!!

МАЗЕПА . Тільки від однієї такої почесної неволі я готовий бігти за край світу.

Гуркіт і голоси за дверима: слова вістового і стражника.

СТРАЖНИК . Стій! Пароль?

ВІСТОВИЙ . Гетьман і король!

СТРАЖНИК . Подай слова!

ВІСТОВИЙ . Степова сова!

СТРАЖНИК . Проходь!

Серед старшини рух. Вбігає вістовий, падає до ніг Мазепи.

ВІСТОВИЙ . Ясновельможний пане гетьмане, дозволь сказати!

МАЗЕПА . Говори... *(Пауза, обидва оглядаються.)* Говори при всіх!

ВІСТОВИЙ . До вас скаче посланець його величності полковник Протасєв. Лазутчики наші
веліли передати: від імені царя – Протасєв жадає від самого вашої милості власноруч вести ко-
зацькі полки на Річ Посполиту, на короля Станіслава Лещинського.

МАЗЕПА . Все сказано?

ВІСТОВИЙ . Все, ваша милість.

МАЗЕПА . Іди в трапезну, тебе нагодують.

Вістовий іде. Загальне збентеження.

МАЗЕПА . Цар Петро велить вести полки на Станіслава. Якраз проти того, що ви тут поріши-
ли. Що відповімо?

ЗЕЛЕНСЬКИЙ . На біду і козаки, і коні, і гармати, і зброя в зборі...

ГОРЛЕНКО. Встаньмо одразу проти царя!..

ОРЛИК. Козаки душевно не готові. Весь рік налаштовували ми їх проти шведа і поляка. І навіть проти самого Івана Степановича, а тут раптом – проти царя.

А ПОСТОЛ. Як усе переламати? Боже, уваж нас своєю милістю!

ЛОМИКОВСЬКИЙ. Відвести гармашів за ліс...

ОРЛИК. На очах у посланця? Це ж либонь висока особа, з висоти свого становища все разом побачить.

ЗЕЛЕНСЬКИЙ. Схоже, не сьогодні починати нам!

А ПОСТОЛ. А вести полки на Лещинського не можна.

ГОРЛЕНКО. Невже немає виходу? А коли вбити посланця?!

ЗЕЛЕНСЬКИЙ. При сотні московських ратників навколо палацу гетьмана?

А ПОСТОЛ. Що робити? Що робити?

МАЗЕПА (*потужним голосом*). Ложе моє! Полог! Його блаженство митрополита батька Іоасафа до мене! Митрополита! Обряд елеопомазання!

Змінюється освітлення. З'являється ложе, гетьман швидко знімає верхній одяг, лягає. Його оточує старшина. Входить митрополит Іоасаф з хрестом, опускається полог, і тільки потім впускають полковника царської служби, тільки з початком молитви входить посланник з пакетом.

ІОАСАФ (*над ложем*). Лікарю душ і тіл наших, джерело життя нашого Христе Ісусе, Господь і Спаситель наш! Глянь милосердним оком Твоїм на сього добродія в тяжкій недузі, склонись до наших слізних сподівань, перстом милосердя Твого доторкнись до немічного тіла недужого брата нашого, погаси вогонь тіла його, спини біль і страждання його, поверни здоров'я йому, піднеси його з ложа немочі, продовж дні життя його, щоб на землі він послужив Тобі, Господи!

Старшина з плином молитви стає на коліна. Гість, що увійшов, переймається горем і теж стає на коліна.

...Щоб він ходив по стежках Заповіді Твоїї і удостоївся Твого Небесного Царства і зі святими заодно славив Тебе, Бога милосердного, з Отцем і Духом святим навіки. Амінь!

ПОЛКОВНИК (*піднімаючись із колін, не знаючи, кому доповідати*). З приписом від його величності Петра – полковник Протасєєв... Біда трапилася?

А ПОСТОЛ. І так прикро і злодійськи трапилася. Чи не винесла душа воїна, понівечена боями і підступами, роками і позбавленням...

ЗЕЛЕНСЬКИЙ. То радість і тріумфування піднесли душу від гостя – князя Олександра Даниловича та нагороди від його величності царя Петра... Серце не витримало.

ОРЛИК. ...а то кинули в печаль козацькі чвари да скарги з далеких і близьких рубежів...

ЛОМИКОВСЬКИЙ. А тут ще підступність новоспеченого короля Станіслава Лещинського...

ПОЛКОВНИК. З підступами Речі Посполитої воювати... я і посланий його величністю. Указ государя ясновельможному гетьманові. Велено самому його світлості вести реєстрові і охочекомонні полки на Лещинського.

Дюжина голосів тихо завили: і священник, і казна, звідки прибули півчі і старшина.

ОРЛИК. Раді служити царю-батюшці нашому. Тільки ж вести полки доведеться комусь іншому...

А ПОСТОЛ. Ми готові, ваше високоблагородіє!

ЗЕЛЕНСЬКИЙ. Я вже на марші!

ПОЛКОВНИК. Але ж государ велів самому ясновельможному...

МАЗЕПА (*ледь подаючи голос*). Я встану... Ось відлежуся і поведу... Пане полковнику, передайте його величності, що гетьман має сили проти хворості, ще три-п'ять діб – і власноруч, під своїм бунчуком виконає волю царя. А нині несила. Хай вибачить мені Господь, це кара за гріхи наші...

ОРЛИК. Я цієї ж хвилини відпишу рапорт його величності!

На судейський стіл падає різкий промінь світла.
Одночасно суддя стукає молотком – звук підсилюється луною.

СУДДЯ. Суд видалається на нараду!

Коротке затемнення. Вдалині спалах канонади. Зустрічні промені грають жовтими, червоними і синіми відблисками. Начебто чужі війська наближаються – Карл форсує Березину. Висвічується перший план. За судейським столом – підступний шепіт між прокурором і суддею. Адвоката немає.

ПРОКУРОР. Поки адвокат спізнюється, пане суддя, дозвольте слово віч-на-віч.

СУДДЯ. Тільки поки адвокат запізнюється...

ПРОКУРОР. Як ви гадаєте, ваша честь, виправдання Мазепи в нашій неспокійній державі всім сподобається?

СУДДЯ. Зрозуміло, після трьохсотлітньої анафемі і дюжини повних плечових причепів самої суперечливої літератури від німців і поляків, руських і навіть арабів... мізки більшості налаштовані на презумпцію вини.

ПРОКУРОР. Ваша честь, так чому ж саме ви хочете втратити карт-бланш на цьому давно спочилому і напівзабутому пройдисвітлові-гетьмані?!

СУДДЯ *(нерішуче)*. До рішення суду не лізьте зі своїм вердиктом.

ПРОКУРОР. У наш час, крім презумпцій і вердиктів, є ще такі поняття, як синекура та вагомі оклади для обраних, суддів і прокурорів. Може, краще поговоримо про них, якщо пан адвокат спізнився?

АДВОКАТ *(раптом входить)*. Адвокати не спізнюються, а затримуються в зв'язку з опитуванням історичних письменників.

ПРОКУРОР. Історичні письменники розбираються в історії приблизно так, як птахи розбираються в орнітології. Ті літають, годуються, множаться, ці – теж...

СУДДЯ *(раптом суворо)*. Приступимо до справи! *(Стукає молотком.)* Отже, сцена в штабі його величності короля шведів Карла дванадцятого – кращого полководця Європи на зламі сімнадцятого-вісімнадцятого століть, переможця поляків, датчан, саксонців, руських... усіх, хто ставав на шляху його військових ігриш! У штабі працюють генерали і радники: квартирмейстер Гілленкрок, граф Піпер, генерали Реншильд і Мейерфельд.

* * *

На верхньому майданчику – штаб паморочиться у веселій гарячці.

КАРЛ. За спиною форсована Березина, ще один нещасливий для названого брата мого царя Петра бій при Половчині. Ми в Могильові, до Гетьманщини і його ясновельможності Мазепи – рукою подати.

ПІПЕР. Ваша величносте, удача зріднилася з вами. Але навіть найбільша удача вимагає перепочинку.

КАРЛ. Графе Піпер, ви забуваєте передбачення Парацельса і нашого сучасника ясновидця Урбана Гарна. Золотий Лев півночі з малими силами здолає Орла. Вся наша з вами спільна історія не дає вам приводу сумніватися. Ваш король не вміє жити без противника перед його ар'єргардом. Війна – пристрасть і спосіб існування Карла дванадцятого. Битва – це гра, висока стратегія і дрібне шулерство! Сеї вночі у мене був розстрига-єпископ, тобто агент гетьмана Мазепи. Завтра ми рушимо в Україну!

ГІЛЛЕНКРОК. Ваша величносте, якщо ви зволите прислухатися до моєї поради, я проти.

КАРЛ. Аргументи?

ГІЛЛЕНКРОК. Не в степ треба йти, а до Ліфляндії – з'єднатися з корпусом генерала Левенгаупта. Там десятитисячна добірна армія, сімдесят дві гармати, все продовольство вашої, ваша величносте, армії.

КАРЛ. Ще думки є?

ПІПЕР. Я раджу повернути до Вітебська і з'єднатися з Левенгауптом. Нам потрібен потужний бойовий кулак...

РЕНШИЛЬД. Граємо малодушних, пане граф Піпер. Російські ратні люди – це збіговисько рабів і боягузів, ненавчених... котрі сумують за своїми хатами та бабами. З ними цар не посміє напасти на Левенгаупта.

МЕЙЄРФЕЛЬД. А ось козаки Мазепа – природжені розбійники. Вони зрослися з конем і шаблею. Мазепа приведе нам, як обіцяв, двадцять тисяч головорізів. Це числом – чи не з наше військо.

КАРЛ. Істина! І попереджаю обережних радників: якщо ми будемо зволікати з походом на схід, золотий північний Лев не виконає передбачень Парацельса, не встигне встановити владу істинної лютеранської віри над Азією і Африкою і знехтує покликом історії! Отже, в Україну!

Тут вбігає і падає на коліна вістовий.

ВІСТОВИЙ. Ваша величносте, дозвольте слово мовити!

КАРЛ. Ти від кого?

ВІСТОВИЙ. Від генерала Левенгаупта. З Лісової!..

КАРЛ. Говори!

ВІСТОВИЙ. Корпус розбитий, генерал Левенгаупт капітулював. Весь обоз із продовольством і фуражем у князя Меншикова! Сімдесят дві гармати – те саме! Шість тисяч наших утікачів, обірвані, голодні і поранені, – все, що залишилося від армії генерала Левенгаупта!..

КАРЛ (*заревів*). Геть!!! Дурному віснику – сокира!

ВІСНИК. Ваша величносте, даруйте!..

Піпер за комір виштовхує вісника. Затримується. Повертається.

КАРЛ (*у трансі і ступорі*). Левенгаупт капітулював... Це брехня! Татарський наговір! Цей рейтер – пописувач, поет. Стратити. Стратити вісника! Ні, це йому південне сонце в голову ударило. Шведи не здаються. При Головчині попереду був король, який не схиляє голови перед долею, отрутами і кулями. Солдати бачили свого полководця, сина багатьох перемог, і перемагали... Ні, Левенгаупт не міг капітулювати!

ПІПЕР (*входячи*). Ваша королівська гідність, я змушений посвідчити правдивість слів вершника Мручо, я його знаю, він жартівник, але ніяк не брехун. Він доповів мені події при Лісовій у таких деталях, що вигадати їх неможливо. (*Встає на коліно.*) Прийміть сумний факт із властивою вам мужністю.

КАРЛ (*тупо*). Значить, моєї великої армії вже немає?

ГІЛЛЕНКРОК. Ваша величносте, але є ще армія тут. Тобто ми, ваші соратники по нещастю.

КАРЛ. Але моя армія! Моя армія, рівної якій не було в світі... Чи знаєте ви, що якби мені сам Всевишній велів вибирати: армія чи престол, я не вагався б – армія! Це моя стихія, мої шахові фігури на дошці, моє повітря для дихання! Я живу нею і сню нею. Вона підкоряється моєму погляду, моїй думці без слів. З нею я – Карл дванадцятий Густав!.. І Левенгаупт здав її, він не підкорився моїм наказам – померти...

ПІПЕР. Але, ваша величносте, генерал Левенгаупт усе ж привів майже шість тисяч солдат...

КАРЛ. Мовчати! Без обозів з провіантом і фуражем, без гармат, без сімдесяти двох кращих гармат... обірвані, зранені – це ж шість тисяч нахлібників до нас, у яких провіант і фураж кінчається, які сподівалися саме на обози Левенгаупта!.. Я йому такого не наказував. Я велів привести в степ усе військо, амуніцію, провіант. Як він міг? Руських ратників було менше за його корпус...

ПІПЕР. Меншиков перехитрив його. Вночі оточив табір генерала тисячею барабанщиків і бив нестямно, стріляв і палив ліс. Шведи подумали, що росіян утричі більше.

КАРЛ. Це кара божа за те, що я послухав гетьмана і порадників, рано привів військо в степ і розділив його... Горе мені, горе...

Входить ад'ютант.

КАРЛ. Що ще там натворили, поручик?

АД'ЮТАНТ. Ваша величносте, прибув його ясновельможність гетьман України Іван Мазепа з військом...

КАРЛ (*миттєва зміна настрою – тріумфування*). О, радість! Гетьман Іван обіцяв двадцять тисяч добірних головорізів на конях! Він обіцяв дві тисячі возів, фур, каруц із провіантом і порохом. Ось вони! Проси гетьмана до мене! Повна компенсація!

Входять Мазепа і Орлик.

КАРЛ (*урочисто*). Вітаю ясновельможного пана гетьмана і його військо Запорозьке! Чим поладуєте, ваша світлість?

МАЗЕПА. Ваша величносте, під вашу руку приведено чотири тисячі козаків, кінних і піших порівну.

КАРЛ (*згасаючи*). Чотири тисячі?..

МАЗЕПА. Ваші генерали зволікали, світ повнився чутками про поразки деяких корпусів... в Україні почалося бродіння. Чутки, невіра, але...

КАРЛ. Ваші обози з провіантом? Зброя? Гармати, порох?

МАЗЕПА. Наша надія на ваші ресурси, ваша величність. Ми без...

КАРЛ (*сатаніючи*). Домовленості, гетьмане, у нас дотримуються? Ви знали, на що йдете! Я в чужій країні і повинен тепер сподіватися тільки на себе?!

МАЗЕПА. Ваша величносте, до того ж зволікати недоречно. Цар Петро перебуває в омані щодо моєї йому вірності. Якщо цим не скористатися відразу, у нього великі сили за моїми містами стоять. Він зверне їх проти козацьких родин. Проти вірних нам старшин, ті, в страху за дітей, за свій достаток, перебіжать до нього...

КАРЛ. Це політика, гетьмане! Мені потрібні бойові ресурси, які... які нині не готові виступати в Україні.

МАЗЕПА. За домовленістю шведської армії за погожих днів належало йти через Лівобережжя в Гетьманщину. Тільки так мої посполиті змогли б зігріти і прогудувати військо. Затримка принесла біду.

КАРЛ (*сухо і холодно*). Ваша ясновельможність, у нас один головний командувач. І він перед вами. (*Карбує крок. Пауза.*) Прошу спуститися в приготовлені для вас покої, відпочити з дороги, скромно потрапезувати... І нехай вас не бентежить присутність моїх людей при вас. У бойовій обстановці вас підстерігають кругом небезпеки: підглядачі, зрадники, замовні вбивці. Що поробиш, земля-бо чужа. Тому я вам надаю свою охорону.

МАЗЕПА. У мене своя варта, ваша величносте.

КАРЛ. Моя – надійніша. Дозвольте розкланятися...

11

У партері тільки суддя і адвокат.

АДВОКАТ. Правда куди страшніша від вимислу. Ваша честь, я хотів би, поки прокурор затримується, узаконити й опублікувати факт втоми армії Карла дванадцятого, правду про її погане екіпірування, нечисленність...

СУДДЯ. Вам навіщо це потрібно?

АДВОКАТ. Не мені, а об'єктивному розслідуванню. Адже слава Полтавської битви настільки перебільшена, а недомисел і вина гетьмана Мазепи настільки очевидні для непосвячених...

СУДДЯ. Вина очевидна...

АДВОКАТ. Так, але ми з вами – його нащадки, риси його характеру і вчинки такі близькі нам, що ми повторюємо їх, нехай у незначних межах, – не ті масштаби, але!..

СУДДЯ. У наші дні кожен трактує колишнє, як йому вигідно нині. Чи не простіше слідувати правді і тільки правді, нічому, крім правди?

АДВОКАТ. А якщо полюбовно зібрати факти?..

ПРОКУРОР (*входячи*). Що тут збираються полюбовно зібрати?

СУДДЯ (*осікся*). Факти!

* * *

Штаб Петра І. Цар і Меншиков.

ПЕТРО І (*зі співчуттям*). Я знаю, що його ясновельможний гетьман хворіє. Важко хворіє. А він нам потрібен на ногах, навіть на коні. Підняти його зможеш тільки ти, Даниловичу. Збери подарунок гетьману Івану, їдь особисто, приголуб, від мене поклонися старому воякові. Там імператор Йосиф звів гетьмана Мазепу в князі Римської імперії – знаки княжого достоїнства у мене. Іван Степанович любить почесні, блиск і гроші, так ти відвези йому регалії, по-козацьки – клейноди князя. Це підбадьорить його. Та нагадай, що я перед ним провину відчуваю. При Азові, по молодості, за

чаркою і грою я вхопив його за лясешські вуса. Жарт, п'яний глум, а він спалахнув, за шаблю схопився. Сваритися з ним було небезпечно – Азов же взяли козаки його. Я випив з ним тоді на брудершафт... Але знаю, що старий молодому не пробачив. Це наш брат, москаль: ти йому мочись межі очі, а він скаже – божа роса. А то – хохли! Їдь, Даниловичу...

МЕНШИКОВ. Мін херц, негоже царю поклони слати своєму васалу.

ПЕТРО І. Так, негоже. Але негоже і страшитися названого брата Карла шведського. А я вже підписав послання йому. Віддаю Полоцьк, віддаю Псков із землями, а за болота, названі нами Петербургом, я готовий платити... тільки б не йшов Карл в Україну, не зливався з козаками... Чує мос серце...

МЕНШИКОВ. Мін херц, ти підписав? Це після Лісової і фіаско Левенгаупта?! Отямся! У короля Карла залишилася половина армії!

ПЕТРО І. А якщо до нього приєднуються козаки? У них жива злість на мене... Їдь, князю, я велю. Втіш гетьмана Мазепу. Обдаруй щедро...

Вгору по сходах біжить, падає, кричить вістовий.

ВІСТОВИЙ. Ваша величносте! Ваша величносте, світлий цар, не накажи стратити, накажи слово мовити!

ПЕТРО І. Хто там немов з пожежі?

МЕНШИКОВ. Капітан Мягков з Малоросії.

ПЕТРО І. Клич.

ВІСТОВИЙ (*вбігаючи наверх, падаючи на коліна*). Ваша величносте, зрада! (*Подає царю папір.*) Універсал гетьмана Мазепи про перехід полків і коша Запорозького на бік шведа і поляка!

ПЕТРО І (*схопив папір, читає, трясеться*). «Кошовому отаману Костю Гордієнкові з військом Запорозьким... полковникам: Прилуцькому Горленку, Миргородському Апостолу, Лубенському Зеленському, Переяславському... так-так-так... обозному Ломиковському... вивести полки і гармашів у поле, повернути до з'єднання з армією його величності короля шведів Карла дванадцятого»... Так-так-так... Не так! Неправда! Хто вигадав Універсал-фальшивку? Це лях Лещинський, підступний вискокка! Не міг гетьман Іван таке писати проти свого царя і благодійника! Третього ж дня він, його вельможність Мазепа, наказав влаштувати в Чернігові хлібні лавки для російського війська і відразу завіз туди п'ятнадцять тисяч чвертей хліба. Він же розклав збір на весь полк по четверику житнього борошна з диму. Ось на моєму столі ще теплий його колишній Універсал: козакам і посполитим перебувати в непохитній вірності царю, скрізь по церквах публічно молитися за дарування перемоги царю над єретиками шведами... Жителям усіх полків при явищі шведів гетьман велів ховати в землю їстівні запаси, викрадати худобу, забирати одежину і бігти з міста! Тут розписано про зміцнення валами і ровами міст: Стародуба, Ромнів, Чернігова, Гадяча... Як я можу допустити хоч тїнь зради? Ось ще лист гетьмана з питанням: куди відсилати охочекомонних полковника Танського? Ось цидули вивідачів: у всіх шинках та корчмах глашатаї картають гетьмана за прихильність до російського царя, за дозвіл ним, Іваном Мазепою, заповнювати міста України москалями, сі річ, ратниками Московії! Як повірити новому пасквілю?!

МЕНШИКОВ. Мін херц, повірити доведеться. Ось лист гетьмана, перехоплений у посильного польського короля Лещинського – Яна Окраси. Тут, не в гнів твій будь сказано, ти вже не великий цар, але – антихрист і каратель малоросійського козацтва і посполитих, кровопивця і хворий душею азїат...

ПЕТРО І (*вихоплює листа, читає*). І ти досі мовчав, мерзотнику?

Вдаряє Меншикова, жбурляє листа.

МЕНШИКОВ. Я давав тобі, ваша величносте, висловити аргументи «за», а потім готовий був подати свої – «проти».

Цар хапає стола, кидає його зверху – стільниця злітає, ніжки відвалюються.

Трійця суддів підбирає уламки, тримає в руках і дивиться скам'яніло на те, що відбувається.

ПЕТРО І. Шереметєва до мене!

Сходами зліва біжить вгору фельдмаршал.

ПЕТРО І. Повернути авангард твого корпусу на Україну! Чекає вказівок!

Шереметєв кланяється, йде геть.

ПЕТРО І. Шафірова до мене!

Сходами праворуч біжить головний каратель.

ПЕТРО І. Усіх старшин Гетьманщини перехоплювати в дорозі, піднімати з ліжка, тримати під вартою! Сім'ї старшин, від обозного, полковників і до сотників і урядників, усіх, чиї годувальники пішли за зрадником, – усіх під домашній арешт із позбавленням їжі і догляду! Всім загрожувати карою, смертною!

Шафіров кланяється і тікає.

ПЕТРО І. Преподобного отця Никона до мене!

Заплутуючись у рясі, праворуч піднімається патріарх Никон.

НИКОН. Благословить Бог твоє...

ПЕТРО І. Залиш свої фіглярства, патріарше! У храмах і церквах тут же припини молебень о здоров'ї гетьмана України Івана Мазепи... Суто розділи в літургіях православну віру і лютеранську. Вели вселяти в голови мирянам, що горе від єретиків насувається на бідну православну Україну, а з єретиками прийде на людей – мор, неволя, голод і страти на вогні! Иди, попе, я на тебе покладаюся. І – до особливого розпорядження...

Никон важко спускається вниз.

ПЕТРО І. Даниловичу, регалії князя Римської імперії для гетьмана – спали на вогнищі! Переплавити срібло на монети!

МЕНШИКОВ. Мін херц, ваша величносте... а самого Мазепу – що?

ПЕТРО І (*знесилено хрипить, тихо*). Івана... Степановича... самого гетьмана... Мазепу... (*Кричить.*) Не вам, пиріжникам, лицемірам, дармоїдам, п'яницям і злодіям... не вам торкатися до поли жупана гетьмана Івана Мазепи! Геть, усі геть!!

Російський цар Петро І

12

Нагорі гасне світло, внизу судді збирають стіл.

ПРОКУРОР. Зруйнував гетьман Іван Україну, як цар Петро розбив ось цей стіл. До нього була руїна, він налагодив життя... і тепер сам же його скостив.. Загине Батурин, квітуча, найрозкішніша, найзатишніша європейська столиця. Згорить під гарматами Запорозька Січ, поволі царі введуть кріпацтво на вільних, найчистіших угіддях на планеті... До чого були бурі й пристрасті і подвиг відступника Івана?..

АДВОКАТ. Ваша честь, історія не знає умовного способу, але якби не повстав гетьман Мазепа, хіба жадібність Петра, а потім Катерини не привела б до кріпацтва на Україні?

СУДДЯ. Якби та якби!.. Ми з вами зібралися не гадати, а судити. Правда, одна тільки правда, нічого, крім правди.

ПРОКУРОР У такому випадку – ще один факт... ще один незбагнений виверт гетьмана... звививна в поведінці гетьмана!

* * *

Внизу по краях стоять два шведських солдати з рушницями, чатують. У глибині штора нагадує великі ґрати. Зігнувся в кріслі Орлик, у дверях спирається на шаблю Войнаровський. Сумно ступає взад-вперед гетьман.

МАЗЕПА. Що його величність король Карл?

ВОЙНАРОВСЬКИЙ. Не приймає.

МАЗЕПА. Ти сказав, що з'явився від мене?

ВОЙНАРОВСЬКИЙ. Мені відповів Піпер: його величність зранку на полюванні.

ОРЛИК (*гірко сміється*). Армія переполовинена, інтенданти грабують села, козаки голодують... король на полюванні зранку!

МАЗЕПА (*Войнаровському*). Небоже, поклич до мене всю старшину.

ВОЙНАРОВСЬКИЙ. Ваша ясновельможносте, всю не могу.

МАЗЕПА. Що, з королем на полювання вирушила?

ВОЙНАРОВСЬКИЙ. Обозний Ломиковський і кошовий Горленко – тут, а ось Апостол, Зеленський... і ще не встановлено хто... відправилися в свої маєтки. Не в гнів вам будь сказано, пішли від нас.

МАЗЕПА. Мій сон мені в руку... Цар Петро велів відняти маєтки у всіх старшин, хто пішов зі мною, сім'ї – під домашній арешт, на хліб і воду, а полковники засуджені. Тільки той, хто повернеться з повинною, отримає всі маєтності і привілеї собі та нащадкам.

ОРЛИК (*у легкій істеричі*). Обдурив нас король Карл! І армія шведів непереможна, і прийде вона в Україну відразу ж... Прийшли роком пізніше, а тут – втома душі і злидні...

МАЗЕПА. Гірше, що король обманює себе. Здалеку і ми повірили. А на перевірку – не він сильніший за сильного, а його противники – поляки, данці, саксонці – були слабші за слабого. Московити ще п'ять років тому – теж. Але Петро здивив військо, розбудив смерда. Тепер він з ратниками, яких утричі більше Карлових, із гарматами, яких сімдесят з лишком проти чотирьох у шведів... І Меншиков з його хвацькістю, підступністю і... зовсім без серця... це ще п'ятдесят гармат і десять тисяч ратників.

ОРЛИК. Що робити? Що робити?!

МАЗЕПА (*жестом кличе до себе Орлика і Войнаровського, озиряється на варту, тихо говорить*). Котру добу ми живемо тут не як спільники, а як почесні в'язні. Я вирішив зробити спробу перемовитися з царем Петром. Уночі написав йому листа з пропозицією. Є думка: вірні мені чотири тисячі козаків беруть у полон самого Карла – він виїздить на полювання з малим почтом. Ми здаємо цареві його навіженого брата Карла, кинуті ним шведи капітулюють. А цар Петро повертає Україні всі попередні права та свободи. Я на останні дні, що мені залишились на сім світі, добуваю гетьманом, а ж і визначаю свого наступника. (*Пауза.*) Бачу, іншого виходу нема. (*Пауза.*) Або так, або гинемо разом з військом шведа у першій-ліпшій звитязі...

ВОЙНАРОВСЬКИЙ. Ваша ясновельможносте, батьку! Я згоден загинути. Честь лицаря мені дорожча...

МАЗЕПА. Сине, ти молодий та гарячий. Мова не про тебе і не про мене, котрий уже досяг усіх розумних меж життя. Мова про козацькі вольності, автономію України. Роздріблену, принижену, але автономну. Карл війни не виграє.

ОРЛИК. Мудрість гетьмана призвела до біди, на ту ж мудрість нині покладемося заради спасіння.

ВОЙНАРОВСЬКИЙ. Корюся, ваша світлість...

МАЗЕПА (*з-за своєї пазухи за пазуху лицареві перекладає листа*). Сину, ти ж і доставиш листа цареві Петру. Знаю, що таке зробити неможливо. Уб'ють шведи тут або росіяни там, – але ти доставиш.

ВОЙНАРОВСЬКИЙ. Мертвим доставлю, ваша ясновельможність.

МАЗЕПА. І відповідь привезеш відразу.

ВОЙНАРОВСЬКИЙ. Відразу, батьку!

13

Нагорі у царя – суєта і метушня. Якось так вийшло, що всі розбіглися, цар один.

ПЕТРО І (*відчужено*). Господи, пом'яни царя Давида і всю лагідність його... Господи, надоум і не спали мя в пеклі вогненнім... (*Кричить.*) Немає тебе, Вседержителю, коли в відступниках ходять найвірніші... Князь Рєпнін! Бауєр! Фельдмаршал Шереметєв! Старі і череваті вожді мої, де ви?

Внизу висвічуються полководці царя.

Слухайте наказ! Під свою руку я візьму охоче кінний полк і вийду в бранне поле. Зі щитом чи на щиті! А ви збирайтеся в похід. Робіть, що велить вам обов'язок і честь. Тільки слухайте, що говорить Данилович! (*Кличе.*) Даниловичу!

Раптом перед царем встає Войнаровський.

ПЕТРО І. Ти хто?

ВОЙНАРОВСЬКИЙ І. Ваша величносте, я той, кого ви найменше чекали.

ПЕТРО І. Ти хто?!

ВОЙНАРОВСЬКИЙ І. Я вісник від гетьмана Мазепи...

ПЕТРО І. Привид? Я, здається, збожеволів від зусиль волі? Окстись, нечистий дух! *(Тут же посланець дістає послання з-за пазухи.)* Стій! Ти хто?

ВОЙНАРОВСЬКИЙ І. Княжич Андрій Войнаровський, племінник гетьмана.

ПЕТРО І. Говори!

ВОЙНАРОВСЬКИЙ І. Ось лист від ясновельможного пана...

ПЕТРО І. Давай! *(Бігаючи, читає.)* Ага, старий лис, одумався? *(Войнаровському.)* Скажи своєму хитромудрому дядечкові, що як тільки він піймається, я маю розп'ясти його на сухій і кривій осиці.

ВОЙНАРОВСЬКИЙ І. Воля ваша, ваша величносте, тільки тут – порятунок вашої держави, без крові та приниження...

ПЕТРО І *(решетує)*. Данилович! Меншиков!

Як лист перед травною, встає Меншиков.

ПЕТРО І. На, читай послання вірного Івана Мазепи. Старий хоче, замість мене, мати вікторію над шведами. І зможе!..

Меншиков читає. Мовчки повертає.

ПЕТРО І *(насторожено)*. Ти що, Даниловичу?

МЕНШИКОВ. Мін херц, подивися на дату під підписом гетьмана.

ПЕТРО І *(читає)*. Перше жовтня. І що?

МЕНШИКОВ. А тепер, ваша величносте, подивися на дату під цією цидулою!

Простягає царю інший лист.

ПЕТРО І *(прочитавши)*. Друге жовтня.

МЕНШИКОВ. А тепер читай листа від гетьмана Мазепи королю Речі Посполитої Станіславу Лещинському, написаного днем пізніше твого.

ПЕТРО І *(читаючи, бурмоче, потім решетує)*. «...зайти з тилу корпусу Меншикова і з двох кінців одночасно вдарити по розгубленій раті...» Ах він двурушник! Ах лиходій!!

ВОЙНАРОВСЬКИЙ І. Число друге і місяць жовтень...

МЕНШИКОВ. Взяти лазутчика!

Двоє солдатів хапають посланця, волочать геть.

ВОЙНАРОВСЬКИЙ І. Друге жовтня, але рік-то ще минулий! То давній лист... ще рік тому пісано, до вторгнення!...

Його не чують, виводять. Петро випростується.

Навколо нього сходиться весь генералітет, священики, солдати, мирні люди.

ПЕТРО І *(грізно)*. Прокляття у всіх храмах, церквах і каплицях! Прокляття відступникові і зраднику Івану Мазепі! Вогню і мечу піддати все його злодійське плем'я!! І анафему нехай правлять його ж, гетьмана Івана, первосвященики! І проклянуть його, Івана Мазепу, в ним же зведених церквах і храмах! І зігнати в ті церкви і храми весь посполитий люд малоросійський!

* * *

Гримить церковний хор, із колосників опускається дзвін. Униз сходяться важкі ряди вельмож і прихожан. Сивий пастир проголошує тугим басом анафему. І чим вона незрозуміліша, тим страшніша для простолюду.

СВЯЩЕНИК. Навіщо вони, перелякані люди і племена, замишляють марне? Земні царі встають, і князі радяться разом проти Господа і Його помазанця. Позриваймо їх личини і скиньмо з себе кайдани їх. Хто на небеса посміється, Владика їх висміє. Тоді скаже їм у гніві своєму, і настрашить їх у сум'ятті. Я помазав Царя на Сіон, святу гору Свою. Звістив постанову – прорік:

Ти Син Мій. Я сьогодні породив тебе. Прости у думках, і дам Тобі народи і спадщину Твою і краї землі у володіння Тобі. Ти поб'єш повсталих проти Тебе жезлом залізним, розіб'єш їх, як посудину гончара!.. Отже, будьте мудримися, царі, навчіться ви, судді землі! Служіть зі страхом і смиренням і радійте з тремтінням!..

Важкий удар дзвона.

С В Я Щ Е Н И К . Цареотступникові, підлабузникові і шахраю, жадібному себелюбцеві і хтиво-му старцеві престарілому – анафема!!

Х О Р . Анафема! Анафема!! Анафема!!!

Наверху в цей час відроджується красива сцена зустрічі Мазепи та Мотрі з колишньої картини.
Чорна ніч, біла бурка.

М О Т Р Я . Ваша ясновельможносте! Пане Іване! Батьку, це ви?

М А З Е П А . Ясна панночко, Мотренько, чи тебе я бачу!

Закутуються в бурку, тут же розкриваються.

М А З Е П А . Що ж ти плачеш, моя зіронько?

М О Т Р Я . Я, коли думаю про вас, коли бачу вас, сльози самі падають... І ваша і моя доленька – гіркі... Я за вас молюсь!

Внизу натовп перемішався, інший священик уже тенором проголошує прокляття в іншій церкві.

С В Я Щ Е Н И К . Вмістилищем усіх пороків, усіх смертних гріхів: гордині і заздрості, обжерливості і похоті, гніву і жадібності, ліні і ще неказаних і не притаманних проводирям і пастві бажань і діянь – царевідступнику і зраднику Івану Мазепі, не по незнанню, а по злому наміру і порочній волі відступному і зраділому – від нині і на віки віків – ана-фе-ма!

Х О Р . Анафема! Анафема!! Анафема!!!

Наверху Меншиков вручає Мазепі орден.

М Е Н Ш И К О В . Вінчається його ясновельможність гетьман Іван Степанович вищою нагородою царства – орденом Андрія Первозванного зі стрічкою. А на стрічці напис по велінню самого його величності царя Петра Олексійовича першого: «За віру та вірність!» Його царська величність зело милостивий до вашої милості, ясновельможний наш друг, шанує не мене, а вас другою людиною в царстві!..

Наверху світло гасне, а внизу гримить «Анафема» хору і тяжко б'є дзвін.
Раптом – оглушлива тиша. У тиші, як над покійником, звучить цвинтарний плач.

Ю Р О Д И В И Й (у веригах і лахмітті):

*А він не зраджував. Він сліпнув
Від часу, що запряг навік
Його в легенду і навіт
На чортових колесах плітки...
І в землю б'є брехня, мов молот...
А він в землі, із-під плити,
Лиш правди, а не доброти,
У кожного століття молитесь...*

І знову різко гримить хор, б'є дзвін.

– Цареотступникові, зраднику, зраднику! Анафема! Анафема!! Анафема!!!

У глибині клубочиться дим, часті постріли рушниць, дзвін шабель, гуркіт гармат. Раптом – мертва тиша. На авансцену виходять двоє в халатах до п'ят, з накинутими капюшонами – це привиди з похоронної команди витягують рядно з трупами і кидають, як на смітник. Те ж проробляє друга пара, а третя, два гренадери, виволікають килим, з нього різко викочують труп козака. Поруч інші привиди кидають новий труп. Оживає козак, обгорілий, з шаблею, з забинтованою головою, в руках – козацький стяг із тризубом... Встає і голий москаль, тільки в доломані і з Андріївським прапором. У клубах диму обидва підводяться, стогнуть.

КОЗАК. Панове!.. Вільні козаки!.. Це я – січовик Марко... Це все... що залишилось від найкращого міста України, від Батурина. Всі дні і всі ночі козаки стріляли і рубались... Але сотник Ніс, лиходій і мерзотник... здав потаємний хід... Меншиков, спаливши місто... вирізав жінок і дітей... (Плаче.) Моє немовля... Козаків – на палю... в смолу, у розпечену мідну діжку... Мов древній Карфаген, увесь Батурин переорали плугом... Немовля моє... дружинонько моя!..

МОСКАЛЬ. Батурин?! А Смоленськ і Полоцьк? Наші, російські вотчини! А дзвони, здерті з храмів і переплавлені на гармати?! Антихрист! Всі володарі – антихристи. Обіцяють підданам блага життя, достаток, процвітання, тільки йдіть за ними, тільки пролийте кров за них!..

КОЗАК. Буде щастя... Щастя? Вічна, вселенська брехня!

МОСКАЛЬ. Там, у тій опанчі, принесли мертвого шведа.

КОЗАК. А в тому рядні – забутого татарина...

МОСКАЛЬ. Одним ядром підкосили і мене, і молодого ляха...

КОЗАК. Усих знесли нас до купи! О, насиплять високу могилу – і хто-зна, за котрого покійника молитимуться матері і дружиноньки наші – з Дніпра, з Москви, з Криму?!!

МОСКАЛЬ. Величезний курган століть виднітися буде з усіх чотирьох сторін... О, люди, люди!

КОЗАК. О, ненаситні поводири!!

* * *

Знову моторошна пауза. Раптом удалині – барабанний дріб. Пауза. Барабани все ближче і страшніше. Пауза. У тиші з жерла гармати нагорі виривається жмут диму. Луною здаля летить вибух, наростає, перетворюється на канонаду – разом з ревом гармат огортається вся сцена димом, починається рушнична пальба. Заметались нагорі, вниз, по сходах люди. Важким басовим церковним речитативом читаються в ритмі бою вірші з «Полтави».

ЧИТЦІ (з висоти голос):

*І грянув бій, Полтавський бій!
В огні, під димом розпашілим,
Жива стіна йде кроком смілим,
Над збитим строєм свіжий стрій
Багнет змикає. Ніби туча
Кіннота вимчалась летюча
І, повна шалу, згаряча
Січе, розрубує з плеча...*

На сцену вибігає солдат – і падає, убитий. Зі сходів мчить козак із шаблею – падає. Двоє, фехтуючи, вибігають – вибух снаряда – обоє мертві. З колосників звалюються муляжі воїнів: шведа, росіянина, козака, ще, ще...

ЧИТЦІ:

*Підуть на мертвих мертві люди,
Чавунні ядра звідусюди
Скакають спритно, як живі,
Здіймають пил, шиплять в крові.*

Вибігає шведський кірасир – падає; російський улан – падає; у шароварах козак – падає. З колосників ще падають трупи.

*Швед, руський – ріже, ранить, коле,
Бій барабанний, стогін кволий,
Іржання, рик, гарматний грім,
І пекло й жах в диму страшнім.*

На вершину піднімається Петро І.

ПЕТРО І. Діти мої! Сини Росії! За справу, з Богом!! Воїни благочестиві, за благочестя кровію вінчаються літа від втілення Бога нашого Христа – тисяча семисот дев'ятого, червня, двадцять сьомого дня!..

Ще дим і гуркіт, ще падають трупи... Тиша. Виходять похоронні команди – кроками чіпляють за ноги, за животи, за голови трупи, тягнуть під моторошний реквієм Моцарта. Наверху яскраво висвічується цар.

ПЕТРО І. А де ж мій брат Карл? Невже я сьогодні не побачу мого брата Карла? Шведському фельдмаршалу Реншильду повернути шпагу. Всім полоненим королівським генералам повернути шпаги. Учителів, полководців Карла – всіх до мене в шатро – на царський бенкет!.. Першу чару я п'ю за здоров'я мого брата Карла!.. А зрадників, старшин малоросійських – під тортури. Наказ! Полковника Зеленського – колесувати! Нового генерального суддю Чуйкевича – повісити! Якова Покотила, Семена Лизогуба, Антона Гамалію, осавула Максимовича – на палю! А де ясновельможний гетьман? Де зрадливець, від якого відступилася вся Гетьманщина, якого православна церква піддала анафемі? Де Мазепа?! Ось кому не минути лиха!..

Затемнення нагорі. Внизу напівсвітло ночі.

На ношах несуть перебинтованого Карла. Він у гарячковому маренні.

КАРЛ. Зніміть мене з коня! Скільки можна скакати в ніч? Де мої генерали? Граф Піпер? Радники?! Це не поразка! Це сурмачі забули протрубити перемогу!! (Кидається.) Що скаже Левенгаупт? Знову, як під Лісовою, – кине все важке: гармати, провіант – спалить... поранених здасть під опіку ворога?! Не сміти! Не дозволю!.. Бігти? Мені, звияжному Карлу, бігти!?! Сурмити збір! Трубити відбій! А-а-а... робіть що хочете!..

14

Карла забирають. Ліворуч і праворуч викочують – кого на колесі, кого на хресті розп'ятим, кого пов'язаними по двоє – козацьку старшину та козаків. Здалеку наростає сумна пісня.

*Повідлітали з гаю птиці,
У лузі коник не бринить,
А біля чистої криниці
Столітній явір все стоїть.
Холодний попіл опадає
На половіючі жита,
А над джерелами у гаю
Русалка косу розпліта...
Дива ви наші калинові,
Пахоці степу полинові,
Пісні журби у рідній мові...
Коли не так, простіть на слові.
Простіть на слові, коли не так!..
Кому простелеться дорога
На ті оплакані жнива,
Де на могилі кошового
Старий шуліка спочива...
Де північ жевріє над дахом, –
Видіння чистої води,
Де навпрошки Чумацьким шляхом
Покійний гетьман йде сюди.
Дива ви наші калинові,
Пахоці степу полинові,
Пісні журби у рідній мові...
Коли не так, простіть на слові.
Простіть на слові, коли не так!*

Із глибини йде розбитою, величавою, останньою ходою Іван Мазепа. Наверху, як русалка у пісні, оголена Мотря розчісує розпущене волосся. Внизу, прямо під нею, в промені виникає Мазепа.

МАЗЕПА *(кличе, наче в лісі)*. Мотренько, де ти? Ау-у!

МОТРЯ *(немов втратила розум, співає)*.

*Дива ви наші калинові,
Пахоці степу полинові.
Пісні журби у рідній мові...
Коли не так, простіть на слові.
Простіть на слові, коли не так!..*

МАЗЕПА. Не так, моя ясочко... Усе не так... Я дбав про неньку нашу Україну, дбав про тебе... Я бачив неньку вільним Великим князівством, як за наших предковічних Володимира та Ярослава, а тебе зрів на троні у золотому вінку – юнко моя, царівно!.. Не сталося, як гадалось. Запізно і не тим шляхом я пішов. Прости мені, моя ясочко. Та не карай мене в своїй світлій пам'яті.

МОТРЯ *(сипле зверху яскраві квіти, співає, сумно йде геть)*:

*Де північ жевріє над дахом, –
Видіння чистої води,
Де навпрошки Чумацьким шляхом
Покійний гетьман йде сюди...*

ВЕЛИКИЙ ХОР *(важко і глухо)*:

*Дива ви наші калинові,
Пахоці степу полинові,
Пісні журби у рідній мові...
Коли не так, простіть на слові!
Простіть на слові, коли не так!..*

З двох сторін на авансцені з'являються прокурор і адвокат. З глибини до них іде Мазепа.
За спиною гетьмана, наверху, сідає на стілець суддя. Перехресний допит.

СУДДЯ. Ім'я та звання?

МАЗЕПА. Іван, Степанів син, Мазепа-Калєдинський... Гетьман Війська Запорозького... князь Римської імперії...

ПРОКУРОР. Забираєте зайвого, колишній гетьмане...

АДВОКАТ. Гідність князя Римської імперії його ясновельможності присвоєно імператором Францем. Вина царя Петра, який затримав вінчання на трон...

ПРОКУРОР. У такому разі давайте перераховувати всі польські, російські, латинські регалії, українські клейноди, ордени, що вінчали обвинуваченого...

МАЗЕПА. Панове, не соромно вам говорити про лушпиння та про життєву мішуру? Давайте швидше до справи і – кінчати...

СУДДЯ. Як ви розцінювали свій статус?

МАЗЕПА. Монарх. Обраний монарх козацької держави.

ПРОКУРОР. Межі вашої влади?

МАЗЕПА. Межі дозволеного залежать від особистості.

АДВОКАТ. Ваше життєве кредо?

МАЗЕПА. Єдиноначальність, особиста гідність і гідність землі моєї.

ПРОКУРОР. Що штовхало вас до вознесення вашого престижу?

МАЗЕПА. Те ж, що штовхало ляхів, москалів і турок принизити українця, тиранити його.

СУДДЯ. Що давало вам право стояти над нацією?

МАЗЕПА. Природний дар, європейська освіта, знання людей.

ПРОКУРОР. Чому ж ви хитрили, будували політичні підступи?..

МАЗЕПА. Я змушений був спускатись до рівня розуміння справи моєю старшиною, козаками і посполитими... особливо через ницість московського двору.

АДВОКАТ. Тому й обмовляли себе в шинках, корчмах і в чумацьких валках через своїх шпигунів?

МАЗЕПА. Я закладав себе. Люди вважали мене профосом царя. Викликаючи гнів на себе, я роздував полум'я бунту проти царя.

СУДДЯ. І самі себе перехитрили!

МАЗЕПА . Це одна з моїх фатальних помилок.

ПРОКУРОР . Але навіщо ви повели старшину на Петра?

МАЗЕПА (*засміявся*). Коли б я не повів їх, вони б мене скинули, обрали б іншого, який їх повів би. Такий був поклик історії.

ПРОКУРОР . Поклик до фіаско!

МАЗЕПА . Я це передбачав... набагато раніше Карла, раніше Лещинського і самого тріумфатора Петра. Раніше старшин і козаків...

АДВОКАТ . І йшли далі.

МАЗЕПА . Зворотного шляху не було. Доля!

СУДДЯ . Ваша споконвічна мета була?..

МАЗЕПА . Возз'єднати Гетьманщину, Правобережжя, Запорозьку Січ.

ПРОКУРОР . А вийшло?

МАЗЕПА (*судді*). Ваша честь, можна не відповідати на зайві запитання?

СУДДЯ . Ви прискорили кріпацтво в Україні.

МАЗЕПА . Але ж мав хтось розбудити націю. Моя спроба була марною, але я не останній лицар на нашій землі.

СУДДЯ . За двадцять років правління ви підняли країну з руїни, благополуччя простолюдин ні до вас не було, ні після вас не буде настільки високим. Чого вам не вистачало?

МАЗЕПА . Вольності. Над моєю Україною висів молох...

ПРОКУРОР . Зрозуміло! І що ж вас тепер чекає, пане колишній гетьман?

МАЗЕПА . Святий Петро біля воріт пекла і раю і його визначення: пекло чи рай для старої заблудлої віщі...

ПРОКУРОР . Рай?!

СУДДЯ . Ваше останнє слово...

АДВОКАТ . Останнє слово, ваша ясновельможносте. Останнє саме ваше слово, Іване Степановичу Мазепо, таке слово, що залишиться у віках, в устах людей, які поклонялися вам і які зневажали вас... ваше слово в душах людей, які ніколи не знали, не чули про вас! Рідко кому сущому на цьому світі вдається мовити таке... а вам вдалося! Скажіть!

МАЗЕПА (*пауза, заспівав*).

*Ой горе ж тій чайці,
Горе ж тій небозі,
Що вивела часняток
При битій дорозі...*

Гетьман заспіває один. Поступово за його спиною сходяться всі учасники цієї трагічної історії. Наростає хор. Соковито, трагічно звучить пісня Івана Мазепи.

ЗАВІСА.

Борис МОЗОЛЕВСЬКИЙ

ТІНЬ КОХАНОЇ РУКИ

* * *

На стежині коло кладки
Ще й трава не наросла –
Я ще мале хлоп'ятко
Із глибинного села.
Весь мій світ – навколо хати
З дивним видом на війну.
Я не вмію ще й брехати,
Це я потім osiąгну.

Я піду іще в матроси,
Поведу літак в політ.
Пошурую топки трохи –
Всього тільки десять літ...
Я проб'юсь іще таранно
В світ, задивлений в красу, –
Золотою пектораллю
Його небо потрясу!

Обросту, немов лускою,
Всяким дріб'язком іще.
Та таких дурниць накою! –
Сором серце обпече.
А поки що вийшов з хати –
Квітнуть ружі край вікна.
Бабу Хорчиху кохатиму! –
Ліпить півники вона.

* * *

Стугоніло, гуготіло,
Все палило навкруги.
Біла спрага твого тіла
Не вміщалась в береги.

Сповивалися серпанком
Білі ружі між отав.
Білий місяць на світанку
Поza лозами розтав.

Мозолєвський Борис Миколайович.
Український археолог і поет, дослідник скіфської старовини. Народився 4 лютого 1936 року (с. Миколаївка Веселинівського району Миколаївської області). Батько загинув на фронті, мати виховувала Бориса сама. Через матеріальну скруту опинився серед вихованців при Одеській спецшколі військово-повітряних сил, був вихованцем однієї з частин ВМФ. Вступив до військово-морського авіаційного училища в Єйську, яке не закінчив через дострокову демобілізацію, пов'язану з радикальним скороченням радянської армії (1956). Переїхав до Києва, де майже 10 років працював кочегаром, заочно закінчив історико-філософський факультет КДУ (1964). Працював редактором у видавництві «Наукова думка» (1965–1968), брав участь в експедиції, яка дослідила Гайманову Могили (1969–1970). Керівник експедиції, що, серед іншого, дослідила відомий скіфський курган Товсту Могили та відкрила славнозвісну пектораль (1971). Дві третини скіфського золота у фондах Музею історичних коштовностей України – знахідки експедиції Мозолєвського. З 1986 р. і до кінця життя працював завідувачем відділу, потім – сектору скіфської археології Інституту археології НАНУ. Опублікував 55 наукових та популярних досліджень, найвідоміші з них – монографії «Товста Могила» (1979), «Мелітопольський курган» (1990), «Скіфський степ» (1983). Окрім наукових праць, залишив у спадок значний поетичний доробок. Автор поетичних збірок: «Начало марта» (1963), «Шиповник» (1967), «Зарево» (1971), «Червоне вітрило» (1976), «Веретено» (1980), «Кохання на початку осені» (1985), «І мить як вік» (1986), «Дорогою стріли» (1991). Став членом Спілки письменників у 1971 р. Останні два роки працював над докторською дисертацією, яку так і не встиг завершити. Помер від тяжкої хвороби 13.09.1993 р. Похований на Байковому цвинтарі у Києві.

І над сонними житами
Крізь вогненні ятері,
Наче лебеді, злітали
Білі руки на зорі.

На ставку скрипіли весла,
Веслували в ніч скупу.
Стежки біле перевесло
Слалось в безвість по степу.

МОНОЛОГ ДО МАМИ

На тих стежках за дальніми степами,
За полянами, сизими від мли,
Де ноги Ваші зранені ступали, –
Терни колючі, мамо, росли.
Зберу увесь набуток свій у жменю.
Важкий мій плуг, пісна моя рілля!
Ви так хотіли щастя задля мене!
Не дочекались... Пухом Вам земля...

Я все іду, й всього мені замало –
Доріг і звершень, друзів і мети.
Ви щось таке на світі знали, мамо,
Чого мені повік не осягти!
Як часто я, коли в душі досада,
Коли не піддається висота,
Вас кличу не докличусь на пораду!
Та голос мій до Вас не доліта...

І знов лежу і думаю ночами,
Бо світ цей мій, і в ньому все моє!..
Вже наче й треті півні прокричали,
А день не йде, і сонце не встає.
І озирнусь на шлях свій, серцем збитий,
Прониже груди холодом в імлі:
На тих стежках, де я горів для світу,
Щось гостре пробивається з землі.

* * *

Це ти, моя юносте? Здрастуй.
Прости. Привітаймось. Це я...
А весни насіяли рясту,
Аж сонцем зітхає земля.

Прости, моє диво зелене,
За те, що тебе не вберіг.
Іди, не хвилюйся про мене,
Я весь у розвої доріг.

А раптом спіткнуся від бігу –
Вбери у барвінок мене...
А зими насяяли снігу,
Аж небо уже крижане.

* * *

Я встав серед ночі і вийшов у степ,
У скошене царство моє опівнічне,
Де місяць над стернями наче затерп
І лив у п'тьму своє світло магічне.

Воно колихалось, густе, як меди,
Таке золоте і терпке, аж зелене,
Що можна було розпізнати сліди
Усіх, що ходили цим степом до мене.

Озвася бугай – покотилась луна,
Поволі затихла у травах зарічних.
Стогнала в могилі чиясь таїна –
Безмежна, як степ, і глибока, як вічність.

ЗИМОВИЙ ЕТЮД З ГОРОБИНОЮ

Відбунтували, відлюбили,
Все розгубили на бігу.
Останні грона горобини
Горять на білому снігу.
Так первозданно, так світанно
Зачарувала слід зима.
– Озвись! – кричу тобі. – Кохана!
Озвись!! –
А голосу – нема.

ЛІТО В ЖИТАХ

Де степами п'яна рать ходила,
Де рікою кров лилась колись,
Кіммерійські стріли і вудила
У червоній глині запеклись.

І, неначе стомлені тамтами,
Низько розстилаючи басы,
Сумовито стогнуть над житами
Грізні кіммерійські голоси.

Квітне шовком неба синя пілка.
Виднокруг бринить, як тятива.
Може, то в траві й не перепілка,
А душа закохана співа?

Не злякай той голос ненароком,
У зеніті погляд зупини:
Може, то чиєсь гаряче око
Стежить за тобою з вишини.

ЧЕРВЕНЬ

І не жона, й не наречена –
Ішли степами без доріг.
І божевільні квіти червня
Тобі тулилися до ніг.

І яструб довго плив над нами, –
Чого він плив, чого хотів?
Зринали в небо цвіркунами
Жита, від сонця золоті.

Я цвів тобою і для тебе,
І ти світилася в мені.
В твоїх очах гойдалось небо
Із хижим яструбом на дні.

* * *

Синьооко зітхали озера.
На лататті тремтіла роса.
Сосни пружні підносили жерла
І текли в молоді небеса.

Синьооко безодня зітхала,
Ту зелену сотаючи рунь...
Подивись мені в очі, кохана,
І безсмертям весни зачаруй.

Щоб колись в незапам'ятних ерах,
Погляд юнки відбивши в собі,
Синьооко зітхнули озера,
Пригадавши твої голубі...

ЙОГО ПРИХІД

Тихо як – ні шелесту, ні сплеску!
Світло як – в душі і навкруги!
Я чекав, і ось воно воскресло,
Повінню зламавши береги.

Світ світає? Зацвітає вишня?
Я з тобою – спи, кохана, спи.
Як воно таке із нами вийшло
На шпильастім гребені доби?

Стрілись, наче кремінь і кресало,
Досвід мій і молодість твоя.
Десь далеко скрипка воскресає,
Славлячи святе твоє ім'я.

Аве, день, коли в цей світ прийшла ти!
Аве, тінь коханої руки!
Аве, бровеня твоє підняте, –
На віки!

НІЧНИЙ ЛІТАК

Нічний літаче, міста не буди,
Нехай собі спочине в снах дитячих.
І так всю ніч гвалтують поїзди –
Зажди хоч ти, не квапся, мій літаче.

У тому місті є одне вікно,
Де я усім прийдешнім володію.
Там ждуть мене запекло і давно –
Не квапся, не буди у нім надію!

Нехай поспить. Поспи із нею й ти,
Допоки небо ще твоє незряче,
Допоки ще ніхто із темноти
Тебе не проклинає, мій літаче.

ГОЙДАЛКА

А день стояв у просині,
Осінніх повен чар.
І гойдалка під соснами
Злітала вище хмар.
Злітала, потім падала,
І знову – догори!
Край берега опалово
Палали явори.
І ти за тими злетами
Була, як птах, сама.
А за осіннім плетивом
Вже ткалася зима.
Якими йти ще сходами,
Навстріч яким вітрам?..
Життя гойдало гойдалку
Від радощів до драм.

ЕЛЕГІЯ

Над косою Обиточною ні хмарки.
Серпень в'яже біле сонце у снопи.
Від Бердянської затоки аж по Харків
Скошені стоять мої степи.

Чисте небо дише волею самою.
Над водою линуть чайки голосні.
Я прийшов сюди, щоб звіритися морю,
А воно несе свою печаль – мені.

Заглядає у зіниці бірюзово,
Зупиняється і синє небо п'є.
Від Утлюкського лиману до Азова
Спіле літо нахиляється моє...

Залишилися позаду мої червні.
Липень вирізав три зморшки на чолі.
Над водою двоє лосів наречених –
Наче втілення кохання на землі.

Море, море! Утопи мої безсоння,
До краси мене, до радості причаль!..
Море косить Обиточною косою
Сині хвилі, а накошує – печаль.

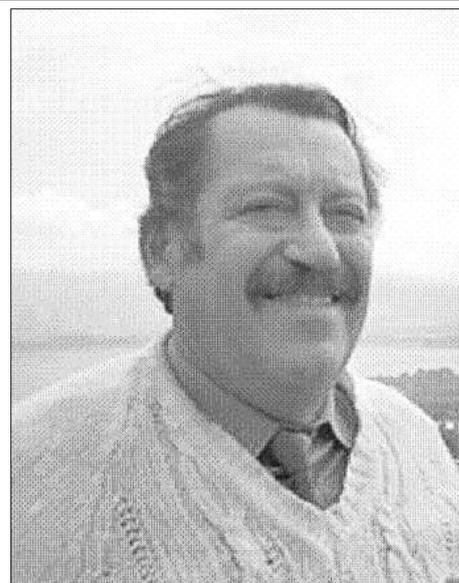

Яков ТУБЛИН

ЭТОТ МЕЛКИЙ ШРИФТ ЖИЗНИ

ИУДЕЙСКИЙ ВЕРЛИБР

Я – воздух на конце огня,
 Я – камень на конце дождя,
 Я – синее на грани красного,
 Я – белое на грани чёрного.
 Я – корень дерева,
 Что тысячи тысяч лет
 Питалось сточными водами
 Чёрно-багрового мегаполиса,
 Деревя тысячи лет
 Дышащего удушливым дымом,
 Высокого дерева,
 Весной выстреливающего в небо
 Миллионы миллионов
 Зелёных моих внучат,
 Печально умирающих осенью
 И уносимых жёлтыми ветрами
 В серую пустыню.
 Я – верхний слой живой земли
 Под постаментом чёрного памятника тьмы.
 Я – трава, ломающая железный асфальт.
 Я – ствол пушки,
 Нацеленной чугунным ядром
 В самое сердце добра.
 Я – голубая вода
 Для закалки стали будущего меча,
 Что снесёт с чёрного памятника
 Смердную голову зла и ненависти.
 Я – остриё этого меча.
 Я – крик
 На грани рыдания и песни.
 Я – расстояние
 От родильного крика
 До смертного вздоха.
 Вот поэтому
 Я – синее на грани красного,
 Я – белое на грани чёрного,
 Камень на конце дождя,
 Воздух на острие огня.

Тублин Яков Айзикович. Родился 13 октября 1935 г. в Николаеве. Окончил Николаевский судостроительный техникум и Одесский государственный университет. Строил корабли, занимался отраслевой наукой. Много ездил по стране. Четыре года служил на Балтийском флоте минёром. Первые стихи напечатал в 17 лет. С тех пор печатался в газетах и журналах Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Николаева; в коллективных поэтических сборниках и антологиях. Автор поэтических сборников «Каждый день» (1971), «Теплоход» (1979), «Час прилива» (1987), «Образ жизни» (2008), «А дерево стоит» (2011). Член Союза писателей Израиля. Лауреат премии им. Давида Самойлова. С 1991 года жил в Израиле. Умер 3 апреля 2011 г. в Ашкелоне.

ВСПОМИНАЕТСЯ...

Выкормыш Советского Союза,
Блудный сын Израильской земли.
Я лежу у моря, грея пузо,
От земли украинской вдали.

Без меня к воде склонились вербы,
Буг течёт. На левом берегу
Друг остался – может, самый первый.
Я слетать всегда к нему могу.

Надо б поскорей, покуда силы
Не покинули совсем меня.
Постоять у маминой могилы,
Утонувшей в буйных зеленях.

Там, где я слагал простые песни,
Где картошку шевелил в золе,
Кореша мои уже до пенсий
Дожили. А многие – в земле.

Край, где я росую умывался,
Пробовал держаться на волне,
Хорошо бы ты меня дождался.
Может быть, приеду по весне.

Я пройду по улице Привозной,
По Таврической, Большой Морской.
И, наверно, встречусь слишком поздно
Я с одной девчонкой заводской.

Поклонюсь ей, словно важной даме,
Тихо вспомню юные года.
И скажу ей: «Я приехал к маме».
К ней, одной, – не поздно никогда.

РАННИЙ ЭСКИЗ ДЕБЮССИ

Эти чистые звуки
Из ветра и влаги,
Как дыханье, не лгут.
Вот и ноты восходят
На белой бумаге,
Как трава на лугу.
...А парижский каштан
Наклонился и слушал,
Как подпрыгивал дождь,
Как по небу холодному
Тёплою тучкой
Ты плывёшь...

ВТОРОЙ ПЛАН

Мне приснилась жизнь
Крупным планом.
Это ужасно!..
Мне снилась огромная ромашка.
Она хлопала
Своими белыми ресницами...
В пустоте.
Затем – человек!
Даже не человек,
А часть его.
Крупно – лицо, глаза,
А вокруг – пустота.
Хотелось кричать...
Где всё остальное –
Второй план?!
Я проснулся.
Занималось утро.
Выскочил на улицу –
Всё в порядке.
Перед окном стоял тополь,
Стоял крупно.
Вторым планом,
Поодаль,
Узнавались остальные деревья;
Вторым планом
Подметал мостовую дворник.
Крупными казались
Булыжники в мостовой,
И вторым планом
Текла дорога
Далеко, туда, за город.
Я успокоился,
Вошёл в дом,
Но уже не мог уснуть.
Боялся, что он
Снова исчезнет –
Второй план.

Что изменилось во мне
С тех пор?
А вот что:
Я стал дольше разглядывать
Второй план –
Этот мелкий шрифт жизни,
Которым подчас написано
Всё самое главное.

ОСЕНЬ В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Все линии точней отчёркнуты
В пределах этих ясных дней.
Как осенью мазки отчётливы!
Как возраст осенью видней!

Глухие звуки сада тихого,
Стучат тяжёлые плоды.
Колдуют мастера над тиглями,
Грунтуют белые холсты.

Исходит холст ярчайшей охрою,
Исходит тёплой синевою,
А среди ночи двери охают
И стонет ветер, как живой.

По мокрым стёклам ветки лязгают,
А холст пока ещё немой.
Но весь дрожит,
И вместе с красками
Ложатся звуки на него.

* * *

Тронулась и отошла навсегда
Эта земля. Как душа, отлетела.
Первую родину покидать –
Горькое дело.

Небезразлично и не всё равно,
Кто его знает – где больше покоя?
Небо едино и солнце одно,
Но – другое.

То ли темнеет, то ли блестит
Море внизу. И какая-то птица
Встречная обратно летит,
Пересекая без визы границу.

Туча набухла, до края дойдя,
Небо на две половинки распалось.
Новое солнышко улыбалось
Сквозь слёзы дождя.

НЕБЕСНАЯ ЗВЕЗДА

Земля подобна
Сцене или плахе:
То – яркие цветы,
То – серый прах.
То жизнь резвится в голубой рубахе,
То смерть шагает в чёрных сапогах.

То крест восходит,
То звезда Давида,
То полумесяц выйдет на простор.
Небесная звезда – ужель для вида,
Когда непрочен щит и меч востёр?
Небесная звезда – она навечно.
И у неё такой нейтральный вид.
Вглядишься в неё –
Она шестиконечна.
Как части Света,
Всем принадлежит.
И от мечети,
И от синагоги,
От всех церквей
И от костёлов всех –
В конце концов, ведёт одна дорога.
В конце концов –
Один всеобщий грех.
Дано увидеть нам в конце дороги –
На переправе той,
На той Реке,
Как, разные такие, наши Боги
Беседуют на общем языке.

* * *

Мой берег опальный.
О прошлом ещё не забыв,
Мы слышим с печалью:
«Троллейбус идёт на Намыв».
Где волны сверкали,
Шумели, светлы и легки,
Бетонные встали
Дома, тротуары легли.
Песочною пылью
Покрылись ольха и сосна.
Здесь жили да были
Надежда, утеха, весна;
На удочках бились
Бычок, и тарань, и рыбец;
Стрекозы резвились,
Но вот наступил им конец.
Всё это украли,
Реки затерялся мотив.
Мы слышим с печалью:
«Троллейбус идёт на Намыв».

Марущак Віра Іванівна. Народилася 21 листопада 1949 р. в смт Арбузинка Миколаївської області. Закінчила з відзнакою бібліотечний факультет Миколаївського вищого училища культури (1976), а також факультет журналістики Київського державного університету ім. Тараса Шевченка (1982). Член Національної спілки журналістів України (1981). Член Національної спілки письменників України (2006). Працювала в молодіжній газеті, на радіо Чорноморського суднобудівного заводу. Зараз працює в Миколаївській обласній бібліотеці для юнацтва та викладачем основ журналістики в Першій українській гімназії імені М. Аркаса. Автор прозових книг «Вікнами до сонця» (2002), «Батько з Португалії» (2005), «Цезар, Галка і Новий рік» (2008), «Гомін білого інею» (2013), «Ярмарок сміху» (2014); книги казок «Пригоди Нюмочки» (2009), окремих казок «Зайчєня» (2011) та «Джмелик-мандрівник» (2012). Лауреат обласної культурологічної премії Миколи Аркаса (2002). За вагомих особистий внесок у розвиток співпраці України із закордонним українством нагороджена почесною відзнакою «За єднання українців у Світі» (2011). Двічі відзначена дипломом «Золоте перо» (2013, 2014). Нагороджена медаллю «Почесна відзнака» Національної спілки письменників України (2014), орденом княгині Ольги III ступеня (2014).

Віра МАРУЩАК

ОПОВІДАННЯ

Різдвяна казка

Зимові канікули завжди наповнені букетом новорічних свят. Я і мій брат дуже їх любили. Приєднувалися до ватаги хлопців та дівчат, що ходили від хати до хати посівати, колядувати, щедрувати. Додому ми приносили гостинці: горіхи, цукерки, пряники. Особливою чарівністю був наповнений свят-вечір. До нього готувалися ретельно, заздалегідь. Навіть зимове повітря було просякнуте особливим блаженним запахом печеного хліба, дух якого приємно лоскотав у носі.

Урочисто готувалися до свята й у нашому домі. Матуся заходжувалась біля тіста для хліба, калачів та пиріжків. Брат допомагав татові розпалювати піч, я з мамою ліпила пиріжки. Вони були з вишнею, капустою, квасолею. Ненька готувала з пшениці кутю, ставила її, щоб упріло зерно. Потім із сухофруктів варила узвар, мені довіряла макогоном товкти мак у макітрі. Але ми не зразу сідали за різдвяний стіл, бо у мене з братом було ще одне почесне завдання. Допоки зійде зоря на небі, нам потрібно обійти рідних із гостинцями. Мама споряджала нас у дорогу: розстеляла велику білу хустку, на яку клала тарілку з кутею, на неї – пахучі калачі та зарум'янені пиріжки, подарунки – кольорові хустки, фартухи, вишиванки. Наказує на дорогу:

– Відразу підете до хрещеної, потім до баби Моті.

Власне, я з Михайликом давно уже знала цей шлях. Спускаємося провулком до балки, переходимо через невеликий місточок. Це не наша територія, тут ми буваємо рідко, тому собаки рвуться з прив'язу, а ми вже біля зелених воріт хрещеної мами. Вона на нас чекає.

– Можна колядувати? – питаємо на порозі.

– Колядуйте! – всміхається до нас, мов облита світлом, жінка.

*Коляд, коляд, колядниця,
Добра з маком паляниця.
А без меду не така,
Дайте, тітко, п'ятака,
А ви, дядьку, грошей,
Бо я...*

І тут наші з братом голоси звучать по-різному, я співаю «дівка хороша», а Мишко – «хлопець хороший». Та від цього нічого не змінюється, бо хрещена запрошує обох до хати, де за святковим столом сидить її родина: чоловік та дві симпатичні дівчинки.

– Наші тато і мама вечерю вам прислали, – кажу я і подаю акуратний вузлик.

Хрещена розв'язує його, відбирає гостинці й кладе до нашого вузлика свої пиріжки та калач. Запрошує до столу.

Ми пригортаємо, але добре пам'ятаємо, що до сходу зорі ще потрібно потрапити до бабусі й повернутися додому.

– То ми вже підемо, – говорю я.

Але хрещена нам приготувала ще подарунки. Вона подає братові справжнісінький пістолет, який заправляється пістонами. А коли натискаєш на курок – чується вибух, а від самого пістолета пахне сіркою.

– Оце-то подарунок! – захоплююсь я.

Та мене теж чекає щаслива несподіванка. Хрещена відкидає скриню, і перед моїми очима відкривається величезне багатство – різнокольорові стрічки. Мої очі розбігаються. Вони вбирають у себе різнобарвну палітру: рожеві, червоні, сині, зелені атласні так і просяться до моїх рук, але я точно знаю, що потрібно взяти тільки дві. Вибираю блакитні та уявляю, як вони будуть пасувати до моїх сірих очей. Хрещена дає нам по цілому карбованцю, бо недарма ж ми колядували. Подарунки від матусі теж подобаються всім членам родини.

Ми прощаємося. Тепер наш шлях лежить до баби Моті. Ми її так називаємо, хоча вона для нас ніяка не баба, а тітка. Просто набагато старша від нас. Ми її дуже любимо, бо бабуня надто добра та лагідна.

Під ногами рипить сніг, як кришталь. Ми його топчемо у провулку, який виводить нас до бабусиної хати. А ось і вона, така ж старенька, як і господиня.

– Уже скоро зоря зазолотиться над лісом і степом, а вас усе немає, мої янголятка, – вона пестить шкарубкою рукою то мою, то братову голову.

– А вам тато та мама гостинця прислали, – знову говорю я, немов старша.

Бабуся розв'язує вузлики і забирає гостинці, натомість кладе свої. А ще вона дарує нам свої пряники – лисички, ведмежатка, зайчики. Тільки у неї є такі формочки з чудернацькими звірятами. Про це знають усі наші друзі, і тому вони неодмінно прийдуть до неї посівати чи колядувати.

Старенька приміряє картатий фартух, який для неї пошила матуся. Усміхається. Потім запалює на покуті свічку. Під її ногами чується тихий шелест соломи й сіна, стіл заставлений щедротами святвечора: кутею, молочним киселем, холодцем, запашними пирогами.

– Христос народився! З Різдвом святим! – вітає нас бабуся і запрошує до столу.

Їй дуже хочеться, щоб ми спробували всі її страви. Та у нас на це уже ледве вистачає духу. Ми ще трохи гостюємо і збираємося додому. На вулиці поглядаємо у небо, на якому ось-ось займеться зірка, що сповістить усьому світові про народження Христа.

Ноги донесли до нашого провулку. На його розі стоїть сусідка баба Улита. Вона немов чекала на нас.

– Заходьте, погостуйте! – запрошує так, що їй неможливо відмовити.

Баба Улита та дід Мінько поводяться, немов ми у них найрідніші гості. У кутку небагатої оселі образок освітлює лампадка, її зайчики гуляють по столу, на якому стоїть навариста кутя, запашний узвар, вишневий кисіль.

– Пригортайтесь, – садять за стіл мене з братом. І ми сідаємо, бо знаємо, що у них немає дітей та рідних. Тож хто до них прийде, якщо не ми?

– Тато і мама прислали вам вечерю, – говорю я і подаю вузлик. Знаю, що гостинцями ми не здивуємо стареньких, проте моя маленька душа розуміє, що кожному приємна увага.

– Їжте, їжте, – суне нам до рук ложки бабуня і щасливо зазирає в очі.

Ми ліниво колупаємося у тарілках, бо наші животи не витримують великого навантаження.

– Ми з дідом вам цукерочок приготували, – насипає повні жмені дрібних, смачних солодоців, які вибрали в себе неймовірні запахи какао, кави і чебрецю.

Ми ще трохи посиділи за столом.

– Нам пора додому, – неначе вибачаємося перед старенькими. Вони проводжають нас за поріг.

Знову під ногами рипить сніг. Нарешті ми, щасливі, рум'яні від морозу і свіжого повітря, повертаємося додому. Нас зустрічають мама і тато.

– Можна колядувати? – запитуємо ми.

– Колядуйте, – відповідає мама. На її обличчі грає щаслива усмішка.

Ми співаємо колядку й у відповідь отримуємо подарунок – книгу. Наші очі вбирають яскраві барви обкладинки, а руки поспіхом перегортають сторінки, які дихають свіжою фарбою. Це для нас найкращий подарунок.

– Потім читати будете, погляньте на небо, – каже тато.
Перша зірка, неначе королева, зійшла до нас. Розпочинається різдвяна казка.

Нова сім'я

Голуб на якусь мить застиг у повітрі, а потім, немов зів'ялий листок, упав на дах сараю. Чоловічок на прізвисько Рудий дико зареготав і розрядив гвинтівку.

– Навіщо ти це зробив? – запитав хлопець, що стояв поруч.

Рудий перестав сміятися. Його маленькі, мов затягнуті пліснявою, очі налились кров'ю. У куточках губ з'явилася піна. Він прохрипів:

– О, малий, якби ти знав, як я не люблю білого кольору! – Він короткими, мов обрубаними, пальцями м'ясника розстебнув чорний комір мундира...

Голуб зітхнув, дивлячись одним оком у високу синяву неба, куди він тепер ніколи не зможе піднятися. А воно гукало, гукало до себе, таке красиве і неосяжне. Звало курликанням журавлів, дзвоном жайворонків...

Затихли горласті горобці, шмигнула в куші сорока. На карнизі сараю сиділа голубка. Вона прислуховувалась до чогось і боязко крутила головою. Потім махнула крилами, перелетіла на дах і здивовано дивилася на розпластаного друга, на грудях якого застигла цівочка крові. Озираючись по боках, вона задріботіла червоними ніжками до нього.

...Цілувала його у дзьоб, легенько підштовхувала крилом, смикала за чубчик і заклично воркувала. Вона гукала його до дітей, до сім'ї, у блакитне небо.

А скільки у її голосі було туги і надії, горя і скорботи!

Уже давно згасло сонце, на землю впала роса, а вона все сиділа і плакала над своїм другом, її стогін чувся вночі.

Під дахом у старому відрі сиротливо сиділи двоє пухнастих пташенят. Вони тремтіли від холоду і схлипували уві сні.

Минали дні. Пташенята зранку вимогливо пищали, а мати літала в поле доставати для них їжу. Скільки разів на неї нападали здичавілі кішки, скільки разів її переслідували шуліки! Вона поверталася стомлена і поранена, приносила дітям крихти, сама лишалася голодною.

Коли вечірні сутінки опускалися на землю, а у лісосмузі прокидалися сови, вона сідала біля своїх дітей і забувалася тривожним сном.

І ось одного разу, коли голубка зовсім знесиліла і лише раз на день могла годувати своїх діток, у неї над головою забилися крила. Голубка сиділа з закритими очима, розтріпана і беззахисна... Вона стомлено повернула голову. Неподалік сидів голуб і чепурився. Він розчісував лапками голову, чистив пір'я, розправив хвіст і, високо піднімаючи ніжки, поважно попрямував до неї.

У голуба груди були фіолетовими, кінчики крил і хвіст білими, а спина димчасто-сизою. Він кружляв навколо голубки і воркував, немов говорив: «Поглянь на мене, який я гарний», – і настулав грудьми.

Голубка відштовхувала його крилом і гуділа: «Йди, йди, я така нещасна...»

У гнізді запищали голодні пташенята. Голуб підняв голову і підібрав крила. Він подивився на голубку і пересів на відро. Пташенята хапали його за дзьоба і вимагали їжу. Голуб розгублено крутив головою, переминався з ноги на ногу.

Вранці голубка вже не могла підвестися. Голуб покрутився біля неї, почистив дзьоб, змахнув крилами і полетів. Вона з сумом поглянула вслід і важко опустила голівку. Вона чула, як гукали діти, але сили її вже покидали.

А голуб летів над полями. Він знайшов багато чистого добірного зерна, набрав його у дзьоб і поспішав, аби повернутися назад до гнізда-оселі, де його, напевно, з нетерпінням чекали. Він нагодував пташенят раз, другий, третій... і маленькі заснули. А він наблизився до голубки, почав її кликати, але вона не рухалася. Потім він легенько перекотив зернятко у її дзьоб. Голубка відкрила очі.

...Йшов час. Над гаєм кружляли зі своїм виводком журавлі. Над степом гомінкими зграйками шугали ластівки. Мати-голубка ходила по даху і поглядала у височінь. А голуб, розпушивши крила, сидів на гнізді – поважний і гордий. Він заводив нову сім'ю.

Поросся-партизан

У селі знявся галас: кричали кури, гелготіли гуси, з ланцюгів рвалися собаки, голосили жінки, плакали діти. Сполохали усіх німці, які поставили машину на площі, а самі пішли по дворах нишпорити по сараях.

– Яйка, млеко! – вимагали вони від господарок і тягнули усе їстівне, що потрапляло на їх безсоромні очі – клунки з борошном, крупою, глечики з молоком, казани з їжею. Курей та гусей кидали до ящика.

Коли непрохані гості зайшли на подвір'я до Христини, у неї від переляку почали стукати зуби, але вона не мала права бути слабкою, бо з-за її широкої спідниці визирало три пари дитячих очей. Вони спостерігали, як четверо дядьків у військовій формі нишпорять по їх двору. Один з них зупинився як вкопаний: прямо перед ним, гріючись на весняному сонечку, лежала свиня. Біля неї товклися підсвинки, штовхаючись рожевими п'ятчками у мамине черево. А вона, прикривши маленькі оченята білими віями, насолоджувалася життям.

– Швайн, швайн! – зраділо показав пальцем на поросся один з прибульців.

Солдати щось забелькотіли німецькою мовою, оточили свиню, носком чобота відгорнули пороссяток, а одного, що особливо присмокталося до матусиного соска, німець ударив так, що воно кувікнуло і відлетіло під кущ смородини. Тим часом усі четверо поволокли Маню до машини, кинули її у невисокий кузов.

Веселі і задоволені собою німці сіли у машину: один за кермо, другий поряд з ним. Той, що був з рушницею, підпірав кабінку, наймолодший стояв біля борту вантажівки, мов у насмішку над усіма, витягнув з-за халяви високого чобота губну гармошку і заграв німецьку мелодію. Під німими поглядами односельчан полуторка з німецьким хрестом покинула село.

Пригортаючи до себе переляканих дітей, Христя заголосила. Вона відчувала, як у її грудях здіймалася хвиля люті до тих неприкаяних невігласів, що прийшли на її рідну землю. Чоловік, який повинен разом з нею виховувати дітей, пішов на фронт. Доводиться терпіти приниження і страх за майбутнє. Та тут, ще й до всього, забрали з двору годувальницю. Маню подарували на весілля. З тих пір вона старанно приводила по два виводки на рік. Пороссяток розкуповували не лише односельчани, а й приїздили з сусідніх сіл. Маня була кмітливою свинею, любила своїх діток, оберігала їх. Тепер без неї відразу ж став порожнім двір, тільки чулося кувікання пороссяти, що майже нерухомо лежало під кушем, а інші пороссятка розгублено блукали перед хлівом, шукаючи свою маму.

Христя завела до хати дітей, загнала пороссят у загородку, взяла на руки поранену свинку, загорнула, мов дитя, у ганчірку і ніжно гладила її. Тепер жінка не знала, як буде виживати без годувальниці, що робити з підсвинками, як зберегти їх, чим годувати. Погляд затуманювали сльози.

Тим часом вантажівка перетинала міст. Маня, яка лежала на дощатій підлозі, раптом схопилася на короткі ноги, штовхнула рилом німця і стрибнула через борт машини прямо у широкі води річки. Навздогін свині у воду плюхнулася куля, та її плескоту вона не почула. Маня з головою пішла під воду, майже діставши до дна. Випірнула, коли німецька машина сховалася за поворотом.

Сутінки спустилися на землю, злякані діти лежали на печі, Христя поралася біля плити, готувала підсвинкам вечерю – варила кашу, до якої, для запаху, додала кружку молока, яку позичила у сусідки. Та раптом, чи то здалося, чи справді, почула рохкання Мані. Ноги самі винесли у двір.

– Маня, Манюня, малюсінька, ти жива, повернулася... – обіймала за товсту шию свиню, мов найріднішу дитину. Та ж вдоволено рохкала і кумедно крутила маленьким хвостиком.

– Партизанка ти моя, – Христина обережно знімала з цупкої щетини ряску і шматочки очерету.

У хліві кувікали пороссята. Маня упала на бік, підставивши черево для своїх діточок. Ті з радістю тикалися рожевими п'ятчками у мамин живіт.

На ранок Христя аж заклякла, коли побачила, як до села знову повернула машина з німецьким хрестом на кабіні. Чимдуж подалася до хліва.

– Маня, тікай! Невігласи по твою душу їдуть...

Край городу заколихався очерет. З машини, яка зупинилася біля двору Христини, першим вискочив солдат, який сидів у кабіні. Він бігав по двору, зазираючи в усі закутки. Жінка, притискаючи до себе діток, чула чужу мову і розуміла, що справді шукають її Маню.

– Чушка пахтизан! – наставив на Христю рушницю вояка.

– У нас немає партизанів, – задерев'янілими губами промовила жінка, ще більше притискаючи до себе малечу.

Німцю, мабуть, сподобалося, що він добряче налякав жінку, засміявся і повторив:

– Чушка пахтизан!

Довгенько ще крутилися у дворі непрохані гості. Нишпорили, обнюхували, придивлялися, прислуховувалися, але Маня не видала себе жодним звуком, не заколихалася, від її великого тіла, жодна очеретина. Розчаровані німці, поповнивши свої їстівні запаси курятиною та гусятиною, покинули село, як тільки стало сутеніти.

Озираючись, лякаючись власної тіні, Христя побрела край городу.

– Маня, Манюня, – тихо погукала свиню.

Тихесенько Маня виповзла зі своєї схованки. Не подала жодного звуку, покірно йшла за господинею.

Так і жили тижнів зо два – вдень Маня ховалася в очеретах, чагарниках, а вечорами приходила додому, щоб підставити своє черево дітям.

Війна давалася взнаки не тільки стривоженою поведінкою людей, бомбуванням, очікуванням звісток з фронту, а й голодом. Маня помітила, як усе менше і менше хазяйка підсипала каші у корито. Поросятка ледве не вилизували його дно. Бігали, мов собачата, за її ногами, а та лише розводила руками. Гладила Маню за вухом і промовляла:

– Що мені робити з вами, чим нагодувати...

Проте Маня вирішила цю проблему сама.

– Ворюги, бандити! – не раз жалілася сусідка Христині на невідомих крадіїв, що добралися до її добра.

Стара, зігнута баба Захаренчиха, якій ніхто не знав, скільки років, власне, і вона про це не знала, завжди гнала самогон. Не для того, щоб пити, а для того, щоб завжди у домі була пляшечка. Вона нею розплачувалася за те, що город скопають, зберуть картоплю. Бо сил у жінки на це не вистачало. Бувало, що й на весілля хто замовить. Не відмовляла. У воєнну лиху годину прибігали жінки за пляшечкою, щоб пом'янути убитого на фронті. За довгі роки у Захарченчихи була своя технологія виготовлення цього зілля. Вона гнала самогон із буряків. Ними була засаджена добра половина городу. На зиму складала у бурти, добре прикривала бур'яном, щоб бува не померзли. Пізньої осені помітила, що купка солодких коренів значно зменшилася.

Темінь огорнула село. В хатах погасили лампи. З вилами у руках у засідці сиділа Захарченчиха. Її напруженню не було меж. Прислухалася до тиші, вдивлялася підсліпуватими очима у німу ніч. Її загострений слух піймав шарудіння, яке йшло з сусіднього городу. Яке ж було здивування, коли побачила білу широку спину Мані. У жінки і вила, які тримала наготові, опустилися. Здивовано спостерігала, як свиня, мов собака, лягла на передні лапи, просунулась під загорожею і спокійнісінько чавкала її буряки. А вила випали з рук, коли побачила, як Маня, тримаючи за «чуба» два буряки виповзла з нори і спокійнісінько понесла до свого хліва.

– Мати, справжня мати, таких і серед людей часом не зустрінеш, – думала старенька, яка усіляке бачила на своєму віку. – Це ж треба таке, – аж усміхнулася до себе жінка, – така кмітлива, від німців утекла, а думає не лише про себе, ще й дітям прихопила бурячків. Не дасть померти з голоду. Таки справжня мати...

І згадала, як дбайливо оберігала Маня побите німецьким невігласом поросся, виходила його. Довго не спалося старенькій, а вранці, пішла до сусідки.

– Христю, з твого виводка одне поросятко моє, – заявила з порога.

– З якого це дива, тітко?

– Твоя Маня стала до мене на довольствіє, – і розповіла про нічного крадія. – Прийдеш із корзиною, я тобі буряків дам, годуй своїх поросяток, бо якщо вони пропадуть, селу навесні не буде чим вижити...

– А ви ж без буряків як будете?

– Весною нових насадимо, а там, дивись, і війна закінчиться...

Війна закінчилася. Ще багато-багато виводків привела Маня на радість собі і господарям. Вона завжди огортала любов'ю і турботою своїх діточок.

Миколка

Миколка визирнув у вікно. На тлі синього неба ніби застигли голуби. Хлопчик задивився на красивих птахів. Йому хотілося, аби у нього теж вирости крила і він міг злетіти у небо і навечно забути про те, що відбувається на землі. Намагався відмахнутися від цієї думки, та вона сьогодні, як ніколи, настирно лізла у голову. Мрії перервало мамине тяжке зітхання. Миколка перевів світло-сірі очі на матусю, на її дрібненькі зморшки, що уже залягли на молодому обличчі.

– Можна я не піду до школи, – Миколка дивився на маму благальним поглядом.

– Що натворив, шибенику? Бешкетував? – Мама відразу ж зірвалася на крик. – Зізнавайся!

– Нічого не натворив, – тремтячим голосом намагався пояснити Миколка. Та його ніхто уже не слухав.

– Мені твого батька вистачає, – мамине обличчя вкрилося червоними плямами, а в очах з'явилися сльози.

Миколці було шкода маму. Знав, у неї завжди так буває, коли вона плаче. А це відбувається майже щодня, як тільки додому приходить вічно п'яний тато. Він гучно лаявся та розпускав руки. Миколка та мама знаходили собі влітку притулок край городу в бур'янах та між соняшників і кукурудзи, а взимку ховалися по сусідах. У матусі тремтіли руки, і маленькому Миколці було дуже її жалко. Тому, похнюпивши голову, взяв портфеліка і попрямував сільською вулицею, мріючи лише про одне – хоча б не зустрівся Грицько з компанією.

Сподівання розвіялися, тільки-но переступив поріг школи. Там його чекав цілий гурт, для якого він давно став об'єктом знущання.

– Гроші приніс? – запитав Грицько.

– Ні.

– А цигарки?

– Ні.

– Ну тоді начувайся! – Гриць дав хлопцеві добрячого потиличника.

На уроках Миколка був сумний і задумливий.

«Може, Лідії Петрівні все розповісти? – подумав про себе хлопчик. – Вона добра». Навіть пригадав, як учителька одного разу погладила його біляве волосся. Він досі пам'ятає тепло її долоні.

«Пожалітися чи ні?» – роздумував хлопчик. Але ж не буде Лідія Петрівна ходити з ним щодня, а хлопці ще дужче можуть мститися.

Лідія Петрівна вела уроки, не звертаючи уваги на худорлявого переляканого хлопця, у якого в очах залягла скорбота. Закінчилися заняття, і хлопчик побрів шкільним коридором за вчителькою. Він так і не наважився її погукати.

Школярі давно розійшлися по домівках. Сільська вулиця Миколці видалася безлюдною. Відчув себе у безпеці і попрямував додому, аж раптом із-за сараю баби Титчихи вискочили його мучителі. Взяли у кільце. Не вирватись.

– Не приніс свої цигарки, чужими курити навчимо, – засміявся в обличчя Гриць і пустив дим у Миколчине обличчя.

– Тримайте! – Гриць дав команду хлопцям.

Ті за якусь секунду схопили Миколку і стиснули мов у лещатах. Він крутив головою. Біляве волосся збилося на лобі клоччям. Хтось схопив за підборіддя, хтось тикав цигарку у стиснуті губи.

– Та він ще й курити не хоче, – розізлився Гриць і тицяв цигаркою у висохлі губи запаленим кінцем.

– Знімай на мобілку! – командував Гриць. – Завтра в інтернет виставимо.

– Атас, баба Титчиха йде! – крикнув хтось із хлопців. Усі кинулися врозтіч.

– Завтра безтолковку відірвемо! – кинув наостанок Гриць і накивав п'ятами.

Миколка йшов додому і гірко плакав. Він відчував себе чужим для батьків та односельчан, непотрібним, зайвим. На душі було тоскно, на серці важко. Як би він хотів, щоб у нього був захисник – сильний, розумний батько. Таким, як він був ще кілька років тому. Йшов на роботу і вів до дитсадка його, Миколку. Тоді він відчував міцну татову руку, йому було затишно і добре. Мама теж світилася радістю. У їхньому домі чувся сміх, а ніздрі лоскотав запах смачної їжі.

Все змінилося кілька років тому. Тато перестав ходити на роботу. Казав, що не може нікуди влаштуватися працювати. Часто повертався додому п'яним, ставав агресивним.

– Таточку, пожалій нас із мамкою, – просив Миколка у ті дні, коли батько був тверезим.
– Не питиму, – обіцяв батько. – Шукатиму роботу. І навіть поїду до міста. Де-де, а там знайду роботу, – запевняв чи то себе, чи рідних батько.

Миколка з матусею щиро йому вірили. Тоді усі втрьох будували плани на майбутнє, у хаті відразу ж ставало тепло і світло. Щаслива матуся готувала смачні страви. Їй в усьому допомагав батько. І тоді Миколка був найщасливішим у світі.

Батько справді кудись ходив, але повертався завжди напідпитку. І знову все починалося спочатку.

Сьогодні Миколці, як ніколи, хотілося бачити батька тверезим, аби поговорити з ним. А він розповість про всі знущання, а батько, такий сміливий і сильний, захистить його. Хлопці побачать, який він, і більше ніколи не підніматимуть на нього руку. А Миколка навіть погані оцінки виправить, щоб татко гордився ним. Надія зігрівала хлопчика. Він так вірив у свої мрії, йому навіть здавалося, що уже не печуть губи. Якби тільки тато був тверезим! Та він помилився.

З порога на Миколку дихнуло таким знайомим ненависним запахом. Батько одягнутим лежав на зібганій ковдрі. Неголене, пожмакане обличчя викликало відразу. Каламутним поглядом помітив сина. Спробував підвестися. Миколка миттєво вискочив на вулицю. Сьогодні він не хотів тікати до сусідів, де, напевне, ховалася його мама. Не хотів бачити безнадійно порожній світ. Вирвав із зошита аркуш, написав батькові записку.

Тепер він знав, куди піде і що буде робити. До кишені поклав мотузку, у сараї набрав з відра жменьку зерна і поліз драбиною на горище, де його чекали єдині вірні друзі – голуби. Вони довірливо їли з рук, крутили маленькими красивими голівками, поглядали червонястими очима на хлопчика. Миколка безмежно їх любив, часто подумки, щоб бувало не почув батько, розмовляв з птахами. І вони його розуміли. І, як йому здавалося, це були єдині істоти, які вірно і віддано його чекали.

Миколка міг годинами спостерігати, як голуби здіймалися у блакитне безтурботне небо. Він, особливо сьогодні, хотів теж перетворитися на птаха, щоб його душа здійнялася високо-високо і щоб ніколи не було п'яного батька, заплаканої матусі, жорстоких хлопців. Щоб його душа була вільною, щоб хоч раз дихнути повітрям синього неба, побувати там, де ніколи не бував. Він знав, як це зробити.

Птахи немов відчували незвичайний стан свого друга, топтали біля нього червоними ніжками, підставляли крила під ласкаві дотики долоні, кивали голівками.

Миколка різко змахнув руками. Птахи зірвались у небо, хлопчик провів їх задумливим поглядом. Він немов відокремив себе від усього світу. Він точно знав, що їх уже ніхто не буде чекати на землі.

Своя планета

Неспішною ходою тінистою вулицею рідного міста йшов чоловік. Власне, він народився далеко від приморського краю, проте все життя прожив тут. Його, відомого поета, знали майже всі городяни.

Та що там казати про людей, здавалося, що для міських котів та собак він теж був своїм настільки, що вони навіть не реагували на статечного чоловіка.

Святослав був у доброму настрої, душу гріла думка про те, що вийшла уже 15 збірка його віршів, а руку приємно обтяжував пакет, де лежало кільканадцять примірників нової книги. І хоча останнім часом люди більше дбали не про душу, а про тіло, сподівався на те, що його поезією зацікавиться солідна організація, яка мала відношення до морської професії, тим паче що збірка була саме на цю тематику, адже автор теж колись ходив морями, які полонили його вразливу душу.

У приймальні голови профкому солідного закладу було затишно і прохолодно. Працював кондиціонер. Поет не збирався тут довго засиджуватись – про зустріч домовився заздалегідь, але його зупинила худенька струнка секретарка, яка сиділа за комп'ютером. Поглянула на гостя розкосими очима:

– Від Ігоря Даниловича була вказівка, щоб ви зачекали, він зайнятий, – недбало кинула жінка, яку про себе Святослав обізвав персидською княжною, і показала рукою на стілець.

Поет зі свого кутка роздивлявся на ремонт, зроблений з почуттям смаку й міри, поглядав на симпатичну секретарку, яка могла б його надихнути на високу поезію. Та жінка не звертала уваги

на посивілі кучері чоловіка, її пальчики з видовженими нігтиками вправно бігали по клавіатурі комп'ютера.

«І техніку б таку мати, і секретарку», – подумав про себе поет, згадавши невелику темну кімнату, яку виділили для спілки письменників, і стареньку друкарську машинку, на якій двома пальцями бив по клавіатурі, вистукуючи свої поетичні рядки, завдяки яким та співом власних пісень під гітару збирав стадіони. З бригадою митців побував у багатьох куточках країни, про що не раз писалося у пресі. І часи тоді були іншими – поетова справа писати, а розповсюдженням займалися інші. Тепер усе змінилося – і писати, і платити за друк, і розповсюджувати книги потрібно самому.

Святослав несміливо нагадав про себе.

– Заходьте, – запросила секретарка.

За великим столом сидів голова профкому. Петельки на морській фірмовій сорочці ледве утримували гудзики на схожих на рюкзак грудях. Ігор Данилович подав поетові пухку долоню. Для годиться запитав про справи. Гість у кількох словах розказав про себе і нагадав, що у видавництві вийшла ще одна його книга.

– Візьміть на подарунки, – запропонував Ігореві Даниловичу. – Книга про море, сподобається, це ж ваша тематика...

Обережуватий чоловік спрямував на гостя погляд маленьких круглих оченят.

– Ви знаєте, це не наш рівень подарунків. У нас вони набагато дорожчі. Ми даруємо холодильники, телевізори, пральні машини, комп'ютери. Ні, книги – не наш рівень.

На обличчі Святослава блукала крива усмішка. Він спробував пожартувати:

– А як додаток до холодильників...

Розмову перебив телефонний дзвінок. Прикриваючи слухавку рукою, господар розкішного кабінету кинув:

– Залиште кілька примірників на столику.

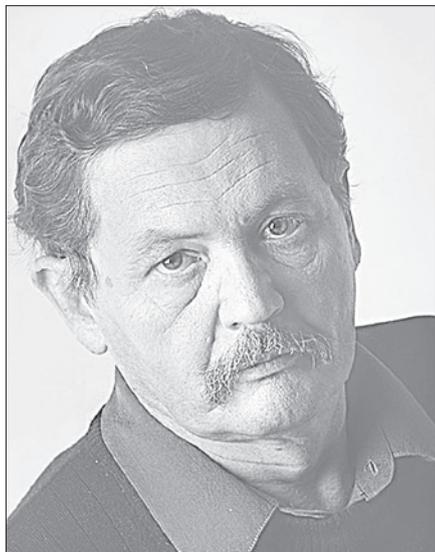
Святослав підвівся, попрямував до виходу, міцно тримаючи пакет.

– Вибачте, я помилився...

Тіниста вулиця ледве пропускала сонячні промені, а поет, крокуючи, писав вірша:

*Що ці ваші зелені купюри
Та на березі моря шашлик?
Ваша бідність – і вілли, і мури,
Але вам подавать я не звик.
Просто мчу на сусідній орбіті
І на вас розорився давно.
Та скарбів, найкоштовніших в світі,
Оцінити вам ще не дано...*

Гросман Валерий Петрович. Родился 8 ноября 1951 г. в Николаеве. Детство прошло в с. Привольное Баштанского района. Окончил филологический факультет Николаевского пединститута (1973). Преподавал в школе русский язык и литературу. С 1976 по 1991 гг. – журналист областного телевидения (передачи, посвященные культуре, искусству – «Афиша», «Шаги в прекрасное», «Канал Д» и др.). С 1992 г. – в телекомпании «Телеком-1»: главный редактор, генеральный директор. Один из организаторов телеканалов «Зеркало» и «Николаев». С 1996 г. – программный директор телеканала «Международный Медиа-Центр», работал на СТБ и ТРК «ЭРА», с 2000 г. – один из руководителей телеканала «ТЕТ». Умер 23 сентября 2014 г. в Киеве.

Валерий ГРОСМАН

ДЕВОЧКА ПРОХОДИТ СКВОЗЬ МЕНЯ

* * *

Я жду звонка и вспоминаю
всю жизнь короткую свою.
Я потерялся. Я стою
и ничего не понимаю.
Я слишком мал, чтоб сам искать.
Миллион дорог – какую выбрать?
Ах, как опасны эти игры!
Мне очень больно выбирать,
реву. И тут меня находят
и обнимают... И тогда
уходит прочь моя беда
и радость глупая приходит.
И вот с тех самых пор боюсь
один надолго оставаться
(ах, как бы вновь не потеряться!),
у телефонной будки бьюсь,
но разговоры часто лживы.
И мне до боли жаль тех дней,
когда луна была видней
и мама с папой были живы.

* * *

Меж сном и явью провести границу
Кому под силу? Что ни сон, то омут.
Не знаю... Что-то слишком часто снится
Ночной автобус по дороге к дому.
Фрагмент дороги выхватили фары,
Лесопосадку и начало поля.
Я старый, Боже мой, какой я старый! –
И этого уже совсем не помню.
Ночной автобус на ночной дороге,
А дома нет давно – какая жалость!
Так много вроде видел, а в итоге
Сильнее впечатлений не осталось.
Я попрошу совсем ещё немножко:
Скорей успеть, опять увидеть чтобы
Себя, мальцом, сидящим у окошка,
Пока сквозь ночь идёт домой автобус.

ИЮЛЬ. ОТЕЦ

Июльская ложится лапа
на узкое моё плечо.
Мой добрый сероглазый папа
в июле этом жив ещё.

Глаза твои глядят нестрого
сквозь папиросный светлый дым.
Ты просто видел слишком много
и слишком рано стал седым.

Наверное, был лютый холод
минувших тягостных боёв,
туманных сопот Халхин-Гола
и майской Чехии садов.

Ну, что ж, от холода не больно,
какой бы ветер не подул.
Теперь живи в селе Привольном,
сноси болезни на ходу –

и никуда тебя не тянет,
ты здесь готов прожить свой век,
не урбанист и не селянин,
а просто славный человек.

Ты от добра добра не ищешь.
Ведь здесь твой дом, твоя семья,
на сельском маленьком кладбище
могила тихая твоя.

* * *

Не в этих и не в сих:
Не в том, что мысли смелы,
Своеобразен стих –
Совсем не в этом дело.

А в чём? Ну, может, в том,
Что в слове лишь спасенье,
Что слово держит дом
И греет в час осенний.

Невесть куда несёт,
Другой опоры нету,
Иначе рухнет всё –
Выходит, дело в этом.

* * *

Туман над землёю, туман,
Не видно, куда нам и где мы –
Ещё одна к нашим проблемам,
Которые сводят с ума.

Туман над землёю висит,
За окнами света не видно –
Ещё одна к нашим обидам,
Чтоб плакать над ними навзрыд.

Туман над землёй... Не видать
В тумане ни чёрта, ни брата.
Ещё одна к нашим утратам.
А думали – что нам терять...

* * *

*«А должно быть, в этой самой Африке
теперь жарница – страшное дело».*

(А. П. Чехов. Дядя Ваня)

Какая в Африке жара!
Она была позавчера
и послезавтра тоже будет.
От зноя изнывают люди,
как институтки от любви,
и ждут дождя. Но небо чисто.

Ты свистни мне условным свистом,
условным криком позови,
ударь мне камешком в окно...
Но ты уехала давно,
давным-давно, два дня назад,
и пуст мой дом, и тих мой сад.
Подружка, девочка, сестра!
Какая в Африке жара!

И солнце в небе полыхает,
и даже Нил пересыхает.

«МАКБЕТ». УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

...но в ту секунду занавес вспорхнёт,
и мы увидим признак декораций,
бойницы, башни будут появляться,
и тут начнётся медленный полёт
прожектора. Появится король,
верней, ещё солдат, король в грядущем,
с душой совсем такой, как наши души,
и властолюбья сладостная боль
его покамест вовсе не коснулась,
но, боже мой, как простодушен он!
Его рукой зарезан будет сон,
но что-то в нас уже сейчас проснулось:
не может тот, кто женщиной рождён,
глядеть на пробуждение в человеке
звериного начала, и навеки
Макбет партером будет осуждён.

Но он пока ещё преступно весел,
не глядя в ту зияющую тьму,
когда весь зал сплошным Бирнамским лесом
рванётся к Дунсинанскому холму.

СТАРИННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕСЕНКА

Вольный сонет

Французской песни лад... И был я рад,
когда рояль был наглухо закрыт,
и музыка не проникала в сад,
где на траве, как на кровати, спит
темноволосой девочки рука.
Её лицо, похожее на лик,
ещё хранит подобие рывка
из века в новый век, из мига в миг.
Так помню детство близкое моё,
неярким солнцем, как в начале дня,
как музыка старинная поёт,
так девочка проходит сквозь меня,
сквозь детство моё, прямо и упрямо,
любовь моя, сестра, подруга, мама.

ПАМЯТИ Я. Г. СПРОГИСА

Home, hope, happiness
(дом, надежда, счастье).

Старик-латыш пленил меня созвучьем
великих слов: надежда, счастье, дом.
Английские слова звучат тягуче,
как будто произносятся с трудом.
Их выводя на аспидной доске,
он улыбался молодо и мило...
И песню на английском языке
спел тихий мальчик над его могилой.

* * *

Офицеры прежней хватки,
ваши лики, точно свечи, –
и не гасли от боязни
скорой гибели на плахе.
Ваши странные повадки,
ваши пламенные речи,
за минуту перед казнью –
белоснежные рубахи...

Ваши чистые романы:
гимназистки в белых платьях,
эти вальсы, менуэты,
ясные девичьи лица,

Блок в сияющих туманах,
объяснения по-французски
и старинные портреты
кисти лучших живописцев...

Как красиво! Как беспечно!
Но размыто и не точно.
Грешники в святые вышли.
Ржут заоблачные кони.
Ваши войны бесконечны!
Пали вы бесстрашно, молча
в Порт-Артуре, Перемышле,
на последнем бастионе...

* * *

В этом мире осеннем, где грязно, и пасмурно, и
Не споткнуться почти невозможно, – итак, в этом мире,
Где почти не слышны ни слова, ни молитвы твои
Из-за ветра, который везде – и в степи, и в квартире,
И в душе – всё один беспощадный тяжёлый сквозняк,
Где болит голова и всё меньше надежды на то, что
Кто-то может прийти и по шёрстке погладить, друзья,
Да и в то, что несёт нам покой ежедневная почта,

Чепуха! – нет, никто не придёт: ни друзья, ни любовь, ни письмо,
В этом мире, сказал я, где мира вовеки не будет,
Где ничто, кроме смерти, увы, не приходит само,
Где любовь – это ложь, ей клянутся из милости к людям...

А ДУМАЛИ – ЧТО НАМ ТЕРЯТЬ...

Печально, что Николаев стал стремительно терять – одного за другим – людей знаковых, оставивших яркий след и сыгравших выдающуюся роль в духовной жизни города. Только за последние годы: Владимир Чайка, Андрей Антонюк, Валерий Карнаух, Юрий Скиба... 23 сентября ушёл из жизни Валерий Гросман, немного не дожив до 63. Он был николаевцем, хотя с 1996 года жил и работал в Киеве, став телевизионным деятелем всеукраинского масштаба.

Один из питомцев филфака Николаевского пединститута (выпуск 1973 г.), он был самым ярким и талантливым из крепкой когорты «поздних шестидесятников», которых тогда волей судьбы занесло в этот ничем не примечательный провинциальный вуз. Феноменальная память и эрудиция, безукоризненный художественный вкус, страстная любовь к кино, театру, поэзии, искусству – всё это быстро и естественно сделало Валерия Гросмана непререкаемым авторитетом, экспертом и арбитром в спорах и исканиях нашей молодёжной интеллигентской тусовки той поры. Надо ли удивляться, что вскоре, в 1976 г., поработав педагогом в спецшколе на Аляудах, он влился в молодую команду николаевского телевидения (А. Митрофанов, А. Приходько, Ю. Скиба, А. Топчий, В. Чиченин и др.), во многом определив в переломные времена его дальнейшее развитие и нынешнее лицо.

В годы «перестройки» Валерий Гросман с его энциклопедическими знаниями, наработанным на телевидении опытом, человеческой и гражданской позицией – оказался особо востребованным. Многие помнят его передачи той поры. К нему тянулись мыслящие люди и находили поддержку. Достаточно упомянуть еженедельную авторскую передачу поэта Эмиля Январёва «Поле зрения» или Школу молодых тележурналистов, в которой с начинающими репортёрами занимались многие неординарные личности, среди них поэтесса Екатерина Голубкова. Свообразным очагом вольномыслия был клуб «Крупным планом» в кинотеатре «Родина», где не только популяризировались шедевры кинематографа, но и велись откровенные дискуссии о наболевшем, – Валерий Гросман был и его «спикером», и душой. В конце 80-х Николаев получил славу «самого телевизионного города Украины». Здесь начали действовать кабельные каналы, возникали новые телекомпании. В 1992 году В. Гросман стал генеральным директором и главным редактором новосозданной телекомпании «Телеком-1», дав путёвку в жизнь многим молодым журналистам. В те же годы он стал одним из организаторов телестудии «Зеркало», которая сначала работала автономно, а потом влилась в облтелерадиокомпанию и стала прообразом телеканала «Николаев», который сейчас является нашим единственным областным телевизионным каналом.

Журналисты «Вечёрки» не забывают, что именно в те времена Валерий Гросман как депутат Николаевского горсовета первого демократического созыва был в числе инициаторов создания городской газеты «Вечерний Николаев», нередко выступал на её страницах со своими статьями, рецензиями, эссе, был другом и частым гостем нашего молодого коллектива. Впрочем, и позже, переехав в Киев, он постоянно читал газету в интернете, был в курсе николаевских событий, нередко откликался на публикации. Даже уехав в столицу, он продолжал любить Николаев, где вырос и реализовался как личность, а порой ностальгически вздыхал о селе Привольное на Ингуле, где прошло его детство. Он был невероятно открытым и порядочным, всепонимающим, добрым и умным и потому ироничным, и главное – самоироничным, человеком. Интеллигентом – в самом истинном значении этого слова. В равной мере – личностью украинской и русской культуры, естественно сочетая в себе их глубинное родство.

Бликие друзья, знавшие Валерия Гросмана с ранней юности и дружившие с ним на протяжении десятилетий, очень любили его и многому от него научились.

Надо ли удивляться, что в юности он писал стихи? Тогда, в конце 60-х, ещё не схлынула волна вольномыслия, массовой увлечённости поэзией – и в пединститутском дворике на переменах между парами мы живо обменивались впечатлениями о прочитанных книгах и просмотренных фильмах,

свежими анекдотами, а порой, соблюдая конспирацию, и самиздатовскими листками. Ну и, конечно же, новыми стихами. Потому что стихи на филфаке тогда писали все или, по крайней мере, почти все. И были преисполнены надежд! Как пел любимый Булат Окуджава: «Все они красавцы, все они таланты, все они поэты».

Был свой кружок при филфаке, действовали литобъединения – при «Южной правде» и молодёжной газете «Ленінське плем'я», «Стапель» при газете «Трибуна рабочего» на ЧСЗ, «Заря» в ДК им. 40-летия Октября... Ещё сохранялась пусть и неформальная, но личностная сплочённость уже почти легендарного КЛИ (Клуб любителей искусства), объединявшего не только молодых стихотворцев, но и просто людей, читающих и мыслящих в унисон. Николаев – город небольшой, всё было взаимосвязано. Эмиль Январёв пестовал свой «Рефлектор» при Клубе медработников, при этом не оставляя без внимания любые мало-мальски небезнадёжные творческие потуги в других тусовках. Словом, изобилие мест для «кучкования» и возвращивания талантов. А главное – можно было выбирать среду единомышленников.

Валерий Гросман с его блестящим интеллектом, общительностью и природным дружелюбием не только легко влился в эту среду, но и быстро стал в ней заметной фигурой. К его оценкам прислушивались, к его эрудиции прибегали в спорных ситуациях. Его просто любили – за добрый нрав и готовность понять, ироническую снисходительность, безупречную речь... Стихи его в ту пору заметно выделялись на общем фоне. Не удивительно: он был очень начитан, обладал прекрасным вкусом и богатым языком, умел отличить настоящее от подделки или просто хорошее от очень хорошего. В разные годы его кумирами были Юрий Левитанский и Белла Ахмадулина, Давид Самойлов, Иосиф Бродский... Отголоски этих увлечений слышатся в его юношеской лирике, по большей части – дневниковой, которая помогала ему выживать и находить встречное понимание. Впрочем, сам он, похоже, к собственным стихам относился «без фанатизма» (ну, умею, и ладно!) – и довольно скоро покончил с этой «возрастной пошестью», предпочитая оставаться квалифицированным и очень требовательным читателем.

Но годы проходили, а в памяти у многих людей его давние строчки остались. Мне передали тетрадки, заполненные его знакомым бисерным почерком, и я обнаружил, что многие строфы и целые стихи помню наизусть. Зашёл известный прозаик Анатолий Маляров, многие годы работавший с Валерием Гросманом на телестудии, и тут же надиктовал по памяти стихотворение, которого в рукописях я не нашёл. А сколько их ещё, таких строчек! Кого-то согревших, с кем-то разделивших сиротское чувство одиночества, кому-то просто лёгших на душу.

Эти стихи были написаны на рубеже 60-70-х годов и никогда не печатались (ну, разве что одно-два в подборках молодых авторов в местных газетах). Но они – живут. Подтверждая классическую формулу М. Волошина в «Доме поэта»:

*Почётней быть твердимым наизусть
и списываться тайно и украдкой,
при жизни быть не книгой, а тетрадкой.*

Владимир Пучков

Олег ДОРОШ

КРИХТИ ХЛІБА В ДОЛОНІ

ТИ І ЦЕ МІСТО

Ти і це місто – один організм.
 в крові лине нескінченний потік людей і машин,
 совєцькі будинки зі шкіри проростають,
 ніби після дощу – печериці з асфальту,
 платани заплутують в масному волоссі свої бігуді.
 помалу згасає тепло і день.
 Діти знічев'я жбурляють каштани у тебе.
 їм мами у різнокольорових плащах
 обіцяють зловити й надавати по сраці.
 заклопотані двірники спалюють листя каштанів,
 і густий дим, ніби туман,
 застилає сквер на Радянській.
 химерні фігурки людей тонуть у ньому:
 прикривають хустками обличчя, замотуються в шарфи.
 діди, що ріжуться в доміно,
 згадують «незлим тихим» департамент ЖКГ,
 облізлі собаки шукають чим поживитись.
 і очі у них сумні.
 Ти лежиш навзناк з порожньою пляшкою «Десни».
 її води розливаються у шлунку,
 шукають як пуститися берега.
 аркасівські леви оберігають твій спокій і сні,
 в яких ти невагомий.
 летиш крізь вітрини магазинів,
 заповзаєш у лоно ліхтарів,
 забираєшся на верхівки будинків,
 а звідти, розкинувши руки у сторони,
 падаєш,
 падаєш,
 падаєш,
 аж доки з білого, щільного диму
 не з'являються янголи у синіх кашкетах.
 вони підхоплюють тебе,
 обережно беруть попід лікті
 і несуть до Раю –
 на Декабристів, 8*.

Гордій Олег Анатолійович (Олег Дорош – літературний псевдонім). Народився 20.11.88 р. в Миколаєві. Поет, прозаїк, публіцист, організатор літературно-музичних вечорів, квартирників. Працює кореспондентом на місцевому телеканалі. Друкується з 2000 року в періодичних виданнях та інтернет-порталах. Переможець конкурсу молодих літераторів краю «Південне сузір'я» (2009), лауреат «Золотої арфи» (2010), лауреат Миколаївського фестивалю «Монітор» (2011), переможець конкурсу «Бумажное дерево» (2011). Лауреат Всеукраїнського фестивалю поезії «Ватерлінія» (2014). Учасник літературних угруповань: «ЛАКМус», «Микола» (Миколаївський літературний андеграунд), один із засновників та лідерів мистецького об'єднання «Теплий настрій». Член Національної спілки письменників України (2014).

* Декабристів, 8: Центральний РВ ММУ УМВС України, м. Миколаїв

ТИХИЙ ЛІТНІЙ ЗАВОД

пошматоване тіло вмерлого суднобудівного заводу
тоне у білому шумі акацій, кровоточить масним мазутом.

пізньої весни,
коли починає дихатись важко
і повітря стає сухим та гарячим навіть уночі
та обпікає шкіру північно-східним вітром.
самотній рибалка, ніби примара, у темному плащі, на понтоні щодуху голосить.
Його голос старечий, хрипкий та непевний вгризається в берег
приглушеним заклинанням:

*«Окуні, карасі, таранки, всякі риби, йдіть до мене, раба Божого Миколи, проти
швидкої води, весняної ріки. Назад не озирайтеся і в сторону не відвертайтеся...»*

та лише ламкий очерет біля берега у відповідь таємничо шепоче,
та мовчки стоять пліч-о-пліч дерева у парку «Перемога», ніби Ольшанці в останньому бої.
і брудно-блакитними чайками криві крани зависають у небі –
лише воно пройшло крізь віки незмінним для міста, для тебе, для мене
і для цього старого рибалки.

*«Ідіть до раба Божого Миколи, на світанку і на вечірній, в день під сонцем і в ніч під
зірками, і під всією округою Божою. Цим словам ключ і замок, ім'ям Господнім Духом
Святим. Хай буде так. Амінь».*

«Хай буде так. Амінь», – відлунує від вмерлого заводу.
його корабелів мучать грижі й страшні прокльони промовляють уста.
їм сниться, як вони вбивають своїх дітей,
розчленовуючи ніби здоровенних металевих китів
пилорамою та болгарками.
та порубані шматки здають на металобрухт.
вони прокидаються з очима повними сліз
і жадібно п'ють на кухні, з-під крана, воду навпіл з бензолом.
і так що глибокої ночі.
на поржавілому від сліз понтонному містку
лунає щасливий голос рибалки в темному плащі,
який радіє, що Господь його не чув.

ВАСЬКО

бузком сьогодні пахне так млосно й так сильно, що хочеться вмерти
Ваську у темно-синій олімпійці та у гостроверхих туфлях, надітих на босі ноги.
він притомився на набережній, один, полишений сумнівними друзями й подругами.
забутий гіркий «Янтар», який вже в горло не лізе
і насіння вже не лишилось у дірявих кишенях спортивних штанів.
тут біля Інгулу спокійно.
місяць-мідяк виповз назовні крізь хмари темно-фіолетові, як грижа
все доріжки по оманливо-тихій воді до Васька стелить ніби до поважного пана –
запрошує до себе у гості, де зорі поховались, принишкли.
де вітер заснув.
і йому сниться, як він ганяє вітрильники на якійсь міжнародній регаті.

врешті, Васько, здається, погоджується і занурює босі ноги у прохолодну воду
та й міркує собі: звідки починається всесвіт.
та чому так стається,
що весну замінює літо, а потім приходить осінь.
все починається там, впевнений Васько, де на ледве помітній цятці на Землі він народився,
і якщо її затирати, на тілі планети розвинеться, мабуть, меланома.
Це там, де проходить дорога до річки,
дарма що в порогах й розбита, проте така знайома.
це в дискотеках, де він ламав ребра і йому вибивали щелепу,
і де блював, напившись якоїсь гидоти.
це там, де відходять його кораблі
і шлють привіти
Маврикіям, Вест-Індіям чи бодай у Молдову.
там, де він сповідує свої гріхи.
ні, не священикам в церкві,
а випадковим пиякам
у міських прокурених, занедбаних бадегах.
і нехай в цьому святому місті все зовсім не так як хотілось,
нехай невимовну журбу на ледь помітних хвилях ріка колише.
в житті все не безкінечне, і надто мінливе,
як люди, що змінюються за напрямом вітру.
блідий місяць все манить і манить до себе.
проте Васько вагається –
йому так приємно, що ріка ніжно омиває його,
ніби невідома жінка – ноги Христові.

АБРИКОСИ

щоранку,
коли солоне і довге, ніби в'ялені макаронини, проміння паде на лоно землі,
з ще сонних долин, де рясно плачуть трави на схід сонця,
розсікаючи густі тумани, пропахлі гострим запахом скошеного жита,
від якого зводить язик та хочеться чхати,
виринаємо ми –
металеві й стрункі піонери дикого степу.
в самоті, ніби останні пророки,
кричимо в порожнечу
з усієї сили,
зціпивши від болю й нудоти дизель-двигуни,
ми благаємо припинити цей біг і відпустити до світлого раю,
де так чарівно пахне соляркою та смолою і запашною кіптявою,
яку хочеться вдихати на повні металеві легені.
проте оскаженілі машиністи лише підганяють вперед,
і ми біжимо до інфікованих невимовним сумом, сірих брудних вокзалів,
де на перший погляд приємні, усміхнені провідниці запрошують нових подорожніх –
порожні бляшанки людей зі шпротами та консервами,
мінеральною водою, з вареними яйцями
та смердячими шкарпетками і немитими головами.

і їхніх дітей, які обов'язково обірвуть фіранки в вагонах,
які будуть волати та вовтузитися всю ніч,
до самого ранку.
любий, милий Начальнику Південно-Західної залізниці,
якщо ти чуєш наші скромні молитви,
БЛАГАЄМО!
допоможи дістатись,
хоча б рідної та такої жаданої Долинської,
адже там продають соковиті та жовті, як Божий день,
абрикоси.

СЬОГОДНІ І ЗАВЖДИ

там
де ти
збираєш
крихти хліба в долоні
і годуєш сірих птахів
у тихому парку
де причащаєшся мовчазним соснам
і п'єш їхню кров.
і спокутуєш свої гріхи
де трава лишає на темно-синіх джинсах сліди
червоні
ніби стигмати.
і сонце кривавить повіки
вкладається зморене спати
де тіні
кружляють
танці химерні
так хочеться жити
так хочеться вмерти
сьогодні
і
завжди.

Вірші друкуються в авторській редакції

Александр ФИНОГЕЕВ

КРУТОЙ ВИРАЖ

Вокзал горланил как умалишённый. Микрофон надрывно сипел о прибытии, отправке и опоздании поездов, работе камеры хранения и «Комнаты матери и ребёнка», которая располагалась на втором этаже. Кто-то искал потерявшегося ребёнка, кого-то ждали у справочного бюро, а кто-то собирал прибывших туристов... Кипучая жизнь здесь не знала покоя.

Народ, двигаясь в только ему нужном направлении, создавал всеобщий хаос конца света. Казалось, Леонид Кузоватый ко всему этому не имел никакого отношения. Он бесцельно бродил от киоска к киоску, от ларька к ларьку, беспрестанно куря дорогие сигареты. До отхода его поезда оставалось ещё три с лишним часа.

Выглядел Лёня воинственно красиво, как все, демобилизующиеся из Военно-морского флота. Они всегда напоминают собой радужного клоуна, хотя в душе и считают себя писаными красавцами.

Лёня подошёл к огромному зеркалу, находящемуся в зале ожидания. Оттуда на него глянул высокий юноша. На его затылке еле умещалась малюсенькая бескозырка. Ленточку на лбу украшала готическая надпись «Черноморский флот». Внизу же её концы болтались на ягодицах с якорями из светонакопителя, как и намертво приклеенный силуэт родного корабля на левом плече рукава.

Форменный воротничок, обратная сторона которого подшита белым материалом, был тщательно выглажен. Зауженная форменка, с обшлагами, оточенными красным бархатом, подчёркивала перекаченный торс, из его выреза виднелось ровно три полоски тельняшки. Грудь сплошь покрывали значки всех размеров, достоинств и значимости, и среди них медаль Нахимова, которой награждали моряков за проявленное мужество и героизм. Лёня, рискуя жизнью и спасая жизнь других, предотвратил возгорание на корабле арсенала.

Погоны украшали две огромные золотистые полосы главного корабельного старшины.

Ушитые брюки выделяли все выступы и углубления. А их низ был так расклешён, что шаг практически не был и заметен.

И завершали всё это доведённые до сияющего блеска ботинки без рантов, их, собственно говоря, в невероятных клёсах было просто не видно.

Вот таким предстал из зеркала Лёне образ героя-черноморца.

Оставшись доволен своим видом, Леонид снова вышел на привокзальную площадь, купил мороженое.

Его переполняла гордость и значимость. Он был преисполнен душевным подъёмом за своё отношение к Военно-

Финогеев Александр Витальевич. Родился 2 января 1953 года в Пензенской области. Работал станочником, наладчиком на заводе металлопластмассовых изделий. Окончил Военно-медицинскую академию (1977), был направлен на Краснознамённый Черноморский флот. Служил военврачом на кораблях и в частях Севастополя и Николаева. Около пяти лет провёл в морских походах. Расстался с морем в 1998-м. Воин-интернационалист. Награждён девятью правительственными наградами. Работал в Николаевском областном Управлении охраны здоровья, медицине катастроф, городском Управлении охраны здоровья. С 2002 года – врач-реабилитолог Степовской врачебной амбулатории семейного типа. Автор прозаических книг: «В те дни в морях дороги наши были» (2008), «И жизнь, и море, и любовь» (2009), «По местам стоять!» (2013), «В жизни не поверю» (2014).

морскому флоту, за тяжёлые, изнуряющие вахты, которые провёл в штормовом море, за высокую оценку, данную ему командованием корабля за ратный труд.

Скоро он увидит отца, служившего некогда кочегаром на крейсере «Жданов», а теперь работающего инженером по технике безопасности в совхозе, маму, Антонину Елисейевну, доярку-орденоносца, брата Романа, шофёра автохозяйства, и ещё школьницу, младшую сестру, Людмилу. Да и просто хочется вздохнуть здоровым, насыщенным разнотравьем, алтайским воздухом. Дома его ещё не ждут. Хочется приехать неожиданно. И какова будет их радость, когда женщины, сгонявшие коров в стадо, прокричат на всё село: «Тонька! Хватит спать, сына-красавца встречай!» Как в домах отодвинутся шторы, и потенциальные невесты, тря кулаками глаза, будут рассматривать его. А вечером накрашенные, надушенные и распрекрасные будут ждать, когда он, Лёня Кузоватый, выйдет на улицу покорять их уже покорённые сердца...

Военные патрули, понимая, что бороться с практически гражданским человеком бессмысленно, обходили это чудо природы стороной, чтобы, в первую очередь, не трепать себе нервы.

– Эй, морячок, – раздался сзади женский голос, – помоги донести...

Он обернулся. Перед ним стояла маленькая, не первой молодости и свежести женщина, заваленная коробками, сумками и ещё какими-то баулами.

– Чего вытарачился? Бери и понеси.

Леонид хмыкнул, но взял столько, что ноги в коленях сами собой подкосились.

– Куда нести-то? – прохрипел он.

– У тебя деньги на такси есть? – задала женщина встречный вопрос.

– Есть.

– Тогда неси вон туда, где рыжая машина стоит.

Леонид, насилу передвигая ногами, пёр непомерно тяжёлую поклажу.

Увидев своего клиента, таксист весело открыл багажник:

– С новосельем или как? – засмеялся он.

– Или как... – зло откликнулась женщина. – Чего встал? – повернулась она к Лёне. – Садись, поехали.

Её несколько не интересовало, откуда в этом городе моряк, живёт ли он здесь или куда-то едет... И вообще, кто он такой.

Кузоватый с трудом втиснулся на заднее сиденье, заваленное коробками.

– Слободка. Ближе к речке. Там покажу.

Машина быстро помчала их, поднимая клубы пыли.

Когда они, наконец, добрались до места назначения, Леонид взглянул на часы. До отхода его поезда оставалось час сорок минут.

– Сейчас мы разгрузимся и поедем на вокзал, а то я опоздаю на поезд.

– Есть, командир! – улыбнулся таксист, то ли тому, что не придётся ехать пустым, то ли чему-то своему.

Дом стоял не отшибе. Было сразу видно, что тут хозяевами почти не пахло. А если в нём и жили, то не люди, а свиньи. Кривой стол на кухне был завален грязной посудой, пустыми бутылками и окурками. Полы, покрытые грязью, не водили дружбу и знакомство с водой и тряпкой, а огромная кровать никогда не заправлялась и не стиралась.

– Ну, всё, я пошел, – Леонид направился к двери.

– погоди. Я щас...

Хозяйка залезла в чулан и долго там гремела.

– Скоро ты? Я на поезд опаздываю.

– Не опоздаешь. Мы сейчас быстренько выпьем, и езжай куда хошь.

Наконец она вылезла из чулана вся в паутине, неся две бутылки. Одна была полная, с вином, в другой, наполовину пустой, плескалась мутная жидкость.

Женщина быстро сполоснула стаканы и разлила в них содержимое до самых краёв.

– Тебе покрепче. В вагоне спать будешь как убитый, а я винчиком разговееусь. Давай! – она чокнулась и залпом выпила.

Леонид не решался пить эту гадость.

– Чего стоим, тару задерживаем?

– А закусить чем?

– Тебе воды в кране мало? – хрипло засмеялась она. – Вперёд! Я думала, моряки более активны. А тут – ребёнок ещё.

Леонид не раздумывая влил стакан в рот. Вкус того, что он только что выпил, был не понятен.

– Спасибо. Я пошёл. Пятьдесят минут до отправления.

– Не лети ты. Это тебя такси ждёт?

– Меня.

– До вокзала двадцать минут ехать. Успеешь ещё и пива выпить. Давай перекурим и распрощаемся. Держи, – она протянула ему пачку «Полёта».

– У меня лучше есть.

– Лучшие прибереги, пригодятся.

Они закурили. Вдруг глаза Леонида стали слипаться. Он потряс головой.

– Что, притомился, служивый? Сейчас коечку организую. Отдохнёшь, а там...

Больше Леонид ничего не слышал и не видел.

– Ты моряка ждёшь? – подошла женщина к такси. – Езжай. Он мне ребёночка решил сделать, – и она громко рассмеялась.

– С вами полчаса потерял. До чего люди несерьёзные, – он хлопнул дверкой и быстро уехал.

Валентина вошла в дом. Уронив голову на грязный стол, Леонид спал беспробудным сном. Из его рта текла слюна.

– Свинья, – она со всей силы пнула его ногой. Он что-то простонал.

С большим трудом она раздела его догола и проверила карманы. Деньги забрала, документы с одеждой сожгла, ботинки и другие металлические побрякушки закопала в дальнем углу огорода. А теперь требовалось забрать его вещи из камеры хранения.

Одевшись попроще, она не спеша направилась в сторону вокзала.

– Валя, ты это куда на ночь глядя? – поинтересовалась соседка.

– Мамкиного второго ухажёра, который в Пензу потом уехал, помните? Так его сын Мишка приехал. Голь перекатная. Пьяный, лыка не вяжет... Представляете? Трупом на полу лежит. Пойду ему на утро пива куплю да пожрать что-нибудь. Ухажёр помер два года назад, так сынок его в родителя пошёл, всё пропил и обо мне чего-то вспомнил. Своего горя хватает, а тут ещё одно явилось. Пусть не думает, что я его кормить буду. Работать будет, как раб на плантации.

– А чё жгла-то?

– А как не жечь? Весь вшами покрыт. Всю одежду пришлось сжигать. И голову побрила, – соврала она и подумала: – Надо точно этого козла побрить, чтоб всё на правду сходило.

– А моряк где же?

– Вот стерва! И это заметила, – нервно задышала Валентина. – Добрый парень, помог вещи дотащить с вокзала, а потом укатил на свой поезд.

– А-а-а... Ну иди, Валюша. Смеркаться начинает.

– Спасибо, тётя Нюра. Побежала я.

– Иди, иди, дочка, – перекрестила она её. – До чего же непутёвая девка уродилась, прости Господи.

Валентина, получив в камере хранения увесистую сумку, не стала больше рисковать и стараться незамеченной проскочить домой, не встретив по дороге очередную тётю Нюру.

Купив пару полиэтиленовых пакетов, воды, курицу и всё то, что нужно пассажиру, ждущему своего поезда, она пошла в зал ожидания. Место выбрала поскромнее, в самом дальнем углу. Разложив еду, Валентина открыла сумку, чтобы достать полотенце, а заодно и посмотреть, что же там лежит. Ничего интересного и не было. Даже позариться не на что.

– Теперь и это всё надо спалить. Никаких улик оставлять нельзя.

Купив в аптечном киоске два флакона спирта, она пошла на перрон электричек.

Проехав две остановки, Валентина вышла и направилась в лесополосу. Выбрав неглубокий овражек, она распалила костёр и приступила к уничтожению всего наличного.

Домой вернулась ночью. В сумке тёрлись одна об одну две бутылки пива, бутылка водки, вода и несъеденная курица.

В доме было тихо. Абсолютно голый Леонид лежал на грязном полу.

Влив ему в рот ещё полстакана мутной жидкости, она достала ножницы, бритву и побрила его наголо. Теперь на бравого моряка он нисколько не походил. Собрав волосы на совок, она затопила печь и бросила их в огонь.

Утро выдалось хмурым. За окном хлестал холодный дождь с косым ветром. Капли через форточку попадали на Леонида. Он проснулся от жуткого холода и дрожал всем телом. Безумно трещала голова. Увидев на столе пиво, он дрожащими руками открыл его и не отрываясь выпил. Легче не

стало. Встав и оглядевшись, он ничего знакомого не обнаружил. На кровати, укутавшись одеялом, спала незнакомая женщина. Он, не задумываясь, нырнул к ней, прижался и тут же уснул.

– Эй, дружок, ты либо делай что-нибудь, либо вставай, будем заниматься приборкой. Видишь, в какой грязи приходится жить.

– Ты кто? – поинтересовался Леонид.

– Миша, ты дурака только не включай.

– Я не включаю.

– У тебя от пьянки совсем крыша поехала? Вчера явился ко мне вшивый, грязный, пьяный... Пришлось тебя раздеть, одежду сжечь, побрить...

– Я не помню...

– Ты жил в Пензе. Отец твой был когда-то мамкиным ухажёром. Жили два года здесь. Потом мамка захворала, а вы на поезд – и тю-тю... Поминай как звали. Тебе тогда было шесть лет. Ну а мне... чуточку больше. Помнишь?

– Нет, не помню.

– Здравствуй, пожалуйста... Не помню... Мишка, ты меня пугаешь! Мама говорила, что отец твой, дядя Толя, по пьянке свалился с третьего этажа и разбился два года назад. Мама померла. Года ещё не прошло. Тоже пила по-чёрному.

– А я-то как?..

– А что ты? Синячил от радости большого наследства. А потом квартиру проиграл и бомжевать начал. Тут, наверное, обо мне и вспомнил. Только понять не могу, как ты меня отыскал. Здесь без поводыря сама свой дом еле нахожу. Раз пришёл, будем теперь жить вместе. Не выгоню же я тебя. Мужа у меня нет, детей тоже. «Бизнесом» занимаюсь. Там купила, здесь продала. Навар прокурила, пропила, про.. Теперь мы вдвоём. Сегодня, видишь, дождь хлещет. Какой рынок? Сейчас мы с тобой немного разомнёмся и наведём мало-мальский порядок в доме. Честное слово, хочется пожить немного, как люди живут. Иди ко мне, мой хороший. Ты такой сильный, я – сладкая, – засмеялась она.

Желание быстро переросло в бурную страсть.

– Миша, сколько в тебе силищи, я больше не могу! Давай полежим, отдохнём.

– Ой, – Леонид схватился за голову, – ой, как у меня болит голова! В ней будто что-то кипит. Сейчас треснет череп. Быстро принеси полотенце с холодной водой. Я на корабле один раз очень сильно ударился о переборку во время шторма. Даже потерял сознание...

Валентина быстро выбежала на кухню, намочила полотенце и налила в стакан пива мутную жидкость.

– На-ка, Мишенька, выпей скорее. Это тебе поможет. А головочку твою я полотенчиком сейчас замочу. Поспи ещё, миленький, немножечко. Это из тебя горячка белая выходит. Недели три-четыре так помучаешься, и пройдёт всё у тебя. Забудется всё твоё прошлое. И останется только настоящее и я.

Он спал, а она гладила его по обнажённой груди. Потом прикладывала губы к уху и что-то долго-долго шептала, снова гладила грудь и снова шептала. Затем она встала и замесила крутое тесто. После заклинаний и кругов руками, что делала в доме, на пороге, у калитки и над Леонидом, Валентина поставила тесто в угол шкафа и, обессиленная, рухнула на кровать рядом с ним.

Так проходили дни. Голова Леонида болела всё меньше и меньше, а память никак не хотела вспомнить прошлого. Он теперь отзывался на имя Миша. Всё реже и реже Валентина давала ему пить мутную жидкость, после которой Михаилу и правда делалось хорошо.

С Валентиной они зажили ладно. Работа вдвоём давала свои положительные результаты. Они ездили за товаром, торговали на рынке, даже сделали хороший ремонт в доме. И главное, второй киоск поставили, продавщицу стóящую посадили. А зимой решили перестановку в доме сделать. Свободного времени стало больше, вот и занялись благоустройством своего жилища.

И Валентина похорошела. Расцвела. Курить бросила! В голове мысль стала рождаться: «А не завести ли ребёночка? И ничего, что пятнадцать лет разница... В хорошей семье всё должно быть хорошо!»

Миша никогда ничем не обижал её. Да и чего обижать, – Валентина сама с него пылинки сдувала.

Шло время. Лето перевалило далеко за половину. Сегодня уже было последнее воскресенье июля. Оставив жену дома готовить обед (а они были уже два года как женаты), Михаил пошёл контролировать, как идёт их торговля.

Солнце жарило как умалишённое. Михаил снял майку и шёл, обмахиваясь ею.

– Лёня! Ты как здесь, братишка?! – раздалось сзади.

Михаил, понимая, что зовут не его, насвистывая, не торопясь шёл своей дорогой.

– Лёнька! Кузоватый! Оглух что ли? – хлопнули его сзади по плечу. – С праздником, братан! Ты как здесь оказался? Ты же, если я не ошибаюсь, с Алтая... Что вылупился? Не узнал или прикидываешься? Что-то рановато ты память потерял. Генка я, Гавриленко, с минно-торпедной боевой части. Вместе вахтенными у трапа стояли. Я каждый раз тебя менял. Узнал?

– Извини, брат, но ты явно ошибся. Я Мишка Степаненко. И на флоте никогда не служил.

– Ты не болеешь, случаем? По башке тебе не стучали? Может, вышибли всё? А это у тебя что? – Геннадий ткнул пальцем Леониду в левое плечо, где был выколот силуэт корабля. – Теперь у меня посмотри. Похоже? Забыл, как нам вместе боцман, Валька Хромов, накалывал? Потом нас накрыл старпом. Тебе как награждённому медалью Нахимова объявили месяц без берега, а нас с Хромом посадили на гарнизонную гауптвахту. Вспомнил?

Леонид присел, обхватив голову руками. Снова нестерпимая боль пронзила весь его мозг.

– Лёха, что с тобой? Плохо? Посиди здесь в тенёчке, а я сбегая холодной водички куплю.

Через минуту ледяная вода полилась на его голову. Стало легче.

– Как ты, брат? Поехали в Приморский. Там все наши собираются.

– А по какому поводу?

– Тяжёлый случай! Сегодня день Военно-морского флота! Водочка. Шашлыки. Девочки... Короче, полный набор. Ну, решай быстрее. Вон и такси стоит.

– Поехали, – махнул рукой Леонид. – Только ты впереди садись, а я сзади. Мне надо кое о чём покумекать.

– Как скажешь!

В машине Лёня сосредоточенно думал. Мысли скакали, как шарики в физическом опыте. Всплывали обрывки из его службы. Потом всё куда-то исчезало. Появлялась Валентина с мутной жидкостью. И снова корабль, но уже в штормующем море. И вдруг он чётко увидел плачущую мать, а рядом с ней сгорбленного отца.

Он затряс головой. Что с ним? И как всё произошло так, что он именно здесь, а не дома...

– Лёха, вылезай, приехали! – открыл заднюю дверь Генка. – Ребята, – обратился он к друзьям, – знакомьтесь. Это – Лёха. Вместе служили на одном корабле. На рынке встретились. Даже не узнал меня. Он на полгода раньше меня дембельнулся.

– Может, зазнался? – засмеялся Сеня Федотов.

Все подходили, жали «краба» (руку), обнимали, знакомились.

До умопомрачения пахло шашлыком.

– А ты чё, без тельняшки, бескозырки?.. Как не родной.

– Кстати, мужики, Лёха награждён медалью Нахимова. Чуть не погиб! Благодаря ему я сейчас стою перед вами.

– Молоток! Дай я тебя обниму, – Серёга Чалый сгрёб его в охапку.

– Ребята, не обращайтесь внимания. Сегодня я явно не готов. В следующий раз...

– Нормально всё. Успокойся. Ну что, товарищи моряки, начнём наш праздник? – пробасил Серёжа, которому было за сорок. По всей видимости, он был здесь старший. – Давайте выпьем: «За тех, кто в море, на вахте и гауптвахте. За то, чтоб число погружений равнялось числу всплытий».

Все дружно выпили.

– И предупреждаю, пока трезвые. Кто почувствует, что на пределе, пусть отойдёт и проспит. В споры, приводящие к дракам или того хуже, не вступать ни между собой, ни с другими лицами. Карать буду строго! Вплоть до лишения праздновать сегодня и в следующем году. Считаю, что это не подлежит обсуждению! С праздником, ребята! С Днём Военно-морского флота! Ура!

В парке разнеслось мощное «Ура!», пугающее прохожих.

Лёня сидел, прижавшись к дереву, и слушал, слушал, слушал. Он вместе со всеми пил, ел, целовался с девчонками, делал ещё что-то... И постепенно перед ним, как из густого, вязкого тумана, стали появляться образы его далёкой жизни. Вначале они были размыты и нечётки, а потом становились всё яснее и яснее.

В хорошем подпитии Леонид возвращался домой под утро. Буквально перед домом его обогнала чёрная «Волга», из которой вышла не совсем трезвая Валентина. Раньше её услугами часто пользовалось местное и заезжее начальство, забирая на охоту, рыбалку и прочие увеселительные мероприятия. Но годы брали своё... А сегодня она опять понадобилась.

– Ой! – искренне удивилась она. – Где ты был? А мы тебя всю ночь искали, – и она показала рукой на машину.

– Искали, говоришь? С ним, говоришь?

Леонид взял с дороги камень и ударил им по переднему стеклу. Раздался многоголосый звон.

– Что ты творишь, урод?

– Что ты сказал, работник поисковой команды? Сейчас я тебе буду кроить череп, – и он направился к кабине водителя.

Машина, быстро заурчав, дала задний ход.

– Миша, что с тобой! – закричала Валентина. – Это горисполкомовская машина. Тебя посадят.

– Тебе жалко будет меня?

– Представь, что да!

– А теперь, потаскуха, расскажи мне, как я попал сюда? И как стал Мишкой Степаненко вместо Леонида Кузоватого? – он со всего маху ударил её в лицо.

– Что с тобой, Миша? Опять с головой плохо стало? – зарыдала она, упав на колени. По её разбитой физиономии текла кровь, глаз мгновенно заплыл.

– Это у тебя не всё в порядке с головой! Отвечай, сука, где моя форма, документы, награды?..

– Мишенька, пойдём домой. Ты выпил сегодня. Поспишь, а проснёшься и разберёмся.

– Нет! Говори сейчас, ведьма, – и он ударил её ещё раз. – Не скажешь – убью!

– Мишенька, прости. Понравился ты мне сильно. И захотела я оставить тебя себе. Бабка, умирая, научила меня многому. Вот я тебя и приворожила. А куда мне деваться в сорок лет? Кто меня возьмёт? А ты... Форму и документы я твои сожгла, а железки прикопала на краю огорода.

– Бери лопату и веди.

– Мишенька, давай всё завтра... Утро вечера мудренее.

– Ты плохо слышишь, или я невнятно говорю?

Она молча поднялась и, сгорбившись, поплелась к сараю. Леонид неотступно шёл за ней.

Взяв лопату, Валентина, разрывая о кусты новое платье, повела Леонида к дальнему краю огорода.

– Здесь, – прошептала она.

– Рой! Стоять не надо!

Она молча стала копать. Лопата звякнула обо что-то железное.

– Отойди! – Леонид встал на колени и стал медленно разгребать яму.

Перед его глазами вначале появилась бляха от ремня, а затем медаль Нахимова. Он взял их аккуратно в руки, сдул пыль, стал протирать майкой и заплакал. Сзади послышался непонятный шум. Инстинктивно он откатился в сторону. И в это самое время остриё лопаты со свистом ударило по яме. Лицо Валентины было искажено гримасой ожесточения. Зубы ощерены.

– Ты вознамерилась убить меня? Ты, которая искалечила всю мою жизнь! Нет, дорогуша, такому уже никогда не бывать!

Не контролируя себя от нахлынувшей злобы, он с силой вырвал лопату из её рук и нанёс сокрушительный удар в голову, отрубленная часть которой отлетела в сторону.

Отбросив орудие убийства, он бережно взял медаль, поцеловал её и прицепил к майке.

Зайдя в дом, Леонид взял деньги и пошёл в сторону железнодорожной станции.

– Красотуля, – подозвал он буфетчицу, – дай мне бутылку водки и что-то закусить. Только самое вкусное.

– Не рано водку с утра жрать?

– Не бойсь, самое время.

– А деньги...

– Всё есть, – и он высыпал на прилавок кучу бумажек. – Мало – ещё достану.

– Ограбил, что ли, кого?

– Такими вещами не занимаюсь.

– Молодец! И не занимайся никогда. Гибельное дело. Муж мой за этот грабёж третий год лямку тянет.

Выпив, хорошо и вкусно закусив, Леонид направился к выходу.

– Парень, а сдачу?

– Сегодня сдачу не беру.

– Странный ты какой-то, – хмыкнула буфетчица.

Лёня долго сидел на лавочке на платформе и курил. Потом встал и, пошатываясь, медленно пошёл к пешеходному мосту через железнодорожные пути. Дойдя до того места, где внизу висели провода для электричек, он снова перекурил, поцеловал профиль Нахимова и бросился вниз.

«ОДНОКЛАССНИКИ»

Солнышко клонилось к западу. Долгожданный вечер нёс желанную прохладу. Люда Тимофеева привычно помыла посуду и только было собралась прилечь на диван да посмотреть новости, как у дома скрипнули тормоза и залаяла собака.

«Кого это ещё несёт на ночь глядя?» – с сожалением подумала она.

Профессия врача приучила её к таким поздним визитам. Ведь у болезни нет выходных и обеденных перерывов, она приходит без предупреждения, когда ей вздумается.

Людмила выглянула в окно. У калитки остановились две крутые иномарки, из которых со смешком выходили люди. Знакомых среди них не было.

– Наверное, к соседям, – успокоилась она, снова направляясь к дивану.

– Лю-да! – прокричали не совсем трезвые голоса. – Вы-хо-ди!

– Господи, кого это принесла нелёгкая?

Она накинула халат и, как была в тапочках, подошла к калитке.

– Людка, привет! Ты что, не узнаёшь меня? Это я, Света Розумовская... Мы с тобой в прошлом году познакомились в «Одноклассниках». Ты адрес дала, приглашала в гости. Вот я и приехала! Открывай свою богадельню! Давай быстрее обнимемся!

Люда сходила за ключом, отомкнула замок.

– От кого прячешься, Людмила-царевна? Под замком сидишь, в дом не пускаешь, – Светлана висела у неё на шее и, дыша пивным перегаром, без умолку болтала. – Познакомься. Это мои друзья – Славик с женой, Галиной, и мой возлюбленный, Валера.

Люда в знак знакомства пожала всем руки и ошеломлённо созерцала всю эту картину, навалившуюся на неё так внезапно.

– Людка! Да проснись ты, наконец! Мы к тебе дня на три-четыре. Не выгонишь? В дом уже приглашай! Или весь вечер прикажешь здесь стоять?

– Ой! – встrepенулась Людмила. – Извините. Всё так неожиданно... Конечно, проходите. Минуточку, я собаку придержу. А то, не дай Бог, укусит.

– Подожди. Сейчас водку достанем, закуску...

– Не надо. У меня спиртным весь шкаф заставлен. Больные не забывают своего спасителя.

– Валера, тогда водку не доставай, у неё есть. Бери только закуску. А мы, Людок, – она повернулась опять к Людмиле, – на Урал ездили. Красотища – неопиcуемая!.. И не рассказать. Камней разных насобирали... А то всё по заграницам разъезжаем, думаем, там лучше. Если говорить честно, я хотела в этом году мотануть в Швейцарию. А Валерка упёрся и ни в какую. У него на Урале завод по добыче меди. Вот заодно и решил проверить своё хозяйство. Деньжищ имеет, – она развела руки. – Я только тебе об этом не говорила, а ты не слышала. Хорошо? – шептала она Людмиле доверительно на ухо. – Пришлось согласиться. Иногда, подруга, приходится уступать. Но нисколько не жалею!.. Воздух, горные реки... Еда на костре... Сказка! И встречали, как коронованных особ. Но на Новый год он точно не отвертится. Полетим в Бёрн. Ты была в Швейцарии?

– Нет, не была. Только в Турции, – огорчённо прошептала Люда. – Как лето наступает – дочь с мужем и внучкой приезжают. Три дня назад как уехали. Даже в квартире ещё не успела прибраться. Так что заранее извиняюсь за беспорядок.

– Ты нас тоже извини. Свалились на тебя как снег на голову. Главное, Волгу переехали в районе Саратова, у Галины там мать живёт, я и вспомнила, что здесь где-то рядом ты обитаешь. Чего не навесить старую подругу? А то расписала местные красоты... И воздух у них тягучий, и река, и лес... Видели мы сегодня твою речку. Ручей да и только! Переплунуть можно. Где обещанная величавость? Обманула? С тягучим воздухом завтра разберёмся. И лесом тоже... А вот комаров у вас действительно множество! Веди уже в дом, а то и правда сожрут за милую душу.

– Вы с дороги пойдите душ примите, а я быстренько картошечку поставлю. А пока она варится, на стол накрою.

– Дело молвишь. Из пакетов всё на стол выкладывай. Мы пока к тебе ехали, маленечко проголодались.

Минут через сорок чистые гости уселись за выдвинутый на середину комнаты сервированный разносолами и водкой стол. Вскоре стало шумно и жарко. И больше от выпитого, чем от съеденного. Залежи спиртного Людмила резко сокращались.

На всё происходящее она смотрела с леденящим душу холодом.

«Если так и дальше будет продолжаться три-четыре дня, как они сказали, я просто не вынесу», – думала она содрогаясь.

А гости, с притупленными от алкоголя слуховыми нервами, говорили всё громче и развязнее. Люда была для них явно лишней на этом празднике жизни. Она взглянула на часы. Стрелки стремительно приближались к полуночи. Теперь уже после каждой выпитой рюмки все ходили на крыльцо курить.

– Завтра на работу, – Людмила украдкой зевнула. – Опять не высплюсь. Голова... Давление...

– Людка! – Светлана вспомнила о хозяйке. – Я смотрю, ты не ешь, не пьешь... Болееешь, что ли? Бери, не стесняйся. Всё, что было вкусного в вашей глуши, у тебя на столе, – Светлана сидела красная, по её щекам обильно катились струйки пота.

– Спасибо. Я вообще не пью. А перед вашим приездом ещё и поужинала. Так что есть совсем не хочется.

– Зря, много теряешь!

– Света, можно тебя на минуточку? – Люда встала и пошла на кухню.

– Что случилось, подруга моя дорогая? – Светлана обняла Люду и прижалась к ней.

Людмилу тут же накрыла волна едкого, смердящего, конского пота. Бежевая кофточка мгновенно сделалась мокрой, а тело – липким. Люда брезгливо передёрнулась. Спазм сдавил горло. Подступила тошнота.

– Пойдём, я тебе покажу, где лежит чистое бельё. Одни лягут в спальне, другие – на диване в зале. Уж сами решайте, кто где.

– А ты где будешь спать? С нами? – залиvisto рассмеялась Светлана.

– Нет. Я на раскладушке, на кухне.

– Не обижайся, подруга. Это я пошутила. Мы тебя не стесняем?

– Нисколечко. Я очень рада, что вы приехали, – бодрым голосом солгала Людмила. – Вы отдыхайте, а я пойду спать. Хорошо?

– Конечно, милая, ложись. Извини, что доставили тебе столько хлопот! Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Светочка. Всё нормально. Как говорится: «Мой дом – твой дом!», – сгоряча ляпнула она, явно не подумавши.

– Спасибо тебе, Люда. А мы, с твоего разрешения, ещё посидим.

– Конечно. Отдыхайте, веселитесь.

Спала Людмила беспокойно. Тревожные мысли шевелили волосы на черепной коробке. Она постоянно вздрагивала от громких голосов и смеха, а потом и от чужого богатырского храпа. Будил её и треск разбитого стекла... Но теперь ей это было уже всё равно.

За окном стало светать, когда она зашлась душераздирающим кашлем. Со сна никак не могла понять, отчего в квартире так накурено, но когда заглянула в зал, сердце её провалилось в пятки. На то, что Славик и Галя лежали абсолютно голые с широко раздвинутыми, видимо, для вентиляции, ногами, она не обратила никакого внимания, хотя бегло детали успела рассмотреть. Её взору предстал стол, заваленный объедками, окурками и пустыми бутылками. Но и не это вовсе было самым существенным.

На полу, в углу, лежал вдребезги разбитый цветочный горшок с её любимым цветком Монстера, доставшимся ей от покойной мамы. Стебель и, самое главное, корни были безжалостно раздавлены и растоптаны.

Люда беззвучно заплакала. Собрав всё, что осталось от цветка, она вышла во двор, обмыла израненное растение водой и прикопала возле забора, обильно полив комнатной водичкой. Во дворе её насторожила тишина. Не было привычного счастливого повизгивания верного пса и друга Цыгана, которого она никогда в жизни не отпускала на улицу и который в неистовстве рвал цепь при приближении кого-то чужого. И не походило на то, что он оборвал цепь. Целёхонькой та лежала возле будки.

– Это сколько же они выпили, если подошли к цепному псу, отвязали его, а он их не тронул?..

Придя в дом, она распахнула настежь окна в зале и кухне и, оставив открытой наружную дверь, чтоб проветривалось, прилегла на раскладушку, решив оставшиеся до подъёма двадцать минут полежать и подумать, как жить дальше.

Солнце нещадно било в глаза, когда Людмила проснулась. Настенные часы бессердечно показывали пятнадцать минут десятого.

– Проспала!

На наведение марафета времени абсолютно не было. Пригладив растрёпанные волосы водой, на ходу надевая платье и туфли, Людмила помчалась в поликлинику.

– Людмила Александровна, где вы были? Заведующий раз семь спрашивал вас, – высунулась голова из окошка регистратуры. – Сказал, как появитесь, немедленно к нему. К вам четырнадцать человек записалось! – крикнула она в спину убегающей Тимофеевой.

Не успела Людмила зайти в кабинет, как распахнулась дверь и, держась за распухшую щеку, вошёл глава районной администрации. За ним красный, как знамя пролетарской революции, ввалился заведующий поликлиникой, грозя ей кулаком. У Люды кровь отлила от головы и холодная испарина покрыла побледневшее лицо.

– Людмила Александровна, выручайте! – прошепелявил глава. – Ночь не спал! Терпел! Жду вас, как никогда раньше никого не ждал. Александр Витальевич, – повернулся он к заведующему, – занимайтесь своими делами. Мы тут уже сами...

– Людмила Александровна, закончите приём, не забудьте зайти ко мне с объяснительной запиской по поводу вашего сегодняшнего опоздания.

– Александр Витальевич, давайте простим ей этот проступок. С кем не бывает. На ней, погляди-те, и так лица нет, она и так себя уже наказала, а вы к ней со своей объяснительной. Пусть работает спокойно. Пообещайте мне, что никаких мер и вызовов не последует.

– Хорошо, Николай Ильич.

– Я проверю. И если... То не возьму в следующую субботу на рыбалку. Кстати, городское начальство обещало подъехать. Договорились?

– Договорились, Николай Ильич! Спасибо. Людмила Александровна, всё отменяется. Работайте спокойно, – прошептал он и вышел, тихо прикрыв дверь.

– Кстати. А зуб-то у меня уже не болит. Так что не зря вы, Людмила Александровна, задержались сегодня. Я, наверное, тоже пойду. Времени в обрез. К конференции готовиться надо.

– Нет-нет, Николай Ильич! Присядьте, пожалуйста. Я должна посмотреть ваш рот. Сейчас только руки помою и перчатки надену. Ведь не от нечего же делать он всю ночь вас мучил. Не надо было терпеть и ждать утра. Прислали бы за мной машину, всё и порешили.

– Да посылал я машину. А у вас веселье вовсю... Я и приказал шофёру не беспокоить.

Людмила густо покраснела.

– Извините. Это знакомые вчера приехали. Отдыхали на Урале. А на обратной дороге решили заскочить ко мне. Я ни сном ни духом... А они бац – и нагрянули. Извините, Николай Ильич, но зуб лечению не подлежит. Как же вы запустили свой рот! Только при беглом осмотре я насчитала шесть кариозных зубов. Пообещайте, что после конференции вы сразу придёте ко мне. А этот зуб будем удалять. Ротик пошире откройте, сделаю укольчик. Заморозится... и ничего не почувствуете. Главное, не бойтесь. Разве я могу сделать больно моему сегодняшнему спасителю. Точно тогда получу выговор. И премии лишусь. За всё время, сколько работаю, такого со мной ещё не случалось, чтоб на работу проспала. Гости беспокойные попались. Всю ночь пили. Я ушла, чтоб не мешать, – рассказывая, Люда этим самым обеляла себя. А то останешься без вины виноватой. В посёлке такое допускать нельзя. Сожрут. – И лишь под утро меня сморило. И как, сама не пойму. Откройте рот. Давайте посмотрим. Не ждите ничего, расслабьтесь. Когда буду тащить, предупрежу, – произнесла ласково она, беря с подноса щипцы. – Вот и всё. Откройте глаза, посмотрите, какая огромная киста на корешке. Вовремя удалили ваш зуб. А то могло бы... Ватку прикусите. Минут через сорок выплюнете. Ничего горячего сегодня не пить и не есть. Рекомендую часика два полежать. И жду вас к себе!.. Нельзя ходить с таким плохим ртом, тем более такому большому человеку! Договорились?

Николай Ильич криво улыбнулся, махнул головой и направился к выходу. Людмила засемила рядом, провожая высокого гостя.

Рабочий день прошёл как во сне.

Что делала, как делала, кому делала, с кем и о чём говорила – ничего не запомнила. Ждала лишь окончания рабочего дня. А он тянулся будто бы резиновый.

Домой почти бежала. На сердце лежала тревога.

А дома, как ни странно, всё оказалось в порядке: комната убрана, посуда помыта, кровати заправлены. И что самое интересное, Цыган вновь был на привязи. Гости сидели на кухне с опухшими лицами и пили пиво.

– Ну, наконец-то! Мы тебя ждём, ждём. А ты всё не идёшь и не идёшь. Мы скучаем! Переодевайся – и на пляж. Нам надо отмокнуть, – Светлана была в красивом цветастом сарафане.

– А кушать? – попыталась возразить Людмила.

– На речке и покушаем. Ребята замариновали мясо, взяли красную рыбу, белое сухое вино, два ящика пива... И даже шампура купили.

– У меня они есть. Восемь штук!

– Кто знал? Ищи потом полдня. Времени на это ни у кого нет. Мы тебя вчера не сильно беспокоили? Ой, совсем забыла, я же цветок у тебя разбила. Чёрт дёрнул посмотреть его вблизи. А он возьми и выскользни из рук. Мы тебе новый купили. Нет, нет, нет, потом посмотришь. Переодевайся быстренько и поехали. Если честно, надоело сидеть в четырёх стенах. Ждём тебя на улице.

Гости гуськом вышли во двор. Цыган хоть бы тявкнул.

«Надо узнать, кто же это отважился его отпустить, – устало подумала Людмила, натягивая на себя купальник. – С каким бы удовольствием я сейчас поспала. И откуда они взялись, эти гости? Одни только что уехали, другие явились. Какая же я всё-таки доверчивая дура. Взять и пригласить в дом не пойми кого, – мысли накатывались одна на другую. – Расхлёбывай теперь, Людочка-дурочка, вози, развлекай, голой пляши... Если этот праздник затянется надолго, я сойду с ума».

Она умылась холодной водой, чтобы отогнать навязчивую дремоту.

– Я готова! – Людмила вышла на крыльцо, натянуто улыбнулась. – «Надо их от посёлка подальше отвезти, а то нажрутся опять... А мне здесь жить», – пришла в голову тревожная мысль. – Есть у нас на речке одно уютное местечко, только немного далековато. Но очень красиво!

– Ничего страшного. Надеюсь, наши машины там пройдут? – Валерий развязно улыбнулся.

– Конечно, пройдут! Едем?

– Людка, садись в нашу машину на переднее сиденье. Дорогу показывать будешь. А я сзади примошусь, – Светлана закурила сигарету и смачно затянулась.

«Людка! Меня в жизни так никто не звал... – грустно думала Людмила. – Падаю всё ниже и ниже. Чтоб я ещё в жизни с кем-то познакомилась, кого-то пригласила в гости... Какая я, действительно, всё-таки ненормальная...»

– А чего ты одна поедешь? Позвони кому-нибудь. Мяса много, и алкоголя немало, – засмеялась Света. – У тебя есть друг?

– Он в командировке, – соврала Людмила.

– Один в командировке, другого возьми, – Светлана никак не могла угомониться.

– Поедем, Света. Три часа уже. Пока доедем, пока костёр разведём, пока то да сё... И ночь наступит.

– Куда тебе спешить? Ты завтра выходная или работаешь?

– Выходная.

– Ну вот и хорошо! Гуляй, пока гуляется!

– Я завтра хотела показать вам святой источник. Представляете, в овраге, который со всех сторон обложен коричневым камнем, из-под земли бьют три родничка, образуя небольшой водоём, из которого водичка стекает в купель. И что характерно, в каждом источнике вода имеет свой вкус. Невдалеке часовенка поставлена. Там так спокойно и умиротворённо... Честно! Правда, очень здорово! Туда совершается паломничество. Люди излечиваются от разных недугов... Одному богатому человеку, фамилии, к сожалению, не знаю, в этом месте знамение пришло. Он в воде увидел образ Божьей Матери... И сделал всё там красиво и с любовью. И назвал источник «Явленная».

– Далеко? – заинтересовался Валерий.

– Около тридцати километров. Половина дороги – по трассе, а затем – грунтовка.

– Ерунда. Десять минут езды. Завтра исцеляться поедем. Грехи, так сказать, смывать, – засмеялся он, поворачиваясь к Свете.

– У нас с тобой нет грехов, – развязно заулыбалась Светлана.

– В святую только не играй. Тебе это не идёт.

– Не начинай!.. На дорогу лучше смотри. Подруга, – обратилась она к Людмиле, – ты бы рассказала нам чего-нибудь интересного о своём поселке. Хотя что тут может быть интересного? Дыра

дырой! Как здесь жить можно, не понимаю. Пойти некуда. Величавая река, тянущийся воздух... – передразнила она Люду.

– Тогда и приезжать не надо было. Как есть, так и живём, – обиженно произнесла Людмила, – не всем же жизнь в столицах прожигать!

– Хватит! – гаркнул на Светлану Валерий. – Ещё одно слово, и я тебя здесь высажу. Пешком пойдёшь до своей Москвы. А я это сделаю, ты меня знаешь. Запомни, дорогая, раз и навсегда, – поссориться с умным и хорошим человеком, а я считаю Люду именно такой, так же трудно, как помириться с глупым. И закончим разговор на эту тему. Извинись перед ней немедленно!

– Люда, прости меня, пожалуйста. Что-то сегодня я явно не в своей тарелке. Подруга, ну не дуйся на глупую женщину, ладно?

– Хорошо, – горестно выдохнула Людмила. – Валера, сейчас налево. Вон, видите впереди песчаный плес, это и есть наши Третьи пески, любимое место отдыха местного бомонда. Такой в наших краях тоже имеется, правда, местного разлива.

– Потрясающе! Восхитительно! Какая-то печальная, тихая и в то же время расслабляющая красота. Люблю такие места. На Урале чувствуешь силу природы. Там с ней надо бороться. А здесь... Славик, скажи, красиво? Состарюсь, приеду сюда, построю скит и буду Богу молиться...

– Мальчики, давайте быстренько в лес, надо дров собирать, костёр разводить. А то действительно, пока то, пока сё – и темнеть начнёт. Мы с девочками, – Галина открыла багажник, – всё достанем. И искупаемся. Вперёд, робинзоны! – было заметно, что это место ей тоже понравилось.

Светлана же не проронила ни слова.

Домой вернулись далеко за полночь. Но вечер Людмиле понравился. Была раскованная, тихая, непринуждённая обстановка. И чувствовалась исходящая от всех доброта.

Шашлык получился просто восхитительным. Люда даже спросила рецепт маринада. Под такую закуску и вино было не хмельным.

Будильник Людмила завела на десять утра. Хотелось немного поспать.

Встав, она быстро приготовила яичницу и разбудила гостей.

– Сейчас съездим к источнику. Оттуда заедем ещё в одно место. В тех краях стоит очень старая церковь. Её тоже надо посетить. С батюшкой я хорошо знакома. После очищения святой водой батюшкино благословение будет и к месту, и кстати. Такой план одобряется?

– Мы согласны, – утвердительно кивнула Светлана.

– На улице жара невероятная. На небе ни облачка. Поедем в майках и шортах. А уже в церкви наденем платочки и юбки. Там они есть.

– И на это согласны, – Славик достал из кармана ключ. – Люда, ты такая правильная и строгая, что я начинаю тебя бояться. И чем-то напоминаешь моего классного руководителя, учителя химии. Его все боялись, но и уважали тоже.

– Бояться меня не надо. Я сама всего боюсь, – засмеялась Людмила. – И последнее. Женщины при омовении водой должны быть в длинных полотняных сорочках. У меня их, естественно, нет. Я для этих целей взяла свои длинные рубашки. Не возражаете? Они все чистые. И алкоголь с собой брать не следует. Нехорошо это, – опять наставительно проговорила она.

– Тогда минуточку, – Валерий достал из бардачка две бутылки водки. – Нельзя, так нельзя! Людочка, забери их, пожалуйста, и положи в холодильник. Вечером будут кстати.

К источнику приехали быстро. Трасса практически пустовала, а полевая дорога – укатана.

К роднику вёл пологий, но очень длинный спуск. Колёса дороги, размытые дождевыми потоками, походили на пересохшие русла речки.

Аккуратно съехав вниз, машины поставили на огромной зелёной поляне, которую сплошь покрывали полевые цветы. Здесь стояла звенящая тишина, нарушаемая божественным пением птиц. Было легко и спокойно. Даже говорить не хотелось.

Зашли в часовенку. Молча постояли у алтаря, помолились. Каждый просил у Бога того, чего ему не хватало.

Людмила, взяв пустую бутылку, аккуратно по камешкам спустилась к источнику, стала набирать воду.

Никто даже и не заметил, как небо заволочло и над ними нависла огромная чёрная туча. Сразу сделалось темно. Через мгновение хлынул проливной дождь и с такой жуткой грозой, что сердце уходило от ужаса в пятки. Молнии следовали одна за другой. И грохот стоял такой, как при артиллерийской канонаде. Пока добежали до машин – промокли насквозь. Люда, вылезая из род-

ника, в спешке поскользнулась и со всего маху упала навзничь в ручей, разбив локоть до крови. Выкарабкиваясь из оврага на четвереньках, другим способом это сделать было просто невозможно, она вся перепачкалась в глине и грязи и, подойдя к машине, в растерянности остановилась, дрожа от холода, как осиновый лист.

– Люда, что ты там стоишь? Давай к нам. Мы все здесь! – крикнул Славик, открывая дверь. – Если погибать, то сразу всем, – печально улыбнулся он.

– Как я сяду в таком виде?

– Не говори ерунду, со всех вода течёт. Весь салон уже мокрый.

– Я же грязная...

– Грязная, чистая... Не хватает ещё заболеть. Быстро залезай!

Три с лишним часа, а может, и больше лавина воды низвергалась с небес. Мощные потоки, неся грязь и камни, стекали с хребта в ущелье. Казалось, что раскаты грома слились в один протяжный, ужасающий грохот. Дождь лил не переставая. Всем казалось, что этот небесный ад никогда не закончится. И каждый прекрасно понимал, опасаясь даже произнести такое, что выехать отсюда уже невозможно. Причём никогда.

Гроза потихонечку начала уходить в сторону, но дождь шёл как оглашенный.

А делать что-то было нужно.

Людмила сидела тихо, чувствуя себя во всё виноватой. По щекам медленно текли слёзы скорби, жалости, горести, душевной и физической боли... Но их никто не замечал. Все были угрюмы и злы.

– Вы тут посидите, – наконец произнесла она, – а я пойду, поищу дорогу, пока не стемнело. Может, как-то ещё можно отсюда выбраться.

Ей никто ничего не ответил.

Она устало вылезла из машины. Ледяной душ безжалостно окатил её. Людмила инстинктивно обхватила себя руками. Так, казалось, было теплее. Куда идти, что искать, ей было безразлично. Людмила тупо брела по широкому лугу, залитому по колено водой. Из-за плотной пелены дождя в двух метрах ничего не было видно. Дорога, по которой они спускались, превратилась в бурную речку. Вдруг впереди рассеянно замаячила фигура в длинном плаще с остроконечным капюшоном. Силуэт походил на киношного маньяка. Раньше бы она испугалась и бросилась прочь, подумав, что это и есть он, а сейчас, скользя и спотыкаясь, побежала к нему, ища спасения.

– Мужчина! Мужчина! – неистово завопила она, пытаясь перекричать шум льющейся воды, сильно опасаясь, что тот растворится в этом природном бедламе.

Силуэт поднял капюшон, постоял, прислушиваясь, и тоже побежал, но в другую от Людмилы сторону.

– Мужчина, да подождите вы, в конце концов, – задыхаясь, она схватила его за плащ и резко повернула к себе. Перед ней стоял бледный мокрый старик лет шестидесяти пяти, с огромными линзами на глазах.

– Что вам нужно? Чего вы от меня хотите? – голос человека испуганно дрожал. – Я потерял коров, которых здесь пасу.

– Да вон ваши коровы, – Людмила указала пальцем, понимая, что пастух ничего вокруг себя не видит, – в кустах стоят. Скажите, здесь есть ещё какая-то дорога, чтоб выехать отсюда? Мы приехали к источнику... А тут дождь...

– Нет, дочка. Надо наверх подниматься. Другой дороги здесь нет. И никогда не было. Извини. Я к своим коровкам пойду. Посидите, отдохните, авось и дождь пройдёт. Дорога-то и пообсохнет. Аль наверх попробуйте выбраться, а уж там... – он махнул рукой и, сгорбившись, пошёл к коровам.

Людмила развернулась и обречённо побрела назад, явно не слушая рассуждения старика.

«Вот это влипла... – и Людмила впервые в жизни так грязно выругалась, что ей позавидовал бы пьяный боцман, – понесло меня сюда... В церковь бы съездили – и хватит... Надо же было вывернуться наизнанку. Источник... Очищение... Паломники... Видно, Бог за грехи наши и наказал всех. Не знаю, как всех, а меня точно! Теперь месяц здесь будем сидеть, – она снова зарыдала. – Конечно, пешком уйти можно... А машины? Их же не бросишь...»

– Дороги нет, – открыла она дверцу. – Я не знаю, что делать! Дед посоветовал попробовать выкатить машины наверх. А там можно попытаться...

– Не корчи, дорогуша, перед нами святую. Даже близко её не напоминаешь. Ты местная, – рычала Светлана синюшными губами. – Звони, ищи, делай что-нибудь... По твоей милости мы тут! Уж будь любезна... Я не собираюсь...

– Хватит! – заорал Валерий. – Люда, – заговорил он тихо, – сосредоточься и успокойся... Собрись! Слышишь меня?!.. Сейчас всё зависит от тебя. Либо мы съедим друг друга, или помрём мученической смертью, чего не хотелось бы... У тебя телефон с собой?

– Да, – прошептала она, кивнув головой, и захлопала себя по карманам. Было заметно, как её лицо резко стало бледнеть. – А его нет. Не знаю, где он... Но был, это точно. Потеряла где-то... – и она вновь зарыдала.

– Давай без истерик! Если брала, то найдём. Вспомни, где ты нагибалась, падала или ещё что-то подобное...

– Я падала всего один раз, у источника, когда воду набирала. Сейчас сбегая, посмотрю...

– Он здесь, – донёсся радостный голос Людмилы, – в воде лежит. Только вот будет ли теперь работать? Три с лишним часа там покоился.

– Неси, просушим. Авось хоть в чём-то нам сегодня повезёт.

– И на хера мы сюда поехали? – вновь подала голос Света. – Надо было так вляпаться! И водки не взяли... Осталось только подхватить воспаление лёгких.

– Ты можешь, в конце концов, помолчать? Одно и то же... Ничего толкового... Надоело слушать!

– Ах, надоело?!.. Целуйся теперь со своей Людочкой в дёсна...

На улице резко потемнело. Вновь стал накрапывать дождик.

– Валера! Положение действительно становится безвыходным. И маловероятно, что телефон работает, – подал голос Слава. – Пока ещё что-то видно, давай действительно попробуем вытолкать машины наверх. По дороге не пройдем, а вот по обочине, по траве можно попробовать. Не думаю, что наверху всё так безнадежно и дорога размякла... На наших машинах и не выедем? Телефон протри и горячим воздухом просуши. Авось и заработает.

– Предложение дельное. Люда, давай телефон сюда. А вы толкайте что есть мочи...

Машины общими усилиями всё-таки удалось вытолкать наверх. Все с ног до головы были облеплены грязью.

Наступила ночь. Она была такой тёмной, что вытянутую руку не было видно. Лишь молнии изредка проясняли реалии. Похолодало. А дождь то переставал, то начинал идти снова.

– Приехали! Отсюда теперь не только выехать, выйти невозможно! Сплошное месиво. Валера, проверь телефон, вдруг заработал, в чём я очень даже сомневаюсь, – Вячеслав закурил и с размаху сел там, где стоял.

– Ура! Работает! – радостно закричал Валера. – Люда, садись и... вызволяй нас. Делай всё возможное и невозможное...

«Вот что значит святая вода. Столько времени пролежал – и заработал», – облегчённо подумала Людмила и легко вздохнула. К ней вернулась привычная уверенность.

С чего начинает человек, попавший в беду? С милиции.

Людмила не была исключением.

– Ждите! – произнёс милиционер, – пожарные и МЧС – на пожар.

А вот сколько ждать, он не сказал.

Людмилу вновь охватило отчаяние. Но было оно недолгим. Она решительно набрала номер главы районной администрации.

– Добрый вечер, Николай Ильич. Тимофеева вас беспокоит. Простите, если разбудила.

– Узнал, Людмила Александровна, узнал. Вы насчёт зуба? Спасибо! Ничего не болит. Золотые ручки. В конце года повесим вас на районную Доску почёта.

– Спасибо, Николай Ильич. Только у меня беда...

– Что такое? – встревоженно осведомился глава. – Чем могу помочь?

– Помните, я рассказывала, что ко мне приехали гости...

– Конечно. И что? Буянят? Мы их быстро здесь утихомирим, – захохотал он.

– Нет, что вы... Я их сегодня повезла на наш святой источник. Знаете, где он находится?

– Мне ли, Людмила Александровна, не знать, где и что находится в моём районе. Это «Явленная», что ли?

– Да, Николай Ильич. Здесь такой дождь прошёл, буквально всё размыло. Сплошное месиво. И ночь... Выехать никак не можем.

– У меня та же проблема. Этот дождь столько беды натворил... Поля залил, от молнии три дома сгорело... Одни убытки... Вы наверху или в яме сидите?

– Наверху.

– Сейчас позвоню их главе сельской администрации. Он за вами трактор пришлёт. Ждите. Машин сколько?

– Две.

– Тросы есть?

– Он спрашивает, есть ли у нас тросы, – повернулась она к Славе.

– Скажи, есть, – утвердительно махнул головой он.

– Николай Ильич, есть! – прокричала она в трубку.

– Ждите. Как вытасчат, сообщите. И фары пусть включают, чтоб найти вас можно было.

В телефоне раздались гудки.

Минут через сорок вдалеке послышался шум гусеничного трактора. Все ожили, начали мигать фарами, сигналить...

– Да, мужики, крупно вам повезло. Бывает, что здесь неделями сидят... И ничего, выживают, – захохотал тракторист закуривая. Он был в огромных резиновых сапогах и фуфайке на голое тело. – Начальство, что ли?.. Сам глава сельской администрации за мной приходил, упрашивал... Короче, с вас литр беленькой. Иначе и вытаскивать не буду. Возьму и прямо здесь поломаюсь.

– Мужик, я тебе сто долларов дам, только сделай всё побыстрее.

– Зачем мне доллары? Что я с ними у нас буду делать?

– Хорошо, – было слышно, как Вячеслав сдерживает эмоции. – Я тебе на ящик хорошей водки денег дам. Пойдёт?

– Пойдёт! Приятно иметь дело с понимающими людьми.

Он обошёл машины, постучал сапогом по скатам.

– Обоих сразу не вытасчу. И тросы порвём, и машины угробим. Сначала одного на трассу вытасчу, а потом за другим приеду. Такой расклад принимается?

– Мы на всё согласны, – всхлипнула Галина.

– Вы тут с бабами? Могли бы пару ночек и перекантоваться, – снова засмеялся тракторист, цепляя трос к машине. – Поехали!

Трактор натужно напрягся, и первая машина, виляя колесами, неохотно сдвинулась с места.

Домой приехали в четвёртом часу. Все, включая и машины, до такой степени были выпачканы грязью, что равнодушно на такое смотреть было просто невозможно. Глядя друг на друга, все смеялись как умалишённые.

– Ребята, в душ, а потом за стол, – Людмила вновь почувствовала себя хозяйкой.

– Спасибо, мы покушаем в Пензе. Да и помоемся там. Машины надо срочно сдавать в автосервис, иначе завтра их можно будет выбрасывать. Быстро грузимся – и поехали. Через полтора часа будем на месте.

Прощанье было недолгим и скоротечным, без поцелуев, слёз расставания и клятв в вечной дружбе...

Людмила помылась и переделась. И только вознамерилась лечь, как раздался телефонный звонок.

«Ну, кому я ещё нужна?» – она взглянула на часы. Стрелки показывали начало шестого.

– Слушаю вас, – произнесла она строго.

– Вас уже освободили из плена, Людмила Александровна? – послышался строгий голос главы районной администрации.

– Да, Николай Ильич. Спасибо вам большое. Только что смыла с себя грязь и собиралась хоть немного вздремнуть.

– Это замечательно! Почему не позвонили? Я же сказал, чтоб доложили, когда вытасчат.

– Извините, Николай Ильич, закрутилась и забыла. Да и темно ещё. Думала, что спите.

– Думаю здесь, Людмила Александровна, за вас я, проблемы ваши решаю тоже я... И слово «забыла» звучит очень даже не к месту. Приятных вам снов! – из трубки, вонзаясь в воспалённый мозг, полились короткие гудки.

Заливаясь слезами, Людмила включила компьютер, вошла в «Одноклассники» и заблокировала всех своих знакомых, кроме лучших подруг.

70 лет Великой Победы

Алексей ПИЛИПЧУК

ВАСИЛИЙ ГРЕЧИШНИКОВ: «ИДУ НА БЕРЛИН!»

*Герою Советского Союза, земляку, лётчику
Василию Алексеевичу Гречишникову
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Родился в Николаеве

В конце 1912 года, очень непростого года начала Первой Балканской войны, Николаев принарядился. Даже в торговом порту ввиду праздников Рождества Христова всякие работы по выгрузке-погрузке как русских, так и иностранных судов были прекращены. Пароходы украсились разноцветными флагами. 25 декабря, в первый день праздника, с 6 утра перезвоном колоколов в церквях и храмах началась литургия. В 4 часа пополудни вечерня с утренней. Страна, город отмечали Рождество Христово.

На следующий день, 26 декабря, в метрической книге Святой Марии Магдалининской церкви г. Николаева Херсонской духовной консистории красивым почерком появилась запись: «Мужской пол № 142, родился 5 декабря, крещён 26 декабря 1912 г. Василий. Родители: крестьянин Тульской губернии Чернского уезда Никольско-Вяземской области Алексей Феодосиевич Гречишников и законная жена его Евфросинья Михайловна, оба православные... Священник Харлампий Платонов».

Появился Василий на свет третьим ребёнком в доме № 17 по улице 4-й Военной за парком «Сад общества трезвости № 1». Так именовалось это излюбленное место отдыха горожан в начале XX века. Здесь находились дома офицеров и мастеровых николаевского Адмиралтейства. «Сад общества трезвости» сегодня носит название парка имени всеукраинского старосты советских времён Г. И. Петровского.

Василий Гречишников у дальнего бомбардировщика ДБ-3

Семья Гречишниковых состояла из потомственных судостроителей, переехавших из России. Его дед работал судосборщиком на заводе «Наваль». Отец Алексей умер от непосильного труда в 1918 году, когда Васе исполнилось шесть лет. Мама, Евфросинья Михайловна, одна растила шестерых детей. И, как говорится, вывела их в люди.

Самым старшим из детей был Михаил. За ним Иван, ставший лётчиком-испытателем и погибший в 1934 г. Третий, Василий, так же, как и брат, выучился на лётчика. А вот четвёртый брат, Кузьма, стал морским офицером-подводником. По отзывам соседей, самым ярким из братьев был меньший, Георгий, – заводила и лидер ребят у всей улицы. В семье Гречишниковых были и две девочки: Александра и Ирина.

Вася с детства, восхищённо глядя на проходящие по Бугу стальные океанские и морские гиганты, мечтал строить корабли. В четырнадцать лет окончил шесть классов 10-й школы на ул. Колодезной, где сейчас располагается военная кафедра Николаевского национального университета им. В. А. Сухолинского. 13 октября 1927 г. Василий поступил в школу фабрично-заводского обучения при заводе им. Андре Марти. В пятнадцать лет после завершения обучения он уже работал разметчиком, потом судосборщиком на судостроительном заводе. Его рабочий номер 10685.

Следует сказать, что ещё 3 апреля 1929 г. Николаевский окружной комитет Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ) утвердил строительство в городе гражданской школы морских лётчиков. Её официально открыли 20 мая 1929 года. Далёко за яхт-клубом, там, где начинались лагеря ОСОАВИАХИМа, на даче № 8, разместились её классы и строевые плацы. Первый набор школы составил 34 человека.

К концу двадцатых годов страна жила авиацией, редкий юноша не мечтал стать пилотом. Авиационная стихия захватила и Василия Гречишников. В свободное от работы время, по вечерам, он посещал теоретические занятия. В октябре 1929 г. Центральный совет ОСОАВИАХИМа предложил своему николаевскому подразделению срочно освободить учётот от работы на производстве и перевести их на казарменное положение с предоставлением стипендий. Детище рабочих завода им. А. Марти, созданное их руками и на их средства, росло с каждым днём. 11 ноября 1929 г. состоялся первый выпуск Николаевской школы морских лётчиков в количестве шести человек. Учили летать курсантов на учебном биплане МУ-1 «Авро», а к весне 1930 г. здесь уже летали на У-2.

Навстречу мечте

В августе 1931 г. Николаевская школа морских лётчиков произвела третий выпуск. Среди тринадцати выпускников был и девятнадцатилетний Василий Гречишников. Любовь к небу, авиации победила. Василий навсегда решает посвятить себя службе авиации, защите родины.

Как только встал вопрос о создании в городе аэроклуба состоялись массовые собрания членов ОСОАВИАХИМа. Судостроительные заводы, морской порт, заводы «Дормашина» и «Большевик», школа морских лётчиков приняли активное участие в подготовке материальной базы аэроклуба. 18 мая 1934 г., в День Воздушного флота, состоялось торжественное открытие Николаевского аэроклуба. Его классы разместились в здании бывшей биржи на углу улиц Советской и адмирала Макарова (позже здесь был кинотеатр им. Ильича). Аэродром Николаевского аэроклуба находился на восточной окраине города, эту территорию сейчас занимает ПО «Заря-Машпроект». В аэроклубе заводские ребята овладевали специальностями лётчиков, парашютистов, планеристов. Как это было принято в довоенные годы, коллектив завода им. А. Марти активно участвовал в подготовке молодёжи к службе в Красной Армии. На коллективно собранные средства был приобретён самолёт для аэроклуба.

Лучшими учётотами, впоследствии Героями Советского Союза, стали заводские ребята А. П. Артёменко, А. Я. Баклан, В. Б. Емельяненко, В. И. Матаков, И. П. Моторный, девушка Евдокия Носаль. Свидетельство об окончании Николаевского аэроклуба получили лётчики В. И. Николау, В. И. Трофимов, будущие защитники родины от немецких оккупантов.

Впоследствии, с января 1935 г., Николаевская школа морских лётчиков была подчинена Главному управлению Севморпути. 13 августа 1938 г. приказом № 328 Николаевской школе морских лётчиков полярной авиации было присвоено имя одного из спасателей экипажа парохода «Челюскин», Героя Советского Союза С. А. Леваневского. 22 февраля 1939 г. личный состав ВМАУ принял присягу.

С 1931 г. Василий Алексеевич в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, курсант Школы морских лётчиков и лётчиков-наблюдателей в г. Ейске. Уже через год его как лучшего принимают в члены ВКП(б). Окончив Школу (1933), службу он начал в 67-м отдельном речном авиаотряде Киевского особого военного округа. Базировался отряд в Киеве. Вооружён был морскими разведчиками, самолётами МР-1 на поплавках и колёсных шасси. Здесь В. А. Гречишников служил военным пилотом, младшим лётчиком, командиром авиаэскадрильи. В марте 1938 г. был переведён в 1-й минно-торпедный авиационный полк 8-й бомбардировочной авиабригады ВВС Краснознамённого Балтийского флота, в 3-ю авиационную эскадрилью на аэродром Беззаботное под Ленинградом. 1-й полк авиабригады осваивал поступающие на вооружение дальние бомбардировщики конструкции В. С. Ильюшина – ДБ-3.

Аэродром Беззаботное находился на южном берегу Финского залива под Ленинградом. Отсюда В. А. Гречишников и его сослуживцы совершали полёты в северном направлении, здесь Василий стал командиром звена 3-й эскадрильи 1-го минно-торпедного авиационного полка.

29 ноября 1939 г. всем соединениям Балтийского флота был передан условный сигнал «Таран», означавший – «Начало боевого развёртывания, без применения оружия».

30 ноября в 00.22 поступил новый сигнал – «Факел», означавший – «Начало боевых действий. Оружие применять». В 9.50 начался вылет самолётов 8-й авиабригады на противника. Шесть дальних бомбардировщиков минно-торпедного полка провели разведку и поиск финских броненосцев

береговой обороны «Vainamoinen» и «Imaginen» в шхерной полосе от населённых пунктов Котки до Турку. В районе Хельсинки звено самолётов под командованием помощника комполка майора А. В. Бельского попало под огонь зенитной артиллерии. Два ДБ-3 были сбиты. Второе звено под командованием майора Е. Н. Преображенского, благополучно миновав зону действия наземных средств ПВО Порккалаудд и Ханко, в 12.30 обнаружило якорную стоянку броненосцев и нанесло по ним бомбовый удар. К сожалению, советские бомбардировщики отбомбились неудачно: 2–3 бомбы упали близко от борта финского броненосца, а остальные легли с перелётом. О местонахождении броненосца береговой обороны было доложено командованию по радио.

«Официально советская авиация не бомбила...»

30 ноября 1939 г. в 13.10 с аэродрома Клопицы, в 62 км юго-восточнее Ленинграда, взлетели восемь дальних бомбардировщиков под командованием капитана Николая Токарева, чтобы атаковать обнаруженные броненосцы. Однако всю центральную и западную части Финского залива вдруг закрыло плотной облачностью, нижняя кромка которой в отдельных местах доходила до высоты 50 м. В результате, не обнаружив в указанном районе корабли, Токарев принял решение атаковать запасную цель – нефтяные хранилища в порту Хитаниеми на восточной окраине столицы Финляндии – Хельсинки.

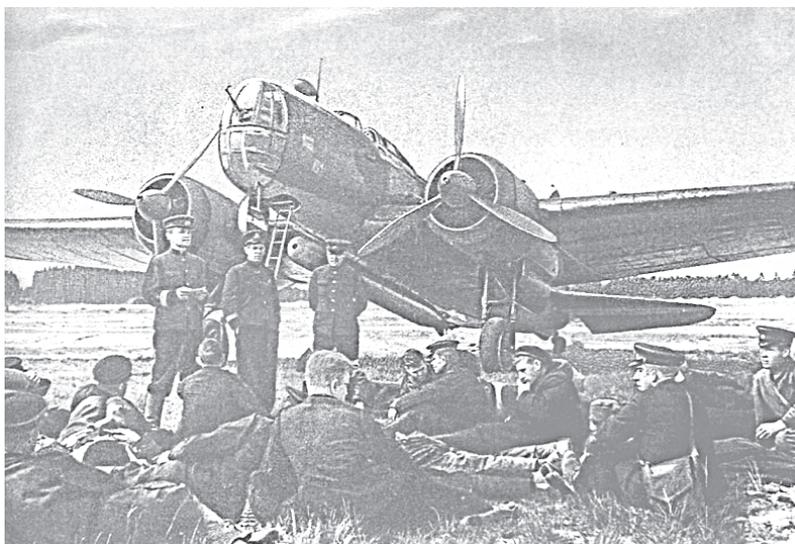
Вот что рассказывает генерал-лейтенант авиации П. И. Хохлов, принимавший участие в этом вылете в качестве флаг-штурмана эскадрильи в составе экипажа капитана Н. А. Токарева:

«Утро 30 ноября 1939 года... Объявлен боевой приказ... А погода – нелётная. За ночь выпал обильный снег, толстым слоем покрыл лётное поле. Видимость не превышает километра. Требовалось большое искусство, чтобы оторвать от земли боевые машины с полным полётным весом. Первым вырывается на старт наш, флагманский, самолёт. Зелёная ракета – и он тяжело сходит с места. Долго бежит по стартовой полосе... Умелые руки Н. А. Токарева мастерски отрывают самолёт от земли, и он медленно, с трудом набирает высоту. И так, звено за звеном, все боевые машины, поднявшись в воздух, на догоне пристраиваются к ведущему.

На аэродроме начался взлёт второй эскадрильи... Один из её самолётов при разбеге не выдержал направления, развернулся на 90 градусов, ударился о препятствие и взорвался вместе с бомбами и экипажем. Мы видели это с воздуха. Сразу испортилось настроение... Летим над Финским заливом на запад. Сплошные кучевые облака прижимают к воде. Временами идёт снег. Мы под самой кромкой облаков... Точных данных о месте броненосца у нас не было. Мы вынуждены искать его в шхерном районе Аландских островов. Здесь много мелких каменных рифов, похожих на крупные корабли, они сильно затрудняют поиск. Мы уже больше часа летаем, а броненосца нет и нет... До наступления темноты оставалось не более часа. Необходимо было решать, куда лететь, чтобы сбросить бомбы и возвращаться на свой аэродром. На мой вопрос командиру, на какую запасную цель пойдём, Николай Александрович быстро ответил: «На самую важную!»...

По советским самолётам вела огонь зенитная артиллерия противника, по сторонам вспухали шапки разрывов снарядов. И всё-таки они вышли на избранную цель. Командир эскадрильи был доволен результатами удара, несколько раз по переговорному устройству говорил, что она имеет не меньшее значение, чем потопление броненосца береговой обороны. На аэродром вернулись затемно... О результатах вылета Н. А. Токареву пришлось докладывать командующему Военно-воздушными силами Балтийского флота.

Бомбы сбрасывались с высоты 1500 м через просветы в облаках, и точность бомбометания оказалась весьма низкой. Вместо порта бомбы 15 ФАБ-500 и 30 ФАБ-100 упали на густонаселённый район г. Хельсинки, между Техническим университетом и автовокзалом, едва не угодив в здание парламента. По сообщениям прессы стали известны результаты налёта советской авиации: 91 человек погиб, ещё 236 были ранены, в т.ч. 36 получили тяжёлые ранения. По числу жертв среди мирного населения налёт эскадрильи Н. А. Токарева на Хельсинки на тот момент стал вторым в Европе. Больше число жертв имелось только после налёта бомбардировщиков из «Легиона «Кондор» на г. Герника в Испании. Международное сообщество было возмущено варварской бомбардировкой финской столицы. Потом были: Ковентри, Сталинград, Дрезден. Между тем операция по бомбёжке стоила авиации Балтийского флота четырёх бомбардировщиков: два упали в воду, два разбились – один на взлёте, другой на посадке из-за потери направления. На следующий день эскадрилья Н. А. Токарева повторила налёт на Хельсинки.

Лётчики у готового к вылету бомбардировщика

5 декабря 1940 г. был дан ответ на телеграмму Генерального секретаря Лиги Наций Ж. Аvenoля, в которой утверждается, что «СССР внезапно напал утром 30 ноября с.г. не только на пограничные позиции, но также и на открытые финляндские города, сея смерть и опустошения среди гражданского населения, особенно воздушными атаками...» По поручению Правительства Советского Союза Председатель Совета Народных Комиссаров В. М. Молотов в свою очередь уведомил Ж. Аvenoля: «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финляндскому народу... Со-

ветский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря с.г. заключён договор о взаимопомощи и дружбе...»

На запрос Генсека Лиги Наций относительно произошедшего – уже нарком иностранных дел В. М. Молотов делал вымышленное заявление: никакой бомбёжки города не было, самолёты сбрасывали корзины с хлебом для голодающего финляндского пролетариата. В ответ на протест президента США Ф. Рузвельта последовал ответ в газете «Известия» за 5 декабря 1939 г.: «Советская авиация не бомбила и не собирается бомбить город, а наше правительство уважает интересы финского народа не меньше, чем любое другое правительство. Конечно, из Америки, находящейся более чем за восемь тысяч километров от Финляндии, это не заметно».

Тем не менее, 14 декабря 1941 г. Совет Лиги Наций только 7 голосами из 15 членов Совета проголосовал за «исключение» СССР из Лиги Наций. Из этих 7 только 4 постоянных члена (Англия, Франция, Бельгия и Доминиканская Республика; 3 – непостоянные: Южно-Африканский Союз, Боливия и временно введённый Египет. То есть из 7 голосовавших 3 подобраны специальным образом. Как сообщило ТАСС от 16 декабря 1939 г.: «Этими скандальными махинациями представители Англии и Франции окончательно подорвали всякий политический и моральный вес своего голосования...»

Кстати, когда 3 октября 1935 г. войска фашистской Италии вторглись в Эфиопию, большинство членов Лиги Наций не пожелали даже выслушать жертву агрессии, императора Эфиопии Хайле Селассие, и покинули зал заседаний!

Потери «сталинских соколов»

Опыт советских боёв с белофиннами выявил значительные просчёты в действиях советской авиации. Важнейшим из них была некачественная подготовка лётного состава к полётам в облаках и ночью, на малых высотах, с полной боевой нагрузкой. Невысокой оказалась штурманская подготовка, слабое знание театра военных действий. Ну и, конечно, если не главное, – недостаточно надёжная матчасть. В результате авиация Балтийского флота потеряла 63 самолёта, но только 17 из них погибли в боях.

По словам историка В. Швабедиссена, советско-финляндская война свидетельствовала об отсутствии должным образом подготовленных планов использования ВВС и не показала никаких концентрированных усилий в операциях военно-воздушных сил. Да и авиатехника, надо сказать, была далека от совершенства. В ходе войны продолжалась конструктивная доработка дальнего бомбардировщика. Бригада, руководимая С. В. Ильюшиным, в 1935 г. сдала на лётные испытания новый двухмоторный бомбардировщик ЦКБ-26.

Так как машина понравилась И. В. Сталину, то ещё не закончив испытания, уже 5 августа 1936 г. она была принята на вооружение под обозначением ДБ-3. Первые дальние бомбардировщики этой модели советские ВВС получили в мае 1937 г. За создание этого типа самолёта С. В. Ильюшин был удо-

стоен ордена Ленина, первого из его восьми подобных орденов. Но из-за большой трудоёмкости при сборке и сложности конструкции массовый выпуск самолёта на заводах в Воронеже и Комсомольске-на-Амуре удалось наладить только в 1938 году. Зарубежным аналогом дальнего бомбардировщика-3 Ильюшина можно считать немецкий бомбардировщик «Do-17».

В 1938 г. главный конструктор авиазавода № 39 С. В. Ильюшин приступил к глубокой модернизации своего детища. На ДБ-3б установили двигатели М-85 – копии моторов французской фирмы. Они представляли 14-цилиндровую двухрядную звезду. Впоследствии поставили М-87А/Б. Надёжность моторов этого типа низкая. В самолёте не было автопилота, обогрева кабин. Внутри крыльев размещались бензобаки большого объёма, вес топлива доходил до 27% полётного веса самолёта. Скорость составляла 320 км/час. Конструкторы стремились снизить трудоёмкость процесса сборки: если ранее на постройку одного бомбардировщика требовалось затратить 30000 часов, то после модернизации – 14000. Устанавливался перспективный мотор М-88. Бомбардировщики 3б составили основу советской дальней авиации, они выпускались и в варианте морского торпедоносца ДБ-3Т.

19 мая 1939 г. С. В. Ильюшин выкатил на заводские испытания новую модификацию дальнего бомбардировщика с двигателями М-88. Первые же полёты обнаружили многочисленные дефекты. Запуск в массовую серию конструктивно не доведённого бомбардировщика с капризными «саморазрушающимися» двигателями привёл к тому, что на протяжении шести месяцев авиапромышленность выдавала самолёты, практически не пригодные к эксплуатации.

После обещания И. В. Сталину наркома авиапромышленности А. И. Шахурина исправить все недостатки и представить на госиспытание «улучшенный образец» вождь разрешил временно принимать самолёты с «пониженными данными». Зимняя война выявила целый букет «детских болезней» авиационной промышленности.

А между тем лётчики отмечали недостатки бомбардировщика и в пилотировании. В полёте его сопровождала неустойчивость. Так как не было автопилота, лётчик постоянно должен был реагировать на все отклонения, самолёт буквально «висел» на штурвале, не позволяя пилоту отвлечься ни на минуту в многочасовом полёте. Самолёт имел большую дистанцию разбега, сложность выдерживания направления курса взлёта. Деревянная кабина штурмана часто отламывалась при посадке. ДБ-3 был чрезвычайно сложным в эксплуатации. Лётная машина сдавалась со множеством производственных дефектов. Отмечались течи топлива, трещины в топливных баках, отказы тормозов, недостаточная прочность и разрушение основных стоек шасси. Вследствие всего этого – высокая аварийность.

Василий Алексеевич Гречишников совершил на таком самолёте более 50 боевых вылетов. В 1940 г. он был награждён орденом Красного Знамени. В связи с переводом майора Н. А. Токарева на Черноморский флот назначен командиром 2-й авиационной эскадрильи 1-го минно-торпедного полка 8-й бомбардировочной авиационной бригады Краснознамённого Балтийского флота. Кстати, Указом от 21 апреля 1940 г. майору Н. А. Токареву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Итоги действия авиации в советско-финляндской войне из разных источников выглядят поразному: ВВС Финляндии выполнили 5693 боевых вылета и сбили 521 советский самолёт. Из них 314 машин сбили зенитки. Свои потери финны оценивают так: 76 сбитыми и 51 серьёзно повреждёнными.

Советская авиация выполнила 100970 вылетов. При этом ВВС РККА и КБФ уничтожили 362 «белофинских самолёта». Собственные потери: 261 самолёт – сбитыми или совершившими посадки за линией фронта, ещё 86 пропали без вести и 227 «погибли в авариях и катастрофах». Всего – 574, в т.ч. около сотни ДБ-3 и два тяжёлых ТБ-3. По другим данным, 627 самолётов. Из них 37,6% сбито в бою, 13,7% пропали без вести, 28,87% потеряны в результате аварий и катастроф. 19,78% получили повреждения, не позволившие вернуть их в строй. Не боевые потери составляли 48,65%!

По другим данным, наши потери составили 554 самолёта из 4000, принимавших участие. А финляндские, – 139 из 362 «пропущенных через себя» (168 своих, плюс 194 полученных от союзников). Наши потери (554 от 4000 участвовавших) составили около 14%. Финские потери (139 от 362 участвовавших) составили 40%, а от её первоначального состава – свыше 95%. За всё время боевых действий «сталинские соколы» совершили 100940 боевых вылетов, а финны – менее 7000. Следовательно, в советской авиации один потерянный самолёт приходится на 182 вылета, а в финляндской авиации – примерно 50! Таким образом, в процентном отношении потери «Суоми Ильмавоиман» превышают советские в три с половиной раза! И ещё один фактор: советские бомбардировщики сбросили на противника 25646 тонн бомб, финские – 184 тонны.

За участие в советско-финляндской войне 60 авиаторов удостоены звания Героя Советского Союза из 412 Героев советско-финляндской войны. Отмечая успехи, командование авиации Балтийского флота делало и такие неутешительные выводы: «...некачественная подготовка значительной части лётного состава к полётам в облаках и ночью, на малых высотах, с полной бомбовой нагрузкой. Невысокой оказалась и штурманская подготовка, проявились слабые знания театра военных действий. В двадцати случаях терялась ориентировка, восемь полётов закончились аварией и катастрофой. Не было опыта групповых воздушных боёв». Итогом такого положения явилось то, что авиация КБФ потеряла 63 машины, но только 17 погибли от воздействия истребителей и зенитного огня противника. Остальные 46 самолётов, или 73%, относятся к небоевым потерям!

Нарком обороны С. К. Тимошенко в 1940 году отмечал: аварийность и катастрофы в авиации продолжали оставаться высокими вследствие слабой подготовки лётного состава, незнания ими материальной части, низкой дисциплинированности, неорганизованности лётной работы и безответственности командиров частей и бригад за происшедшие аварии и катастрофы.

Командир эскадрильи минно-торпедного авиаполка

В Великой Отечественной В. А. Гречишников воевал с июня 1941 года командиром 2-й эскадрильи 1-го минно-торпедного авиаполка 8-й бомбардировочной авиабригады ВВС Краснознамённого Балтийского флота. Он командовал молодёжной эскадрилей, в которую за месяц до начала войны вошли выпускники авиационных училищ. Благодаря стараниям командира молодёжь образцово справлялась с боевыми задачами, училась летать в сложных метеоусловиях, смело вступала в поединки с истребителями. В июле 1941-го эскадрилья насчитывала 88 самолёто-вылетов на боевые задания с налётом 430 часов. При этом сам В. А. Гречишников вылетал 20 раз, уничтожал танковые колонны, транспорты, наносил бомбардировочные удары по военно-морским базам Финляндии, ставшей союзницей фашистской Германии.

С началом Великой Отечественной войны на Ленинград двигалась группа армий «Север» генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Лееба. С воздуха её прикрывал 1-й воздушный флот генерал-полковника Альфреда Келлера, состоявший в основном из 1-го корпуса (523 самолёта). Ранним утром 24 июня 1941 г. на выполнение первой боевой задачи в Великой Отечественной войне – уничтожение немецкого морского десанта, обнаруженного в двадцати милях севернее Либавы, – в полном составе вылетели два полка. К сожалению, разведанные оказались не точными, морской десант противника лётчиками обнаружен не был, и тогда все семьдесят бомбардировщиков и торпедоносцев нанесли удар по запасной цели – порту Мемель (Клайпеда), где базировались немецкие корабли. На аэродром не вернулись два самолёта.

26 и 27 июня 1941 г. 1-й минно-торпедный авиаполк наносил бомбовые удары по аэродромам Лахти и Лаппенранта. Было уничтожено более полутора десятков вражеских самолётов. 28 и 29 июня лётчики бомбили артиллерийский завод в городе Турку и вели интенсивную разведку в Балтийском море. А в ночное время ставили мины с воздуха на фарватерах военно-морских баз Котка, Турку и Хельсинки. 26 июня немецкие диверсанты захватили мосты в районе Даугавпилса для наступающих танков 8-й танковой дивизии 56-го моторизованного корпуса Эриха фон Манштейна. А 29 июня немцы оборудовали переправы в районе Екабпилса и с их помощью форсировали Западную Двину соединения 41-го моторизованного корпуса генерал-лейтенанта Георга Рейнгардта.

Чтобы затруднить врагу действия по форсированию Западной Двины, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение нанести по мостам и переправам, по войскам противника массированный удар совместно всеми силами бомбардировщиков ВВС фронта и бомбардировочными полками Балтийского флота. Так как места базирования этих полков находились за 250–400 км от цели, то истребители не могли их сопровождать. Привлечь истребители Северо-Западного фронта не позволяли организационные сложности. 30 июня 1941 г. при облачной дождливой погоде свыше ста самолётов 8-й бомбардировочной авиабригады ВВС КБФ были направлены в район Даугавпилса с задачей разрушения переправы через Даугаву и уничтожения танков и живой силы противника, пытавшихся форсировать реку. В этом вылете принимал участие и 1-й минно-торпедный полк 8-й авиабригады ВВС КБФ в полном составе. 1-я и 2-я авиаэскадрильи взлетели с аэродрома Копорье, а 3-я и 4-я с аэродрома Беззаботное в 11:07 в количестве 32 самолётов ДБ-3Г. К 14:20 первые самолёты подошли к цели. Морским лётчикам, проявившим хладнокровие, мужество и героизм, приходилось не столько бомбить боевые порядки войск противника, сколько отбиваться от наседавших со всех

сторон немецких самолётов истребительной эскадры «JG-54» – «Зелёное сердце» – капитана Дитриха Храбака. В люфтваффе её прозвали «зелёными жо...ами». Ведь наши бомбардировщики шли без прикрытия. Пятнадцать вражеских стервятников были сбиты только нашими воздушными стрелками.

В целом поставленная задача была выполнена, переправа через Даугаву разрушена, но очень дорогой ценой. В этом бою экипаж ДБ-3Т младшего лейтенанта Петра Игашова на подбитом, пылающем бомбардировщике совершил единственный в мире воздушный и огненный таран наземной цели. Стрелок-радист В. Л. Новиков сбил одного стервятника. Когда к загоревшемуся нашему самолёту приблизился второй истребитель, его тараном сбил командир экипажа и направил полностью снаряжённый бомбардировщик в сторону леса на скопление техники фашистов. Но только спустя полвека, 6 июля 1995 года, Указом Президента России № 679 всему экипажу П. С. Игашова за этот уникальный подвиг было присвоено звание Героя России.

В этом бою 30 июня шестёрка самолётов под командованием В. А. Гречишникова, снизившись до высоты 300 метров, сразу потеряла две машины и тут же ушла в облака. Группа рассыпалась в условиях плохой видимости. Далее лётчики действовали самостоятельно, подвергаясь атакам истребителей. Тяжёлые повреждения получили ещё три бомбардировщика. Два из них на обратном пути совершили посадку на «брюхо». Самолёт комэска-2 В. А. Гречишникова также был повреждён в этом бою. Несмотря на то, что один двигатель отказал, он на одном моторе пролетел свыше 400 км (!) и ему удалось, перетянув линию фронта, совершить вынужденную посадку на своей территории близ железнодорожной станции Плюсса.

Как вспоминал генерал Эрих фон Манштейн: «...советская авиация прилагала все усилия, чтобы разрушить воздушными налётами попавшие в наши руки мосты. С удивительным упорством, на небольшой высоте одна эскадрилья летела за другой с единственным результатом – их сбивали. Только за один день наши истребители и зенитная артиллерия сбили 64 советских самолёта».

По немецким данным, 30 июня II и III группы (авиаполки) эскадры «Зелёное сердце» потеряли 9 Me-109. Наши потери были в три раза больше немецких... Авиация Балтийского флота потеряла 31 бомбардировщик. 1-й минно-торпедный полк потерял 13 (11) машин и 10 экипажей, 10 самолётов были повреждены и нуждались в серьёзном ремонте. К концу дня в полку остался 21 исправный ДБ-3Т. По отчётам полка, на противника было сброшено 30 авиабомб. Уничтожено 50 единиц бронетехники, около 200 автомашин, много живой силы.

Такие большие, а главное, неоправданные и неэффективные, потери дальних бомбардировщиков были вызваны неграмотными, если не назвать более объективно – паническими и преступными, приказами высших должностных лиц. Дальний, тяжёлый бомбардировщик по своим данным не может гоняться за тоненькой, извивающейся цепочкой мехколонной или поразить точно-линейную цель – мост, переправу. Бомбы на немецкие механизированные колонны сбрасывались с небольшой высоты с горизонтального полёта. В результате большие самолёты становились лёгкой добычей сильного огня зенитной артиллерии и ружейного огня. Как правило, бомбардировщики действовали без истребительного прикрытия. Поэтому те экипажи, которым повезло, возвращались на свой аэродром без самолётов пешком. К тому же из-за дефицита только ведущие экипажи наших групп имели полётную карту и были информированы относительно задачи, поставленной перед группой. Поэтому если сбивали ведущего, группа рассеивалась, и выполнение задания остальными часто становилось невозможным. Его ведомые лётчики не знали.

В первых числах июля 1941 г. немецко-фашистские войска всё-таки форсировали Западную Двину и вышли в район Лужского оборонительного рубежа. Передовые части 4-й немецкой танковой армии генерал-полковника Эриха Гёпнера подошли к г. Кингисепп. ВВС Балтийского флота, взаимодействуя с войсками Северо-Западного фронта, днём и ночью наносили удары по танкам и живой силе противника в районах г. Луги, г. Осьмино, озера Самро, г. Кингисеппа. Экипажи делали по три-четыре вылета в день. Даже те, которые направлялись на разведку в Балтийское море, обязаны были вначале залетать за линию фронта для нанесения бомбовых ударов по войскам противника. Поэтому продолжительность разведывательных полётов достигала шести часов, а иногда и больше. В светлое время суток разведчики часто перехватывались истребителями противника. Пять экипажей разведчиков за это время не вернулись с боевого задания.

Как указано в наградном листе, 7 июля 1941 г. при бомбардировочном ударе по порту финляндской военно-морской базы Котка экипаж В. А. Гречишникова уничтожил один военный транспорт, разрушил судоремонтные мастерские, поджёг лесопильный завод и без потерь привёл свою эскадрилью обратно на точку.

12 июля авиаразведка обнаружила большой конвой противника. 1-й минно-торпедный полк получил приказ нанести бомбовый удар по военным транспортам противника. Вспоминает генерал-лейтенант П. И. Хохлов:

«Как ни спешил личный состав с подготовкой к вылету, лётным экипажам удалось подняться в воздух только в 21 час 20 минут – уже в наступивших сумерках. Вылетело двенадцать самолётов Ил-4. Под каждым из них висело по три бомбы ФАБ-500. Ведущим был наш флагманский экипаж. Весь личный состав авиагруппы был подготовлен к полётам ночью в составе эскадрильи. Наш маршрут: Беззаботное – Котлы – Пярну – Ирбенский пролив и далее вдоль побережья Латвии на юг, до г. Либавы.

До Рижского залива погода была сложной. Кучевая облачность 6–7 баллов с нижней кромкой до 200 метров простиралась на всём участке маршрута. Временами шёл моросящий дождь. Летели под облаками. Самолёты сильно болтало. Южнее нас вдали сверкали молнии. Видимость резко ухудшалась. Пилотировать самолёты было трудно, тем более что полёт осуществлялся строем, но без включённых бортовых навигационных огней... Приходилось полагаться только на визуальное обнаружение целей. Корабли и транспорты противника, конечно, шли, маскируясь, без включённых огней, при полном радиомолчании. Стало ясно: обнаружить конвой в тёмную ночь невозможно. По установленному маршруту летим к линии фронта и там, в районе г. Кингисеппа, сбрасываем на противника бомбовый груз.

Через три часа сорок минут после взлёта эскадрилья произвела посадку на своём аэродроме... Не успели мы заявиться на командный пункт полка для доклада, как из штаба авиабригады поступила новая команда на вылет нашей авиагруппы с прежней задачей...

И вот снова, в 1 час 40 минут, теперь уже 13 июля 1941 г., эскадрилья взлетела и прежним маршрутом пошла в море. И вновь, ничего не обнаружив, мы вернулись на свой аэродром, предварительно, конечно, завернув за линию фронта и сбросив на противника бомбы».

А между тем крупный вражеский конвой, прикрываясь темнотой и берегом, шёл на север. Когда сторожевые корабли Балтийского флота обнаружили, что конвой входит в Рижский залив, вновь прозвучала команда на взлёт. Задача прежняя. Лётный состав изнемогал от усталости. От перенапряжения болели глаза...

«В 5 часов наши экипажи вновь в воздухе, – рассказывает П. И. Хохлов. – Рижского залива достигли как раз в тот момент, когда на горизонте показался красно-оранжевый диск солнца... Летим на высоте 2000 метров, в плотном боевом порядке. Под фюзеляжами самолётов, как и ранее, по три ФАБ-500... Видим лёгкий крейсер противника, следующий курсом на север... Решаем зайти для удара по крейсеру со стороны солнца. При этом манёвре с севера на восток я и увидел конвой из судов. Большой, он шёл у самого берега южной части залива, держа направление к Риге. Шёл четырьмя параллельными колоннами, по десять транспортов в каждой... Отчётливо видны верхние палубы транспортов... Палубы забиты танками, самоходными орудиями... В радиусе трёх-четырёх километров от конвоя маневрируют, ведя зенитный огонь, несколько сторожевых кораблей и два миноносца. Истребительного прикрытия пока не видно, но его следует ожидать... В центре третьей параллельной колонны бросается в глаза особенно крупный транспорт. Его палуба отликает красным цветом. Водоизмещение не менее 10–12 тысяч тонн...»

Первый заход на цель не дал желаемых результатов. Лишь одна из двенадцати сброшенных бомб взорвалась рядом с транспортом, остальные прошли с перелётом в 30–40 метров. И всё-таки транспорт получил повреждение, потерял ход, стал отворачивать влево, а затем застыл на месте. К нему подошли почти вплотную два других транспорта из этой же колонны. Цель увеличилась в своих размерах.

Советские экипажи совершают повторный заход. И четыре бомбы из сброшенных двадцати четырёх точно попадают в цель. Особенно метким оказалось звено, ведомое капитаном В. А. Гречишниковым (штурман – старший лейтенант А. И. Власов). В транспорт угодили три бомбы ФАБ-500, и от страшной силы взрыва он переломился. Вверх поднялись корма, носовая часть, и всё это скрылось под водой. На корме второго транспорта разразился пожар. Высоко вверх поднялся столб чёрного дыма. Транспорт медленно, с большим правым креном стал погружаться в воду. Стрелок-радист флагманского самолёта старшина Казунов смог удачно сфотографировать гибель двух фашистских транспортов...

Третьего захода не могло быть. Весь боезапас эскадрильи был израсходован. По радио В. Гречишников донёс в штаб полка и авиабригады, что обнаружили конвой в Рижском заливе, о его составе,

скорости хода, направлении движения. Сообщил также об удачном бомбоударе и его результатах – о потоплении двух транспортов. На обратном пути в районе г. Пярну экипажи встретили эскадрилью торпедоносцев своего же полка. Она шла на тот же обнаруженный конвой. «Покачав плоскостями своих самолётов, мы пожелали нашим боевым друзьям удачи и успеха, – завершает воспоминания П. И. Хохлов. – Это был первый боевой успех нашего полка на море».

Против вражеского морского конвоя 13 июля 1941 г. авиация флота выполнила 75 самолётных вылетов. По советским источникам, были потоплены 4 транспорта, повреждены 8 судов, 1 эсминец и 1 сторожевик. В течение июля авиаполк действовал в основном в интересах Северо-Западного фронта. Он наносит бомбовые удары по войскам противника в районе Луги, Осьмино, Кингисеппа, Гдова, Пскова, Порхова, Дно, Таллина, озера Самро.

21 июля в 22.07 прозвучало обращение к москвичам: «Внимание! Граждане, воздушная тревога». Начались налёты и воздушная битва за Москву.

Задача экипажам: погасить огни Берлина!

26 июля 1941 г. нарком военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов провёл совещание в Москве по поводу налётов немецкой авиации на Москву. О предлагаемых налётах на Берлин бомбардировщиков морской авиации докладывал генерал-лейтенант Семён Фёдорович Жаворонков. Он объяснил, что это предложение было тщательно изучено специалистами штаба военно-воздушных сил ВМФ, которые дали обоснованное заключение о возможности таких налётов. Радиус действия дальних бомбардировщиков позволял им с острова Сааремаа (Эзель) Моонзундского архипелага достигнуть столицы фашистской Германии. Лететь придётся по прямой над Балтийским морем, ночью, вслепую, ибо никаких ориентиров там нет, а затем, уже над территорией Германии, на большой высоте, чтобы не попасть под огонь зениток. Расчётного запаса топлива – бензина и масла – должно хватить, но при условии, что бомбовая нагрузка не превысит 750 килограммов. Продолжительность полёта в оба конца составит около семи часов.

28 июля 1941 г. адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов предложил И. В. Сталину нанести удар по столице фашистской Германии – Берлину – силами минно-торпедной авиации военно-морского флота. Ставка утвердила это предложение.

29 июля 1941 г. по приказу Ставки Верховного Главнокомандующего на базе 1-го минно-торпедного полка ВВС Балтийского флота была создана авиагруппа особого назначения в составе двадцати экипажей. Основной задачей авиагруппы являлось нанесение бомбового удара по Берлину. Для аэродрома базирования был выбран грунтовый аэродром на о. Эзель (Сааремаа). Остров имел 20 км в ширину и километров 25 в длину.

Капитан В. А. Гречишников был назначен командиром звена в этой авиагруппе.

На подготовку к перебазированию было отведено всего два дня. В августе 1-му минно-торпедному и 57-му бомбардировочному полкам были переданы 26 менее изношенных тяжёлых бомбардировщиков.

2 (4) августа 1941 г. в 10:00 тринадцать машин авиагруппы во главе с полковником Е. Н. Преображенским прибыли на аэродром Кагул, район юго-восточной части на острове Сааремаа (Эзель) западнее бухты Куресааре. Второй аэродром Аста был ещё меньше и для ДБ-3Т не годился. Бомбы и топливо в бухту Куресааре доставили скрытно морским путём.

Вскоре туда же отправился командующий ВВС ВМФ СССР генерал-лейтенант С. Ф. Жаворонков. Полк пополнился торпедоносцами ДБ-3Т, перелетевшими на остров Сааремаа (Эзель). Существенным отличием ДБ-3Т являлось наличие у него нижней люковой стрелковой установки и четвёртого члена экипажа. Лётные экипажи располагались в Паадлаской школе. Лётчики и штурманы готовились к удару по Берлину.

От о. Сааремаа (Эзель) до г. Штеттина (Щецина) маршрут полёта был проложен напрямую через Балтийское море и только потом до Берлина – над землёй. Ориентиры в море – шведский остров Готланд и датский остров Борнхольм. Расстояние в оба конца – 1760 километров, в том числе 1400 километров над морем. Высота полёта предполагалась близкой к практическому потолку – около 7000 метров. Времени на полёт при условии одного захода на цель требовалось в среднем около семи часов. По расчётам, горючего должно было хватить для возвращения на свой аэродром. В случае же штурманской ошибки при выходе на цель и удлинении маршрута самолёт мог не дотянуть до Кагула и ему пришлось бы садиться на воду или на занятую противником территорию. Для оказания помощи севшим в море бомбардировщикам на морской аэродром у посёлка Кихельконна уже прилетели

две двухмоторные летающие лодки Че-2. Если же придётся садиться на занятой противником территории, то следует сжечь самолёт и через линию фронта пробиваться к своим. Запасной аэродром – в Асте, а если хватит бензина – на материке. От штурманов требовалось особо высокое мастерство вождения самолёта: определить своё место над морем на любом участке полёта при плохой видимости чрезвычайно трудно, ориентироваться придётся лишь по компасу, точному расчёту времени и скорости полёта с поправкой на метеоусловия.

Особое внимание полковник Е. Н. Преображенский обратил на изучение целей. Каждому самолёту он выделил военный объект с тем, чтобы как можно шире рассредоточиться над Берлином и охватить бомбардировкой весь город.

Лётчики и штурманы тщательно изучили карту Берлина. В городе имелось десять самолётостроительных, семь авиамоторных и восемь заводов авиавооружения, двадцать два станкостроительных и металлургических завода, семь – электрооборудования и тринадцать газовых, десятки складов военно-промышленного оборудования. Берлин обеспечивали электроэнергией семь электростанций, в его черте были двадцать четыре железнодорожные станции. Основными объектами бомбового удара являлись танкостроительный и авиамоторный завод «Даймлер-Бенц», заводы «Хейнкель», «Фокке-Вульф», «Шварц», «Симменс», «Цеппелин», железнодорожные станции, на которых сосредоточивались воинские эшелоны с вооружением и боеприпасами для восточного фронта, и электростанции.

Запасными целями являлись г. Штеттин (Щецин) – пункт ввоза железной руды из Швеции и г. Кенигсберг со своими крупнейшими кораблестроительными верфями, паровозо- и вагоностроительными, химическими, литейными и машиностроительными заводами и складами горючего. Второстепенные запасные цели – ВМБ Данциг (Гданьск), Гдыня, Пиллау, Мемель (Клайпеда) и Либава, где базировались корабли и суда немецкого военно-морского флота – кригсмарине.

Задачей каждого экипажа было долететь до Берлина. И только в случае неполадок в материальной части разрешалось сбросить бомбы на запасную цель.

Расстояние от острова Сааремаа (Эзель) до Берлина и обратно ДБ-3Т по своим тактико-техническим данным перекрывал свободно. Однако из-за изношенности моторов этот маршрут для самолётов группы являлся предельным по дальности. За пять недель войны самолёты использовались в боях без какого-либо ограничения. Кроме этого, следовало особо учитывать и бомбовую нагрузку, и погоду, и высоту полёта, и крейсерскую скорость, и то, что взлетать перегруженным машинам придётся с грунтовой, недостаточно твёрдой взлётной полосы.

В ночь на 3 августа 1941 г. экипажи группы слетали на разведку погоды и сбросили бомбы на ближний объект – г. Свиномюнде (Свиноуйсьце). Самолёты были полностью заправлены горючим и боезапасом как бы для полёта на Берлин – и поднялись с аэродрома Кагул на о. Сааремаа. Операция показала, что отлично тренированные лётчики могут стартовать на тяжёлых машинах и с этого ограниченного маленького аэродрома. 5 августа 1941 г. авиагруппа особого назначения была полностью готова к выполнению боевой задачи. Из Беззаботного на аэродром Кагул перелетели оставшиеся семь самолётов авиагруппы.

В ночь на 6 августа пять экипажей отправились в разведывательный полёт на Берлин. Было установлено: зенитная оборона расположена кольцом вокруг города в радиусе ста километров и имеет много прожекторов, способных действовать до высоты 6 тысяч метров. После посадки остаток топлива составил 20%. Немцы не обнаружили летящие на большой высоте самолёты.

С утра до позднего вечера летающие лодки Че-2 летали на дальнюю разведку погоды по маршруту вплоть до г. Штеттина. Их метеосводки изучал начальник штаба авиагруппы. Сведения были неутешительными. Благоприятная погода ожидалась не ранее 8 августа.

Командующий ВВС ВМФ генерал-лейтенант С. Ф. Жаворонков принял решение первый удар по Берлину нанести в ночь на 8 августа 1941 г., о чём дал шифровку наркому ВМФ.

Последнее время В. А. Гречишников, как вспоминают сослуживцы, держался обособленно, был замкнут, раздражён. Военком полка Г. З. Оганезов сомневался, целесообразно ли в таком состоянии выпускать его в ответственный полёт, хотя он один из самых опытных лётчиков в полку. Генерал-лейтенант авиации П. И. Хохлов пишет:

«Григория Захаровича Оганезова я застал беседующим с командиром второй эскадрильи капитаном В. А. Гречишниковым. У того – удручённый вид, что необычно для этого всегда жизнерадостного офицера. Глаза воспалены, на лице выступили красные пятна. Что-то неладно с ним? Да, случилось. Гречишников получил недобрые вести из дому.

– Да, тяжело тебе, Василий, сочувствую твоему горю, – говорит Г. З. Оганезов. – Счёт у тебя к немцам – за мать.

– Только ли за мать, товарищ комиссар? А за жену! А за детей! – И В. А. Гречишников рассказывает ещё одну тяжкую историю.

В июне он вместе с женой и детьми проводил отпуск в белорусском селе Петрикове на р. Припять на запад от г. Мозыря. 22 числа его, лётчика, срочной телеграммой отозвали в часть. А жена Ксения с двумя детьми осталась у своих родителей. Село быстро оккупировали немцы. Что теперь с женой, с детьми?

– Много бед на тебя навалилось, – вздохнул комиссар. – А может, не стоит тебе лететь сегодня в таком состоянии? Успокойся, приди в себя, а там, во втором полёте...

– Да что вы, товарищ батальонный комиссар! – вспыхнул Гречишников. – Да я пешком готов дойти до Берлина, чтобы поквитаться с этими гадами.

– Тогда лети, дружище, – Г. З. Оганезов обнял лётчика. – Бей фашистскую нечисть...»

Полковник Е. Н. Преображенский считал первый налёт разведывательным и потому брал в него в основном командирские кадры. Первое звено должен был возглавить он сам. В его состав входили экипажи капитана М. Н. Плоткина, старшего лейтенанта П. Н. Трычкова и лейтенанта Н. Ф. Дашковского. Вторым звеном командовал капитан В. А. Гречишников. С ним шли экипажи капитана Г. К. Беляева, старших лейтенантов А. И. Фокина и Финягина. Третьим звеном командовал капитан А. Я. Ефремов. В его составе летели экипажи капитана Есина, старшего лейтенанта Русакова и лейтенантов А. Ф. Кравченко и Александрова.

Накануне из Москвы, из штаба ВВС Военно-морского флота, были присланы план Берлина с помеченными целями и схемы противовоздушной обороны.

7 августа 1941 г. с раннего утра инженеры, техники, мотористы, оружейники начали готовить пятнадцать (13) дальних бомбардировщиков ДБ-3Т к полёту. К 15 часам самолёты уже были готовы: с них сняли всё ненужное для этого вылета оборудование, до отказа заправили баки бензином, проверили связь и навигационные приборы, испытали пулемёты, опробовали моторы. В каждый самолёт загрузили по 800 кг бомб: шесть ФАБ-100 и четыре ЗАБ-50.

К этому времени, 8 августа, войска группы армии «Север» генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Лееба перешли в наступление на кингисеппском направлении, вечером захватили Шлиссельбург. Город оказался в блокаде. А спустя двое суток двинулись на Лугу и Новгород.

Инструктаж экипажам был коротким: порядок взлёта – звеньями, с интервалом через пятнадцать минут; строй в воздухе – «ромб»; высота полёта над морем – в зависимости от погоды; высота над целью – не менее шести тысяч метров; рассредоточение над городом – по сигналу: мигание огнями; возвращение в Кагул – самостоятельно, по прежнему маршруту. Особенность полёта в том, что тяжелогружённый бомбардировщик буквально «висел» на штурвале, не позволяя лётчику отвлечься и как можно точнее выйти на цели и больше времени воздействовать на Берлин.

Полковник Преображенский Е. Н. и капитан Хохлов П. И. 1941 г.

В целях обеспечения скрытности на пути к Берлину радиостанциями пользоваться запрещалось. Воздушным стрелкам открывать огонь при встречах с немецкими ночными истребителями также было запрещено, чтобы не демаскировать себя вспышками выстрелов.

7 августа 1941 г. после отдыха и ужина в 20.00 построился весь личный состав группы. За ними стояли двенадцать бомбардировщиков, готовых к вылету. Последнюю метеосводку штурманы получили за час до вылета. На маршруте полёта ожидается густая облачность, дождь, туман.

Е. Н. Преображенский посмотрел на часы и, обратившись к С. Ф. Жаворонкову, спросил:

– Товарищ генерал, разрешите приступить к выполнению операции?

– Приступайте, Евгений Николаевич.

– По самолётам! – раздалась команда Е. Н. Преображенского.

Лётчики и штурманы направились к своим машинам, возле которых уже стояли стрелки-радисты, воздушные стрелки, инженеры и техники самолётов.

Преображенский, Хохлов, Кротенко и Рудаков поднялись в свои кабины. И сразу же фигура Хохлова показалась наверху, в открытом астролоке. Флагштурман с ракетницей застыл в ожидании команды.

– Сигнал! – приказал Преображенский.

Над аэродромом взвилась пущенная Хохловым зелёная ракета.

– От винта! – послышались команды.

И аэродром сразу ожил. Лётчики прогревали двигатели, опробовали их. Над аэродромом уже ходили кругами истребители для прикрытия бомбардировщиков от возможного нападения немецких самолётов.

«Иду на Берлин!»

Первой вырулила на взлёт флагманская машина. Сам Жаворонков показал белым флажком на взлётную полосу и приложил руку к фуражке прощаясь.

В 21.00 самолёт Е. Н. Преображенского, натужно ревя моторами, пошёл на взлёт. Следом за ним пошли друг за другом дальние бомбардировщики капитана М. Н. Плоткина, старшего лейтенанта П. Н. Трычкова и лейтенанта Н. Ф. Дашковского.

В воздухе самолёты построились ромбом и полетели в сторону Балтийского моря.

Через пятнадцать минут взлетело звено капитана В. А. Гречишникова, а ещё через пятнадцать стартовало звено капитана А. Я. Ефремова.

«Иду на Берлин!» – приняли радисты короткую радиограмму от командира группы.

Двенадцать советских тяжёлых бомбардировщиков ДБ-3Т взлетели с аэродрома Кагул на острове Сааремаа (Эзель) и взяли курс на Берлин. Возглавил группу командир полка Е. Н. Преображенский. Его ближайшими помощниками в группах были капитаны В. А. Гречишников и А. Я. Ефремов, флагманским штурманом летел капитан П. И. Хохлов. Единственными их защитниками были высота и темнота.

Тяжелогружённый бомбардировщик, надрывно ревя моторами, медленно набирал высоту. Моторы работали на максимальных оборотах, поглощая массу топлива. Внизу проплыл узкий, длинный полуостров Сырве, клином уходящий на юг, к Ирбенскому проливу. Слева синел Рижский залив, справа – бескрайнее Балтийское море, а впереди, за проливом, угадывался Курляндский берег Латвии, занятый врагом. Мелькнула песчаная оконечность полуострова Сырве – мыс Церель с полосатым маяком, служащим для штурманов исходной точкой начала маршрута и конечным ориентиром при его завершении.

Своими впечатлениями делится штурман Пётр Ильич Хохлов:

«Промелькнула внизу последняя полоска земли. Теперь под нами и вокруг только море. Куда ни глянешь – свинцовая вода. Гребни волн искрятся в лучах заходящего солнца. Полнеба закрыто облаками. А справа, на западе, над горизонтом ярко пламенеющей чертой горит вечерняя заря.

Через час полёта мы пробили облачность и вышли за облака. Высота 4500 метров. Пришлось надеть кислородные маски. До высоты 4000 м можно летать без кислорода. Вверху разливают бледный свет луна. Большая, ярко-оранжевая, она стоит неподвижно, озаряя звёздный небосвод. Тени облаков на поверхности моря, хорошо видные в просветах облачности, создают иллюзию островов разной конфигурации.

Я прошу Преображенского поточнее выдерживать заданный курс, зная, что выход на контрольный ориентир на южном берегу Балтийского моря будет трудным. Его придётся проходить в темноте, на большой высоте и при наличии значительной облачности. Но Евгений Николаевич умел выдерживать навигационные элементы полёта. И теперь я вновь убеждаюсь в этом. С удовлетворением смотрю на свой компас. Его магнитная стрелка колеблется всего на один-два градуса вправо или влево от генерального курса полёта».

Они летели уже два с половиной часа. Высота 6000 метров. Температура в кабине 38 градусов ниже нуля. Появилась тяжесть в голове, в руках, апатия. Трудно лишний раз повернуться, сделать

движение рукой. Это признак нехватки кислорода. Открыли полностью подачу кислорода. Сразу стало легче.

По расчёту времени они должны были уже подлетать к южной береговой черте Балтийского моря. Береговую черту закрывала значительная облачность. Но неожиданно пришла на помощь... противовоздушная оборона противника. Через просветы облаков прорезались лучи прожекторов. Следовало ожидать разрывов зенитных снарядов, но их не было. Наши штурманы поняли, что пролетели береговую черту и фашисты принимают советские самолёты за свои.

Они точно вышли с моря на намеченный контрольный ориентир, опознали его и теперь взяли курс на г. Штеттин, от которого рукой подать до г. Берлина.

«Евгений Николаевич, как видно, был доволен ходом полёта. У него поднялось настроение.

– Горячего чайку бы стаканчик, – услышал Хохлов. – Малость согреться.

– Потерпите, – шуткой отвечаю ему. – Через 40 минут горячего будет вдоволь.

– Посмотрим, – смеётся Преображенский».

Над сушей облачность резко уменьшилась. Видимость – превосходная. Казалось, всё благоприятствовало балтийским авиаторам.

«Впереди по курсу, – вспоминает Хохлов, – замечаем действующий ночной аэродром. Так и есть, г. Штеттин. На лётном поле то и дело вспыхивают и гаснут посадочные огни прожекторов. Вероятно, возвращаются из своих варварских полётов воздушные разбойники гитлеровского Люфтваффе.

Наши самолёты спокойно проходят над аэродромом. С высоты полёта хорошо видны силуэты рулящих самолётов, движение автотранспорта. При нашем появлении над аэродромом замигали неоновые огни, засветились посадочные прожекторы. По всему видно, аэродромная служба приняла нас за своих.

Руки тянулись к бомбосбрасывателю. Так хотелось послать вниз десяток-другой авиабомб. Но нас ждала другая, ещё более важная цель. И до неё оставалось только полчаса лёта.

Приближение к Берлину начинало волновать нас. Как-то он встретит? Сумеет ли подойти к нему?

Погода совсем улучшилась. На небе ни облачка. И Берлин мы увидели издалека. Сначала на горизонте появилось светлое пятно. Оно с каждой минутой увеличивалось, разрасталось. Наконец превратилось в зарево на полнеба.

От неожиданности я оторопел – фашистская столица освещена. А мы у себя на Родине уже сколько времени не видели огней городов.

Передаю командиру полка:

– Перед нами – Берлин.

– Вижу, – взволнованно отвечает он.

Вспыхнули и тут же погасли бортовые аэронавигационные огни флагманского ДБ-ЗТ. Вспышки повторились ещё два раза. Так Е. Н. Преображенский подаёт идущим за флагманом экипажам команду: рассредоточиться, выходить на свои цели самостоятельно.

Я вывожу флагманский самолёт к Штеттинскому железнодорожному вокзалу. Конфигурация освещённых улиц, площадей чётко различима с воздуха. Видно даже, как искрят дуги трамваев, скользящие по электрическим проводам. Отсвечивает в огнях гладь реки Шпрее. Тут не заблудишься, не перепутаешь выбранный объект.

Освещённый город молчит. Ни одного выстрела, ни одного прожекторного луча, устремлённого в небо. Значит, противовоздушная оборона столицы и здесь принимает наши самолёты за свои.

Цель! Теперь только цель. И вот она перед нами. Вот вокзал, опоясанный паутиной рельсовых путей, забитых железнодорожными составами.

– Так держать! – передаю я в микрофон командиру корабля. Открываю бомболоуки. Снимаю бомбы с предохранителей. Берусь рукой за бомбосбрасыватель. И когда самолёт подошёл к цели на угол бомбосброса, я нажал кнопку. Бомбы, одна за другой, пошли вниз.

– Это вам, господа фашисты, за Москву, за Ленинград, за советский народ! – кричу я во всю мочь и всё ещё жму на кнопки электросбрасывателя, хотя в этом уже нет надобности – все бомбы сброшены и вот-вот достигнут цели.

Тут вспоминаю о листовках. Спрашиваю в микрофон стрелка-радиста сержанта Кротенко:

– Листовки?

Он отвечает:

– Сброшены вместе с бомбами.

Вот уже сорок секунд как сброшен смертоносный груз. И тут мы видим внизу, на земле, огненные всплески. В одном, в другом месте. Во многих местах. Видим, как от них расплзается пламя – где тонкими ручейками, где широкими полосами. В разных секторах города видим круги и квадраты огня. Это бомбили военные объекты ведомые командира: экипажи капитана М. Н. Плоткина, старшего лейтенанта П. Н. Трычкова и лейтенанта Н. Ф. Дашковского. Гигантским пламенем охвачено бензохранилище. Фейерверком взлетел на воздух склад боеприпасов. Горят вокзалы. Огненные столбы взметнулись над промышленными районами».

Освещённый Берлин сразу погрузился во тьму ночи. При этом ещё ярче видятся зажжённые советскими лётчиками костры. С этой ночи тьма стояла над Берлином до конца войны.

Наконец воздух пронизывают прожекторные лучи. Их множество. Они шарят по небу, пытаются взять в свои щупальца наши бомбардировщики. И среди лучей на разных высотах рвутся зенитные снаряды. Орудия выбрасывают их сотнями. Большое количество трассирующих снарядов оставляли за собой разноцветные трассы, и по ним было видно, как снаряды, достигнув определённой высоты, уходят вниз, оставляя за собой огненный след. Если бы не война, можно было бы подумать, что над Берлином гигантский фейерверк. Всё небо в огнях. А город погружён во тьму.

Стражи берлинского неба оказались застигнутыми врасплох стремительным ударом советской авиации. Слишком поздно они привели в действие свою зенитную артиллерию. Советские экипажи уже уходили от Берлина на север, к морю. К тому же наши экипажи умело маневрировали, ускользая от лучей прожекторов, из зон зенитного огня. Впереди и с боков флагманского самолёта взрывалось сразу по 30–40 снарядов. Но ни один из них не достигал цели, ибо бомбардировщики всё время применяли противозенитный манёвр, меняя через каждые 30–40 секунд и направление, и высоту полёта.

Мимо них на большой скорости проносились истребители-перехватчики с включёнными бортовыми фарами-прожекторами, стремясь поймать в свои лучи и расстрелять наши бомбардировщики. Но командиры следили за этими движущимися пучками света. С их приближением начинали манёвр, уходя вниз или в сторону, приглушая при этом работу моторов, чтобы сбить у выхлопных патрубков двигателей яркий демаскирующий огонь.

С высоты 5000 метров можно было разглядеть внизу на лунной световой дорожке аэростаты заграждения. Их было немало и в других местах. Но и аэростатные заграждения не помогли гитлеровцам.

«Мы уходили от Берлина, целиком погружённого во мрак ночи, – пишет П. И. Хохлов. – И я невольно подумал: где же твоя надменная самоуверенность, Берлин – цитадель кровавого фашизма? Где твои ярко освещённые штрассе, блеск их витрин? Мы, балтийские лётчики, вмиг погрузили тебя во мрак ночи, оставив вместо сияющих огней костры пожарищ. Получай же то, что ты принёс нашим, советским, городам».

Тридцать минут полёта до Штеттина оказались для них нелёгкими. Фашистские истребители неистовствовали в воздухе, пытаются во что бы то ни стало перехватить советские бомбардировщики. И, наверно, поэтому стрелок-радист флагмана Кротенко спешно передал на свой аэродром радиogramму с заранее условленным текстом: «Моё место Берлин. Задачу выполнил. Возвращаюсь». Она должна бы быть передана с нашим выходом в море. Но Кротенко рассудил так: а вдруг собьют самолёт, и думай-гадай потом, были мы над Берлином или нет, сбили нас над целью или на подходе к ней?

Поступил он, конечно, правильно.

А на аэродроме Кагул в эти часы никто не спал. Все ждали вестей, все переживали. Техники, оружейники, мотористы, специалисты аэродромной команды собирались группами, не раз спрашивали комиссара полка: есть ли известия?

Григорий Захарович Оганезов то и дело забегал в радиорубку и всякий раз напоминал радисту:

– Смотри, дружок, держи ухо востро, не проморгай донесения...

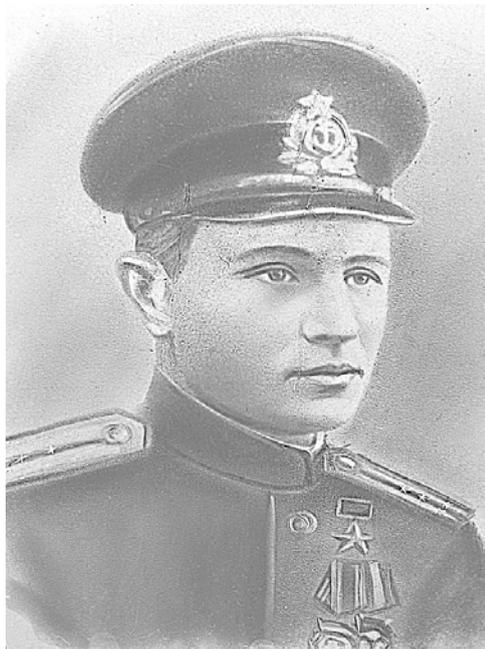
И когда, наконец, взволнованный радист выбежал из рубки и протянул комиссару маленький листок с короткой строчкой текста, Оганезов ринулся на командный пункт и прямо с порога прокричал:

– Они над Берлином! Возвращаются...

Потом он объезжал службы и посты аэродрома, стоянки машин, передавая всем радостную весть:

– Наши балтийцы отбомбили Берлин, летят домой!

Миновав опасную зону противовоздушной обороны, лётчики-балтийцы достигли моря. Снизилась до 4000 метров и с облегчением сняли кислородные маски. Из двенадцати экипажей до Берлина дошли и отработали по нему пять. Пятым был экипаж командира второго звена капитана В. А. Гре-

Василий Алексеевич Гречишников

чишников. Остальные сбросили свой смертоносный груз на запасную цель – Щецин.

Немцы не ожидали такой дерзости. По радио в тот же день все немецкие радиостанции сообщили, что в ночь с 7 на 8 августа 1941 г. «крупные силы английской авиации в количестве до 150 самолётов пытались бомбить Берлин. Действиями истребителей и огнём зенитной артиллерии основные силы авиации противника рассеяны. Из прорвавшихся к городу 13 самолётов 9 было сбито». Эта немецкая фальшивка ошеломила англичан. Спустя сутки лондонские газеты недоуменно заявили, что в ту ночь вследствие крайне неблагоприятных погодных условий ни один из английских самолётов не поднимался в воздух.

Сомнения немцев и англичан рассеяло сообщение газеты «Правда». Она писала: «В ночь с 7 на 8 августа группа советских самолётов произвела разведывательный полёт в Германию и сбросила некоторое количество зажигательных и фугасных бомб над военными объектами в районе Берлина. В результате бомбёжки возникли пожары и наблюдались взрывы. Все наши самолёты вернулись на свои базы без потерь».

Второй налёт на Берлин состоялся на следующую ночь, на 9 августа. Как и ранее: в 20 часов построение у подземного командного пункта, краткий инструктаж, получение метеосводки. И в 21 час – взлёт, как планировали.

Опять летели три звена: первое возглавлял полковник Е. Н. Преображенский, второе – капитан В. А. Гречишников и третье – капитан А. Я. Ефремов.

В составе звеньев летели экипажи капитанов М. Н. Плоткина и Е. Е. Есина, старших лейтенантов А. И. Фокина, П. Н. Трычкова и Финягина, лейтенантов А. Ф. Кравченко, Александрова, Русакова и К. А. Мильгунова.

Увеличили калибр бомб. Кроме ФАБ-100 и ЗАБ-100 на самолётах, моторы которых были меньше изношены, на внешнюю подвеску поместили по одной или по две ФАБ-250.

Полёт командир полка определил так же как разведывательный. Действия над Берлином оставались прежними: каждый экипаж выходит на свою цель и возвращается на свою точку самостоятельно. Высота бомбометания – до семи тысяч метров, ниже нельзя, так как гитлеровцы откроют ураганный зенитный огонь.

На этот раз не вернулся домой один самолёт старшего лейтенанта Финягина, экипаж которого пропал без вести. С 9 по 12 августа 1941 г. по Берлину было нанесено ещё три бомбовых удара.

13 августа 1941 г. капитану Гречишникову Василию Алексеевичу в числе пяти экипажей, первыми бомбивших Берлин: Е. Н. Преображенскому, А. Я. Ефремову, М. Н. Плоткину и штурману П. И. Хохлову – было присвоено звание Героев Советского Союза.

Уточняя: из пяти экипажей бомбардировщиков, бомбивших Берлин в ночь на 8 августа 1941 г., звания Героя удостоились три лётчика: Е. Н. Преображенский, В. А. Гречишников, М. Н. Плоткин и четвёртым – штурман П. И. Хохлов. Капитан А. Я. Ефремов, который бомбил Берлин на следующую ночь 9 августа, также был удостоен звания Героя Советского Союза в числе этих пяти Указом от 13 августа 1941 г. А первые, бомбившие Берлин 8 августа лётчики: старший лейтенант П. Н. Трычков и лейтенант Н. Ф. Дашковский – удостоились ордена Ленина. Их так и не наградили высшей степенью отличия за весь период Великой Отечественной войны!

16 августа 1941 г. авиагруппа Е. Н. Преображенского была усилена армейскими дальними бомбардировщиками Ил-4Т. Они также совершили несколько успешных боевых вылетов на бомбардировку города Берлина.

К сожалению, командование ВВС Красной Армии, в отличие от своих пилотов, оказалось не на высоте. На о. Сааремаа (Эзель) были отправлены самолёты с изношенными моторами и неопытными экипажами. Поэтому усиление ударной спецгруппировки оказалось почти номинальным.

Верховный Главнокомандующий также был далёк от реальной оценки ситуации. Узнав о том, с какой бомбовой нагрузкой авиагруппа Е. Н. Преображенского летает на Берлин, он выразил не-

удовольствие и предложил ее увеличить. Нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов пытался объяснить, что моторы и морских, и армейских бомбардировщиков сильно изношены, что использовать бомбы более крупного калибра (ФАБ-500 и ФАБ-1000) никак невозможно. Но ему это не удалось.

И. В. Сталин был прекрасно осведомлён о тактико-технических характеристиках дальних бомбардировщиков ДБ-3. Кроме того, в качестве специалиста на совещание в Кремль был приглашён Герой Советского Союза лётчик-испытатель полковник В. К. Коккинаки. Он полностью поддержал предложение Верховного и выразил готовность на месте организовать вылеты с полной бомбовой нагрузкой.

На этом самолёте лётчик-испытатель В. К. Коккинаки в 1936 году установил ряд мировых рекордов. Он поднял груз 500 кг на высоту 12816 м, а груз 2 тыс. кг – на высоту 11005 м, превысив предыдущий рекорд итальянцев на 2567 м. Рекорд Коккинаки просуществовал 10 лет и был перекрыт только в 1946 году американцами на «Боинге Б-29». Но то были новейшие самолёты! Да и взлёт производился с неограниченной бетонки.

По приказу И. В. Сталина – с тысячекилограммовой бомбой

19 августа 1941 г. В. К. Коккинаки на истребителе И-16 прилетел на о. Сааремаа. Ознакомившись с ситуацией на месте и побеседовав с личным составом, невзирая на доводы лётчиков, он настоял на применении ФАБ-1000.

Вечером 20 августа в качестве эксперимента на аэродроме Кагул к вылету с ФАБ-1000 был подготовлен самолёт капитана В. А. Гречишников, ресурс двигателей которого ещё не был выработан до конца. Однако, даже оторвав машину от земли, он всё-таки не смог набрать высоты и упал за границей аэродрома. Самолёт сгорел, но экипаж по счастливой случайности уцелел.

Вот что рассказывает писатель Ю. А. Виноградов:

«Капитан Гречишников спокойно воспринял решение командующего ВВС флота С. Ф. Жаворонкова послать на Берлин его дальний бомбардировщик с ФАБ-1000 на внешней подвеске. Он понимал, что опасность их экипаж подстерегает большая, начиная со взлёта. Сам он, как и все остальные его товарищи, на совещании с представителем Ставки выступил против полётов с тысячекилограммовой авиабомбой. Но приказ есть приказ. Кому-то надо попробовать первым...»

Тяжело гружённый ДБ-3Т подрулил к началу старта. Разбег машины будет удлинён, и потому короткую взлётную полосу следовало использовать максимально... В. А. Гречишников дал полный газ, отпустил тормоза. Бомбардировщик вздрогнул и, словно нехотя, тяжело тронулся с места. Теперь только за считанные секунды набрать предельную скорость, оторвать от земли самолёт до окончания взлётной полосы. Главное – подняться в воздух, а там станет легче. Если уж до Берлина с ФАБ-1000 не дотянуть, тогда сбросить её хоть на запасную цель.

В. А. Гречишников давил секторы газа до упора. Моторы взревели. С душераздирающим надрывом самолёт ускорял свой бег по серой грунтовой полосе, но всё никак не мог оторваться от неё. Лётчик снова и снова давил на секторы газа, моторы перешли на зловещий вой; уже позади половина взлётной полосы, а шасси словно приросли к земле. «Тяни, тяни, тяни!» – просил, требовал, умолял В. А. Гречишников, чувствуя, как от перенапряжения лицо покрылось крупными каплями пота. Позади осталось две трети взлётной полосы, моторы работали на полную мощность, а бомбардировщик, всегда послушный воле лётчика, не подчинился больше ему, не взлетал, продолжал катиться к стремительно приближающейся кромке леса. «Всё, не вытянет, прекратить взлёт», – пронеслось в голове В. А. Гречишникова. Но уже поздно тормозить, взлётная полоса кончается, ДБ-3Т врежется в деревья и взорвётся. Только вперёд, есть ещё надежда, хоть и минимальная...

Бомбардировщик, наконец, подпрыгнул и повис в воздухе, еле-еле набирая высоту. У В. А. Гречишникова, да и у всего экипажа, вырвался вздох облегчения: начинался долгожданный полёт, вымотавший все нервы. Но что такое? ДБ-3Т, уже перевалившего через изгороди и кусты, тянет вниз, ревущие на полную мощность вразнос моторы не в силах его удержать. В. А. Гречишникова бросило в холод, точно к груди приложили большой кусок льда. Всем сердцем почувствовал и физически ощутил, что не подняться выше им с таким тяжёлым грузом на борту, не вытянут моторы. Сейчас самолёт рухнет вниз, и ФАБ-1000 взорвётся...

– Штурман! – закричал по СПУ В. А. Гречишников. – Сбрось её, окаянную!

ДБ-3Т уже заваливался носом, он не слушался штурвала. Мелькали кочки, кусты. И вдруг самолёт резко подбросило, толкнуло вперёд. Догадался, штурман успел-таки освободиться от авиабомбы,

ухитрился сбросить её на такой маленькой высоте. Молодец, да и только! Сейчас, сейчас рванёт сзади авиабомба, подальше бы, подальше от неё...

Удержать бомбардировщик в воздухе у В. А. Гречишникова уже не было сил. Самолёт стукнулся о землю, и у него оторвалось шасси, на фюзеляже он прополз по траве метров пятьдесят, круто развернулся на правое крыло и загорелся. В. А. Гречишников резким движением открыл фонарь, отстегнул привязные ремни и мешавший парашют и боком вывалился на плоскость, скатился на траву. Рядом с ним упали штурман А. И. Власов и стрелок-радист сержант М. П. Семенов. Вскочив, они бросились от горящего самолёта в сторону и ничком упали в спасительную траву: с секунды на секунду полные баки с бензином взорвутся и разнесут бомбардировщик на куски. Если ФАБ-1000 чудом не взорвалась, то около трёх тонн бензина в баках сделают своё чёрное дело... Но что за напасть? Крик, человеческий крик:

– Помогите! Спасите! Спасите!

Лётчик, штурман, стрелок-радист оторвались от земли разом, как по команде кинулись к горящему самолёту. В спешке они забыли воздушного стрелка краснофлотца Н. А. Буркова, думая, что тот тоже выскочил из кабины и убежал в противоположную сторону. А он, оказывается, в объётом пламенем самолёте. Не отдавая себе отчёта и не думая об опасности – языки пламени вот-вот коснутся бензина в баках и взорвут бомбардировщик, – все трое подбежали к хвостовой кабине воздушного стрелка, кулаками разбили целлулоид и вытащили придавленного сорванным с тумбы зенитным пулемётом задыхавшегося Н. А. Буркова.

Мощный взрыв громыхнул, когда все четверо уже распластались в траве на безопасном расстоянии от места катастрофы.

– Дважды повезло нам, друзья, – первым поднялся с травы В. А. Гречишников...

– Но почему ФАБ-тысяча не взорвалась? – удивился сержант М. П. Семенов. – Действительно, везучие мы...

– Да, везучие! – со злостью ответил А. И. Власов. – Если бы я не успел на этом страшилище законтроить взрыватели... и сбросить на невзрыв.

В. А. Гречишников крепко сжал руку штурману, поблагодарил его за спасение.

Со стороны аэродрома показалась чёрная эмка. Она подкатила к горящему свечой бомбардировщику, из неё вышли С. Ф. Жаворонков и Г. З. Оганезов. При виде стоящих кучкой всех членов экипажа, живых и невредимых, генерал вначале не поверил своим глазам, потом подбежал к В. А. Гречишникову, заключил его в объятия. Обнял С. Ф. Жаворонков и штурмана, стрелка-радиста и воздушного стрелка».

Самолёт старшего лейтенанта Богачёва (Павлова) при взлёте с двумя ФАБ-500 с аэродрома Асте вообще не смог оторваться от земли, врезался в препятствия, взорвался. Весь экипаж погиб.

Количество самолётов группы, идущей на Берлин, теперь уменьшилось на две машины. Экипажи, только что пережившие гибель товарищей, один за другим поднимались в небо.

Генерал-лейтенант авиации П. И. Хохлов вспоминал о том, как проходил очередной полёт нашей авиагруппы на Берлин: «Самолёты взлетели за 40 минут до заката солнца. Для обеспечения взлёта и сбора ударной группы в воздух были подняты истребители. Как всегда, впереди шёл флагманский корабль, пилотируемый Е. Н. Преображенским. В правом пеленге за нами следовал самолёт В. А. Гречишникова. Он думал о нём, о человеке, чудом уцелевшем двое суток назад при неудачном эксперименте. В. А. Гречишников пилотировал сейчас другой самолёт, с другим экипажем. Прежний свой экипаж он оставил на земле, а сам, едва опомнившись от потрясения, вместе со всеми боевыми товарищами шёл навстречу новым неведомым испытаниям».

А вот воспоминания Ю. А. Виноградова: «В. А. Гречишникова не пугал огневой заслон немецких зенитчиков... Налёты на Берлин тяжелы, изнурительны и опасны, но он готов был летать каждый день. В этом видел смысл всей своей дальнейшей жизни. И когда его экипаж постигла неудача – бомбардировщик с ФАБ-1000 на внешней подвеске потерпел катастрофу при взлёте – огорчению и досаде не было предела. Ведь он не мог больше бомбить Берлин, оставался без дела и, видимо, теперь надолго. От обиды и беспомощности готов был бежать хоть на край света, лишь бы не видеть уходящие на очередное задание грозные машины боевых друзей...

Помог случай. Военврач 3-го ранга Баландин попросил генерала С. Ф. Жаворонкова последнюю машину на Берлин не выпускать: у лётчика неожиданно резко упало давление, видимо, от перенапряжения. В длительном полёте он может потерять сознание, и тогда неизвестно чем всё закончится...

Вот тут-то В. А. Гречишников и попросил, даже потребовал, чтобы ему дали оставшийся без лётчика самолёт, и он доведёт его до цели. С. Ф. Жаворонков вначале и слушать не хотел капитана. Шутка ли сказать, только что чудом остался жив при катастрофе... В. А. Гречишников настаивал категорично, уверял генерала, что справится с заданием, отбомбит Берлин и в целостности и сохранности вернёт ДБ-3Т его прежнему пилоту...

Настойчивую просьбу В. А. Гречишникова, к удивлению генерала, поддержал комиссар полка Г. З. Оганезов. Батальонный комиссар прекрасно знал данную капитаном клятву мстить фашистам за смерть матери и истязания жены и детей. С. Ф. Жаворонков скрепя сердце всё же согласился с доводами Г. З. Оганезова, разрешил В. А. Гречишникову лететь на Берлин, предложив заменить и весь экипаж. В. А. Гречишников согласился на замену экипажа. Пусть штурман его сгоревшего самолёта старший лейтенант А. И. Власов, стрелок-радист сержант М. П. Семенов и в особенности воздушный стрелок краснофлотец Н. А. Бурков отдохнут. Ему сподручно идти на задание с новым экипажем, ведь все они уже не раз ходили на Берлин, быстро поймут друг друга. Сегодняшняя цель – Силезский вокзал со стоящими на путях железнодорожными составами, подготовленными для отправки на восточный фронт.

– Боевой курс!.. Так держать! На боевом! – передал штурман...

В. А. Гречишников ощутил знакомый толчок – облегчённый самолёт как-то «вспух» вверх. Фугасные и зажигательные авиабомбы полетели на затемнённые железнодорожные пути... Напряжённо вглядывался в контуры чужого, враждебного города. Вон, вон оранжевые точки от взрывов бомб! Все пять ФАБ-100 и шесть ЗАБ-50 легли кучно.

– Командир, на обратный курс, – подсказал штурман.

В. А. Гречишников начал разворот, но на обратный курс, к удивлению штурмана, не лёг, а повёл бомбардировщик со снижением по кругу над Берлином, почему-то увеличив газ. Один круг, второй, третий... Моторы гудят на полную мощь. Штурман не понял рискованный манёвр лётчика. Надо поскорее уходить к Балтийскому морю, а он кружит и кружит над городом, да ещё дал полные обороты моторам.

– Командир, в чём дело? – забеспокоился он.

– Порядок, штурман! Немножко поугаем фашистов рёвом наших моторов. Пусть подрожат от страха, сволочи! – объяснил Гречишников экипажу свои действия...

Последний, четвёртый, круг над горящим Берлином – и дальний бомбардировщик лёг на обратный курс».

Немецкое командование уже давно вычислило и определило, откуда советские бомбардировщики летают на Берлин. И делало всё возможное, чтобы этому помешать.

В конце августа резко ухудшилась оперативная обстановка в районе Моонзундского архипелага, который теперь оказался в глубоком тылу противника. Линия фронта проходила уже в 400 километрах западнее. Острова уже были блокированы и с моря, и с суши, и с воздуха. Участились налёты вражеской авиации на Кагул и Асте. Немецкие бомбардировщики и истребители почти непрерывно висели над о. Сааремаа. Ограниченные запасы авиатоплива и бомб среднего калибра подошли к концу. Их доставка была сопряжена с огромными трудностями.

К этому времени с 28 августа 1941 г. началась трагическая эвакуация нашего флота и гарнизона из Таллина. Переход через Финский залив проходил в тяжелейших условиях и с большими потерями. Из 195 кораблей и судов Краснознамённого Балтийского флота по разным причинам были потеряны 53.

5 сентября 1941 г. состоялся десятый и, как позже стало ясно, последний налёт на столицу Третьего рейха. Его, как и первый налёт, возглавлял полковник Е. Н. Преображенский. Во всех девяти вылетах на Берлин принимал участие капитан Василий Алексеевич Гречишников.

6 сентября 1941 г. немецкие бомбардировщики, наконец, обнаружили самолёты. Весь день бомбили аэродром Кагул. На этот раз они достигли своей цели. Шесть самолётов было уничтожено. В авиагруппе осталось только четыре ДБ-3Т, в т.ч. один неисправный, с погнутыми воздушными винтами при аварийной посадке лейтенанта Юрина.

Е. Н. Преображенский шифровкой доложил обо всём в штаб ВВС ВМФ. На другой день утром от генерала С. Ф. Жаворонкова пришёл приказ: оставшимся самолётам перебазироваться на аэродром Беззаботное. Морская авиагруппа особого назначения прекратила налёты на Берлин и возвращалась в состав родного 1-го минно-торпедного авиационного полка ВВС Балтийского флота.

В течение 35-ти дней, с 8 августа по 5 сентября 1941 г., лётчиками 1-го минно-торпедного полка было совершено 10 налётов на Берлин с о. Сааремаа (86 самолёто-вылетов). Из них только 33 дошли до Берлина и сбросили на город 311 фугасных и зажигательных бомб, общим весом 36050 кг, а также 34 контейнера с листовками. Пятьдесят три экипажа по различным причинам, главным образом метеорологическим, отработали по запасным целям: Штеттин, Кольберг, Данциг, Свинемюнде (Свиноуйсьце), Мемель (Клайпеда), Либава и др. Потеряно 18 самолётов и 7 экипажей. Зенитным огнём был сбит 1 самолёт. Остальные потери связаны с трудностями полётов на изношенной материальной части, с ограниченного аэродрома при плохих метеоусловиях и при совершенном отсутствии запасных аэродромов. На взлёте разбилось 2 самолёта и один экипаж. На посадке разбилось 5 машин. 3 самолёта потеряны из-за отказа матчасти и ещё один по неизвестной причине. Подсчитано, что американо-английские ВВС за весь 1941 год сбросили на Германию 35,5 тонн бомб. Группа Е. Н. Преображенского за 10 налётов на Берлин сбросила 22 тонны.

Немного меньше самолёто-вылетов на Берлин выполнила группа дальних бомбардировщиков из двух эскадрилий 81-й тяжелобомбардировочной авиадивизии под командованием майора В. И. Щелкунова на ТБ-7 (Пе-8) с аэродрома г. Пушкин (Детское Село).

Не вернулись с боевого задания четыре самолёта: один разбился во время взлёта и три при посадке, дома. 7 сентября 1941 г. три уцелевших бомбардировщика из особой авиагруппы с о. Эзель вернулись на аэродром Беззаботное, захватив с собой «безлошадные» экипажи и кое-кого из специалистов. Практически весь наземный состав особой авиагруппы остался защищать Моонзунд и погиб. 8 сентября противнику удалось высадиться на о. Вормси, на севере архипелага, и после трёхсуточных боёв захватить его. 14 сентября началась высадка на о. Муху, гарнизон которого оборонялся 4 суток. С 17 сентября развернулись бои на о. Сааремаа (Эзель). Ударные части 61-й пехотной дивизии вермахта форсировали мелководный пролив Вяйке-Вяйн и зацепились за восточный берег острова. Советские войска отступили на запад, на п-ов Сырве. Сформированная из авиаторов 1-го минно-торпедного полка пулемётная рота сражалась на самых трудных участках. В ночь на 3 октября 1941 г. небольшая часть гарнизона п-ова Сырве была эвакуирована на о. Хийумаа. А гарнизон о. Сааремаа (Эзель) сражался до 5 октября.

Гарнизон Хиума держался до 22 октября. По приказу Военного совета Балтфлота гарнизон о. Хийумаа 19–22 октября 1941 г. частично был эвакуирован на п-ов Ханко. Отступать было некуда – кругом море... Последний защитник Моонзунда не сложил оружия и не сдался противнику. Он предпочёл смерть, сбросившись с сорокаметрового маяка Тахкуна на глазах гитлеровцев. Командир 61-й пехотной дивизии генерал Хенеке распорядился три дня не убирать тело Героя и показывать его немецким солдатам как пример выполнения воинского долга.

Защита Ленинград

Следует отметить, что среди всех столиц воюющих государств Европы Москва пострадала меньше всех. Несмотря на то, что немецкие бомбардировщики начали совершать массированные налёты на Москву с ночи на 21 июля 1941 года, ущерб, нанесённый фашистскими стервятниками был незначительный. Люфтваффе привлекала экипажи, имевшие большой опыт ночных бомбометаний. Налёты осуществлял 2-й воздушный флот, усиленный бомбардировочными эскадрами из 1-го и 4-го воздушных флотов с названиями «Гриф», «Мёртвая голова», «Генерал Вевер», «Кондор» и др. Первый налёт в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. выполняли более 220 самолётов. Продолжался он пять часов: с 22.25 до 3.25 мин.

Всего с 22 июля по 5 декабря 1941 г. в 122 вражеских налётах участвовало более 8000 самолётов. Но к столице удалось прорваться лишь 229 бомбардировщикам. За это время силами советской ПВО было уничтожено 952 и повреждено более 130 самолётов. Всего с 1941 по 1942 гг. в небе Москвы и Подмосковья нашли свою гибель 1305 машин вражеской авиации.

На территорию столицы упало 1610 фугасных и более 110 тысяч зажигательных авиабомб, большая часть из них была сброшена на подступах к Москве. Интересно, что из этих 1610 сброшенных авиабомб 130 по разным причинам не взорвались и их приходилось отыскивать (некоторые бомбы калибром 1000 кг входили в землю на глубину до девяти метров), эвакуировать и обезвреживать. Большое количество сброшенных бомб (700 фугасных) попали на ложные объекты.

10 сентября Государственный комитет обороны принял решение направить генерала армии Г. К. Жукова в осаждённый Ленинград, поручив ему принять у К. Е. Ворошилова командование

Ленинградским фронтом. 17 сентября 1941 г. был подписан второй Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза лётному составу Красной Армии и Военно-Морского Флота, отличившемуся при бомбёжке г. Берлина. В группу награждённых вошли ещё пять отважных лётчиков. Таким образом, десять пилотов и штурманов, участники бомбардировки г. Берлина в августе – сентябре 1941 г., были удостоены звания Героя Советского Союза, а сто двадцать шесть специалистов лётно-технического состава авиагруппы награждены орденами и медалями.

1-й минно-торпедный авиаполк, практически заново сформированный после возвращения с Моонзундского архипелага, приступил к боевым вылетам на защиту Ленинграда. Обосновался 1-й полк вблизи населённого пункта Всеволожск, недалеко от Дороги жизни на Ладоге. Лётчики-торпедоносцы разместились в скромном деревянном двухэтажном доме № 40 вместе с лётчиками-истребителями 26-го, 27-го, 158-го и 192-го истребительных авиаполков. Этот дом местные жители прозвали домом Героев. Отсюда уходили на боевую работу дважды Герои Советского Союза А. Т. Карпов, В. И. Раков, Герои Советского Союза Н. А. Жуков, П. Н. Харитонов, Е. Н. Преображенский, В. А. Гречишников, Ф. А. Усачёв и другие прославленные и молодые командиры. Этот неприступный для фашистов на протяжении всех 900 дней блокады участок земли находился как раз посередине между Ленинградом и Ладожским озером.

Незадолго до гибели, осенью 1941 г., Василий Алексеевич посадил возле дома молодую берёзку. Белоствольная красавица прижилась. И стоит она сейчас, приветливо шелестя листвой.

Основной урон наши лётчики несли от действий истребителей противника, так как наши летали без своего истребительного прикрытия, чем пользовался люфтваффе и внезапно атаковал как целые группы, так и отдельные экипажи нашей фронтовой, армейской и морской авиации. Вальтер Швабедиссен писал: «В 1941 г. действия русских ВВС ограничивались поддержкой операций сухопутных сил... без заметных и значительных успехов. Заметных потерь от действий русской авиации немецкие войска в 1941 г. не несли».

Следует отметить, что ежедневно в последней декаде сентября вражеские истребители 54-й эскадры «Зелёное сердце» сбивали при хорошей погоде в районе Ленинграда в среднем по 6 наших самолётов. Потери же немецкой авиации в сентябрьских боях составили 1 машину на каждые 100 самолёто-вылетов. Наша авиация теряла 1 самолёт за 25 самолёто-вылетов.

В октябре – декабре 1941 года 1-й минно-торпедный полк действует на Тихвинском направлении, в районах Кириши, Будогощь, Любань, Малая Вишера. До конца года полк совершил 1520 боевых вылетов, потеряв при этом 77 самолётов. 24 октября 1941 г. при выполнении боевого задания в районе населённого пункта Грузино Чудского района Новгородской области бомбардировщик капитана В. А. Гречишникова был подбит. Он направил свой горящий самолёт на вражескую танковую колонну.

Вот как об этом вспоминает генерал-лейтенант авиации П. И. Хохлов:

«Наш 1-й МТАП в те дни имел перед собой задачу – наносить бомбовые удары по колоннам 39-го фашистского корпуса генерал-полковника Рудольфа Шмидта на дорогах г. Будогощь – г. Тихвин. Базирование самолётов значительно приблизило их к этому району боевых действий. И экипажи действовали интенсивно, совершая по два-три вылета в сутки. Пример оперативных вылетов и мощных ударов по противнику показывали многие, и в особенности экипаж Героя Советского Союза капитана В. А. Гречишникова. Днём ли, ночью, в ясную или ненастную погоду он выходил на любую цель. Вместе с В. А. Гречишниковым отважно действовал штурман эскадрильи – прекрасный специалист старший лейтенант А. И. Власов. Как и командир, он люто ненавидел фашистов и готов был на любой риск, на самопожертвование ради уничтожения гитлеровцев.

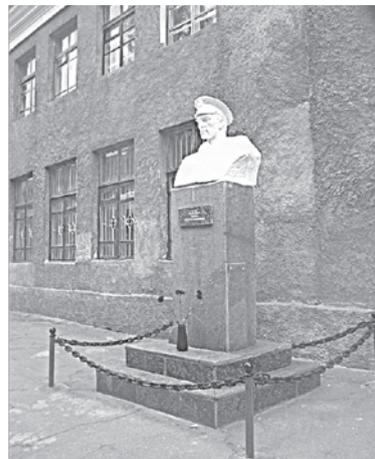
За стрелка-радиста в экипаже летал начальник связи эскадрильи лейтенант М. П. Семенков, искусный снайпер. Воздушным стрелком здесь был краснофлотец Н. А. Бураков. Этот экипаж был гордостью всего полка.

Однажды – это было утром 24 октября – воздушная разведка донесла: в районе посёлка Грузино, на границе с Новгородской областью, движется большая танковая и механизированная колонны противника. Как тут стерпеть В. А. Гречишникову, всегда рвавшемуся в жаркую схватку!..

Два бомбардировщика ДБ-3ф тут же поднялись в воздух. Шёл мокрый снег. Сплошная облачность прижимала их к самой земле. И всё же экипажи в этом, почти слепом, полёте точно вышли на цель. Лётчики разглядели большую колонну танков, артиллерии и мотопехоты противника, тянущуюся от пос. Грузино на шоссе Чудово – Будогощь – Тихвин. С земли по бомбардировщикам били из зениток. Балтийцы пробилась сквозь огненную стену разрывов и сбросили бомбы на фашистские танки. Преодолевая зенитный огонь, бомбардировщики прошли над этой зловещей це-

Дом, где родился и провёл детство В. Гречишников

*Бюст героя у входа в здание
лица на заводе,
г. Николаев*

почкой, покрывая её точно рассчитанной серией бомб и поливая свинцовым пулемётным дождём. Дело сделано.

– Конец работы. Уходим от цели! – скомандовал В. А. Гречишников ведомому экипажу.

Но отход сложился неудачно. В самолёт В. А. Гречишникова ударил зенитный снаряд. По-видимому, попал в бензобак. Раздался взрыв, и вспыхнуло сильное пламя. Скольжением пламя сбить не удалось. В создавшейся ситуации лётчик нашёл лишь одно решение. Василий Алексеевич Гречишников направил пылающий самолёт на танковую колонну противника. Было ему неполных 29 лет. Вместе с ним героической смертью погибли и члены экипажа – штурман старший лейтенант Власов Александр Иванович, второй стрелок сержант Семенков Матвей Потапович, воздушный стрелок краснофлотец Бурков Николай Анисимович.

Об этом и доложили члены возвратившегося ведомого экипажа. В. А. Гречишников наверняка мог бы пролететь на горящем самолёте несколько километров и посадить его в поле. Ведь под ними территория ещё не была захвачена оккупантами. Но всё произошло иначе. Развернув горящий самолёт, В. А. Гречишников резко перевёл его вниз, направив на вражескую колонну. Через считанные секунды бомбардировщик в р-не пос. Грузино, на границе Новгородской и Ленинградской областей, врезался в гущу фашистской техники. Мощный взрыв, вызванный огненным тараном, сотряс землю, взметнул ввысь пламя».

На родине Героя

В г. Николаеве улицу 4-я Военная, где находится дом, в котором родился Василий Алексеевич, уже в 1946 г. переименовали в ул. Гречишникова. В 1967 г. профессионально-техническому училищу № 5 на территории Черноморского судостроительного завода, в котором осваивал профессию судостроителя В. А. Гречишников, присвоено имя Героя.

Но ещё в 1942 г. ленинградский писатель-фронтовик Г. И. Мирошниченко о лётчиках и их товарищах, на шестой неделе войны проложивших путь и погасивших огни Берлина, написал повесть «Они бомбили Берлин». Предисловие к ней написал Вс. Вишневский. И в ней есть такие слова-клятвы: «Их имена простые люди знают. Они дрались и храбро умирали! Их имена бессмертию открыты, Их имена не могут быть забыты!» А ленинградский поэт Всеволод Азаров написал поэму «Звезда Гречишникова». Именем «Василия Гречишникова» был назван и рыболовный сейнер, проекта 388 СРТМ Балтийского морского пароходства. А в российском городке Грузино Чудского района Новгородской области в мае 1968 г. В. А. Гречишникову был сооружён обелиск.

В Николаеве ежегодно проводится турнир по греко-римской борьбе памяти В. А. Гречишникова, с недавних пор турнир получил статус международного.

Пилипчук Алексей Алексеевич. Военный историк, член Национального союза журналистов Украины, автор более 150 статей в газетно-журнальной периодике, коллективных сборниках и альманахах.

Валерий ЧЕРНЯВСКИЙ

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ ИЛИ ПАТРИОТЫ?

Героика и изнанка войны. Остарбайтеры на службе Третьего рейха

Мы привыкли демонизировать войну, воспринимать её через призму официальных сообщений, гневную риторику публицистического слова и художественный пафос кинопроизведений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что драма советского человека, жизнь которого идёт своим чередом за многие сотни километров от фронта, воспринимается весьма упрощённо. Вот мы, наше дело правое, за нами Господь Бог и его величество «правда», а вот те, кто пришёл к нам с оружием, ведомые ложными ориентирами и извращёнными ценностями и тем самым лишившие себя человеческого облика.

Нечто похожее происходило в СССР в годы Великой Отечественной войны. Решая глобальные проблемы сохранения государства и самого советского строя, власть стремилась добиться от своих граждан максимально обобщённого понимания конфликта. В итоге для большинства жителей тыла социальная действительность оккупированных территорий мыслилась в двух мирах: предательского коллаборационизма и патриотической подпольно-партизанской борьбы. Такую политику можно понять. Если советский человек видел бы военный быт в полутонах, понимая неоднозначность происходящего, то врагу ничего бы не стоило посеять сомнения в наших рядах, а тогда – «пиши пропало».

Ценой за стратегическую победу стало очевидное поражение тактическое. На протяжении всего послевоенного времени власть была вынуждена хранить молчание вокруг тех аспектов Великой войны, что не вписывались в официальные идеологические рамки. Мы потеряли сотни тысяч судеб и микро-историй, возможно, они и не были пропитаны героикой борьбы с фашизмом, но отражали изнанку войны, всю неоднозначность ситуации, в которой каждый отдельно взятый человек просто пытался выжить.

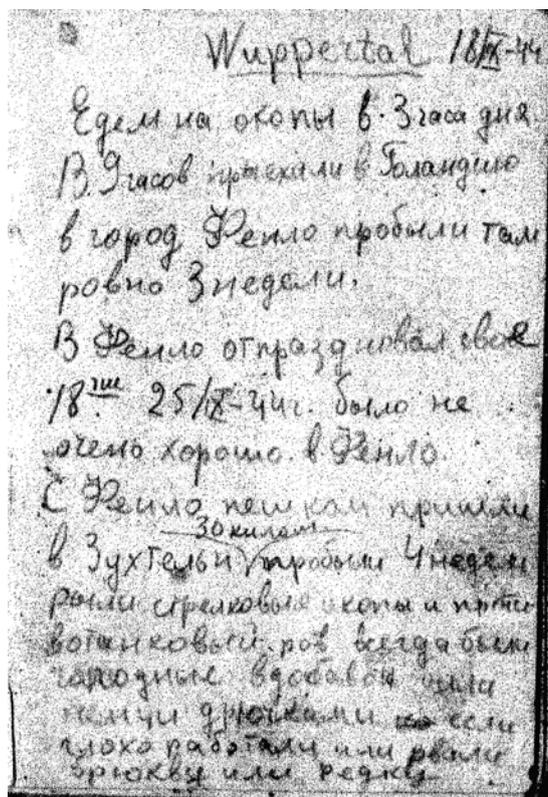
Всего с 1941 по 1944 годы на принудительные работы в Третий рейх депортировали около 5 млн. советских граждан. Впоследствии их стали называть «остарбайтеры», или восточные рабочие.

Появление этого многочисленного контингента было незапланированным. Дело в том, что нацисты, витая в хитросплетениях собственного идеологического фанатизма, верили, что ещё чуть-чуть – и на просторах Центральной и Восточной Европы возникнет их собственная колониальная империя, богатая ресурсами и рабочей силой, а главное – расположенная так недалеко от метрополии. Естественно, что такое мышление исключало саму возможность перевода советских граждан на промышленные предприятия рейха. Если в июле 1941 года всё это казалось вполне реальным, то ближе к осени нацисты стали понимать всю несостоятельность собственной авантюры. Блицкриг «захлебнулся», а потери вермахта в живой силе исчислялись сотнями тысяч. Только за первые 5 месяцев войны они составили от 700 тысяч до 1,3 млн. человек.

Тем временем «промышленный колосс» Германии с весны 1941 года работал с расчётом на расширение ресурсной базы и скорейшее возвращение рабочих с фронта. Демобилизация так и не состоялась, а после поражения под

Герман Геринг –
инициатор использования труда
советских граждан

Первая страница дневника
 Е. И. Карпова

Москвой остро встал вопрос о новом призыве. Требование Бога войны поставить под ружьё ещё 1 млн. здоровых работоспособных мужчин шло вразрез с объективными потребностями экономики, которая уже в мае 1941 года располагала около 800 тыс. открытых вакансий. Германия не могла заполнить существующие «дыры» за счёт собственных трудовых ресурсов. 7 ноября 1941 года Г. Геринг издал директиву, согласно которой начиналось привлечение советских рабочих в экономику рейха. Первые инструкции, регламентирующие эксплуатацию оstarбайтеров, предполагали изолированное трудоустройство в промышленности, а также в строительной отрасли. Их контакты с немецким населением строго-настро-го запрещались. Такая политика практиковалась до тех пор, пока их количество и сфера использования позволяли нацистам хоть как-то ограничивать взаимодействие с гражданами рейха. В марте 1942 года после разрешения труда оstarбайтеров в сельском хозяйстве такие потуги стали явно лишними.

Национал-социалисты, как и обманутая ими часть населения Германии, воспринимали рабочую силу с востока «унтермейншами» – людьми, что в силу своей расовой природы не способны создавать собственную культуру, а если так, то их удел скром – обслуживание интересов «обермейншев», то

есть немцев и представителей прочих романо-германских народов, у которых благодаря свойствам нордической крови с культурой всё хорошо. И всё же, по мере обострения нехватки человеческого материала, выходцы из СССР неожиданно для себя самих занимали те ниши, что никак не предполагались нацистской доктриной.

В конце 1943 года достаточно распространённой практикой стал перевод отдельных контингентов оstarбайтеров в военизированные соединения полиции и службы ПВО. Делалось это только потому, что в рейхе кончались люди, а демографический потенциал Германии к тому времени уже несколько раз исчерпал свой запас прочности. В качестве примера можно привести случай в городе Мезенбург, когда 4 октября 1943 г. с местного цементного завода сняли целую группу восточных рабочих. Впоследствии все они оказались на службе в полиции. Такое положение дел навеивает ассоциации с практикой многих древнегреческих городов-государств (в том числе и Ольвии), которые использовали рабов в качестве стражей правопорядка. Однако немцы существенно ограничивали полномочия советских граждан, которые попадали на службу в силовые структуры. Дело в том, что в их компетенцию входили не столько борьба с преступностью и прочими асоциальными явлениями, сколько ликвидация последствий англо-американских бомбардировок. К началу 1944 года они стали элементом повседневной жизни граждан рейха.

Выходцы из СССР использовались преимущественно в качестве пожарных. Именно поэтому вербовочные акции оккупационной власти в Украине очень часто преследовали цель набрать молодых и крепких ребят для будущих пожарных и полицейских отрядов. Ещё в апреле 1942 года в результате облавы в одном из кинотеатров Херсона была захвачена группа молодых людей, из которой в принудительном порядке сформировали 123-й украинский батальон. В октябре 1943 года весь его личный состав передислоцировали в немецкий город Ольденбрюк, где из одной роты образовали пожарную часть.

Высадка союзников в Нормандии и возобновление боевых действий на территории Западной Европы требовали от командования вермахта быстрого сооружения фортификаций. Инженерные войска рейха не могли справиться ни с объёмами, ни со сроками, за которые нужно было окончить строительные работы. Единственным способом продлить дни нацистского режима было массовое использование оstarбайтеров на строительстве стрелковых окопов, противотанковых рвов,

долговременных огневых точек и бункеров. Всё это закончилось фактическим привлечением десятков тысяч советских граждан к несению принудительной военной службы и участию в боевых действиях.

Попытки поставить под ружьё оstarбайтеров и советских военнопленных имели место и раньше. Только тогда речь шла о добровольном вступлении в ряды Русской освободительной армии генерала А. А. Власова или непосредственно в части вермахта. Бывшим солдатам и офицерам Красной Армии предлагалось сменить выживание в лагерях для военнопленных на сравнительно сносное существование «немецкого солдата». В нашем случае мы имеем дело с фактической мобилизацией, в которой добрая воля отсутствовала по определению.

На строительные работы в прифронтовую зону попадали преимущественно те восточные рабочие, труд которых использовался в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Нацисты в который раз не захотели урезать аппетиты крупных монополий, и спасение рейха легло на ежедневные рационы рядовых граждан, пострадавших из-за оттока рабочей силы.

Зная о готовящемся вторжении, вермахт и руководство НСДАП заранее начали концентрировать трудовые ресурсы в зоне будущего военного столкновения. Значительная часть советских граждан, что попала под насильственную эвакуацию в марте – апреле 1944 года, в принудительном порядке влились в немецкую армию. Именно такая история случилась с жителями с. Новомихайловка Владимировского района Николаевской области. 4 марта 1944 года немцы депортировали практически всех взрослых мужчин. Во время прохождения проверки в пропускном пункте города Перемышль их присоединили к группе военнопленных и вместе с ними направили в небольшой польский городок Косов, где они около месяца проходили строевую подготовку. После высадки союзников в Нормандии данное соединение передислоцировали в пригород французского города Монпелье, здесь его задействовали на сооружении фортификаций. В июле-августе 1944 года эта часть принимала участие в боях против англо-американского десанта.

Всего нацисты сформировали из числа оstarбайтеров и военнопленных около 70 транспортных и строительных бригад общей численностью 30 тысяч человек. Обстоятельства их эксплуатации, условия труда и быта, взаимодействия с непосредственно немецкими подразделениями изучены плохо из-за фактического отсутствия источников. Одним из немногих свидетельств, раскрывающих ситуацию изнутри, является дневник бывшего оstarбайтера Евгения Иосифовича Карпова. Сегодня этот ценнейший нарратив экспонируется в музее «Подпольно-партизанское движение на Николаевщине в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.».

Е. И. Карпов находился на фортификационных работах в течение шести месяцев. В своей записной книжке он зафиксировал события с 18 сентября 1944-го по 15 апреля 1945-го.

Повествование дневника выходит далеко за пределы опыта принудительного труда, потому что автор де-факто участвовал в битве за Рейн. Сразу после высадки союзников в Нормандии Адольф Гитлер отдал приказ о восстановлении западных немецких укреплений. Так называемая «Линия Зигфрида», или «Западный вал», размещалась вдоль французской и голландской границ рейха. Согласно планам немецкого командования, войска вермахта должны были отступить за эту черту и занять оборону. На реконструкцию старой инфраструктуры и строительство новых фортификаций нацисты направили около 20000 человек. Среди них находился и Е. И. Карпов, который вместе с тысячами других оstarбайтеров был вынужден выполнять работу инженерно-сапёрных войск Германии. Пребывая в составе мобилизованных рабочих формирований, он стал косвенным участником боевых действий между 1-й и 15-й парашютно-десантными

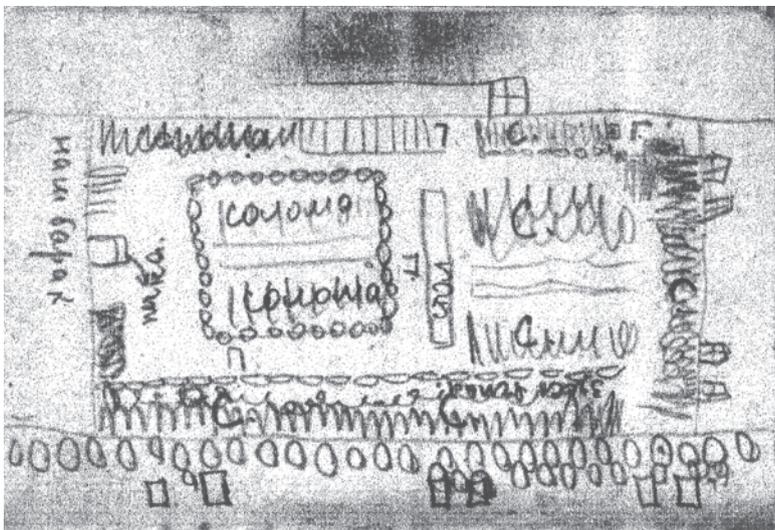

Схема трудового лагеря из дневника Е. И. Карпова

армиями вермахта и 1-й канадской и 9-й американской армиями, которые пытались прорваться к Рейну в районе между городами Крефельд и Гельдерн.

В историю Второй мировой войны эти события вошли как Маас-Рейнская наступательная операция. Дневник Карпова в полной мере воспроизводит весь динамизм военной кампании. Первая запись датирована 18 сентября 1944 г., в ней идёт речь о сооружении укреплений как на территории Голландии, так и Германии. Начиная с февраля 1945 года упоминания о бомбардировках и артобстрелах учащаются. Всё это совпадает с началом наступления союзников. Очевидно, что сотня Е.И. Карпова была занята на строительстве фортификационных сооружений в окрестностях городов Зюхдельн (здесь также размещался сам лагерь), Дюльке и Фирзен. 7 февраля 1945 г. американо-канадские войска форсировали реку Маас и развернули стремительное наступление в сторону Рейна. Направление, согласно которому перемещался лагерь принудительных рабочих, соответствовало общему отступлению немецких частей. 1 марта 1945 года состоялась его передислокация на левом берегу Рейна в городе Хильден, а через месяц, 10 апреля, рабочую силу разместили в районе города Вальд, где советские граждане и были освобождены войсками союзников.

Благодаря тексту дневника Е. И. Карпова мы можем прояснить ряд очень важных обстоятельств, они характеризуют труд советских граждан в прифронтовой полосе. Во-первых, их трудоустройство носило не добровольный, а принудительный характер:

5 февраля 1945 года.

«Встал по подъёму, умылся, поел. Микиша каждый день достаёт хлеб. Пока ещё ничего насчёт кушанья. Варили картофельный суп. Ещё есть картошки на один раз. Пайка, конечно, не хватало. Работали до 12 часов, шёл дождь – промокли насквозь. Работа дурная – носили дрючки. Немцы хуже собак. На каждом 5 русских приходилось по одному немцу-охраннику».

Во-вторых, советские граждане пребывали в ужасных бытовых условиях, испытывали постоянную нехватку продуктов питания и одежды:

10 февраля 1945 года.

«Всё по-старому. Встал, умылся, съел пайку хлеба. Кофе нет – разбомбили под Вирзенем. Свисток строиться – пошли работать на противотанковый ров. С самого утра шёл дождь, простояли под навесом до 11.30 и пошли в лагерь. В лагере лучше. Хоть и охота жрать, зато тепло. Играли в карты, получили по литру баланды, съели и дожидаемся, когда дадут хлеб. Мы ещё живём ничего, почти каждый день есть картошка или лишний хлеб. В 9 часов вечера мы сварили ведро картошки, съели и легли спать. Ночь была не спокойная, всё время летали самолёты, бросали бомбы, ракеты, строчили из пулемётов. Ложусь спать».

В-третьих, находясь практически на линии боевого соприкосновения, жизни принудительных рабочих постоянно сопутствовала угроза со стороны артиллерийских обстрелов и авиаударов англо-американских войск.

30 декабря 1944 года.

«Пешком прошли 9 км в Васенберг, где пробыли до 24.01.45. В Васенберге тоже всё было хорошо. Но 16.01.45 мы попали под авианалёт, самолёты начали нас бомбить и обстреливать из пулемётов. В квартире, где мы жили, взрывом выбило все окна с рамами. Убило одного парня из нашей сотни – Николая Бондарева из села Мешиковки, похоронили его хорошо».

Как сложилась судьба десятков тысяч советских людей, что по воле случая стали принудительным сапёрно-инженерным корпусом рейха? Де-юре, все эти граждане перешли на сторону врага в военное время, что согласно статье 193 Уголовного кодекса СССР каралось смертной казнью с отчуждением имущества. Большинство представителей данной категории принудительных рабочих подверглись депортации ещё до поражения Третьего рейха и начала массового возвращения так называемых «перемещённых лиц». Вопреки словам Н. Д. Толстого, который в своей книге «Жертвы Ялты» утверждал, что англо-американская сторона всячески помогала остарбайтерам и советским военнопленным избежать возвращения на родину и последующих за ней репрессий, до окончательного поражения рейха союзники последовательно выполняли все свои обязательства.

Российским историком В. В. Земсковым был описан один весьма интересный случай. Летом 1944 года союзники захватили в плен большую группу солдат и офицеров вермахта. При более близком

Часть укреплений «Линии Зигфрида»

знакомстве оказалось, что они не совсем понимают немецкую речь, но прекрасно изъясняются по-русски. То есть в плен попала группа советских военнопленных, которая предпочла стать пушечным мясом, нежели решиться на медленную и мучительную смерть в лагерях. Уже 31 октября 1944 года все 9907 человек были доставлены двумя английскими кораблями в Мурманск. Дальнейшая судьба данного контингента рушит многие стереотипы в понимании нашего советского прошлого. Жестоким сталинским режим обошёлся с этими людьми весьма лояльно. После прохождения фильтрации в спецлагерях НКВД их всех направили на 6-летнее спецпоселение. По окончании срока «горесолдаты» вермахта вернулись в советское общество полноценными гражданами с занесением своей побывки в трудовой стаж! Понятно, что делалось это не по доброте душевной, а из вполне прагматических соображений. Измученная войной страна требовала людей для восстановления экономики и улучшения демографической ситуации.

Думаю, в нашем случае вопрос о героизме и предательстве не совсем уместен. Непростые судьбы простых людей практически всегда лишены стремления записаться в «герои» или «предатели». Каждый из них реализовывал свой программный минимум – выжить в череде экстремальных событий.

Валерий Чернявский,
*заместитель директора Николаевского областного краеведческого музея,
кандидат исторических наук*

ЗВЁЗДНАЯ КАРТА ПОЭТА

Боги приземлились в Николаеве – на старом железнодорожном вокзале, построенном ещё в конце 40-х немецкими военнопленными, тяжело пыхнул киевский поезд, и на перрон, искрящийся солнцем и пылающий пламенем роз, они вышли во всей красоте и блеске. Разве что не на самолёте, но в сиянии невидимых простому глазу нимбов! Да, эти улыбчивые боги литературы пленили сердца поэтических неопитов корабельного города, закрытого для иностранцев, но открытого для своих. И мы с моим николаевским другом, тогда молодым поэтом и работником обкома комсомола Владимиром Пучковым, именно во все глаза смотрели, как нисходят с небес на землю – спускаются из вагонов на перрон – убелённые сединами мэтры и моложавые знаменитости. Секретарь правления Союза писателей СССР Алим Кешоков из Москвы и главный редактор молодёжного литературного журнала «Дніпро» из Киева, поэт Владимир Бровченко, когда-то николаевец, а ныне знаменитый москвич, поэт-песенник Анатолий Поперечный, а ещё – лауреат Государственной премии СССР поэт Борис Олейник, буквально два года тому назад ставший всесоюзно знаменитым после награждения за книгу стихов «Стою на земле»... Но особый интерес вызвали земляки-николаевцы Александр Сизоненко и Леонид Вышеславский. Один – уже широко известный прозаик, и даже редактор знаменитого кинофильма Сергея Параджанова «Тіні забутих предків», а второй – очень известный земной поэт с планетарной славой. Как же! Ведь к его «Звёздным сонетам» написал предисловие сам Юрий Гагарин, отмечавший уникальность космической темы у Вышеславского. Мы помнили эти слова, даже не зная о космической «должности» поэта – Председатель Земного Шара. Третий после придумавшего этот титул Велимира (Виктора) Хлебникова и Григория Петникова, похороненного в Старом Крыму, недалеко от певца алых парусов Александра Грина...

Тогда – дни советской литературы на Николаевщине проходили весной 1976 года – мы с Володей Пучковым были молодыми поэтами, авторами не поэтических сборников, а подборок. Он – в журнале «Юность», а я – в альманахе молодых «Вітрила», выходившем некогда в Киеве. В то время и живые классики ещё не были отмечены самой высокой наградой Украины – лауреатами Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко Леонид Вышеславский и Александр Сизоненко

стали через 8 лет, в 1984 году. Тем не менее, в стране была воистину литературная эпоха, народ много читал (и запрещённое – тоже), а уж что касается восхищения и почитания живых писателей и поэтов – об этом сегодня можно только ностальгически вздохнуть. Я не вспомню всех за дымкой лет, однако в 1976 году в Николаеве побывали также Марк Лисянский, известнейший поэт и наш земляк, создавший гимн Москвы и гимн Николаева, и поэт-переводчик Рувим Моран, друг нашего классика Эмиля Январёва, Марина Тарасова из Ленинграда и ленинградец же, ханта-мансийский писатель Юван Шесталов, одессит Анатолий Глушак... Однако Леонид Вышеславский и среди них выделялся своим неповторимым поэтическим голосом и горделивой осанкой, с львиной копной волос над высоким челом поэта и мыслителя. Лично я с преогромным интересом штудировал его избранное в 2-х томах, вышедшее в 1974 году в издательстве художественной литературы «Дніпро». Подчеркнул слова Юрия Гагарина о нашем визави: «Это лучшее, что за последнее время читал о космических полётах... Леонид Вышеславский малым количеством слов сказал многое. В его сонетах всё на месте, надёжно и прекрасно, и нет ничего лишнего, всё как на космическом корабле». Что и говорить, замечательные слова первого космонавта Земли! Правда, в Николаеве на то время сложился культ космонавта № 2 Германа Титова – в нашем городе проживал Адриан Митрофанович Топоров, который учил ещё родителей Титова в коммуне «Майское утро» на Алтае в 20–30-е гг. XX ст., автор замеченной самим А. М. Горьким книги «Крестьяне о писателях», однако Гагарин и после гибели не утратил в глазах землян ореола самого первого человека, побывавшего в космосе. Поэтому все стихи Л. Вышеславского, даже посвящённые земным реалиям, всё же отсвечивали звёздным светом. Светят и посейчас...

В эти дни перелистываю страницы прижизненных изданий поэта и его посмертных книг, а ведь он дебютировал довольно рано, в 20 лет, и его «Весна вдвоём» – и сейчас не поблекла! Так молодо звучат стихи цикла «Окна», будто написаны вчера. Уже тогда он написал стихи, давшие в 1934 (!) году название будущему двухтомнику – «Основа»!

*И призванье. И смысл. И основа.
От рейсины, от книг, от станка
мы сходились в святилище Слова,
чтоб струной трепетала строка.*

*Наша юность для нас как Эллада!
В той, едва различимой дали,
сокровенною силой ведомы,
исходившей от самой земли,
собирались в писательском Доме
и Поэзии там присягли...*

Да, конечно, это Харьков и писательский дом «Слово», имеющий такую трагическую биографию в 30-е репрессивные годы. Сейчас он приватизирован, и в этом – уже современные реалии. Но о них напишут другие поэты – харьковские ли, николаевские, крымские или киевские. С присягой Поэзии? – вот в чём вопрос...

* * *

Прошли годы. Исчезла литературоцентрическая эпоха, иными стали дни литературы – шире, дни поэзии – в более узком понимании. В 2002 году, тем не менее, в Николаеве приехала очень представительная делегация из Киева – все активисты Николаевского землячества в столице Украины, которым руководил и продолжает руководить один из известнейших политиков Украины времён независимости Анатолий Кинах. Не припомню, был ли тогда в Николаеве сам Анатолий Кириллович. Известно, что бывший вице-премьер-министр в Правительстве Валерия Пустовойтенко, после премьерства Виктора Ющенко, именно А. К. Кинах возглавил Кабинет Министров Украины. Аккурат перед приходом на премьерскую должность Донецкого губернатора Виктора Януковича.

Но я вспоминаю тогдашних земляков, наведавших родной край, и вспоминаю с большой теплотой и нежностью те незабываемые встречи, которые состоялись при участии Леонида Николаевича. В те тёплые осенние дни было много встреч земляков – николаевцев киевских и собственно николаевских объединяли общие воспоминания, друзья, родственники, сам дух автохтонного бытия. А уж на встрече с поэтами Леонидом Вышеславским и Лилией Золотоношей в Николаевской научно-педагогической библиотеке яблоку негде было упасть! Уже не тот статный мужчина – седенький, исхудавший, тем не менее, Леонид Николаевич блестяще читал свои старые и новые стихи, отвечал на вопросы. А мы с сыном Тарасом, аспирантом Института литературы имени Т. Г. Шевченко НАНУ в то время, оказались со знаменитым поэтом за одним столом на торжественном обеде в офицерской кают-компании ещё строившегося тогда ракетного крейсера «Україна». Это был, повторюсь, год 2002. Он был богат литературными встречами – летом в Николаеве побывал Андрей Вознесенский, написавший трогательные, трагические стихи о николаевском авианосце, ставшем флагманом китайского флота. Как догадывается читатель, за тем обедом Леонид Николаевич говорил не об ушедших днях корабельной славы родного Николаева, а с радостной грустью говорил о сохранившихся домиках на Слободке, где появился на свет в 1914 году, о том, как фотографировал освобождённый город в 1944-м, и было ему, фронтовому журналисту и поэту, всего-то тридцать. Говорили о его украинских эротических стихах, опубликованных в единственном эротическом журнале – это был журнал с большими претензиями под названием «Лель». О переводной книге Ярослава Славутича, бывшего до революции 1917 года украинским дворянином Григорием Жученко с российским гербом, а в войну – краскомом и пленником, убежавшим из концлагеря в Полесскую Сечь. Тогда они, тавричане, были живы оба – Вышеславский жил в Киеве, Яр Славутич, тоже бывавший не раз в Николаеве, в канадском Эдмонтоне...

Глядя на худенькую фигуру старого поэта накануне его 90-летия, с горечью думал, какие мы все беззащитные, когда остались без нимбов небожителей и властителей дум. Однако вслух такие мысли поэт поэту не выскажет, и мы поднимали бокалы с виватом за поэзию. Фотографировались – в кают-компании, на палубе корабля. Тогда мы не знали: ранней зимой в столице Украины погибнет великий поэт, а в столице кораблестроения – великий корабль. Однако стихи Леонида Вышеславского не ушли вместе с ним: они прилетают в наши сумрачные дни из космической дали, из планеты «Вышеславия»...

Дмитро Креминь,

*поэт, лауреат Государственной премии Украины имени Тараса Шевченко (1999),
лауреат премии «Планета Поэта» имени Леонида Вышеславского (2014)*

Любов СПАНАТІЙ

ЯК ПОДЗВОНЮЄ ТРОНКА

Північним Причорномор'ям здавна цікавляться різні вчені: історики, археологи, етнографи, фольклористи, краєзнавці, а також і мовознавці-діалектологи.

Сучасна українська мова на даному етапі розвитку має кілька форм існування: літературну, діалектну, арго, жаргони, сленги і суржик. У даній статті зупинимося тільки на одній із форм існування сучасної української мови – діалектній. Живу народну мову сьогодні поділяють на три наріччя (південно-східний, південно-західний і поліський) і на 15 діалектів (середньонаддніпрянський, слобожанський, степовий, подільський, волинський, наддністрянський, гуцульський, бойківський, покутсько-буковинський, закарпатський, лемківський, надсянський, східнополіський, середньополіський, західнополіський). Територіальний діалект – це різновид національної мови, якому властива відносна структурна близькість і який є засобом спілкування людей, об'єднаних спільністю території, а також елементів матеріальної і духовної культури, історико-культурних традицій, самосвідомості. На території сучасної Миколаївщини поширені два діалекти: подільський (Врадіївський, Кривоозерський, Первомайський райони) та степовий.

Формування українських степових говірок нашого краю тісно пов'язано з історією його заселення. Освоєння земель півдня України відбувалося ще на початку II половини XVIII століття, головним чином за рахунок переселенців з різних районів Лівобережжя та Правобережжя (Подільська, Волинська, Полтавська, Чернігівська губернії). Саме це, як зазначає відомий історик В. Кабузан, обумовило переважання українців у цьому регіоні. Протекціоністська політика царського уряду сприяла масовому припливу в різні періоди на південь України, у тому числі і на Миколаївщину, росіян, білорусів, болгар, молдован, сербів, німців, греків, євреїв, вірмен, поляків та інших народів. Цей потік регулювався розгалуженою системою державних пілг і заборон.

Так, у 1808–1809 роках іммігрантами із західнонімецьких земель були засновані колонії: Катериненталь (с. Катеринівка), Ватерлоо (нині Веселинівський, Миколаївський райони); Березанські колонії (по річці Березань: Карлсруе (с. Степове), Раштадт, Ландау (с. Широколанівка) та ін.).

Із 70-х років XVIII століття на території сучасної Миколаївської області почали розселятися болгари (с. Димове, с. Щербове, с. Тернівка).

З дозволу Новоросійського губернатора з 1778 року на землі сучасної Миколаївщини переселялися євреї. За указом Катерини II від 21 грудня 1791 року їм було надано право громадянства в Катеринославському намісництві та Таврійській губернії, дозволялося проживати в містах, займатися ремісництвом та торгівлею. Багато євреїв проживало у Вознесенську, Очакові, Голті та інших населених пунктах області. На території Миколаївщини євреями було засновано кілька землеробських колоній (Нагартата, Ефінгар, Добре).

Помітне місце в колонізації краю посідали греки. Після тривалої перерви, пов'язаної з припиненням життя в Ольвії, уродженці сонячної Еллади з'являються на території Миколаївщини в II половині XVIII століття. Грецьким емігрантам надавалися всілякі пілги, виділялися земельні наділи та надавалася грошова допомога. Крім торгівлі, традиційною сферою діяльності греків було мореплавство.

Вихідці з Польщі з'явилися на Миколаївщині з кінця XVIII ст. Крім Миколаєва, вони оселялися в сільській місцевості (с. Кирилівка Снігурівського району, с. Новопавлівка Баштанського району, с. Мазурове Кривоозерського району та ін.). Кількість поляків на території області значно збільшилася внаслідок їх насильницького переселення після придушення польських повстань 1830–1831 та

1863–1864 років. Польське населення проживає у с. Касперівка, Новопетрівка, Калинівка та інших населених пунктах Миколаївщини.

Компактним місцем проживання чехів на Миколаївщині є с. Богемка Врадіївського району. У серпні 1905 року в долині безіменної притоки річки Чичиклії в Ананіївському повіті Херсонської губернії Російської імперії (нині Врадіївський район Миколаївської області) між селами Новопавлівка та Доброжанівка нащадки чеських емігрантів заснували село Богемку.

У повоєнний період національний склад населення Миколаївщини значно розширився завдяки поселенню тут представників народів Кавказу, Середньої Азії, інших регіонів – азербайджанців, грузинів, дагестанців, вірмен, узбеків, киргизів, таджиків, туркменів, абхазців та інших. Значна їх частина оселилася на Миколаївщині після проходження військової служби, вступивши у змішані шлюби з місцевими жінками. Дехто залишився тут після закінчення місцевих вищих закладів освіти або приїхав згідно з розподілом з інших республік. У 1980–90-ті роки з появою так званих «гарячих точок» через небезпечні умови для проживання сюди переселилися чеченці, курди, турки-месхетинці. Останні компактно проживають у Баштанському районі Миколаївської області. Багато етнічних груп мешкає у різних куточках нашого краю.

Не могло не відбитися на українських степових говірках Бузько-Інгульського межиріччя й переселення жителів Західної України (Закарпатська, Івано-Франківська, Львівська, Тернопільська обл.) на Миколаївщину, особливо в Первомайський, Кривоозерський, Казанківський, Братський, Веселинівський і Баштанський райони, що відбувалося в 50-х і 70-х роках ХХ століття. Це спричинило появу в степових говірках Миколаївщини багатьох слів із говірок південно-західного наріччя.

Отже, основу українських степових говірок Бузько-Інгульського межиріччя становлять середньонадніпрянські говірки з вкрапленнями говірок поліського і південно-західного наріччя. У різний час вони зазнали певного впливу російських, білоруських, болгарських, частково – сербських, чеських, грецьких, німецьких та інших говірок.

Найбільше духовне багатство краю, на нашу думку, – це жива народна мова Миколаївщини – місцеві говірки (один населений пункт сільської місцевості становить одну говірку). У містах, зокрема Миколаєві, Первомайську, Южноукраїнську, Вознесенську, Очакові, Баштанці, Новій Одесі, Новому Бузі, Снігурівці, функціонують в офіційному спілкуванні українська, російська літературні форми, а у побутовому – суржик.

Протягом 1970–80-х років мовознавцями кафедри української мови Миколаївського державного педагогічного інституту в 600 селах був зібраний багатий лексичний матеріал і укладено «Словник говірок Бузько-Інгульського ареалу», у якому зафіксовано 12 тисяч слів (1435 машинописних сторінок).

Машинописний рукопис словника в 1994 році було передано в Інститут української мови НАН України, де його високо оцінено і зазначено, що це перша у вітчизняній науці і культурі такого типу праця, яка подає докладну інформацію про словникове багатство розмовної народної мови Миколаївщини. Так, використовуючи матеріал словника, захистили кандидатські дисертації Л. Спанатій (лексика гончарного промислу), В. Баденкова (лексика народної медицини), Л. Москаленко (ботанічна лексика), Р. Іванський (лексика родинного обряду) та ін. Звичайно, що цей рукопис не охопив усього словникового багатства обстежуваної території, оскільки був першою спробою створення праці такого типу.

З 1994 р. авторський колектив продовжує роботу над збором і систематизацією лексичного матеріалу, використовуючи «Програму для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови» професора Ужгородського державного університету, нашого земляка, Й. Дзедзелівського, і укладає у двох томах «Словник українських говірок Бузько-Інгульського межиріччя». Нині його перший том у видавництві «Ліон» чекає свого часу для видання.

До цього словника ввійшли слова (діалектизми), поширення яких обмежується територією нашої області. Діалектні слова відрізняються від літературних певними ознаками, за якими їх поділяють на такі групи:

Лексичні діалектизми – це найчисленніша група слів, серед них розрізняють власне лексичні діалектизми, етнографічні, лексико-семантичні. Власне лексичні діалектизми – слова-дублети до літературних відповідників. Специфіку власне лексичних діалектизмів розглянемо на прикладі слів, уживаних у степових українських говірках Бузько-Інгульського межиріччя: *бараболя* – картопля,

блaвaт – волошка, *бузько* – лелека, *вагані* – ночви, *веселіця* – райдуга, *вішки* – горище, *діди* – хмари, *жaліва* – кропива, *зaпан* – фартух, *кульчики* – сережки, *кабaк* – гарбуз, *кавуніця* – плід кавуна жіночої статі, що має широку пляму на місці цвітіння, *коляк* – будяк, *катрашка* – літня кухня, *кацавейка*, *кацабайка* – жилетка, *керасінка* – газова лампа, *кореніха* – цілюща трава, *косa* – селезінка, *літoвка* – коса, *мигійця* – мжичка, *льок* – приправа з часнику і цибулі для рибної юшки.

Етнографічні діалектизми – слова, що називають предмети і явища, поширені тільки в певній місцевості, у Миколаївській області. Склад етнографічних діалектизмів якнайтісніше пов'язаний з природничо-географічними умовами побуту та характером господарської діяльності жителів відповідних районів України. Для прикладу наведемо такі етнографічні діалектизми: *абаза* – сильний вітер біля берегів Чорного моря; *баба*, *бабка*, *баран*, *бoчик*, *вoвчик*, *дідик*, *дід морoз*, *душa*, *зайчик*, *чoртик* – м'ясиста середина кавуна; *дівування* – весільний коровай (гілки вишні, обплетені солодким тістом і спечені, які ставляться перед нареченою); *данц* – обрядовий танець під час весілля; *чабанка* – гра, якою забавляються хлопці, які пасуть овець; *тронка* – дзвіночок, який чабани вішають на шию вівцям.

Лексико-семантичні діалектизми (*бабка* – птах пелікан, *вдовa* – квітка фіалка, *крашанка* – яйце, *березa* – дерева, *бичок* – дрібна річкова риба піскар, *биль* – риб'яча луска, *борoзнa* – свято після закінчення сівби, *винo* – виноград, *вішкварка* – вискочка, *гарбуз* – кавун, *кабан* – склепіння печі) відрізняються від нормативно вживаних у літературній мові лише своїм значенням.

Слова з окремими звуками: *aep* – айр, *абиркoса*, *айбиркoса* – абрикoса, *вогiрок* – огірок, *вутава* – отава, *воріx* – горіх, *вубoра* – обора, *вакація* – акація, *голія* – олія, *калідoр* – коридор, *картoхля* – картопля, *кoмнір* – комір, *coяшник* – соняшник – це фонетичні діалектизми.

У мові мешканців Миколаївщини зустрічаються слова з нетрадиційним наголосом: *разoм* – разом, *oзнакa* – ознака, *пpедмет* – предмет, *могo* – могo. Це акцентуаційні діалектизми.

Граматичні діалектизми – слова, що відрізняються від літературної норми певними граматичними формами: *дві руці* – дві руки, *кoсю* – кошу, *пpoсю* – прошу, *носю* – ношу, *любe* – любить.

У нашому краю житимуть слова, що відрізняються способом творення, а саме – іншою комбінацією афіксів із твірними основами – словотвірні діалектизми: *альoкати*, *асфальтoвка*, *басін*, *басіна*, *басейна*, *басіновий*, *безклeпка*, *братoвка*, *вередуля*, *вдягaчка*, *гвоздівніця*, *горлапанити*.

У мові миколаївців мають місце стійкі словосполучення, що відрізняються своїм значенням: *бабочкою іти* – пливати так під вітрилами при попутному вітрі, щоб вітрила були перпендикулярно до напрямку вітру; *взяти під крендель* – взяти під руку; *латки мостити* – підлизуватися, підлабузнюватися; *баналоки плести*, *мандрони ліпити* – говорити дурниці; *бомки бити* – нічого не робити; *бурки шити* – піднімати на сміх; *зайти в запарку* – дуже сердитися; *козу дати* – зробити помилку; *узори знімати* – уважно розглядати та ін.

Діалектизми, як уже зазначалося, не входять до складу літературної мови; вони побутують у розмовній мові; інколи вживаються в художніх творах, яким вони надають місцевого колориту, служать засобом правдивого змалювання пейзажів, характеру персонажів, особливостей їх мовлення.

Досить часто діалектизми вживають у мові художньої літератури як синоніми до наявних у літературній мові слів. Вдало застосовані письменниками діалектизми стають важливим засобом стилістичного увиразнення і збагачення літературної мови. Більш чи менш вдале введення лексичного діалектизму в мову художньої літератури завжди залежить від таланту письменника, від його мовної майстерності, наприклад: «Полумисків п'ять, у всі порівно накладено риби, политої *льоком*, і кожен із мисливців, узявши свій полумисок, рушає до столу» (О. Сизоненко, «Корабелі»); «Віктор вирізав *дідика* з кавуна – його найм'ясистішу та найсолодшу середину, яку називають також *вовчком* і яку завжди віддають дітям, і подав Славкові» (О. Сизоненко, «Була осінь»); «Щоправда була якась десятина *царини*, з якої мали трохи хліба» (О. Сизоненко, «Білі хмари»); «Бач, які *діди* встають? – показував на білі круглі хмари, що громадилися за виноградником» (О. Сизоненко, «Степ»); «Колодов одвертався, Боня відмахувався від комарів, Бусленко *шолопався* в портфелі, діставав карту» (І. Григурко, «Ватерлінія»); «Виходимо ми за поріг, а тут шкутильгає баба: мішок на плечах, прищеплений *патичком*, спідниця з *цельти*, запаска з мішка і така ж хустка» (С. Пушик, «Страж-гора»). Читаємо у О. Гончара: «Це найкращий час для чабана – вести отару доки ще не жарко по прохолодних випасах і слухати, як в тихім ранковім повітрі подзвонює *тронка*» («Тронка»).

Сучасні художні прозові тексти виявляють різноманітні шляхи пізнання народного слова. Мова художньої літератури не конгруентна літературній мові, оскільки в ній можуть використовуватися й позалітературні засоби художнього зображення навколишньої дійсності. Введення майстрами пера діалектних слів у канву художнього твору сприяє ознайомленню широкого кола читачів з вузько-діалектними лексемами, нерідко спричинюючи їх входження до загальнонародної мови.

Отже, видання «Словника українських говірок Бузько-Інгульського межиріччя» у двох томах – це збереження народної мови Миколаївщини другої половини ХХ століття, вагомий внесок у розвиток діалектної лексикографії та прикладного українського і світового слов'янського мовознавства.

Спанатій Любов Степанівна. Кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови та лінгводидактики Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського.

«ВАТЕРЛИНИЯ – 2014»: ЧЕТВЁРТАЯ. ВИРТУАЛЬНАЯ

7 июня 2014 года объявлением о приёме работ на поэтический конкурс начался предварительный этап IV Всеукраинского фестиваля поэзии «ВАТЕРЛИНИЯ – 2014». Планировалось, что финальная часть его, как обычно, состоится в г. Николаеве. Правда, с некоторым смещением. Мы долго и мучительно решали для себя главный вопрос: «Должны ли говорить музы, когда говорят пушки, или их удел – молчание?» – и в надежде на лучшее смещали окончательную дату. Наконец было решено: вместо привычных выходных дней на Святую Троицу финал назначить на конец лета, 22–24 августа 2014 года, на дни празднования Независимости Украины... Однако события развивались по худшему сценарию. И 14 августа 2014 г. мы были вынуждены опубликовать следующее обращение к потенциальным участникам и гостям фестиваля: «Дорогие друзья! Наши надежды, что в августе политическая ситуация в Украине стабилизируется, не оправдались. В условиях, когда восточную часть нашей страны захлестнула война и её страшные отголоски слышны в каждом уголке Украины, когда нависает угроза раскола и хаоса, а народ напрягает силы, чтобы противостоять беде, оплакивает убитых и молится о мире, – оргкомитет открытого всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния» не считает возможным проводить в этом году финальный праздник поэзии в Николаеве. Тем не менее, объявленный конкурс продолжается на прежних условиях. Приём заявок продлён ещё на месяц...» Таким образом, традиционный фестиваль, проводившийся в течение трёх лет, перешёл в виртуальный формат. Оргкомитет приложил все усилия, чтобы дистанционный конкурс состоялся и был достаточно представительным (в нём приняло участие 123 участника из разных областей Украины). В итоге было отобрано 20 финалистов-дипломантов фестиваля. А после повторного оценивания работ «двадцатки» – названы победители-лауреаты «Ватерлинии – 2014». Сегодня мы публикуем их конкурсные поэтические подборки.

Оргкомитет Всеукраинского фестиваля поэзии «ВАТЕРЛИНИЯ»

СПИСОК ФИНАЛИСТОВ (ДИПЛОМАНТОВ) КОНКУРСА

(в алфавитном порядке)

1. Богаченко Анжела (Николаев/Киев)	11. Кива Ия (Донецк)
2. Боришполец Елена (Одесса)	12. Мацо Ольга (Львов)
3. Видющая Инга (Одесса)	13. Мельник Анатолий (Марганец)
4. Воробей Александра (Киев)	14. Мысник Ирина (Полтава)
5. Гаджий Оксана (Киев)	15. Очман Александра (Днепропетровск)
6. Грушовская Екатерина (Тернополь)	16. Полунин Антон (Киев)
7. Деяк Томаш (Ужгород)	17. Силецкая-Васильева Яна
(Покровское, Днепропетровская обл.)
8. Дорош Олег (Николаев)	18. Сквирская Ольга (Николаев)
9. Дядченко Людмила
(Шевченково, Черкасская обл.)	19. Синоптик Сергей (Киев)
10. Златов Павел (Киев)	20. Тимочко Иоланна (Киев)

ЛАУРЕАТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА

I место:

Инга Видющая (Одесса)

II место:

Иоланна Тимочко (Киев)

Олег Дорош (Николаев)

III место:

Ольга Мацо (Львов)

Сергей Синоптик (Киев)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛАУРЕАТОВ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА

Инга ВИДЮЩАЯ (Одесса) – I место

Видюща Инга. Народилася 07.08.1980 р. у Львові. Філолог за освітою, перекладач. Публікацій не має. Готує до друку першу поетичну книгу «Біле – Червоне – Чорне».

КАРПАТСЬКЕ МОРЕ

Коли на місці Карпат шуміло прадавнє море,
бабця моя (із безліччю префіксів пра-пра-пра...)
мріяла народитись, пливла у човні прозорім,
в повітрі солонім бриніла псальма її неземна.
Летіла зигзицею пісня, ронила на воду пір'я
(колись його, скам'яніле, здадуть на музейний схрон).
Не відала бабця, що море всохне в людському зневір'ї,
що піде на брата Каїн, що сплять ущент Іліон.
Море мовчало, дихало, хвилями груди здіймало.
Море не знало, що житиме в риб'ячих молитвах.
Бабця пливла і співала.
Як же вона співала!
Так, що і досі світліє
нащадкам у головах.

СЛОВО

Доки виступить сіль на кінчику язика,
Мовчи, прісноводно музо сивого моряка.
Неси слова, наче хвилі, далі за небокрай,
Де ковила-шептуха вилле усе, що крає
Серце його – скрипуче, як зрешечена щогла.
Річка молочна, з дитинства масляні береги...
Доки мовчиш ти, річко, спить ув очах волога.
Доки ти спиш, мандрівцю, якірні ланцюги
Вгрузають у землю родинну, в глицію й полонину.
Брязкають калатальця. Спи, чоловіче, спи.
Вийде на берег жінка, первісна і єдина.
Губи її солоні. Очі від сліз сліпі.

ЯК ПУЧОК ЦИБУЛІ

Старий капітан повертається з-за морів,
розкурює файку, дивиться на Говерлу.
В його селі – ні людей, ні собак, ні снів:
усі померли.

Старий капітан півжиття розміняв на дим.
Йому не пече ані Рим, ані Крим. У півлітрі
міцного вина біль мовчить і стає дрібним,
наче мак у макітрі.

Тиша в колодязі – туга осиротілої мушлі.
Море стає навшпиньки, тицяється в долонь.
Вмерзли у скло калабані дві посивілі груші,
вода – не вогонь.

Вода розмиває мапи, з'їдає дати.
Вода ворухиться змієм у хаті поснулій.
Лиш гори не рушать. Висять як аеростати.
Чорні. Важкі. Прості, як пучок цибулі.

Старий, заплющивши очі, слухає небо.
Жевріють зорі, виблискують, як рибини.
У пізній любові є щось від ефекту плацебо.
Він засинає, спершися на цямрину.

Так і знайшли його.
З грушкою у руці.
З кораблями, на грудях набитими,
схожими на синці.

СУША. АПЕЛЬСИН. ХІМЕНЕС

Боже, чому не зробив ти мене програмістом,
радше – химерною програмісткою
із самотнім кактусом на столі. Із Ференцом Лістом
у плеєрі, з німотою аквалангістською
у кабінетному тихому морі.
Я б могла випасати цифр підводні отари,
я б носила у торбі термос і ключ для гітари.
Натомість ти дав мені голку й нитки суворі –
підшивай, дівчисько, від народження і до смерті
кривди свої і чужі, ховай у міцні конверти –
перечитаємо разом, після другого, чуєш, прищестя...
Я б воліла, Боже, не бути комусь проти шерсті,
не брати у борг, не читати кепських новин,
жити майже відлюдьком, ростити собі апельсин
у садку і слухати, як просувається рима на нерест,
коли він мені читає Хуана Рамона Хіменеса.
Отоді б я кидала всі свої коди й сервери,
отоді б я кидала голку, наперстки, нитки
й впливала русалкою з офісної консерви
на цей голос, що перетворює хвіст на литки.
І ти би сміявся, Боже, – ну що то за дівка дурна,
чого вона справді хоче, чого шукає?
Знаєш, Господи, в кожного є одна така дивна струна,
яку він сам у собі колись обриває
заради звуку єдиного, проймаючого як дзвони.
І тоді вже байдуже, де ми – на суші чи в океані.
Боже, зроби мене семиструнною. Не позбав сподівання
дослухати до кінця його і Хуана Рамона.

БІЛЕ – ЧЕРВОНЕ – ЧОРНЕ

Твій маленький Синдбад абетки ще не затамив.
 Усі запитання прийдешні, в яких Божий світ заховавсь,
 ти складаєш у білу скриню з мусонами і морями,
 які передчути можна, але відвернути – зась.
 Шепоче, змією звивається в пальцях у тітки Мойри
 нитка цупка, червона. Простір гусне у часі,
 мов у глінтвейні мед. Незчуєшся, як переоре
 він букваря та мапи, й вирушить на баркасі
 уздовж берегів скелястих (життя – то суцільні скелі).
 Згодом – порти, острови. Ява, Лусон, Бермуди.
 «А знаєш, синку, живуть живі кораблі у пустелі –
 дивні такі створіння, добрі такі верблюдю...»
 Отак ви ті букви вчили, звивалася ниткою казка.
 Пильнує боцман на вахті, «Сamel» курить пустельний.
 Покрито пилом дитинство – богів курячих зв'язка.
 А в тебе скриня линяє. В червоне. В чорне, смертельне.

Йоланна ТИМОЧКО (Київ) – II место

Тимочко Йоланна. Народилася 25.07.1991 р. у с. Микитинці Косівського району Івано-Франківської обл. Освіта: Київський національний університет ім. Т. Шевченка, Інститут філології, закінчила I курс ОКР «Магістр» спеціальності «Літературна творчість та українська мова і література». Публікації: «Літературна Україна» (Київ), «Перевал» (Івано-Франківськ).

ПЕРЕДЧУТТЯ ВЕЛИКОЇ ВОДИ

Слово твоє обплітає мене, мов кокон,
 на рукавах сорóчки – сліди навиріст.
 Біль не зашити навіть тонкою голкою –
 вістря впивається в шкіру, стає гострішим.
 Голос згори – як постріл у воду, в голову
 камінь – шубовсть! – і хвиля його поглинула.
 Світло стає на дибі, залишає осторонь
 небо і землю, світ на поталу хвилям.
 Сплеск потопельника – колами, колами, колами,
 глухо об скелю ехо – іде, іде,
 хмара – в трубу, у лійку, до дна, у корінь...
 Я забуваю, хто я, коли і де.
 Дай мені шкіри, дай мені трохи дихання!
 Слово – дивися – може, колись засну.
 Вийди з води – тут я стою, де хвиля,
 тут я росту і слухаю глибину.
 Білі сліди звідусіль – на хлібах у віхоли
 (біль буреломів – до кам'яного дна!).
 Осторонь – світло і світ під попутним вітром,
 є тільки голос, голка і глибина.

КАЇН І АВЕЛЬ

Мій маленький білявий метелику Авелю, Авелю –
камуфляж і кевларова майка, на шиї Калашников –
дев'ятнадцяте літо про себе війною нагадує,
і душа твоя плаче ягням перед вовчою пашею.

Ти зростав під скрипіння смерек і сопілку Чугайстрову,
у навушниках гусли шліфовані рифи «Led Zeppelin».
В колискову зі скрипковим соло Вівальді під тайстрою
запліталися світло і темрява з літом і дембелем.

Мій маленький білявий метелику Авелю, Авелю,
Дон Кіхоти колись вітряками до смерті набавилися.
Недалеко від яблуні яблуко Каїна падає,
прирікаючи землю на ще один постапокаліпсис.

Ми пліч-о-пліч з тобою ламали це пекло на камені,
пам'ятаєш іфрита на сходах останньої станції?
І нехай це до болю неправильно, Каїна згадую...
Як він там, межі тими, кого називає повстанцями?

Мій маленький білявий метелику Авелю, Авелю –
пістолети за поясом, бронежилет і Калашников –
дев'ятнадцяте літо на голову карою падає
і збиває слова, що, мов яблука, в хаосі важчають.

ВІЙСЬКО ТІНЕЙ

Військо тіней траву толочило, піднімали копита високо –
вище неба, вітрів і коминів сни...
Десь горіли тривоги рунами і на шкірі трави роїлися
червоточинами, здираючи синь

із небесної шкарлупі, де я – досі десь у дорозі, змилений.
Під моїми тремкими ребрами – крик.
Моє горло болить, спресоване випарами старечих спазмів, і
я поволі втрачаю з маскою лик.
Я нікого уже не слухаю, мої вуха давно оглухли і
павутиною слів обплутаний ніж.
Ці могили не стануть ситими, хоч могли б, але їх ніколи ми
не наповнимо морем болю, бо... Їж!

Я боюся забути істину – палімпсести розмитих споминів
не воскреснуть від слів і дотиків, ні.
І нехай я згнию в агонії, але час розпрягати коней, бо
тільки руки твої і ноги твої – гнів.

Коні дихають у потилицю, весь світ тоне під їх копитами...
І не знаю я, чи то коні, чи просто тля.
Військо тіней болить, як викидень... І не я розпинаю скинутих
із престолів синів, бо з ними і я.

МОЛЬФАР (СОТВОРІННЯ АДАМА)

Руки мольфара тримають вітри і хмари –
 гори у грозах, гори в руці димлять.
 Бог дав тобі голос, бог дав тобі кару – карму,
 бог дав тобі вуха –
 слухай і говори.

Пальці мольфара плетуть смерекові храми,
 голі ялини – скеля в пісок росте;
 не помилися – небо висить над брамою,
 пий з нього воду,
 пий з нього подив,
 йди.

Пальці мольфара місять розмоклу глину,
 глина болить, глина голосить – хтось
 мне її тіло, біль натирає воском.
 Простір куйовдиться, дибом стає –
 біжи

в руки мольфара, в груди мольфара, в бороду.
 Коло гончарне крутиться,
 догори
 бог піднімає браму, зорю і голову,
 сонце у пазусі цього газди –
 бери.

Голос мольфара гойдає роки і дотики –
 дай йому руку, стукай у тінь дверей;
 п'ють молоко з грудей золоті гадюки,
 трусяться кості – в ребрах згорає
 смерть.

Пальці мольфара тримають світи і храми,
 голка у горлі вістрям кудись вниз.
 Гори димлять і ватри горять під хмарами...
 Глина відкрила око –
 дивись, дивись!

Ольга МАЦО (Львов) – III місце

Мацо Ольга. Народилася 2 жовтня 1989 р. в Ужгороді Закарпатської області. Закінчила Ужгородський національний університет, практичний психолог, юрист. Проживає у Львові. Лауреат літературної премії видавництва «Смолоскип» 2014 р. (за рукопис збірки поезій «Мріячня»). Організатор та акторка Поетичної театралізованої феєрії на власні вірші «О пів на Тебе...». Учасниця міжнародних мистецьких фестивалів («Березневі коту – 2014», «Книжковий арсенал – 2014»), численних літературно-музичних читань та літературних шкіл, фіналістка Фестивалю об'ємної поезії. Публікувалася в кількох молодіжних збірках, альманахах, антологіях.

СЛОВО З ВОДИ

усе почалося з Води й кораблів у скронях
 припливи-відпливи і ми як відкрите море...
 ще трохи – і ці небеса три дощі нам зронять
 ще тиша – і всесвіт краплинами заговорить

бо все почалося з Води... із Води і слова!
ще три паперові кораблики – й буде злива
ще довгі хвилини і хвилі – і вітер зловлять
словесні вітрила

МОСТИ

Я наводжу мости. Мене вабить ходіння мостами.
Бо без них, мов без рук, як не вмієш іти по воді...
Не тримай мене більше, ми вже нероздільними стали –
Ми потрапили разом самі до своїх володінь.

На мостах тренувати ходу – то заняття веселе,
Можна впасти в усмішку ріки без усяких причин.
Я наводжу мости. І щоразу – від себе до себе,
Ну а ти попід ними – течи, і течи, і течи.

* * *

коли ти приходиш з піском і порожнім годинником
я все розумію – отак зупиняється час
піщинкам здається нічого не сталося дивного
а вічність розсипалась вщент і години мовчать

коли ти приходиш з водою й пустою клепсидрою
я все розумію – отак зупиняється час
краплинам здається що все як було і без вибору
а вічність ущент розтеклась і години мовчать

коли ти приходиш із тінню і сонця проміннями
я все розумію – отак зупиняється час
чи то нам здається чи й справді до болю омріяний
у лоні усесвіту вимір новітній зачавсь

КОНІ

Коні приходять без принців, ніким не осідлані,
В душу підковами стукають і зазивають до стайні.
Ніжно іржуть про любов, і на кінському вже засіданні
Просять ласкаво на скачки – не перші свої й не останні.

Принци приходять без коней – смішні й самовпевнені,
Хочуть вдавати богів, а насправді вдається лиш коней...
Кажуть, що дико закохані (може, з якогось племені?).
Я б перевірила їхні серця на уміст силікону.

Коні змішались із принцями, принци – із конями:
Всі залицяються, просять, щоб їх осідлали назавжди.
Тільки підкови лишаються, коні стають зникомими.
Я загубилася на іподромі і вчуся іржати.

В ГОСТІ З МУЗИКОЮ

як ітимеш до мене у гості
захопи із собою найнеобхідніше
музику музику всю свою музику!
я навіть не уявляю як можна
вийти з дому без музики

заходячи до під'їзду мого будинку
озирнися третім оком
чи немає довкола привидів
аби вони часом не підслухали
музику музику всю твою музику
коли двері ліфта відчиняться
і диспетчер питає голосом янгола:
«що у Вас із собою?»
усміхнися і відповідай як є:
«музика музика вся моя музика»

далі може трапитись що завгодно
глибоко вдихни і підготуй найнеобхідніше
ліфт зупиниться о пів на сьоме небо
а там для тебе усе відчинено –
хмарини хмарини всі мої хмарини

Сергей СТОЙКО (Київ) – III місце

Стойко Сергей. Синоптик – творческий псевдоним. Поэт, литературный обозреватель, event-менеджер, главный редактор культурного портала «ARTMISTO». Родился в 1989 году в Севастополе. В настоящее время живёт в Киеве. Образование биологическое. Публиковался в сетевых проектах «ЛИТФЕСТ», «Полутона» и др. Книжных публикаций не имеет. Победитель, призёр, лауреат фестивалей «Многоточие» (Бахчисарай), «Крымская Весна» (Симферополь), «Антракт» (Херсон), «Сила Ветра» (разные города), «Проявление» (Курск), «Руді тексти» (Кривой Рог), «АВАЛГАРД» (Харьков) и др. Организатор международного фестиваля поэзии «ШОРОХ» (Симферополь). Член литературного клуба «Хорошо».

КОЛОФОН

Когда я смотрю на небо, я с небом не говорю.
Новые фонари преображают плоскость
Берега. Кажется, всё предельно просто –
Лето стремительно катится к сентябрю,
Ночь преломляет касательную горизонта,
Превращая его в пунктир: точка, тире;
Но на линии фронта крейсер снимает стресс
Городу, вырастающему из гарнизона
Во что-то, отдалённо смахивающее на курорт.
Лето проходит, как головная боль,
К которой привык, будто к запаху канифоли,
Крейсер снимается с якоря, ложится на правый борт,
Отправляясь к полуразрушенному Колофону;
Впереди – Геллеспонт, а в спину – попутный ветер,
Горизонт, как и прежде, выхолощен и дискретен,
Судно скользит звуковой волной по нейлону...

Этот поход – последний. Скоро кавалергард,
Воспетый впоследствии дряхлым уже Мимнермом,
Отправится за руном, так действующим на нервы
Жителям города, исчезнувшего с карт.
Небо молчит, контуженное салютом,
И утро приходит, как позже придёт война.
Греция пала, Таврида обречена,
Колхида протянет до следующего налёта;
Пока же – восход, главный мирской фонарщик,
Приближает сентябрь. Дети готовы к школе.
Юноши любят, упражняются в дискоболе.
Если будет «потом», то будет намного ярче;
Если... будем. Жизнь стремительней, чем Милет.
Мнемонический бог постарел, и уже не важно,
Как правильной – тяжело или бесшабашно.
Важно присутствие лоцмана на корабле.

* * *

Дом остался за бортом – это ли не весна,
Когда пассажирам придумываешь имена
И едешь на поезде в некую степь густую?
Островитянин, выдумавший ладью,
Ты куда ладонь протягиваешь свою –
В горло ли города, в створ, на передовую?
В фонтанное жерло не суйся до сентября,
А если захочется всё-таки на моря,
Можешь наполнить голову можжевелем,
Или карпатским выстиранным плющом,
Или луганским капающим плечом,
Или дунайским выгоревшим пробелом.
В этом теперь вода твоя и вино,
Шерсти ковыльной пыльное волокно,
Твой ошавший от родины загранпаспорт.
Утром побрейся, выползи на балкон,
Вдохни разогретый к завтраку флогистон
И не забудь купить в магазине зубную пасту.

НОВОСТНАЯ ЛЕНТА

Дилеры в толпе барыжат азовским песком
Чёрное вбрасывает на берег водоросль
Уличное освещение развевается на ветру
Блестят параметры: одинаковые люди, бронетехника
Вброд можно перейти любой водный поток
Располагающийся на означенной территории
Придорожная пыль дороже нефти
Параметры одинаковой бронетехники – блестящие люди
Воду нельзя перекрыть – увеличиваются осадки
За стеной бывшая кончает взрывами
Там идёт кровь и я где-то там, с той стороны стены
Бронетехника блестит. Параметры людей – одинаковы
Шоколадный повсеместно заменен деревянным
Маршруты троллейбусов рекордно удлинились
А главная новость по-прежнему такова
Одинаково блестят люди и параметры бронетехники

* * *

простое ремесло: бивать копилки,
 плести циновки, видеть воскресенье,
 ронять монету, в Свиблово гулять.
 простое ремесло: чертить кашеев,
 довольствоваться портом Севастополь,
 где гавань тихая и нету баррикад.
 простое ремесло: курить альцгеймер,
 писать всё реже, думать всё спокойней,
 вплести в синонимы Массандру, Марий Эл.
 простое ремесло: сгибать страницы
 и мастерить из них военнопленных,
 улитке глазки-рожки серебя.
 а я вот распечатал фантик, фото,
 в котором кактусы и голые медузы,
 и хладнокровие, и женщина, и Крым.
 теперь осталось сбегать в канцтовары
 и фото прикрепить на холодильник,
 и ждать, пока он, немощный, взлетит.

AVES

это когда ты обзаведёшься собственным домом,
 тогда и будешь вычитывать мне: «расскажи о Керкинитиде,
 о сосновых иголках и птицах открытого гнездования».
 баклан неопратно кричит, пролетая над пляжем.
 куропатка – птица кроткая, беззащитная.
 зарянка – та же малиновка, только по-крымски.
 на Лебяжьих островах колпицы не гнездятся,
 точнее, гнездились однажды, но гнёзда погибли.
 хочешь увидеть – езжай на Дунай или Днестр.
 после тёплых ночей наступает холодное лето;
 караваны крылатых солдат возвращаются в город.
 распечатай билет; мы поедem к раздетым оврагам.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДИПЛОМЫ

Номинация «Лучшее стихотворение о море»

Инга Видющая (Одесса): «КАРПАТСЬКЕ МОРЕ»
 Томаш Деяк (Ужгород): «КОЛИСКОВА КУСТО»
 Оксана Гаджий (Киев): «ТИМ, ХТО БОЇТЬСЯ ВОДИ»

Номинация «Лучшее лирическое стихотворение»

Иоланна Тимочко (Киев): «КАЇН І АВЕЛЬ»
 Ольга Сквирская (Николаев): «НОВОГОДНЯЯ МОЛИТВА»
 Александра Очман (Днепропетровск): «ЧАС НАМИ ВЖИТИЙ СТИКАЄ...»

Специальные дипломы «Личный выбор члена жюри»

Владимир Пучков: Инга Видющая (Одесса)
 Наталья Бельченко: Инга Видющая (Одесса)
 Анатолий Кичинский: Инга Видющая (Одесса)
 Дмитро Креминь: Иоланна Тимочко (Киев)
 Алексей Торхов: Олег Дорош (Николаев)
 Лариса Радченко: Сергей Синоптик (Киев)

Гуменний Юрій Степанович. Народився 23.05.47 р. у селищі Івано-Франкове на Львівщині. З 1968 до 1973 рр. навчався у Львівському державному інституті декоративного та прикладного мистецтва за спеціальністю «декоративно-прикладне мистецтво», займався гутним склом, художнім куванням. З 1973 року мешкає у Миколаєві. До 1979 року працював художником-конструктором у ВТО «Екватор». Виконував обов'язки: художнього редактора Миколаївського обласного поліграфічного видавництва (1979–1981), художника творчої кваліфікації Миколаївського відділення Художнього фонду УРСР (1982–1990). Його роботи виставляються на обласних та республіканських виставках. Працював над створенням дитячого містечка «Казка», інтер'єром Миколаївського театру української драми та комедії. Живопис і малюнки художника є у приватних колекціях України, Росії, Словачії, Ізраїлю та Канади.

Сергій РОСЛЯКОВ

САМОТНІЙ ЧОВЕН ЮРІЯ ГУМЕННОГО

Базова освіта художника, як правило, залишається в його творчому будинку міцним фундаментом. І творчий будинок художника Юрія Гуменного, який він розбудовує вже протягом кількох десятиліть, не є в цьому сенсі винятком. Вихованець Львівського державного інституту декоративного та прикладного мистецтва, він наполегливо будував своє творче житло, намагаючись, по-перше, зробити його красивим, а по-друге, затишним. У тому-то і річ, що для кожного майстра це є справжнім іспитом. Насамперед, іспитом на міцність його творчих переконань.

Юрій у творчості йшов шляхом довгим та тернистим. Настільки довгим, що коли настав такий час його «творчого вибуху», він уже розміняв шостий десяток. Справді, саме 2000-ні роки стали для художника по-справжньому зоряними. Він у ці роки є учасником майже трьох десятків виставок, серед яких чи не половина персональних. Його твори мандрують від Миколаєва до Дрогобича, від Івано-Франківська до Одеси, від Тернополя до Херсона, від Києва до Львова, охоплюючи всю країну. Він створює десятки і сотні нових полотен та графічних аркушів. Він експериментує з формою та фарбами. А головне – він стає тим самим Юрієм Гуменним, якого ні з ким не переплутаєш. І ще він здобув визнання глядача. Що може бути більш важливим?

Проте чи можна казати, що попередні роки нічого не значать? Адже будівництво його творчого житла йшло тоді повним ходом. Наприклад, у 1970-х роках він працює в бюро технічної естетики заводу «Екватор». Колись я вже писав про цікавий і дуже талановитий колектив, який вдалося тоді зібрати А. Т. Бедакову. Серед учасників цього колективу починали свій творчий шлях у велике мистецтво сьогодні відомі миколаївські художники: Дмитро Боляков, Юрій Корольов, Леонід Яценко, Сергій Лук'яненко. Перебував серед них і Юрій Гуменний. І це був неабиякий досвід розбудови життя, в тому числі творчого. А хіба не корисним для митця був досвід роботи у Миколаївському художньому фонді, що був створений при осередку Спілки художників України? Там також можна було побачити Юрія Гуменного в бурхливі 1990-ті роки. Згоден з тезою, що вся ця робота була більш виробнича, ніж творча, що до вподоби. Проте творчість там також була.

Але безперечним є і той факт, що саме в ті роки накопичувалась і та величезна енергетична маса, яка і вибухнула на початку ХХІ сторіччя. Певною мірою Юрія Гуменного можна назвати художником, що, так би мовити, «пробудився» вже за часів його незалежної Батьківщини. І таких митців в Україні було і є немало. В тому числі, як бачимо, і на Миколаївщині.

«Янгол у місті» (2006)

«Сім'я» (1992)

Назва статті про художника була продиктована декількома його полотнами, на яких зображені човни. Там є старі та одинокі човни, і декілька старих човнів поряд, там є човни на тлі вечора та на тлі дня... Художник зображує їх так само турботливо, як зображує людей. Пригадую його чудову роботу з далеких уже 1980-х років із пронизливим зображенням сумуючої старої жінки. Назва роботи була «Самотня» (1988). Щось неповторне поєднує ці зовсім різні твори, між якими лежить доволі тривалий термін часу. Це щось таке, що притаманне світосприйняттю художника. Самотність митця? А може, це прояви творчих принципів, яким не можна зраджувати?

Насправді, кожен митець самотній. Ось і про Юрія Гуменного Дмитро Кремінськ писав, як про «справжнього митця», який «завжди в однині». Кожен митець пливе у власному човні, і кожен з них пливе у власному напрямку... Пригадую тут полотно Андрія Антонюка, присвячене Володимирі Висоцькому. На ньому поет також зображений самотнім з гітарою у човні... І кожному митцю, як і людині, потрібні віра, надія та любов.

В чому полягає віра Юрія Гуменного? Репертуар робіт, присвячених темі християнства, у художника доволі значний. На мій погляд, його головні сюжети в цій темі зосереджуються на жертвовності у християнстві. Жертвовності у всьому: у вірі, у власному благополуччі, прощенні ворогів та нерозумних, відмові від гріхів... І це можна підтвердити такими роботами, як «Тайна вечеря» (є живописний та графічні варіанти), «Омивання ніг» (2007), «Жертвоприношення» (1999). Христос жертвує собою заради людей, Авраам жертвує Ісаком заради віри, батько прощає сина, виконуючи головну заповідь християнства. Жертвовність і всепрощення. Це і є віра художника.

А якщо людина вірить, вона завжди має надію. Коли з'являється надія, палітра Юрія Гуменного стає значно світлішою. Ці роботи відразу можна побачити в експозиції творів його персональних виставок. Переважна більшість цих робіт присвячена образу жінки: матері, дружини, коханки... Жінка з котом, жінка з дитиною, жінка з чоловіком, жінка, що відпочиває, або просто натурниця. Цікаво, що навіть образ янгола у художника має жіночі ознаки, незважаючи на той факт, що вони взагалі-то поза статевою приналежністю до будь-кого. Так, на полотні «Янгол-охоронець» (2002) зображена молода дівчина з оголеною груддю. Інколи художник дозволяє собі влаштовувати сперечання з роботами могутніх творців далекого минулого. Так, важко утриматись від співставлення його «На-

турниці» (2009) з «Купальницею Вальпінсон» Жана Огюста Доменіка Енгра або деяких його «Оголених» з роботами Амедео Модільяні. Гадаю, цей вплив з боку постмодернізму взагалі характерний для образотворчої сучасності.

Надія плавним чином переходить до любові. Любов у Юрія Гуменного, звісно, асоціюється з родиною. Це явно проглядається в роботах «Батьки» (2007), «Сім'я» (1992, 2000), «Материнство» (2004, 2007, 2008). Адже саме для родини він будував своє житло, як творче, так і реальне. Для родини він працював у художньо-виробничих майстернях, конструкторських бюро, виконував роботу різну і далеко не завжди творчу. І лише тоді, коли будинок був добудованим, він вибухнув живописом та графікою.

І саме про графіку художника варто сказати окремо.

У 2010 році вийшов у світ тритомний альбом репродукцій творів художника – як певний підсумок його роботи на той час. Два томи були присвячені живопису Юрія Гуменного, а один том – його графіці. Кожен з томів супроводжувався текстом про творчість митця. До живопису тексти були написані окремо Є. Шимчук та Д. Кремінем, а до графіки текстів було два, і написані вони були також окремо Л. Вайнштейн та Д. Кремінем. І це не є випадковим збігом обставин.

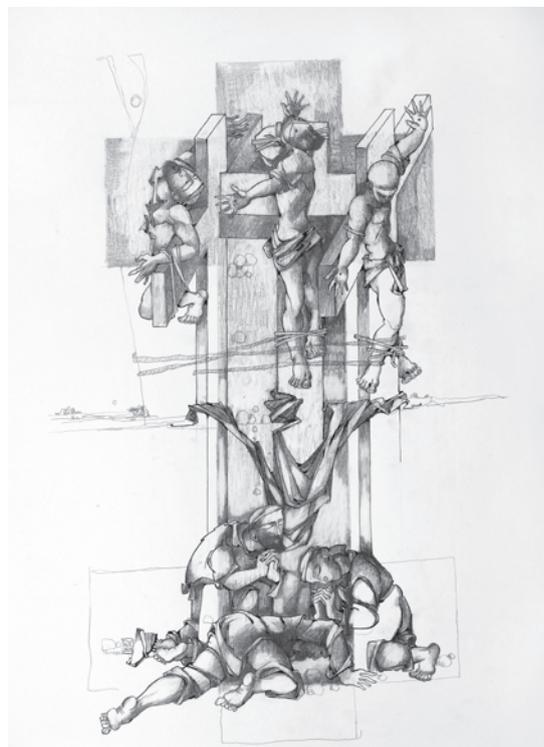
Справа в тому, що графіка завжди більш конкретна, завжди більш наближена до реальності у порівнянні з живописом. Вона не може приховати щось у мозаїчному розмаїтті багатокольорових фарб. Саме тому говорити про графіку значно складніше, ніж про живопис.

«Жінка з птахом» (2009)

«Тайна вечеря» (2009)

«Голгофа» (2009)

«Сон» (2009)

до ключових епізодів християнства, до таємної вечері, до оплакування, до вознесіння... І майже у всіх цих творах поряд с головними діючими персонами він розміщує самотній образ художника. У нього митець – це завжди людина, яка повинна бути в самому серці ключових подій, тобто подій, від яких залежить майбутнє. Впевнений, що художник правий. Саме тому на всіх барикадах ми бачимо майстрів пензля, в тому числі і під час останніх подій у нашій рідній країні.

Мистецтво Юрія Гуменного – це відображення постійно діючої рухливої сили історії – боротьби світла і тіні, або, як казав Микола Бердяєв, «добра та зла». Вочевидь це можна спостерігати на його виставках, коли темні кольори протистоять світлим у живопису або гротескні фігури апостолів протиставлені самотній постаті Христа в графіці. А це свідчить про цільність не лише натури, але й творчих принципів художника, і це також не можна не поважати. Творче житло митця добудовано і стоїть непохитно на власноруч закладеному фундаменті.

«Творчий вибух», який демонструє останні 15 років Юрій Гуменний, на мій погляд, далеко не завершений. Про це впевнено свідчить і виставкова активність художника, і нові твори, і нові творчі задумки. Наприкінці року, що минув, майстер порадував земляків потужною виставкою графіки, що відбулася в муніципальній виставковій залі. Слід чекати продовження.

Єдине, що поєднує живопис та графіку Юрія Гуменного, крім сюжетності, так це її певна декоративність, і лише в окремих деталях. Графічні твори художника доволі гротескні і тому дуже виразні. До того ж вони тяжіють до суто філософського осмислення буття. Самотність митця відчувається і в графіці. Притому в графічних творах більш наочно можна бачити прихильність художника до вишуканої естетики лінії, що в цілому і робить його графічні аркуші надзвичайно привабливими.

У декількох графічних роботах Юрій Гуменний звертається

«Діалог» (1990)

Росляков Сергей Николаевич. Родился 9.01.53 г. в Николаеве. Искусствовед, директор Николаевского художественного музея им. В. В. Верещагина. Удостоен звания «Горожанин года» в номинации «Культура» (2000). Член Национального союза художников Украины (1993).

«НОМО LUDENS» – ТЕРРИТОРИЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

В Николаеве, городе с более чем полуторавековой театральной историей, до 2006 года своего театрального фестиваля не было, хотя разговоры о создании некоего культурологического форума велись ещё с начала 90-х. Их инициатор – Николай Кравченко, тогда директор, а ныне – художественный руководитель театра, заслуженный деятель искусств Украины, заслуженный деятель искусств России, – желаемое всё-таки воплотил в жизнь. При поддержке мэра города Владимира Чайки родился совершенно не похожий на другие фестиваль Международного Черноморского клуба «НОМО LUDENS» (Человек играющий). В 2014 году «НОМО LUDENS» был посвящён 200-летию юбилею Тараса Григорьевича Шевченко.

Название фестиваля заимствовано у выдающегося нидерландского мыслителя XX столетия Йоханна Хейзинги, утверждавшего, что игра является источником культуры и одной из существенных характеристик человеческой природы. Для нас важна и его идея нравственного как основного фактора, поддерживающего необходимое для подлинной культуры равновесие игрового и неигрового начал. Театральный фестиваль «НОМО LUDENS» ещё раз утвердил своё нравственное резюме, за восемь лет существования заслужил популярность в культурном пространстве не только Украины, но и ближнего зарубежья. Гостями фестиваля в разное время были профессиональные театральные коллективы, эксперты, театроведы из Украины, России, Грузии, Молдовы, Турции, Приднестровья, Абхазии, Болгарии, Латвии, Беларуси. Впрочем, об участии иностранных театральных трупп, как и некоторых именитых украинских, договориться удаётся не всегда. Причина банальна: у регионального форума культуры со статусом «международный» невероятно низкий бюджет и, как следствие, отсутствие возможности оплатить проезд коллективов, создать максимально комфортные условия для пребывания в городе Святого Николая.

Открытие фестиваля «НОМО LUDENS»

Спектакль Черкасского театра имени Т. Г. Шевченко «Великий льох» (реж. – Александр Дзекун)

Можно заметить, что театральных фестивалей в Украине более двух десятков. Они разнятся концепциями, репертуарной политикой, широтой географии, количеством площадок, бюджетной составляющей. Есть фестивали-лаборатории (как, например, «Золотая Хортица»), есть фестивали, ориентированные исключительно на женское или, наоборот, мужское творчество (фестиваль женского творчества им. М. Заньковецкой в Нежине и фестиваль мужского творчества им. П. Луспекаева «Госпожа удача» в Луганске), фестивали, представляющие только один жанр или направление в драматургии (фестиваль комедии «Золотые аплодисменты Буковины» в Черновцах и «Классика сегодня» в Днепропетровске), сценические праздники детских, моноспектаклей и спектаклей малых форм... Фестивальная жизнь театральной Украины богата, и это говорит о том, что современная культура стремится к новым открытиям, новым достижениям. Очевидно и то, что их стимулирует межколлективное, а часто и межнациональное, межэтническое общение, ведь фестивали бывают как региональными, так и международными. Как бы то ни было, николаевский театральный форум не только выживает, но и растёт, творчески и организационно, удивляя всё большим количеством участников и разнообразием репертуарной афиши.

Визитной карточкой Николаевского русского театра стала постановка «Дни Тараса», приуроченная к шевченковской дате: яркое по форме, глубокое по смыслу, неординарное в реализации сценическое полотно режиссёра Николая Кравченко и композитора Романа Грынъкива, народного артиста Украины. Финальная цитация спектакля: слова Тараса «Обніміться ж, брати мої, молю вас, благуяю...» можно смело назвать девизом фестиваля, в них сосредоточена его основная идея.

Консолидирующая миссия театрального форума играющих людей подразумевала участие всех регионов неделимой Украины, независимо от политических, социально-экономических неурядиц. Шевченко должен был объединить всех под своим крылом в городе Николаеве под сводами академического русского театра, и – объединил: десять профессиональных театральных коллективов и гости фестиваля из Киева, Харькова, Одессы, Кировограда, Кривого Рога, Черкасс, Полтавы, Донецка, Хмельницкого, Днепропетровска, Херсона приняли участие в форуме с 3 по 12 октября.

Творчество Т. Г. Шевченко было представлено широко и разнообразно. Звучала и поэзия, и песни на его стихи, реально существующие письма и отрывки из литературных произведений, повествующих о судьбе Тараса, литературно-музыкальные и музыкально-пластические композиции, основанные на сюжетах поэм Кобзаря, разыграна была единственная драма – «Назар Стодоля», а сам Автор предстал в «Днях Тараса» сразу в двух ипостасях: Тарас лирический (артист Максим Шипин) и Тарас бунтующий (заслуженный артист Украины Андрей Жила). Постоянные зрители конкурсного

*Моноспектакль «Прекрасний звір у серці»
Киевской академической мастерской
театрального искусства «Сузір'я»
(з. а. України Евгений Нищук)*

театра им. М. Кропивницкого. Харизматичность исполнителей главных ролей Александра Ярошенко, заслуженного артиста Украины (Назар Стодоля), и Антона Адаменко (Гнат Карый), безусловно высокий профессиональный уровень Анатолия Литвиненко, заслуженного артиста Украины (Хома Кичатый), и Галины Романюк, заслуженной артистки Украины (Стеха), лирическое обаяние и душевная простота в работе Олеси Бушмакиной (Галя) обеспечили театру звание «Любимец публики». Оно было присвоено совместно жюри и зрителями, опрошенными в сети Интернет на веб-страничке группы Николаевского русского театра «Вконтакте».

Успех коллектива – не только в профессиональной работе мастеров. Поражали элементы декораций, костюмы актёров, созданные всё той же четой художников Рывдванецких. Впечатлили батальные сцены в постановке Геннадия Баронина и Владимира Корнеева. Без излишнего пафоса, но громкое «браво» хочется сказать главному режиссёру театра Евгению Курману, постановщику и «Назара Стодоли», и привезённой в рамках гастролей «Сорочинской ярмарки». Он создаёт поистине блестящие спектакли, где все элементы объединены в гармоничный ансамбль, где артисты раскрываются в ярких небытовых образах, где собственный режиссёрский стиль и тонкий художественный вкус радуют и ценителей театрального искусства, и профессионалов-знатоков. Пожалуй, без участия кировоградского театра палитра «НОМО LUDENS» – 2014 потеряла бы одну из важнейших красок, оставив общую картину без позитивного явления, разделившего фестиваль на «до» и «после».

Любое оценочное мнение субъективно. Кто-то скажет, что спектакль Криворожского академического городского театра музыкально-пластических искусств «Академия движения» – драма «І мертвим, і живим, і ненародженим» – незаслуженно был обойдён вниманием профессиональных критиков, определявших победителей в тех или иных номинациях. Работа Александра и Антонины Бельских, заслуженных деятелей искусств Украины, действительно стоит наивысших похвал. Искусство пластики – искусство специфическое, вызывающее и к чувственному, и к эстетическому восприятию, и к интеллекту зрителя. Мысль, раскрываемая в метафорах, загадочные символы, тающиеся в элементах художественного оформления и используемом реквизите, чувства и эмоции персонажей, заставляющие их находиться в постоянном движении, рождающие характерные мимику и жесты, музыка, дающая основу действию, – всё это завораживало, заставляло вникать в происходящее на сце-

мотра наверняка получили более чем исчерпывающую информацию и о биографии, и о творчестве, и о мировоззрении, и о личных убеждениях поэта. Но главное другое: Шевченко на «НОМО LUDENS» призывал к миру и взаимопониманию.

В определённой степени выбился из общей идейной, да и эстетической, направленности фестиваля эпатажный спектакль Черкасского академического областного украинского музыкально-драматического театра имени Т. Г. Шевченко «Великий льох» А. Дзекуна. И николаевская интеллигенция его решительно не приняла. Многие покинули зрительный зал задолго до окончания представления, не успев оценить ни гениальную режиссуру народного артиста России Александра Дзекуна, лауреата Национальной премии Украины им. Т. Шевченко, ни высокий уровень художественного оформления и костюмов Сергея и Натальи Рывдванецких, ни захватывающую феерию массовых сцен. Жёсткая категоричность историко-политических взглядов автора постановки породила естественный протест. Публика, как известно, «голосует» ногами. Случилось так, что зритель покинул зал, а эксперты признали спектакль лучшим. Видимо, это был спектакль для знатоков.

Потряс своей искренностью, обрاملённой, как бриллиант в золотую оправу, в красочную сценическую форму спектакль «Назар Стодоля» Т. Шевченко в исполнении артистов Кировоградского академического областного украинского музыкально-драматического

не и, не отвлекаясь, вести диалог с авторами постановки. Вряд ли эту творческую работу можно ставить в один ряд со всеми другими, показанными на фестивале. Но, так или иначе, именно она стала открытием фестиваля, подарив такой необходимый для последнего конкурсного дня катарсис.

Завершился форум играющих людей моноспектаклем Киевской академической мастерской театрального искусства «Сузір'я». Драма «Прекрасний звір у серці» по Николаю Винграновскому была исполнена Евгением Нищуком, заслуженным артистом Украины, министром культуры Украины. Появление почётного гостя фестиваля вызвало настоящий фурор у театралов Николаева, зал был переполнен. По окончании спектакля министр выступил перед публикой, поблагодарил за тёплый приём и вместе с Николаем Кравченко вручил часть денег, полученных от продажи билетов на спектакли «НОМО LUDENS», семьям с детьми-инвалидами. Тем, кто недавно был вынужден эвакуироваться с востока Украины.

В этом году «НОМО LUDENS», как никогда ранее, оставил самые радужные воспоминания. Возможно, от незабываемых дружеских встреч, от обмена мощной творческой энергетикой. А возможно, от осознания того, что миссия театра прекрасна в своей гуманистической сущности: призывать людей жить в мире, согласии, в уважении к ближнему и к себе самому, к своей истории, традициям, к своему роду, поднимать самооценку украинского гражданина и формировать шкалу его ценностей, ориентируя на вечные духовные истины – добро, справедливость, взаимопонимание и взаимоподдержку, дружбу, любовь. «Театр – это территория любви», – не устаёт повторять художественный руководитель Николаевского русского театра Николай Кравченко. «НОМО LUDENS» – 2014 это доказал.

Спектакль «Назар Стодоля» в исполнении артистов Кировоградского театра имени М. Кропивницкого

Марина Васильева,

*руководитель литературно-драматургической части
Николаевского русского театра*

Фото Игоря Кирьяка, Игоря Ермолаева, Артёма Куцолабского

Драма «І мертвим, і живим, і ненародженим» в исполнении Криворожского театра музыкально-пластических искусств «Академия движения»

«Мадонна» (2011)

ДИВОЦВЕТЫ Батик Елены Тригуб

Батик в переводе с индонезийского означает «капля воска». Живописью на шёлке занимались в феодальном Китае, Японии, Индии, Индонезии. Расплавленным воском (резервирующим составом) на ткань наносится изображение, что позволяет при дальнейшем окрашивании сохранять контур и границы между цветами. Эта техника напоминает акварельную живопись с её мягкими переходами и нюансами оттенков.

Земля Николаевщины всегда славилась талантливыми художниками, поэтами, музыкантами. Как можно равнодушно смотреть на полевые маки и васильки в бескрайних степях, на застывшие, пропитанные ветром каменные глыбы или тонкий ручеек, рассекающий монолитный холм, тихую реку, что в размытых красках повторяет силуэты берега.

Воркования голубей, чирикание скворцов и воробьёв, монотонное звучание кукушек, причудливый бег уток на воде, всплеск в тихой заводи рыбы – всё создаёт дивную атмосферу трёх разных состояний: пробуждения, расцвета и затухания. Это природа. Каждый из нас воспринимает её по-разному, замечая больше то, что – «по душе». У художников эти чувства проявляются особенно остро и переходят в бесконтрольное состояние – только эмоции. В выставочном зале мы видим уже результаты бесконечного поиска, восприятие художником дня грядущего, исторические, художественные, экспериментальные интерпретации сакральных, обрядово-культурных мотивов. Я хочу привлечь внимание к живописному батик у молодой николаевской художницы Елены Тригуб.

Но прежде немного биографии. Она родилась в Николаеве, окончила детскую художественную школу, в 1999 году поступила в единственный в нашем крае творческий вуз – Николаевский филиал Национального университета культуры и искусств на кафедру декоративно-прикладного искусства. Здесь особенное внимание уделяют изучению различных художественных техник: ткачеству (изготовление гобеленов), холодному и горячему батик у, вышивке, технике печворк и другим. Обучение и самостоятельный поиск Елены, а также её талант соединились и выстроились в одну творческую линию. Её основными педагогами по специальности стали известные мастера Л. И. Иваницкая, О. В. Маркитан, Ю. А. Макушин, Л. И. Лашенкова.

Окончив университет, Е. Тригуб получила квалификацию художник-мастер, преподаватель декоративно-прикладного искусства по направлению «обработка ткани». С 2005 года она уже активно участвует в художественных выставках Киева, Одессы, Днепропетровска, Чернигова, Херсона и, конечно, родного Николаева, где состоялись её несколько персональных вернисажей. Батик – капля воска, расплавленная на полотне, – обязательно присутствует в её экспозициях.

Именитые вузовские наставники Олег Приходько, Константин Головин, Дмитрий Боляков сразу обратили внимание на оригинальность и образно-содержательную сторону работ студентки Тригуб. Она не просто выполняет картину, а мыслит, творчески ищет свои изобразительные средства, экспериментирует с техниками, цветом.

Молодая художница создала 25 произведений, выполненных в технике батик. Основные из них «Причастие» (2006), «Весна» (2005), «Метаморфоза» (2006), «Степь» (2010), «Мадонна» (2011), «Ирисы» (2011), «Вкус Юга» (2011), «Дары Солнца» (2011). Рассматривая мир через призму ярких красок с большим количеством цвета и пространства, она передаёт его в крупномасштабном абстрактно-семантическом содержании на ткани, пытаясь сохранить это сильное восприятие и впечатление. Елена обращается к семантике древних знаков, универсальным символам стихий, христианской символике, вплетая их в динамическую среду, где доминируют сложные пластические линии и формы.

Зрители часто останавливаются перед её триптихом «Тайна Вселенной». Он имеет структуру декоративного характера с ярко выраженными цветовыми пятнами и элементами деталей. В основе произведения прообраз Вселенной и пути зарождения материи от простейших диффузий до сложных генетических эволюций. В колорите преобладают оттенки жёлтого, фиолетового, красного цветов. В работе «Мадонна» чётко прослеживается сакральная тематика. В центре изображены две фигуры – условные образы Марии и Иисуса, заключённые в форму яйца. Они отделены от фона более ярким силуэтом и детализированы золочением, схематическими орнаментами дикого поля.

Батик «Метаморфоза» погружает нас в лирическое настроение с нотками восточных мотивов. В сложноструктурном силуэте просматривается женский образ. Возможно, это связано с влиянием на автора восточной культуры. На картине мы видим изображение насекомых, элементов павлиньего хвоста, цветков и стебля розы, разрез ствола дерева, формы, характерные для восточного узора. Подобную композицию, но с другой тематикой, можно проследить в работах «Весна», «Праздник», «Родной край», «Причастие», «Земля и девушка», «Мечты». Вот как комментирует их сам автор:

«Работа «Земля и девушка» побуждает к философским размышлениям о двух источниках: дающих жизнь космическому пространству и жизнь человеку на земле. Изображённые ветви – символ дерева, олицетворение космоса как живого организма, рядом женское начало: гнездо, убежище, защита. Кроме того, расположенные на картине волнистые линии в орнаментике означают воду, которая, в свою очередь, символизирует источник жизни, мудрость, духовность и снова женское начало. Именно ему в картине уделяется особое место. Месяц в центре композиции также является символом женственности. Фазы луны символизируют бессмертие и вечность – восстановление. Земля и вода являются стихиями месяца. Изображённые капли крови знаменуют начало новой жизни, весеннее возрождение, олицетворение жизненной энергии, носителя души. Символическое значение имеют цветы мака. Хотя ещё со времён античности мак означает сон и смерть, в украинских песнях он часто отождествляется с красотой и молодостью. Это изображение делает сюжет картины завершённым».

Подобное значение имеют художественные образы и символы в композициях «Весна», «Мечты», «Родной край» – ещё одна модель мироздания, какой её представляет художница. Жизненная энергия

«Причастия» (2006)

спиралей, соляных кругов, птиц и цветов, оплодотворённой земли создаёт радужную картину постоянного возрождения природы, плодородия и процветания. Можно с уверенностью сказать, что Е. Тригуб влюблена в живописный орнамент. Она ритмично сочетает изображения и символы разномасштабных элементов, сюжетные фрагменты в их плоскостной и пространственной трактовке, таким образом достигая целостности и единства всей композиции. По наблюдению Е. Тригуб, орнаментализм и символизм тесно связаны. Орнаментальное искусство тя-

«Дари сонця» (2011)

тос метафорически толкуется как выражение человеческой природы, присутствующей одновременно в материальном, духовном и интеллектуальном мирах.

В исследовании, связанном с познанием болгарской культуры, в частности с изучением болгарского народного костюма и его трансформации в одежде болгар Юга Украины XIX – начала XX в., Елена Тригуб проанализировала множество историко-этнографических примет: орнаменты, символику, верования, крой и элементы одежды. Орнаментальные формы болгарской традиции можно распознать в работе «Лабиринтами древности».

На мой взгляд, в эволюции Тригуб декоративная композиция «Письмо» сыграла ключевую и впоследствии переходную роль к сериям натюрмортов. Здесь уже чётко видна академическая постановка, где реалистический образ соподчинён с классическим натюрмортом: перед нами цветы в вазе, фрукты, античная скульптура Венеры, сложные складки драпировок в холодных оттенках. Всё весьма лаконично, и только декоративный контур силуэтов и деталей усиливает эффект росписи на ткани.

Иным жанром Елены в её любимой технике стала серия натюрмортов с различными видами растений и животных, где особое место занимают вариации «украинского натюрморта» с изображением овощей, фруктов и полевых цветов. «Дары солнца» – это батик-натюрморт с подсолнухами в глазурованном сосуде на столе, абрикосами, кувшином и стаканом с налитым соком. Эта работа выполнена в тёплых тонах с использованием светло-золотистого контура: терпким медовым солодом разливается цветовая палитра. В батиках «Мальвы», «Осень» и «Натюрморт с орхидеями» талант художницы раскрывается в способности переработать реалистическое изображение в декоративную композицию без трансформации. Перед нами дробные членения предметов и фона, сложная гармония контуров и цветовых отношений.

Сегодня художница активно увлечена масляной живописью. Это не удивительно, ибо Елена Тригуб относится к той редкой категории творцов, которые умеют совмещать различные сферы деятельности: научную, художественную, наставническую, подобно художникам-изобретателям эпохи Возрождения. Недавно у нас был повод поздравить Елену – она стала членом Национального союза художников Украины.

готее к лейтмотиву, нарративности, повторяемости и упорядоченности сюжета. Мир для художника-декоратора – совокупность узоров, волн, символов, знаков.

Мотивами из различных исторических эпох объединены картины «Лабиринтами древности», «Письмо». «Венера» возвращает зрителя во времена античности, рассказывает о мифе рождения Афродиты из морской пены и раковины. Раковина тут – символ материнского лона. В композиции также присутствуют растительные орнаменты: стилизованные цветы лотоса и лилии, розетки и пальметты. Известно, что цветок лотоса олицетворяет рождение и представляет собой трёхдольную модель мироздания. Благодаря этой «тройственности» ло-

Юрий Одробинский,
кандидат искусствоведения

Василий МАЛАГУША

«ЭТО ОШИБКА, МАМА...»

И вздрогнет душа, только струны тронь...
И войдёт в сердце теплота.
Кому – вечная память,
Кому – вечный огонь,
Кому – вечная мерзлота.

В. Малагуша. «Реквием»

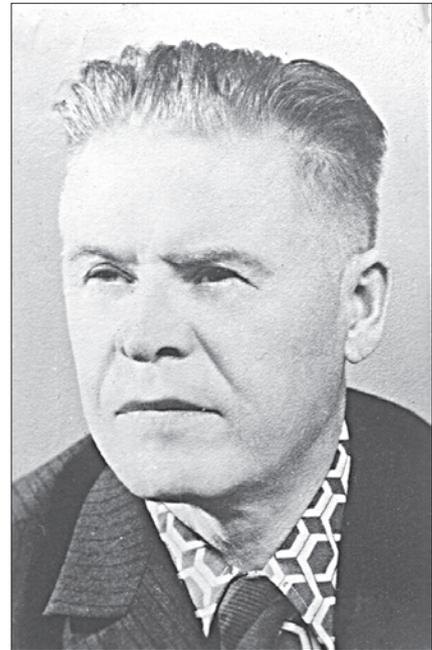
Они вломились в нашу квартиру в 4 часа ночи. Офицер и трое вооружённых солдат. Было это 2 октября 1937 года. Перерыли всё. Как я понял, искали мою поэму. Спасибо журналисту Черёмухину – вовремя предупредил. Рукопись я уничтожил.

Когда сдавал партбилет офицеру, снял дерматиновую обложку и протянул маме: «Храните, мама. Вернусь сам и верну свой билет в эти же корочки. И не верьте никому, что я – враг народа. Это ошибка, мама...»

«Это ошибка, это ошибка...» – как метроном отстукивало в мозгу, пока везли меня в городское управление НКВД. А там меня ждало «признание» профессора Миронца. Из него следовало, что аспирант Малагуша имеет самое непосредственное отношение к националистической организации террористов. Её раскрыли доблестные органы в Николаевском институте социального воспитания. Чудовищная ложь на какое-то время парализовала волю. Я впервые в жизни естественно ощутил, что значат слова «по его спине пробежал холодок смерти». Пробежал и где-то камешком затаился на дне, чтобы напоминать о себе каждую минуту. Мне грозила расстрельная статья...

На допросах вынуждали признаться во всём и подписать протокол. Требовали назвать друзей – «националистов» и «террористов». Натолкнувшись на отказ, стали избивать смертным боем. Бил профессионал высокого класса – начальник отдела НКВД. В его кабинете почти на всю стену висел портрет Сталина в золочёной раме. Истязал меня палач под этим портретом.

«Смотреть сюда! – орал он, указывая на отца всех народов, и наносил удар за ударом. Перед глазами, как лезвия двух кинжалов, вспыхивали и гасли подковки на носке и каблуке сапога внушительных размеров. – Запомни, сволочь: не я тебя бью, это Его удары. Слушал я лекцию твою. Портретов Ленина не видно, говоришь? А это чей портрет? Кто сегодня Ленин наших дней?» Бил изверг под сердце и в пах. «Если и выживешь, собака, то потомства после себя

Малагуша Василий Андреевич (1911–2007). Поэт, публицист, человек уникальной биографии и драматической судьбы. Родился в с. Гурьевка, ныне Николаевской области. Окончил Николаевский институт народного образования (ИНУ им. В. Сухомлинского), поступил в аспирантуру по кафедре литературы. Активный участник литературного движения 30-х годов, кандидат в члены Всеукраинского Союза пролетарских писателей (ВУСПП). Осенью 1937 г. по доносу секретаря комитета комсомола был арестован и осуждён, отбыл наказание в Северо-восточных лагерях «Одинокий», «Пурга», «Ледяной». Реабилитирован в 1955-м. Автор сборника стихов «Сага о вечной мерзлоте» (2003). Настоящая публикация – фрагмент незавершённой мемуарной книги.

И вздрогнет душа, —
 только струйки трюнь,
 И войдёт в сердце тьма.
 ... Кому — великий покой,
 кому — великий огонь,
 кому — великая мерзота.

Василия Малагуши

Автограф
 Василия Малагуши

не оставишь», — повторял он, пока я не терял сознание. Окапывали водой и волокли в камеру, забитую такими же, как я, жертвами произвола. После этих сеансов тело превращалось в сплошной ком боли.

Однажды во дворе тюрьмы я столкнулся с человеком, в котором с трудом узнал профессора Миронца. Вместо цветущего, полного сил и энергии мужчины средних лет я увидел дряхлого старика с чугунным, опухшим от побоев лицом. Он с трудом разлепил чёрные губы: «Прости меня, Вася. Они сломали меня и заставили это сделать. Прости...» «Во всём признавшегося» профессора Миронца вскоре расстреляли.

Нестерпимо болели перебитые рёбра — истязатель трудился с полной отдачей. Мучительнее всего было ночью: только задремлешь, как боль, словно клещами, вытаскивает из сна. Часами я плавал в каком-то полугорячем бреду.

Дело шло к развязке: дьявольские жернова, перемалывавшие человеческие судьбы, вращались день и ночь. Близилась моя очередь. А так хотелось жить! Мне ведь тогда было всего двадцать пять...

* * *

Вам предоставляется последнее слово. Хотите что-нибудь сказать?

— Да.

— Говорите!

— Да здравствует партия Ленина — Сталина.

Эту фразу я произнёс без восклицания. Скорее, как уведомление, что партию, в которой состоял, я не предал. Бородач Орлов, председательствующий на выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР, кивнул военному, что стоял рядом со мной: «Суд остаётся на совещание».

Тот вывел меня в коридор, повернув лицом к стене. К моему сопровождающему подошёл второй военный. Тихо перебросились словами. «Уже?» — «Да!» Мой взглянул на часы, поправил тяжёлый подсумок, что висел у него на узеньком коричневом ремешке. У обоих на поясах — кобуры. Где-то в глубине послышался звонок. Меня ввели в зал. Зачитывался приговор. Когда доходило до кульминационного момента, потемнело в глазах. Кажется, я пошатнулся, но меня мгновенно поджали плечами оба военные. Прodelали они это быстро и чётко. Видно, не впервые. У одного в руках еле слышно звякнул какой-то металлический предмет. С опущенной головой (в ожидании самого страшного) я рассмотрел его — это были наручники. Я окончательно оглох и голос председателя, читающего приговор, слышал как сквозь стену... И вдруг... «Десять лет тюремного заключения и пять лет поражения в гражданских правах...» Эти слова заставили меня поднять голову. Стремительно нарастая, горячая волна заполняет всё внутри — жить! Я буду жить! Пусть за колючкой! Пусть на каторге! Но жить!

Наручники, тихо звякнув, нырнули в подсумок. Меня увели.

* * *

А перед судом была камера смертников, стены которой были сплошь исписаны прощальными надписями. Чаще других повторялись слова: «Я ни в чём не виноват. Умру с чистой совестью...» Это было и моим единственным утешением — умереть с чистой совестью. Никого не предав, никому не сотворив зла. Не изменив самому себе. Ведь от этой измены никак не отмыться. Ничем не замолить грехи.

...В камере, куда меня привели после суда, вместо 14 заключённых было 34. Но я не замечал, не чувствовал этого чудовищного скопления людей. Жил ощущением, что самое страшное уже позади...

Одна тюрьма сменялась другой – Киев, Харьков, Одесса, Житомир, прежде чем наступило 1 Мая 1938 года. В житомирской тюрьме в одну из ночей в камеру втокнули человека. Он стоял, прислонясь к двери, не решаясь сдвинуться с места. Передвигаться можно было, лишь ступая по живым телам. Присмотревшись, я узнал в этом измождённом, смертельно измотанном человеке своего кумира – ректора Николаевского института социального воспитания Николая Григорьевича Дувальчука. Это был блестящий педагог и учёный, историк и философ, яркий, талантливый, красивый человек. Я боготворил его. И вот он здесь. В этой жуткой камере...

Приложив нечеловеческие усилия, я перетащил профессора к себе. Николай Григорьевич совершенно ослеп. Зубы у него были выбиты. Я отдавал ему весь мякиш...

Прилечь профессору было негде, и я держал на ладонях его голову. «Тебе больно, Василий?» – «Да нет, ничего. Терпимо». – «Знаю, что больно. Но ты уж извини меня, Вася...» Руки немели и казались колодами необыкновенной толщины. Впервые в жизни я узнал, какая у человека тяжёлая голова...

Киев расцвечен кумачом. Первوماй – любимый праздник трудящихся. Пламенные лозунги, транспаранты, цитаты из речей великого и мудрого. «Самый ценный капитал на земле – человек» (И. Сталин).

На товарной станции «этот ценный капитал», как скотину, загнали в столыпинские вагоны. Самые опасные для государства люди, на тюремном жаргоне – «волки». Облава была удачной: ими заполнили состав в двадцать вагонов. А «волки» со слезами на глазах, жадно прикинув к зарешёченным окошкам, мысленно прощались с родными местами.

...Вдоль железнодорожного полотна – ручеек детей. Из-под пальтишек выбивались языки красных галстуков. В руках – красные флажки. Увидев в странных вагонах людей, они замахали флажками. Молоденькая учительница, испуганно оглядываясь по сторонам, била, била эти детские ручонки, вырывала из них флажки...

Поезд шёл на восток. Во Владивосток он прибудет через месяц. Транзитный лагерь. Трюм парохода «Джурма».

* * *

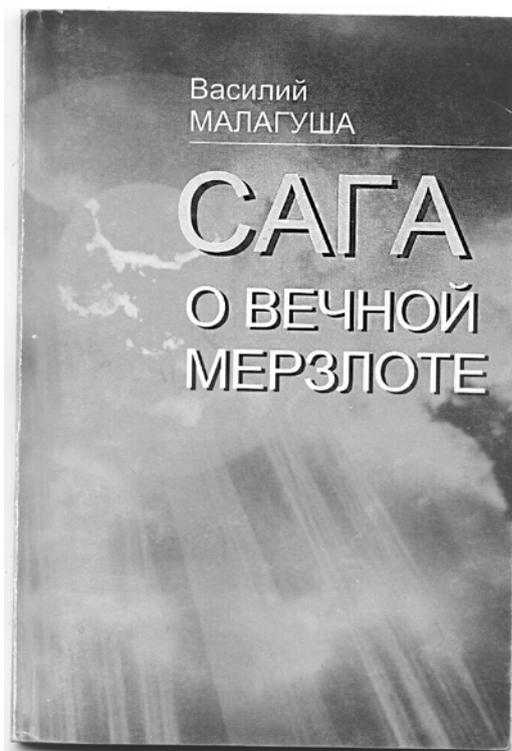
«Обнявшись, как родные братья. И только порой с языка срывались глухие проклятья...»

Слова этой песни мог написать человек, знавший о трюме парохода, забитого зэками, не с чужих рассказов. Такое хотел бы забыть, да сил нету: точно рваным металлом врезалось в память.

Восемь суток Охотское море перекачивало с волны на волну пароход «Джурма». В его чреве мучились, умирали от жажды, болезней и голода люди.

Несколько заключённых сошли с ума. И сейчас стоит перед глазами командир полка. Раскачиваясь из стороны в сторону, заунывным голосом он произносил имена жены и дочери. И тогда глаза его сверкали гневом, и он задавал вопросы тому, кого, очевидно, ясно видел. И ждал ответов. «За что? – спрашивал командир. – За что меня так? Что я преступного сделал? Я готовил полк к войне. Ведь она скоро будет. Война неизбежна...»

И снова монотонно: «Света, Валя... Света, Валя...» Он повторял и повторял эти имена, словно боялся их забыть. То, что происходило в его воспалённом мозгу, испытывал каждый из нас. Или мы все сошли с ума, или с ума сошёл мир, отторгнувший нас, здравомыслящих и честных? Но не было ответа на этот мучительный вопрос...

Сборник стихов Василия Малагуши
(2003)

* * *

По странным причудам судьбы этапы моей каторги совпали с этапами Евгения Гинзбург, автора книги «Крутой маршрут». Арестовали её в 1937 году, осудили по тем же статьям, один и тот же пароход «Джурма» доставил нас в Магадан.

Вот как об этом пишет Евгения Гинзбург:

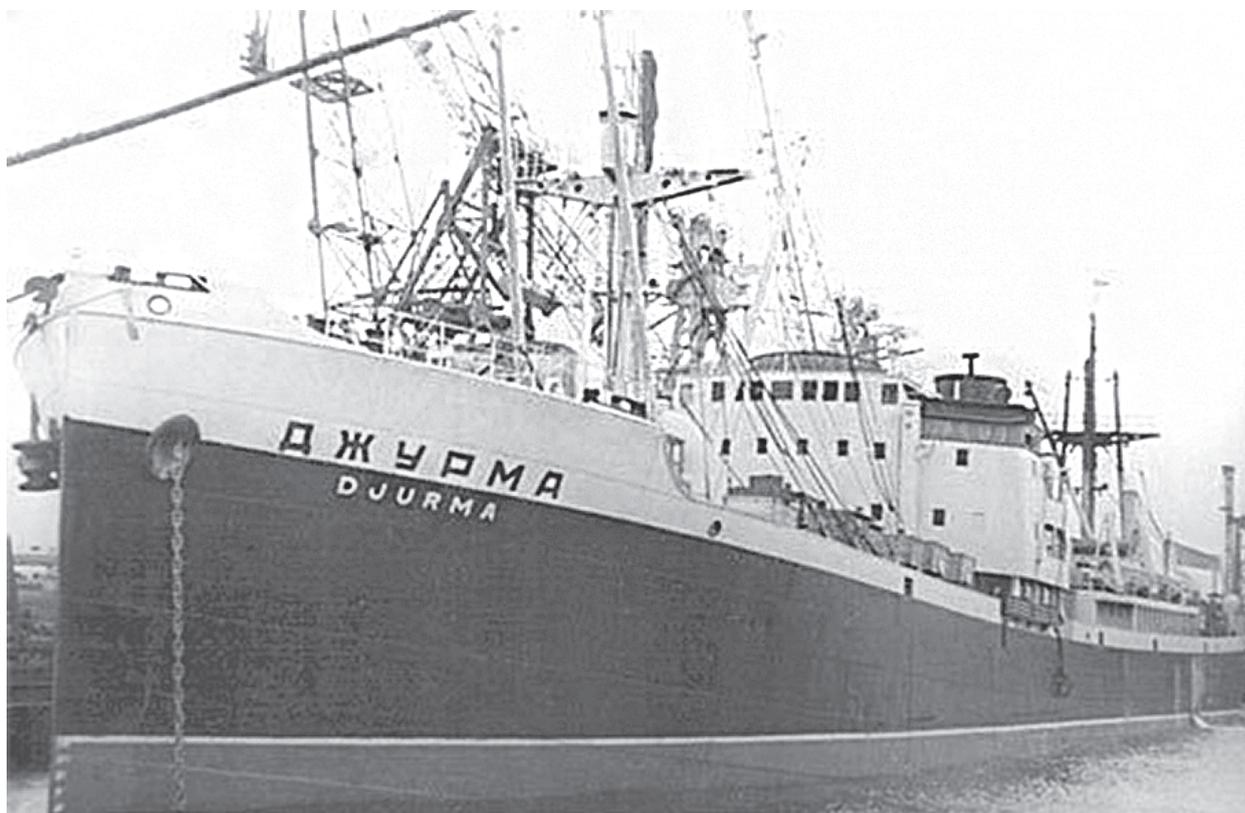
«Это был старый, выдавший виды пароход. Его медные части – поручни, каёмки трапов, капитанский рупор – всё было тусклое, с прозеленью. Его специальностью была перевозка заключённых, и вокруг него ходили зловещие слухи: о делах, о том, что в этапе умерших эзков бросают акулам далее без мешков... Наконец-то мы в трюме. Здесь плотная, скользкая духота. Нас много, очень много. Мы стиснуты так, что не продохнуть. Сидим и лежим прямо на грязном полу, друг на друге. Сидим, раздвинув ноги. Чтобы между ними мог поместиться ещё кто-нибудь. Плывём. Кажется, уже третьи сутки. Дни и ночи слились. Открываю глаза и вижу гроздь человеческих лиц. Воспалённые глаза, бледные щёки. Терпкая вонь. Особенной качки нет, но тех, кто сильно ослабел, всё же рвёт. Прямо на соседок, на кучи грязных узлов. Плывём, грязные. Впервые на нашем, уже почти трёхдневном, скорбном пути появляются вши. Их принесли блатнячки. Жирные белые вши ползают прямо поверху, не давая себе труда прятаться в швах одежды.

Это был один из счастливых, вполне благополучных рейсов «Джурмы». Нам повезло. С нами не случилось никаких происшествий. Ни пожара, ни шторма, ни затопления, ни стрельбы по беглецам. Вот Юля моя, оставшаяся из-за болезни на транзитке на две недели дольше меня, ехала потом на той же «Джурме», и случился пожар. Блатари хотели воспользоваться паникой для побега. Их заперли наглухо в каком-то уголке трюма. Они бунтовали, их залили водой из шлангов для усмирения. Потом о них забыли. А вода эта от пожара закипела. И над «Джурмой» потом долго плыл опьяняющий аромат мясного бульона».

* * *

Я с тачкой гружёной упал с эстакады.
Слышал, как треснул горбыль подо мной.
А может, ослаб я и с грузом не сладил,
и это явилось моею «виной»...
Запомнилось... Камни под эстакадой.
Осколки гранита – острее зубил.
И голос прораба: «Какая досада –
новую тачку, подлец, загубил!..»
И чьи-то руки давали подмогу.
И кто-то плеснул мне водою в лицо.
И кто-то гнул в жестянку и в Бога.
И кто-то прораба назвал подлецом.
...И словно за стенкой: «Угробили Васю!»
И, словно над умершим, кто-то сказал
(эхом та фраза в душе отдалася!):
«А сколько б он виршей ещё написал!»
...И всё удалилось...
Мне – плохо... Мне – плохо...
Столпились кресты в переплётах стропил...
И врезалось в память –
как вздохи эпохи:
«Новую тачку, подлец, загубил!..»

Прииск и лагерный пункт Одинокий, 1940 г.

Это произошло на прииске Одинокий. Отрезанные от всего мира, мы жили по своим правилам. Вот одно из них: умерших не хоронить, а просто выкидывать на снег. Зачем могилы на краю света? Выручат россомахи и лисицы – разнесут кости мертвецов в глубь тайги...

А потом был прииск Туманный в долине морозных туманов. При минус 50 здесь от дыхания человека раздавался треск. «Шёпотом звезд» называли это зловещее потрескивание. Был прииск Ледяной, лагерные пункты Пурга и Эльген. По-якутски «эль-ген» означает «мёртвый». По злому ли умыслу, по иронии ли судьбы лагерь с таким названием был женский. Здесь я познакомился с Евгенией Гинзбург. Здесь судьба подарила встречу с необыкновенно красивой женщиной, поэтессой из Молодечно Людмилой Морозовой. И возникло чувство, которое, по словам Гамсуна, способно вызвать у человека «золотое свечение крови». Не всё было чёрным на чёрной планете Колыма. Да, этих людей лишили всего, что у них было и чем они жили. Только вот мысли и чувства их отобразить никому не удалось.

1990–2003

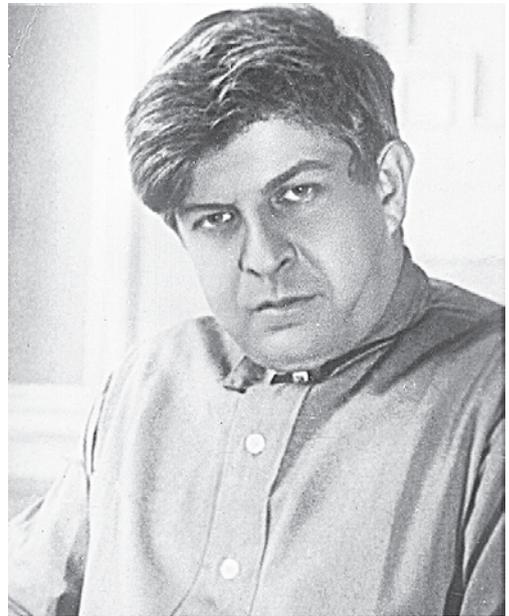

Игорь ГАВРИЛОВ, Елена ПОНОМАРЁВА

НИКОЛАЕВСКАЯ ЛЮБОВЬ ЭДУАРДА БАГРИЦКОГО

Безудержно талантливый, обаятельный, неожиданный, «форменный хулиган» – это всё о поэте, переводчике, журналисте Эдуарде Багрицком, яркой фигуре литературного движения причерноморского юга 20-х годов советского времени. О нём успели оставить воспоминания многие современники. Два месяца пребывания поэта в Николаеве тоже потянули за собой череду меморий, эпистолярный и... мифов.

Эдуард Багрицкий

Яков Зиновьевич Городской – поэт, публицист, переводчик – работал секретарём николаевской газеты «Красный Николаев». Приезд Багрицкого, «матроса, бродяги, мушкетёра», для него был событием огромного масштаба. В воспоминаниях Городского читаем: «Тихие кварталы прибугского города пристально всматривались в эту высокую фигуру, драпированную в нечто среднее между кавказской буркой и мексиканским одеянием – заранэ. Седящую голову венчала грозная папаха. Почти бутафорские краги дополняли наряд милого Эдуарда». Воспоминания Касьяна Михайловича Федулова, газетного репортёра, иные: «...в комнату вступил высокий, немного сутуловатый молодой человек. Густая подстриженная шевелюра создавала впечатление, что он – в берете. Он был одет так, как тогда многие ходили летом в рабочем городе Николаеве: синяя, выгоревшая на солнце сатиновая рубашка на выпуск, тонкий кавказский ремешок, хлопчатобумажные брюки и сандалии на босу ногу». Лёгкость одежды и отсутствие багажа создавали впечатление, что поэт приехал в наш город на несколько дней.

Широко известный литературный анекдот подтверждает эту версию: «Однажды в августе 1923 года он сильно выпил в компании, и его товарищ, поэт Яков Бельский, редактор газеты «Красный Николаев», решил над ним подшутить. Бельский погрузил его, мертвецки пьяного, на пароход и увёз к себе в Николаев».

Яков Михайлович Бельский – художник, писатель. До 1922 года служил в ЧК. К этому смутному времени относится эпизод альтернативной биографии молодого Валентина Катаева, который служил в Добровольческой армии на лёгком броненосце «Новороссия». После ранения оказался дома в Одессе, где стал участником офицерского заговора, за что был арестован. Именно Яков Бельский, помнивший Катаева по его выступлениям в одесских литературных кафе, освободил его с братом Евгением, тогда как остальных заговорщиков расстреляли осенью 1920 года. Из ЧК Бельский ушёл по морально-этическим соображениям. Работал редактором «Красного Николаева», потом заместителем редактора журнала «Крокодил». Арестован как троцкист и террорист, руководитель антипартийной группы пролетарского журнала, распространитель эпиграммы:

*Рукой всеильного сатрапа
Не стало РАППа.
Не радуйтесь! Хоть умер РАПП,
Но жив сатрап.*

5 ноября 1937 года приговорён к высшей мере социальной защиты (расстрелу), приговор приведён в исполнение в тот же день.

Но в августовский день 1923 года все герои нашего повествования ещё живы. Яков Бельский, «весёлый, загорелый редактор в щегольском сером костюме и крагах вошёл в репортёрскую и представил нового сотрудника. С улыбками и приветствиями мы пожимали широкую ладонь гостя, а кто-то издали даже попробовал процитировать: «Я, изнеженный на пуховиках столетий, протягиваю тебе свою выхолненную руку...». «Ша! – сказал Бельский. – Будем работать» (К. Федулов).

Конечно, Эдуард Багрицкий прибыл в Николаев не по недоразумению. Его здесь ждали. Заранее была напечатана афиша:

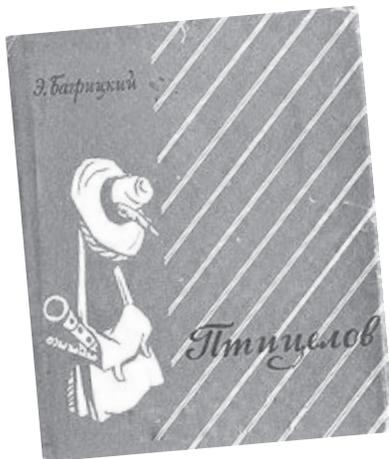
Сегодня
25 августа 1923 года
вечер поэзии
Варенье съешьте – банку оставьте.
Нечто о новой и старой поэзии.
При участии Э. Багрицкого,
основателя и мастера южно-русской школы поэзии.
Доклад т. М. Гуса.
Все современные поэты. Истинная поэзия революции.
Борьба на два фронта.
Начало в 9 часов вечера.
Билеты продаются в кассе 1-го Госкино, а в день вечера
в Эрмитаже.

Театр «Эрмитаж» располагался по адресу: Спасская, 41 (ныне Каштановый сквер), был похож на «пустую спичечную коробку», по меткому определению сатирика журнала «Бурав». Погода была не летняя. Ветер и сильный дождь напоминали о надвигающейся осени. Публики собралось мало, в основном это был испытанный «контрамарочный» народ, который не испугала афиша. «Местный Цицерон» (докладчик Михаил Семёнович Гус) пояснил, что «варенье – это содержание, а банка – форма, на которую можно наплевать. Потом настала очередь Эдуарда. Он читал стихи десятков поэтов. Читал наизусть. Читал прекрасно. Не вступая в полемику с оратором, Эдуард, по сути, разбил его стихами, где содержание и форма гармонично дружили. Мы покидали «Эрмитаж». Выторг от сбора был смехотворный...» (Я. Городской).

По-видимому, именно это обстоятельство натолкнуло Я. М. Бельского на мысль о временном трудоустройстве Багрицкого – как-то компенсировать ничтожную прибыль от вечера в «Эрмитаже». Тем более что секретарь Я. Городской уходил в отпуск. Редакция газеты «Красный Николаев» в то время находилась в шикарном особняке – бывшем доме Б. Л. Вимута на Соборной улице (дом стоит до сих пор – большое трёхэтажное здание с осыпающимся декором). Кабинеты успели украсить «буржуазной роскошью» – коврами и картинами, позаимствованными из запасников музея изящных искусств имени В. В. Верещагина (К. Федулов). Поселился поэт у друга – Якова Бельского, который жил неподалёку, на Никольской, 42 – в бывшем особняке Елизаветы Петровны, жены отставного полковника, гласного Городской думы М. П. Присеки.

Как редакторский работник Багрицкий оказался совершенно беспомощным. «Приходили рабкоры. Беседы и стихи вытесняли всё. А типография требовала материалы. Гранки, репортёрские заметки ждали правки. Наплывали телеграммы. Эдуард тихонько уходил из редакции», – вспоминал Я. Городской. Свою бесполезность в редакции поэт компенсировал частыми выступлениями перед аудиториями. «Эдуарда уже знали на всех предприятиях Николаева. В этот город часто приезжали поэты, но ни один из них не был таким близким рабочей аудитории» (Я. Бельский). «Эдуард сразу пленил нас своей манерой чтеца, своей торжественной сосредоточенностью. Стены скромного клуба раздвигались, Соборная улица превращалась в поэтическую Фландрию, по которой свободным менестрелем странствовал наш чудакватый гость» (Я. Городской).

Городскому пришлось прервать свой отпуск и вернуться к своим секретарским обязанностям. Зато в газете начали регулярно появляться стихотворения Багрицкого. Одно из них так и называлось – «Николаев»:

*Камыш и волны, чайки и далёкий
Скалистый берег, баржи и лиман...
Где ты, Ингул? Где твой размах широкий,
И стаи рыб, и сети, и туман...*

С нашим городом уже цитируемый литературный анекдот связывает и романтическую историю: «Между тем, он познакомился с красивой девушкой, которая им очень увлеклась. Эдуард Георгиевич умел влюблять в себя дам и некоторое время прожил у неё. А когда мать этой девушки захотела выяснить законность их отношений, принёс справку, что они являются мужем и женой. В те времена даже газета могла выдать такую справку». В том, что справка была «липовой», написанной другом Яковом, долгие годы считалось неоспоримым фактом. Знала об «интрижке» и законная жена Эдуарда Багрицкого – Лидия Густавовна Суок. Их брак был зарегистрирован

в Одессе в 1920 году. Дочь Мария умерла в младенчестве от истощения, рос сын Всеволод. Слухи о николаевском приключении Эдуарда докатились до Одессы, и Лидия Густавовна, которая раньше достаточно снисходительно относилась к романтическим увлечениям мужа, экстренно приехала в Николаев и увезла его домой.

В том же 1923 году Валентин Катаев написал о Багрицком рассказ «Бездельник Эдуард». В нём – живое повествование о друге, а не елей поздних воспоминаний: «Он был страшно беден, этот долговязый поэт, попавший в переделку неожиданных событий. Страшный лентяй, плут и авантюрист, он был достойным учеником своего легендарного учителя, славного мэтра Артюра Рембо. И хотя ему было не суждено торговать неграми, он не без успеха занимался другими делишками в том же духе... В самое короткое время он перепробовал изрядное количество профессий – от собственного военного корреспондента радиотелеграфного агентства до заведующего красноармейским клубом. Но отовсюду его выгнали, так как ни на какую работу он не годился. Он умел лишь писать великолепные стихи. Но они-то как раз никому и не были нужны...» (В. Катаев).

Склонность к авантюризму и плутовству отметил проницательный Катаев, близко знавший Багрицкого. И это очень важно для понимания истинной подоплёки происшедшего «казуса» – фактического двоежёнства Эдуарда Георгиевича. С точки зрения нравственности он совершил вещь совершенно недопустимую.

Через много лет вдова поэта, сама к этому времени пережившая немало – репрессии, карагандинскую ссылку, гибель сына Всеволода на фронте, – взялась за составление сборника памяти мужа. Она собирала неизданные и не вошедшие в сборники стихотворения, воспоминания, письма. 19 июня 1968 г. Лидии Густавовне написал Касьян Михайлович Федулов, в это время журналист «Южной правды»: «Мне сообщил Михаил Семёнович Гус (тот самый «николаевский Цицерон» в 1923 году во время выступления в «Эрмитаже» сравнивший поэзию с банкой варенья. – *Авт.*), что Вы собираете материалы памяти дорогого Эдуарда. Я был с ним знаком, мы с ним ежедневно встречались, когда он в августе – октябре 1923 года жил в г. Николаеве, где я работал в редакции газеты «Красный Николаев». По просьбе Багрицкой Федулов собрал неопубликованные в сборниках произведения поэта, написал воспоминания «Обаятельный Эдуард».

В одном из писем Лидия Густавовна поинтересовалась: «Не знаете ли Вы или Ваши современники чего-нибудь о девушке Поле Пона. У её мамы был домик в Николаеве, и Багрицкий даже жил у них на правах мужа Поли. Может быть, она и сейчас в Николаеве и могла бы вспомнить, как что было, и записать или рассказать Вам... Причём забудьте, что я жена, и напишите всё, как было, без умолчаний. Я не ревнива, а для истории нужны и любовные увлечения поэта».

К. М. Федулов в ответном письме сначала очень дипломатично и осторожно порассуждал на тему о том, нужно ли знать о личной жизни известных деятелей культуры, но затем с готовностью написал, и что сам знал, и что вспомнил «товарищ, ныне живущий в Киеве», а дальше пустился в свободное плавание фантазии и домыслов.

В сжатом виде эта версия выглядит таким образом: в Николаеве жили две сестры Пона. Старшая Полина, известная под псевдонимом Лина По – танцовщица и скульптор. Младшая Мария, по слухам, и вышла замуж за Багрицкого, но «что касается «свадьбы», то у Я. Бельского не раз собирались гости. Возможно, что Эдуард сидел тоже за столом и его дамой была Мария. Много ли надо, чтобы создать версию!» На самом деле «версию» создал сам Федулов. Лина По – это псевдоним Полины Михайловны Горенштейн, танцовщицы, балетмейстера, скульптора. Её жизнь и творчество никоим образом не связано с Николаевом (кроме возможных гастролей на сцене Николаевского театра революционной сатиры, на которую допускались и эстрада, и физкультурный танец).

В Николаеве на улице Малой Морской, 44 (квартал между Рыбной и Пограничной) в небольшом домике в 1923 году жил бывший крестьянин с. Чемериского Киевской губернии Звенигородского уезда Чижовской волости Иван Семёнович Пона с женой Матрёной Исаковной и детьми: сыном Александром (20.02.1900), дочерьми Марией (14.08.1901) и Пелагеей (6.05.1904). Младшая дочка была наречена Пелагеей, как требовала того христианская традиция, но самой ей, видимо, нравилось более современное имя – Полина. Навряд ли мы когда-нибудь доподлинно узнаем, как познакомилась Полина Пона и Эдуард Багрицкий. Возможно, юная почитательница таланта поэта подошла к нему после выступления. Не исключено, что принесла свои стихи в редакторскую комнату на Соборной, где Багрицкий принимал рабкоровцев. Эдуард Георгиевич пользовался успехом у женщин, которых не оставляли равнодушными ни его неординарная внешность, ни его талант и обаяние. «Эдя был неплох в расстёгнутой рубашке, с серой чёлкой, падающей на глаза (З. Шишова). Но не все романтические отношения заканчивались регистрацией брака.

В государственном архиве Николаевской области хранится книга ЗАГС с записью: «Заклучили брак 17 сентября 1923 года Эдуард Георгиевич Багрицкий (21.10.1896, Одесса), журналист, и Полина Ивановна Пона (6.05.1904)».

Лидия Густавовна Багрицкая увезла своего мужа в Одессу в октябре 1923 г., вернув в лоно официальной семьи. Чем закончилась эта история для Полины? Её имя нигде более не упоминается. По слухам, брак уже женатого в Николаеве стал возможным только при содействии такого всевильного человека, каковым являлся бывший чекист, редактор «Красного Николаева» Яков Михайлович Бельский. В 1924 г. и он неожиданно исчезает из Николаева и почти одновременно с Багрицким появляется уже в Москве.

Николаевский роман поэта-птицелова со свадьбой в финале оказался реальностью. Но, может быть, правы те, кто считает, что личная жизнь известных личностей не должна становиться достоянием читателей? А может, наоборот? Становятся понятными образы и метафоры в строках стихотворений, более близкой, лишённой забронзовелости биография «поэта жизнерадостного большевизма», так называл Багрицкого Юрий Олеша. Он входил в жизнь многих именно так, как должен входить поэт, – дыханием морского воздуха и прелестью южной ночи.

КОЖЕН НОМЕР – ВІДКРИТТЯ!

Зовсім недавно, як на наше буремне ХХІ століття, почав свій іскрометний шлях перший у Миколаєві літературно-мистецький журнал «Соборная улица / Соборна вулиця». Журнал-білінгва, як засвідчує назва. І це важливо, бо ідея, суть і призначення журналу – об'єднувати, а не роз'єднувати миколаївців за мовною ознакою. Треба цінувати кожную материнську мову.

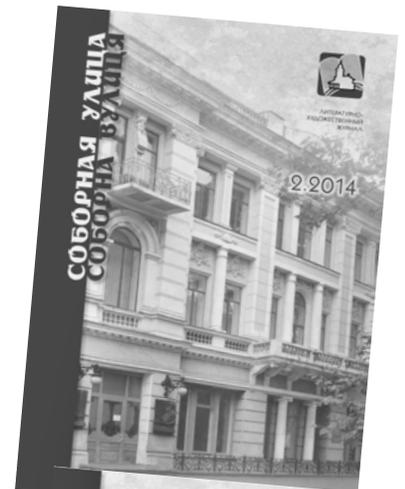
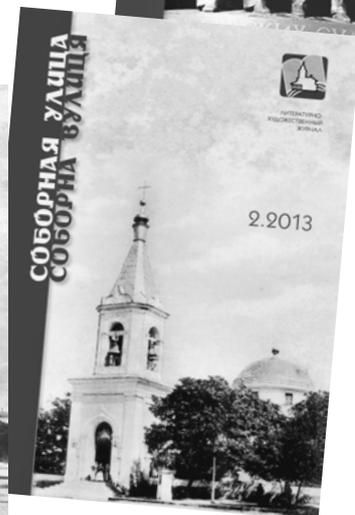
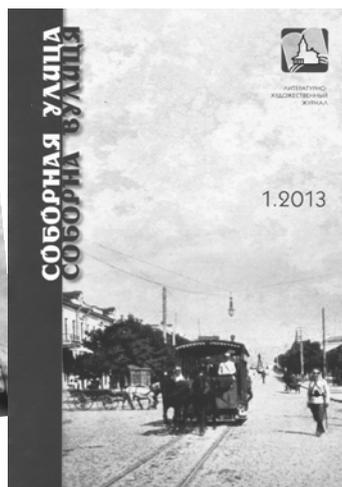
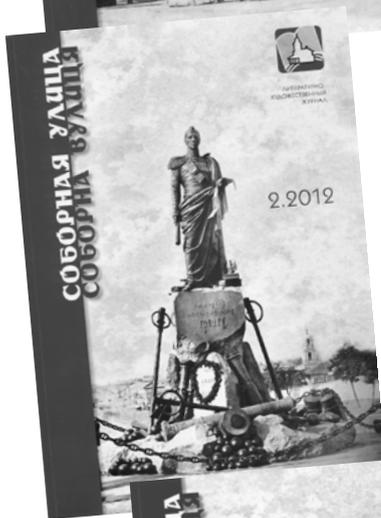
Перед тобою, дорогий читачу, вже восьме-дев'яте числа журналу. В силу певних обставин редколегія, редакційна рада, авторський колектив «Соборної вулиці» випускає журнал у здвоєному форматі, адже фінансується видання з обласного бюджету, з коштів Програми державної підтримки

місцевого книговидавництва і книгорозповсюдження. Зрозуміло, що без літературної періодики літературний процес області був би неповний. Але тим вимогливіший відбір творів для публікації.

Спішимо поділитися авторською радістю з усіма нашими читачами. Серед численної когорти столичних і регіональних видань наш журнал посів Перше місце на відкритому творчому майданчику для літераторів причорноморських областей України. Диплом уміщуємо в цьому номері журналу на 3-й сторінці обкладинки.

Вельми розраховуємо на збільшення числа наших читачів. А журнал запитуйте в обласних, районних і сільських бібліотеках усієї Миколаївщини. В кожному номері – нові та забыті, але незабутні імена! В кожному номері – нові відкриття! Чекайте на журнал! Читайте журнал!

*Редколегія, редакційна рада,
авторський колектив,
видавці журналу
«Соборная улица / Соборна вулиця»*

НАДРУКОВАНА В МИКОЛАЄВІ У 1832 р.

За проектом популяризації українського культурного спадку здійснено перевидання повісті Миколи Венгера «Микола Коваль», яка була номінально першим художнім твором українського національного відродження кінця XVIII – початку XIX сторіч. Видавництво Шамрай П. М., 2014.

У Миколаєві, що заснований 1788 р. на Інгульській верфі, знаходився штаб Чорноморського флоту, тому в місті усе підпорядковувалося його потребам, у тому числі й заснована наприкінці XVIII ст. друкарня (даються різні роки її заснування: 1796, 1797, 1798 рр.). В історію книгодрукування вона увійшла завдяки інтенсивнішій діяльності, порівняно з іншими казенними друкарнями імперії, де друкувалася морська, військова, технічна, медична, сільськогосподарська і художня література. Тут друкували свої твори доктор медицини Данило Самойлович (підсумок багаторічних досліджень – «Способ самый удобный как предизбежать язвочумящихся на судне мореходном людей», 1803), Бернар де Граве (першу в Україні книгу з архітектури – «Теоретико-практическое наставление о гражданской архитектуре», 1807), директор першої в Україні (другої в Російській імперії) Миколаївської морської обсерваторії Карл Кнорре, письменники Семен Бобров і Петро Захар'їн.

Друкарня у різні роки, підпорядковуючись різним установам, перевозила друкарське обладнання та змінювала назви; науковці відзначають два періоди її діяльності: перший – 1798–1803 рр., коли було надруковано 16 книг, а після перерви протягом 1805–1806 рр., коли книги не друкувалися, з виникненням Депо карт при Чорноморському флоті й перейменуванням її на друкарню Чорноморського Гідрографічного Депо другий період – 1806–1860 рр. З приєднанням до Депо карт Миколаївська друкарня мала два друкарських верстати і власну словолитню.

Запровадження в російських друкарнях літографій та створення її у Миколаєві відіграло важливу роль у спрощенні й досягненні високої якості видання гідрографічних карт (до цього часу друкувалися з мідних гравюр), що сприяло їх поширенню. З часом миколаївську літографію оснастили чотирма літографськими верстатами, одним пресом і 25 літографськими каменями різної величини. Тут працювали три друкарі й чотири фахівці з літографського мистецтва. В 1832 р. до Миколаєва з Петербурга привезли верстат рейберного типу. Друкували переважно карти, креслення та схеми для посібників і навчальної літератури. Деякі граверні роботи виконувалися у Петербурзі, а вже для друкування їх надсилали до Миколаєва. Загалом миколаївські видання відзначаються гарним оформленням. Тут уперше в Україні почали друкувати книги з ілюстраціями, виконаними способом літографії. Книги поступали в торгівлю і були доступними для читачів.

Зважаючи на вищезазначене, вибір друкарні для видання «Миколи Коваля» був, певно, не випадковим. Можливості друкарні дозволили не тільки добре виконати замовлення поліграфічно, але й зробити до книжки гарний фронтиспис, що є й першою ілюстрацією прозового українського твору. Автор малюнка не встановлений, але він уміло відтворив описаного Миколою Венгером головного героя повісті. Намальований невідомим художником тип селянина з Правобережжя підтверджується зображенням, навіть у деталях його одягу, створений у 1841 р. Тарасом Шевченком на малюнку «Знахар» як ілюстрація до однойменного твору Григорія Квітки-Основ'яненка.

У той час, коли у Миколаєві – військово-морській базі Російської імперії – друкувалися книги заїжджих російських літераторів, у Петербурзі меценат і діяч української культури, майбутній професор Харківського університету Максим Парпура видав 1798 р. перші три частини української бурлескно-траверсійної поеми «Енеїда» Івана Котляревського, яка повністю вийшла в світ після смерті автора у 1842 р. Цей перший твір нової української літератури започаткував відродження українського народу, що розпочав шлях до політичної незалежності у формі власної Української держави, усупереч перешкодам на розвиток української культури, здійснюваним колоніальними адміністраціями.

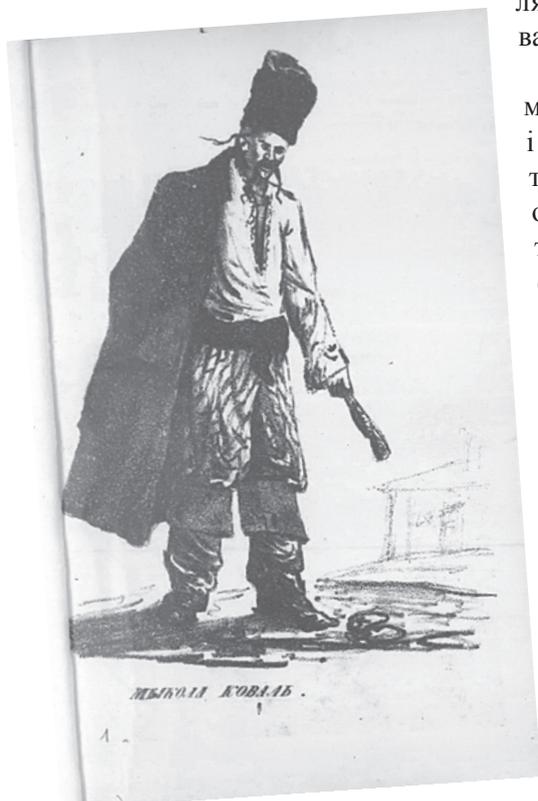
Виникає питання: чому саме на півдні України, у зрусифікованому й флотсько-військовому Миколаєві, у розпал миколаївської реакції та заборони «малоросійського наречія» з'явилася перша прозова українська книжка? Захопивши Надчорномор'я, у тому числі й запорозькі землі Бугогардів-

ської та Інгульської паланок (значна територія сучасної Миколаївщини), царський уряд розселяв тут переселенців різних національностей – греків, болгар, німців, молдаван, сербів, арнаутів (албанців), росіян-старообрядців та недавніх військових. Адже ці землі були найбільш обжиті українцями, які завжди склали абсолютну більшість населення південного надчорноморського краю. Наприклад, найуживанішою мовою в Одесі, згідно з її першим градоначальником Хосе (Осипа) де Рібасом були: у вищій публіки – французька, у решти – малоросійська (тобто українська). Вона панувала серед матросів Чорноморського флоту, яких набирали з українських сіл. У складеному за матеріалами 1859 року статистичному збірнику «Список населённых мест Российской империи...» Херсонської губернії (заснована 1803 р.), яка охоплювала сучасні Херсонську, Миколаївську, частину Одеської і Кіровоградської областей України, а також частину Придністров'я із центром у Херсоні й куди входили міста Одеса і Миколаїв, зазначається: «Малоруссы (нині застаріла, а на той час офіційна назва українців Російської імперії виділена в тексті. – *I. M.*) составляют в настоящее время, так сказать, основное население Херсонской губернии. Они живут как в городах, так и в сёлах повсеместно, более или менее значительными сплошными массами или смешанно с Великоруссами и Молдаванами. В этнографическом смысле они имеют несомненно господствующее значение: живя в соседстве с ними, Великоруссы усвоили себе множество малорусских слов и особенностей говора, – Молдаване, хотя и не забыли своего языка, но все почти научились по малорусски, наконец Сербы, как первоначального заселения, в половине прошлого века, так и позднейшего, в нынешнем веке, совершенно слились с Малоруссами в один народ» (Списки населённых мест Российской империи..., Санктпетербург, 1868)». Згідно з таблицею, у тих же «Списках...», де зазначено «приблизительную численность населения губернии по его племенному составу», кількість українців значно перевершувала росіян («великоруссов») в усіх повітах губернії. Наприклад, у Херсонському повіті українців було 120 640, росіян – 17 330, в Одеському «с градонач.» – 55 740 і 5 890, відповідно, але у загальних висновках ця кількість подавалася сумарно (українців і росіян) як «Русские въ Херсонской губернии составляют 77,15 % всего населения, Молдаване – 9,25 %, Евреи – 7,02 %, Немцы – 4 %, Болгары – 1,02 %, а каждая из остальных народностей менее 0,5 %». Тільки із творенням російської імперської адміністрації наприкінці XVIII ст. з переселенською і військовою колонізацією (переважно Лівобережжя, Слобідської України та степових районів – так званої Новоросії, Таврії, Донбасу) у містах на півдні України розпочалася цілеспрямована русифікація, але на вулицях, не кажучи вже про навколишні села, серед простого народу продовжувала звучати українська мова. Саме ця мова українського простонароддя лягла у створену Миколою Венгером повість «Микола Коваль» і вперше стала мовою художньо-прозового жанру.

На жаль, наші відомості про Миколу Венгера вкрай обмежені. Не встановлені ні роки життя, ні місця народження і смерті, як і його походження, соціальний статус, професія тощо, оскільки донині не знайдений «Формулярный список о службе и достоинстве». За автобіографізмами у ранніх творах письменника припускають про отриману ним якусь освіту, військову службу, перебування в Окремому Кавказькому корпусі, участь у Східній (Кримській) війні 1853–1856 рр. Автори досліджень вважають, що народився він у центральних губерніях України, Поділлі, мешкав в Одесі, а за деякими з них – й у Миколаєві. Творчість Миколи Венгера припадає на період 1830–1860-х років. Як письменник він дебютував у 1831 р. російською повістю «Путешествие англичанина», що вийшла друком в Одеській друкарні. Розважального характеру вона нам цікава передусім описами міста, «щасливого» для закоханих, у рисах схожого на тогочасну Одесу. Наступною була написана українською мовою повість «Микола Коваль», цензурний дозвіл для неї виданий одеським старшим цензором Ів. Дудровичем 28 листопада 1831 р., а надрукована 1832 р. в Миколаєві.

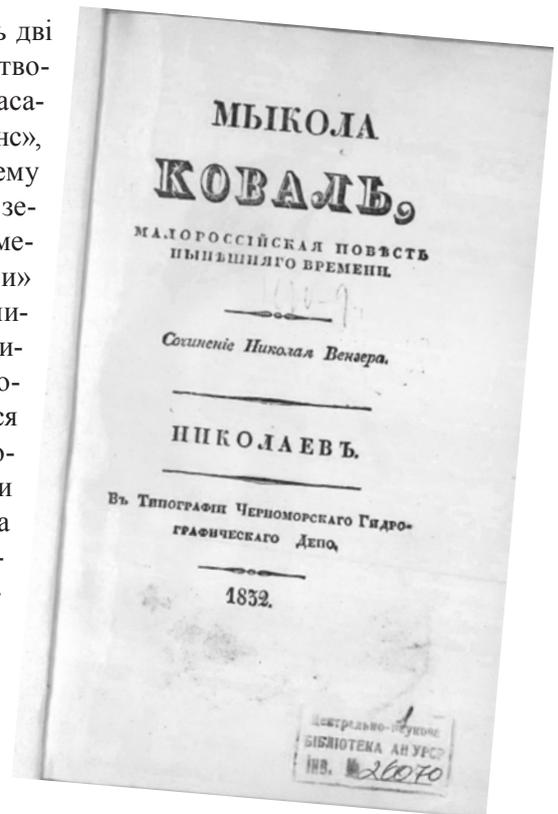
У 1835 р. в Москві він видає «Сочинения Николая

Венгера в стихах и прозе, часть 1-я», де вміщені двадцять дві поезії і шість прозових творів російською мовою: поетичні твори переважно романтичного характеру – «Пленный», «Красавица-княжна», «Любовь в разлуке», «Сновидение», «Романс», «Открытая тайна», «Клятва», «Влюбленный», «Искреннему другу», «Изгнанник» та інші, а серед прозових – «Толпа зевак» (повість про Контрактовий ярмарок у Києві), «Арифметическая задача», «Экономика и писарь», «Письмо из Грузии» та інші. У 1839 р. він подав оголошення в «Одесском вестнике» про намір видати повість «Новітня істина, або Розбійниця Генрієта», яка так і не вийшла друком. До прози Микола Венгер більше не повертався, а його твори не з'являлися майже півтора десятиліття. З 1853 р. під його прізвищем почали друкуватися численні невеликі за обсягом книжечки з віршованими відгукми на різні суспільні події, зокрема на Східну (Кримську) війну – вірнопідданче-патріотичний українською мовою «Совіт ворогам» (1854), з «етнографічними» віршами українською мовою – «Військова пісня» (1853), «Малоросійська пісня» (1853), «Чумаки в Одесі» (1858, поема), «Одеська ярмарка» (1859), «Червоний жупан» (1859, поема), «Горе без дощу», «Дощ, благодать Господня», «Небачене диво в Адесі» (1864) і російською – «Русские герои» (1854), «Сырная неделя» (1854), «За веру, Царя и Отечество» (1856), «К ополченцам» (1855), «Гуляние в Одессе 26 августа 1856 года» (1856), «Памяти фельдмаршала, светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова» (1857), «Вы и Ты» (1857), «Красавица» (1858), «Високосный год» (1859), «Зеленые праздники» (1860) та інші. У московських критиків творчість Миколи Венгера отримала несхвальні відгуки. У 1867 р. під псевдонімом Н. Иванов він друкує останнього свого вірша «Гуляка». Майже всі зазначені видання Миколи Венгера, за свідченнями Григорія Зленка, збереглися в одеських бібліотеках. «Совіт ворогам» є у фондах Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського, але повісті «Микола Коваль» в Україні не знайдено.

З усього доробку Миколи Венгера впливає, що найкращою та найважливішою для історії літератури стала українська повість «Микола Коваль», яка висвітлювала події в українському селі, пов'язані з польсько-литовським повстанням 1830–1831 рр. Не будемо докоряти авторові повісті за царєфільські висловлювання його героїв. Згадаймо, що такі мотиви зустрічаються й у деяких творах Григорія Квітки-Основ'яненка, Петра Гулака-Артемівського та інших сучасників Миколи Венгера. Звернемо увагу на те, що повість «Микола Коваль» має неабияке історико-літературне значення, оскільки вона є першою, де події описуються тогочасною народнорозмовною українською мовою і вперше висвітлюється самоствердження народної маси. При всьому тому, що поетичні твори українською вже друкувалися (український пісенний та оповідний фольклор, поетичні твори, хоча б «Енеїда» І. Котляревського, драматичні твори тощо), заслуговує на пошану творча сміливість автора у нелегкому виконанні рішення писати прозовий твір українською, висвітлюючи, вдало чи не дуже успішно, переживання і настрої простого народу в художній формі. Новаторство автора «Миколи Ковалю» полягає ще й у тому, що він не зосереджується на патріархальному й етнографічному описі, а намагається розкрити сучасну тему. Автор твору показав реальний перебіг та осмислення подій на повстання 1830–1831 рр., хоча й з консервативних процарських позицій. При всіх рисах політичної ідеалізації у зображенні головного героя повісті він вимальовує «ідею колективної непокори, колективного звільнення, знищення супостата». Своїм твором Микола Венгер здійснив «...певний крок у розвитку української прози, очевидний у зіставленні «Миколи Ковалю» з прозовим набутком літератури XVI–XVIII століть», «...вступає в далекий перегук із частиною української новелістики початку XX ст.» (М. Бондар).

Окрім того, сам факт публікації ранньої української прози на півдні України наочно ілюструє безпідставність шовіністичних російських імперських пропагандистських кліше, які звучать і до-

тепер, що нібито цей край ніколи не був українським. Звернемо увагу й на те, що Миколаїв у подальші роки продовжував робити кроки до збагачення української культури. У 1891 р. Микола Аркас створив оперу «Катерина» – першу на слова Тараса Шевченка. Клавір був надрукований 1897 р. в Миколаєві коштом автора, вперше поставлена трупю М. Кропивницького 1899 р. у Москві. Він же написав і видав у 1908 р. найпопулярнішу серед народу «Історію України-Русі», став ініціатором і одним із засновників та першим головою Українського товариства «Просвіта» у Миколаєві (1907). У Миколаєві Нестор Малеча в 1916 р. видав «Словничок Шевченкової мови» – першу лексикографічну працю за творами Тараса Шевченка.

Згадки про «Миколу Ковалья» Миколи Венгера, окрім рекламної в «Одесском вестнике» від 9 грудня 1831 р., містилися в останньому, п'ятому, розділі бібліографічно-анотаційної хрестоматії «Україна в російському письменстві». Пізніше повідомлення про українську повість Миколи Венгера з'явилася у статті Олександра Дорошкевича «Г. Ф. Квітка-Основ'яненко», опублікованій 1943 р.

Єдиний збережений екземпляр першого прозового українського твору був розшуканий знаним літературознавцем Ієремією Айзенштоком у Російській публічній бібліотеці ім. М. Салтикова-Щедріна (колишня Імператорська публічна бібліотека, а тепер – Російська національна бібліотека), копії з якої він надіслав з Ленінграда до Києва, коли у 1960-х роках готувалася академічна восьмитомна історія українського письменства. У її другому томі, що побачив світ 1967 р., вперше вміщено фотографії титульної сторінки і фронтиспис повісті, а в тексті зазначено: «...Хоча твір цей і не високої ідейно-художньої вартості, проте для розуміння літературного процесу він має своє значення, бо показує, що потреба в українській художній прозі зумовлювалася самим життям». Того ж року про першу українську повість з'явилися статті у журналі «Радянське літературознавство», у газеті «Друг читача», де вміщені ілюстрації з титульної сторінки і фронтиспису книжки Миколи Венгера. До факту видання у Миколаєві першого українського прозового твору зверталися літературознавці та краєзнавці Миколаївщини, але широкому загалу, навіть для більшості філологів і краєзнавців, цей твір залишається невідомим.

Окремого фототипічного перевидання повісті «Микола Коваль» Миколи Венгера дотепер немає. Зважаючи на важливість цієї книжки для української літератури і культури загалом та її унікальність, збереженої в єдиному екземплярі, правління Миколаївського обласного об'єднання Всеукраїнського товариства «Просвіта» прийняло рішення про перевидання її у Миколаєві. Воно здійснене завдяки сприянням Оксани Супронюк, Леоніда Дудюка, Людмили Старовойт, Інни Берези, уродженця Миколаєва, письменника і поета, члена Міської громадської організації «Українська національно-культурна автономія Санкт-Петербурга» Бориса Бойченка, підтримці книговидавця Павла Шамрая, за що усім щира вдячність.

*Ігор Марцінковський,
доцент Національного університету кораблебудування,
голова правління Миколаївського обласного об'єднання
Всеукраїнського товариства «Просвіта» ім. Т. Шевченка*

В. В. ВЕРЕЩАГИН В МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

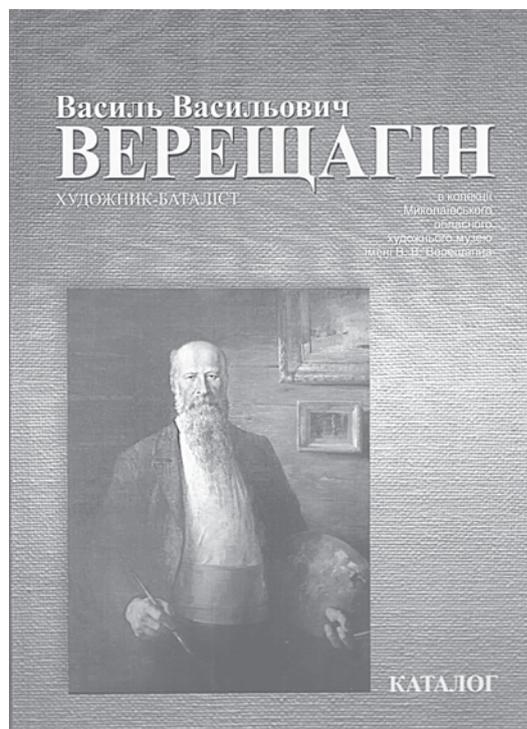
Издательское предприятие П. Н. Шамряя опубликовало новый иллюстрированный каталог произведений выдающегося русского художника-баталиста, чьё имя уже более ста лет носит Николаевский областной художественный музей.

Уже первый каталог, напечатанный в 1914 году, когда был открыт в Николаеве художественный музей, включал названия произведений В. В. Верещагина, переданных городскому Обществу изящных искусств с целью увековечения его памяти. Сохранившееся раритетное издание сегодня даёт первые сведения о николаевской экспозиции выдающегося мастера, служит ценным пособием для исследователей, но не отвечает новейшим критериям описания и комментирования художественного наследия. Каталог коллекции государственного музея, выпущенный сразу после Великой Отечественной войны, уже называл потери, верещагинская экспозиция в нём значительно обеднела. Достаточно вспомнить драматическую историю, которую рассказал в 1963 году бывший солдат Советской Армии, участник войны В. В. Дедов, обнаруживший в полевой сумке убитого немецкого солдата графические рисунки, на которых стояли музейные обозначения. Как выяснилось, это были знаки принадлежности рисунков В. В. Верещагина николаевскому музею. В декабре 1964 года они вернулись на постоянное место хранения.

Каталог музейной коллекции 2014 года отвечает современным принципам искусствоведческой атрибуции, включает 58 завершённых живописных работ В. В. Верещагина, 19 графических листов и многочисленные этюды, которые являются основой большой национальной коллекции всемирно известного русского художника. В новейшем издании учтены ошибки и неточности предыдущих описаний, время создания, техника, названия произведений и их место в творческой эволюции мастера.

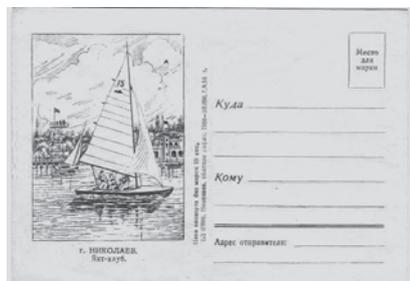
Следует отметить высокопрофессиональное полиграфическое исполнение цветных иллюстраций издания, кропотливый труд автора-составителя каталога, сотрудника художественного музея Л. Е. Тверитиновой.

Ценное издание не смогло бы появиться на свет без спонсорской поддержки Николаевского общества еврейской культуры.

Евгений Гордеев

«КОНВЕРТИРОВАННЫЙ» НИКОЛАЕВ

Я вынимаю из скрипучего шкафа пыльный альбом с коллекцией николаевских почтовых конвертов. Их не так много, как мне бы хотелось. В советское время закрытый город, центр военного судостроения не мог быть широко представлен на массовой корреспонденции так, как, к примеру, роскошные курорты или столицы союзных республик. Наверняка памятники или знаковые места и здания могли попасться (о, ужас!) на глаза иностранному шпиону. И тогда, поди знай, что бы мог натворить враг, имея в руках столь важные документы, как художественное изображение памятника адмиралу С. О. Макарову в Николаеве или фронтальный вид Дворца культуры судостроителей.

Не обласканный историей, наш город имеет так мало художественных и культурных артефактов за все 225 лет существования, что даже серый конверт середины пятидесятых годов сегодня становится объектом пристального изучения и трепетного коллекционирования. Неторопливо раскладываю экспонаты на холодном письменном столе, формируя их по темам.

Более всего на конвертах знаковых мест и памятников. Традиционный подход престарелого экскурсовода: «посмотрите налево, посмотрите направо». Вот у меня в руках, вероятно, самый старый конверт с рисунком местной тематики. Яхт-клуб, Николаев. Отпечатан в 1956 году в областной типографии. На переднем плане монохромного некачественного изображения шлюп с тремя членами экипажа. Над ними грот (который парус) с цифрой «15» и стаксель «три четверти». Позади яхты берег с вышкой для прыжков в воду и старинным зданием яхт-клуба, одной из исторических достопримечательностей города.

Далее у меня приготовлена к рассмотрению целая пачка цветных «художественных маркированных конвертов» (так они правильно называются в мире коллекционеров). Отпечатаны с 1981 по 1990 год на фабриках Гознака в Перми и Рыбке: здание обкома КПСС (куда без него?), музей судостроения и флота, гостиница «Николаев», зоопарк, кораблестроительный институт (старый корпус на ул. Кузнечной), Дом связи, Дворец культуры судостроителей, спортивная школа «Надежда», памятник адмиралу Макарову, монументы борцам за власть Советов и героям-десантникам отряда Константина Ольшанского.

Спустя большой промежуток времени после развала СССР (более десяти лет) вновь появляются в киосках конверты с видами Николаева. В моей коллекции есть лубочная картинка в пастельных тонах здания театра Карла Монте (ныне русский драматический театр), фотография фасада областного художественного музея имени Верещагина (к 100-летию открытия) и фантазия на тему здания краеведческого музея (также к столетнему юбилею оно).

А вот ещё несколько юбилейных и корпоративных конвертов (не все из них почтовые): Николаевский морской порт, парфюмерный комбинат «Алые паруса», судостроительный завод им. 61 Коммунара, 200 лет Николаеву, 100 лет зоопарку, 200 лет Херсонской губернии, 100 лет Черноморскому судостроительному заводу, 120 лет Николаевской почте, 125 лет железнодорожному сообщению Николаев – Знаменка, 120 лет дилижансовому сообщению Николаев – Одесса.

Два интересных конверта были выпущены в честь филателистических выставок «Морфил», которые прошли в нашем городе в 1981 и 1989 годах. Последняя была посвящена круглой дате со дня основания Николаева. Есть и конверты с изображениями кораблей, построенных на наших верфях, а также с портретами выдающихся николаевцев.

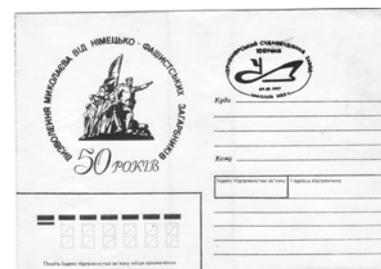
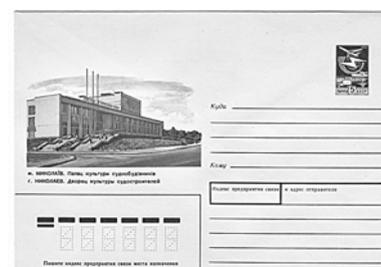
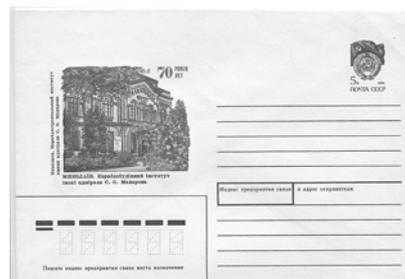
Но особый интерес у настоящего ценителя вызывают редкие экземпляры, выполненные кустарным способом на неизвестных полиграфических мощностях Николаева (50–70-е гг.). Оригинальным, чтобы не сказать смешным, дизайном отличается конверт, посвящённый 60-летию установления советской власти в Николаеве. Над земным шаром «аки солнце» встаёт огромный якорь с флагом «Вся власть Советам». Северную макушку глобуса бороздит большой безымянный корабль, явно построенный в «красном Питере Украины».

По инициативе Николаевского общества коллекционеров к 175-летию города судостроителей выпущен конверт с изображением китобойного судна «Советская Россия», которое провожает в плавание безлика компания рабочих завода (печать 1964 года). В 1961 году появилось два монохромных конверта: «1 Мая» и «Мой подарок маме учиться только на 5», изданный по случаю первой выставки почтовых марок юных коллекционеров. На моём конверте стоит печать кружка николаевского Дворца пионеров. Особое внимание в начале 60-х уделялось космической теме. В нашем город в это время (61–63 гг.) было выпущено немало «небесных» конвертов: «Годовщина полёта Гагарина», «Восток-3», «5 лет космической эры», «День космонавтики – 63». Все они подписаны «городским обществом коллекционеров».

В следующем году почтовому конверту в том виде, в котором мы привыкли его видеть, исполнится 195 лет. Возраст вполне солидный, вызывающий уважение и почитание. А тут как раз и электронная почта завлекла на свою небумажную оперативную сторону большую часть населения планеты. Так вот и выходит, что сегодня место конверту скорее в музеях и частных коллекциях, чем на почтовых пересылках. Но как всё же хочется иногда пойти к ближайшему киоску, выбрать конверт с видом родного города, вложить в него сложенный в два раза и загнутый с одного края листок, лихо лизнуть клеевую полоску (только язык не порань!) и прижать клапан к положенному месту, положить письмо на стол и провести по нему рукой проглаживая...

«Лети с приветом, вернись с ответом!»

*Юрий Любаров,
режиссёр*

ПОДСТАНЦИЯ, КАФЕ, БАНК

Это изящное строение на пересечении пр. Ленина и ул. Советской хорошо известно горожанам. Ни один путеводитель по Николаеву не обходился без упоминания о нём. А начиналось всё обыденно и функционально. В начале XX века городские власти решили отказаться от эксплуатации конно-железной дороги («конки»). 6.09.1913 г. был утверждён проект

электрической трамвайной сети. А для подачи трамваю дополнительной энергии в центре города – у часовни Александра Невского на месте деревянного павильона «конки» – решили построить здание главной трансформаторной подстанции. Её возведение курировала бельгийская фирма «Сименс и Гальке» и ввела в эксплуатацию в 1914 г. Первый трамвай проехал по улицам Николаева 24 декабря 1914 г. В России тогда господствовал стиль модерн, потому здание выполнили с характерной асимметрией фасадов, множеством окон, полукруглой пристройкой с башенкой, увенчанной усечённым куполом. Спустя несколько лет купол над башней перестроили в шлемовидное навершие.

Время шло, ставились новые задачи. Чтобы увеличить мощности энергохозяйства, в 1928 г. начала строиться новая электростанция («Никэльцентральный»). В связи с этим было решено построить рядом с имеющейся подстанцией специальное одноэтажное здание для установки в нём ртутных выпрямителей. Это строительство длилось почти 4 года (1930–1933). С момента введения нового объекта в строй прекратилась подача электроэнергии трамваям со старой подстанции. И сорок лет, с 1933 по 1973 гг., здание с башней практически пустовало. А в 1970-м, под предлогом расширения проезжей части пр. Ленина и строительства в этом месте подземного перехода, ветхий памятник архитектуры хотели даже снести. Спасла его архитектор Ольга Попова, обратившаяся в обком партии с предложением оставить здание в первоначальном виде, а внутри обустроить кафе. Предложение поддержали, и после реконструкции открыли здесь кафе «Садко». На первом этаже, в бывшем машинном отделении, расположился кафетерий. На втором этаже – зал «13 стульев». На третьем – коктейль-бар. Завершалось кафе четвёртым этажом – залом «Голубятня». Несмотря на то, что кафе было маленьким, а ассортимент продукции ограниченным, николаевцы любили посещать это заведение. Кафе «Садко» просуществовало в «башенке» до 1989 г., а потом было преобразовано в бар «Ассоль», жизнь которого оказалась недолгой. Однажды сильный град разбил черепицу. В сложные 90-е средств на ремонт крыши не нашли и кафе закрыли. Более 15 лет здание то пустовало, то использовалось недолжным образом, разрушалось. Положительные изменения произошли лишь в конце 90-х, когда Сергей Прудкий, директор Николаевского филиала банка «Аваль», задумал разместить в этом историческом объекте отделение финансового учреждения. И по сей день вывеска «Райффайзен Банк Аваль» красуется над зданием, отметившим в прошлом году столетний юбилей. К сожалению, как и большинство архитекторов эпохи модерна, работавших в Николаеве, создатель трамвайной подстанции остался неизвестным. Однако вряд ли имя его кануло в Лету. Скорее, до поры сокрыто в папках городского архива и ждёт своего исследователя. А зданию, надеюсь, суждена долгая и достойная жизнь. Оно по праву является визитной карточкой нашего города. И к слову, именно его силуэт размещён на логотипе нашего журнала.

Алексей Торхов

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.

НАЦІОНАЛЬНА СПІЛКА ЖУРНАЛІСТІВ УКРАЇНИ
ПРИЧОРНОМОРСЬКА АКАДЕМІЯ МОВНИХ ТЕХНОЛОГІЙ
ТА КОМУНІКАЦІЙ ЕТНОСІВ

200
річниця
з дня народження
Т.Г. Шевченка

23
річниця
Незалежності
України

XV Загальнонаціональний конкурс
“УКРАЇНСЬКА МОВА - МОВА ЄДНАННЯ”

ДИГЛЮМ
I місце
у номінації

“На видноті всього світу”
Журнал
«Соборна вулиця / Соборная улица»
(м. Миколаїв)

відкритий творчий майданчик для літераторів
причорноморських областей України

Голова оргкомітету конкурсу

Юрій Радчик

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

■ БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

«В былых веках ищу своё начало...»

■ ПОЭЗИЯ

Вячеслав КАЧУРИН

Ирина УХОВА

■ ПРОЗА

Лидия ГУЛЬКО

Алексей ТОРХОВ

■ ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ГАВРИЛОВ. Без Льва Толстого

Алексей БАЙБОРОДИН. Купеческий дом на Спасской

■ АРХИВ

Александр КУПРИН

■ НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Нерекомендованный Альберт ВЕРБЕЦ